

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

*XIX Международная научно-практическая конференция,
посвященная 25-летию образования Ассамблеи народа Казахстана*

2020

Ассамблея народа Казахстана Восточно – Казахстанской области
КГУ «Дом дружбы – центр общественного согласия»
аппарата акима ВКО
НЭГ АНК ВКО
НИЦ «Алтайтану» ВКУ им.С.Аманжолова
Кафедра истории Казахстана ВКУ им. С.Аманжолова
Почетная кафедра «Казахстанский путь и Н.Назарбаев» АлтГУ
(Барнаул, Россия)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

*ХІХ Международная научно-практическая конференция,
посвященная 25-летию образования
Ассамблеи народа Казахстана
(г. Усть-Каменогорск, 4 декабря 2020 г.)*

Сборник научных трудов

Усть-Каменогорск, 2020

УДК 314
ББК 60.7
Э 91

Под редакцией:
Алкановой Ж.А.
Аубакировой Ж.С.
Алексенко А.Н.
Егоренковой Е.Н.
Столяровой Э. О.
Лысенко Ю.А.
Аубакировой А.Ж.

Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных-территориях: Сб. науч. трудов XIX Междунар. науч.-практ. конф. 4 декабря 2020 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2020. – 329 с.

ISBN:978-601-7887-47-6

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений, включенных в программу XIX Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных-территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, археологии, истории и географии населения Казахстана, России, Германии, Беларуси, Кыргызстана, Узбекистана. Выявлен круг проблем, свойственный этнодемографическому развитию государств и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

ISBN: 978-601-7887-47-6

УДК 314
ББК 60.7

©Издательство «Медиа-Альянс», 2020

ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

(Статья подготовлена в рамках реализации проекта №315/2020 «Оценка уровня демографической безопасности РК», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант AP08856205)

Вопрос о численности казахского этноса в различные периоды истории всегда вызывал интерес, как в научных кругах, так и среди общественности. В суверенный период тема еще более актуализируется. Растущий интерес к исторической демографии не может не радовать. В тоже время, уход проблемы «в массы» часто лишает ее необходимого научного сопровождения. В первую очередь речь идет об источниковой базе, на основе которой должны строиться научные выводы. В многочисленных сюжетах «народной истории» источниковый фундамент, как правило, отсутствует. В основном это касается «досоветского» периода демографической истории, когда статистический учет казахского населения Российской империи еще не обрел четких научно обоснованных конструкций.

Наиболее сложно определить численность казахов в «достатистический» период демографической истории Казахстана (первые научные статистические исследования по отдельным регионам Казахстана стали проводиться в 1870-1880-е гг.). Левшин А.И., один из наиболее известных исследователей казахского народа («Геродот казахского народа», по мнению Ч.Валиханова) в 30-е годы XIX в. отмечал: «...Все, что ныне можно сказать о числе киргиз-кайсаков, заключается в сведениях ими же сообщенных и подлежащих великому сомнению, во-первых, по всегдашней наклонности их к преувеличению всех предметов, особенно в рассказах о могуществе своего народа, во-вторых, по невозможности, в которой они находятся, иметь о сем предмете основательные известия. Вот причины, по которым почти все или, по крайней мере, большая часть исчислений, донныне составленная чиновниками русскими на Оренбургской и Сибирской линиях о народонаселении степей киргиз-кайсацких, чрезвычайно увеличены» [1].

Учитывая точку зрения А.И.Левшина, отметим мнения и других исследователей, непосредственно занимавшихся историей казахского народа в этот период. Я.П.Гавердовский приводит сведения на начало XIX в.

(1803 г.): «В отделениях Большой орды 70 000 семей... Всего в Средней орде – 169 400 семей. В меньшей орде – 169 500 семей. Во всех же трех ордах – 408 900» [2]. С учетом того, что в каждой кибитке могло проживать по 5 человек, общая численность казахов примерно равнялась 2 044 500 человек.

По мнению А.И.Левшина, в 1830-е годы «все три орды киргиз-кайсацьи» должны составлять около 500 тысяч кибиток. Исходя из того, что в каждой кибитке живет 5 или 6 человек, общая численность казахского населения составляла «... от 2 500 000 до 3 000 000 душ обоего пола» [2, с.288]. При этом в Большой орде, по его мнению, проживало от 500 до 600 тысяч человек, в Средней – до 1 360 000. В Малой – около 1 100 000 [2, с.288].

Попытку определить численность казахов предпринимал и Ч.Валиханов: «Численность кайсаков определить трудно... Соединяя все новейшие сведения (1861-1863 г.), мы полагаем на Большую орду, в пределах Алатавского окр. (округа, АА, ЖА), 100 т. д.об.п. (100 тысяч душ обоего пола. АА, ЖА), на Среднюю, в пределах Семипалатинской обл., до 146 000 д.об.п., в обл. Сибирских киргизов, до 800 т. д.об.п., на Внутреннюю или Букеевскую 150 000 д.об.п. (30 000 кибиток), а на весь Кайсацкий народ от 1450 000 до 1,5 мил. д. об. п.» [3, с.203].

Предположения о численности казахского народа в конце XIX века высказывал и Абай Кунанбаев: «Говорят, нынче на земле живет более двух миллиардов человек. Из них нас, казахов, более двух миллионов» [4, с.213].

Таким образом, опора на народные предания, предположения людей, даже очень известных, изучавших историю и быт народа, не могут дать целостной картины о численности казахов, их демографической истории в длительной ретроспективе. Вследствие этого, источниковой основой для авторов являются опубликованные статистические данные, позволяющие сохранить логику учета населения в конце XIX-начале XX вв. Наиболее достоверные данные о численности, этническом составе государства и его регионов предоставляют переписи населения. Классические переписи должны быть однодневными и проходить в рамках административно-территориальных границ (область, уезд, волость, населенный пункт). Проблема в том, что методика проведения переписи рассчитана для оседлого образа жизни. Так как казахское население находилось в постоянном движении, его учет был максимально затруднен. До первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. численность казахского населения определялась по данным кибиточного сбора. Пере-

пись кибиток проводилась раз в три года и давала очень приблизительные сведения о численности этноса.

Точность сведений переписи населения 1897 г. об этническом составе Российской империи также весьма условна, так как вопрос об этнической принадлежности в ее программе отсутствовал. Этнический состав населения империи можно определить по данным о родном языке, вероисповедании. Из-за малограмотности счетчиков нередко были ошибки, просчеты. Так, например, в данных переписи 1897 г. казахское население Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области приводится вместе с киргизским. Поэтому точные сведения о численности казахского этноса, даже по данным переписи населения 1897 г., определить сложно. Наиболее распространенная точка зрения: численность казахского этноса по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. равнялась 3392, 8 тыс. человек [5, с.477].

В 1914 г. численность казахского населения шести административных областей составляла 3 845,2 тыс. человек (Акмолинская – 489,3 тыс., Семипалатинская – 692,1 тыс., Сыр-Дарьинская – 1058,0 тыс., Семиреченская – 609,9 тыс., Тургайская – 486,6 тыс., Уральская – 509,3 тыс.) [6, с.29].

Таким образом, в период между переписью населения 1897 г. и 1914 г. (начало Первой мировой войны) число казахов увеличилось на 13,3%. Среднегодовой прирост составил 0,8%, что в значительной мере соответствует темпам естественного прироста в конце XIX-начале XX вв.

В определенные исторические периоды, связанные, чаще всего, с какими-либо катастрофическими явлениями, динамика численности казахов в значительной степени зависела от «приливов» в Российскую империю и «отливов» за ее пределы. Изучение миграционных процессов казахов в XIX – начале XX вв. существенно затруднено вследствие кочевого образа жизни этноса. Определение термина «миграция» более адекватно для оседлого образа жизни. Постоянные сезонные перемещения казахов, часто на очень большие расстояния, довольно далеки от классических «миграционных» дефиниций, учет внутрirosсийских передвижений фактически отсутствовал. В тоже время, статистика населения, перемещающегося в другие государства (в основном, в Китай), Российской администрацией велась, поэтому термины «эмиграция», «иммиграция» вполне допустимы, несмотря на частые стихийные перекочевки казахов с территории одного государства, на территорию другого. Так, например, в конце 70-х годов XIX в. на Алтай из Китая откочевало около тысячи семей казахов. Впоследствии часть их вернулась в Китай, часть осела на

территории России [7, с.21].

На численность казахов влияла и демаркация Российско-Китайской границы в районе Синьцзяна. Так, в 80-е гг. XIX в. граница, проведенная по географическому принципу, разделила казахов: часть осталась в Российской империи, часть (137 тыс. человек) оказалась в Синьцзяне [7, с.21].

В начале XX в. (1900-1913 гг.) интенсивность миграции в Китай значительно возросла. Основными причинами стал голод 1900 г. и изъятие у казахов земель вследствие реализации Столыпинской аграрной реформы. В 1902-1913 гг. численность казахского населения сократилась на 8-9%, что составляло около 286 тыс. человек [8, с.119]. Большинство казахов уходило в Синьцзян, в 1911 г. в Китае насчитывалось 224 900 казахов [8, с. 120].

В 1914 - 1917 гг. произошли события, существенно нарушившие ход демографического развития. 25 июня 1916 г. был обнародован царский указ о мобилизации «инородческого» населения на тыловые работы. Мобилизация и последовавшее за ней восстание изменили численность казахского населения в канун революции 1917 г. В первую очередь это было связано с откочевками казахов в Китай. Откочевки начались еще в мае 1916 г., а наиболее интенсивно проходили в июле-октябре. Спасаясь от карательных операций российской армии, казахи уходили в основном в приграничные области Синьцзяна. В Алтайском округе насчитывалось около 100 тыс. беженцев, Тарбагатайском – 60-70 тысяч, в Илийском – более 100 тысяч [8, с.123]. Всего, по мнению казахстанских исследователей, эмигрировало около 300 тыс. казахов и киргизов [9, с.578]. В результате репатриации, к маю 1917 г. в Казахстан возвратилось более 160 тыс. человек [10, с.88].

Все эти события существенно сказались на динамике численности казахского этноса. В связи с отсутствием общепризнанных статистических данных в это сложное время, ученые, исследовавшие проблему, опирались на собственные методики расчета. Неудивительно, что присутствуют различные точки зрения. В 1925 г. М.Т.Тынышпаев, используя массу статистических материалов, данных учета населения, полученных в связи с выборами Учредительное собрание, приводит цифру – 2 910 тыс. казахов по Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Букеевской губерниям, Адаевскому уезду и Алтаю [11, с.92]. Но, статистические данные, приведенные М.Т.Тынышпаевым, не дают представления об общей численности казахов, так как в расчетах отсутствуют сведения о числе казахов в Семиреченской и Сырдарьинской областях.

С.И.Брук и В.М.Кабузан определяют численность казахов на 1917 г. в 4 697,7 тыс. человек [12, с.89]. Но расчеты проведены по всей территории России, авторы представляют сведения о численности этноса во всей Российской империи.

Существуют и иные данные о численности казахов в 1917 г. Проблема в том, что авторы учитывают казахов на разных территориях (с учетом или не учетом проживающих в среднеазиатских регионах, Бухаре и Хиве). На наш взгляд, учет населения целесообразнее проводить на сопоставимых территориях в 1914 и 1917 гг. В этом случае появляется возможность увидеть демографические последствия, вызванные мобилизацией 1916 г. и последующим восстанием. В связи с этим, мы используем данные, представленные Н.В.Алексеевко. Для определения численности казахского населения в 1917 г. Н.В.Алексеевко разработал методику учета, опирающуюся на тенденции естественного прироста, числе не явившихся на призывные пункты во время мобилизации на тыловые работы и др. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1- Численность казахского населения в 1914 и 1917 гг.
(тыс. человек)

области	Численность населения		1917 к 1914 гг.	
	1914	1917	Численность (тыс. человек)	%
Акмолинская	489.3	460.6	-28.7	94.1
Семипалатинская	692.1	634.2	-57.9	91.6
Семиреченская	609.9	546.8	-63.1	89.7
Сыр-Дарьинская	1058.0	991.9	-66.1	93.8
Тургайская	486.6	457.5	-29.1	94.0
Уральская	509.3	479.4	-29.9	94.2
Всего	3845.2	3570.4	-274.8	92.9

Источник: Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н. Население Казахстана на 100 лет (1897-1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. – С. 29, 31.

Как видно из таблицы 1, за три года численность казахов сократилась на 7,1% (274,8 тыс. человек). В число потерь входят жертвы восстания 1916 г., откочевавшие за пределы обозначенных регионов в Китай. В основе своей, расчеты Н.В.Алексеевко совпадают с точкой зрения многих казахстанских исследователей о потерях казахов (вследствие гибели и откочевки за пределы Российской империи) в годы восстания 1916 г. Видимо, повторяющиеся сведения, полученные в результате независимых исследований, наиболее близки к истине.

Динамика численности казахского этноса в XIX – начале XX вв. зависела от многих факторов политического, социально-экономического свойства. Часто казахский социум реагировал на негативное сочетание данных факторов откочевкой на более благоприятное место жительства, не всегда в пределах Российской империи. Возможности статистического учета были не в состоянии адекватно отразить эти перемещения, поэтому говорить о точных статистических данных, фиксирующих численность казахов в тот или иной период, преждевременно. Проблема нуждается в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы, 1996. – С. 287-288.
2. Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсакского// История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Первые историко-географические описания казахских земель. Первая половина XIX века/ сост. И.В.Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007, 2007. – С. 406, 420.
3. Валиханов Ч.Ч. Статьи из «Географического-статистического словаря Российской империи»// Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.- 461 с.
- 4.Абай. Слово двадцать четвертое. Книга слов. «Международный клуб Абая». – Семей, 2001. – 264 с.
5. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. Пособие / Масанов Н.Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 608 с.
6. Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н. Население Казахстана за 100 лет. (1897-1997 гг.). - Усть-Каменогорск, 1999. – 158 с.
7. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае/Н.Н.Аблажей: отв. Ред. В.А.Ламин; Рос.акад. наук, Сиб. Отд-е, Ин-т истории. – Новосибирск: изд-во СО РАН. – 300 с.
8. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. –Алматы:

Всемирная Ассоциация казахов, 2000.

9. История Казахской ССР: в 2 т. –Алма-Ата, 1957. –Т 1. – С. 578.

10. Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развал. –Алматы, 1997. – С. 88.

11. Тынышпаев М.Т. Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. – Алма-Ата, 1926. – С. 92.

12. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма // История СССР. – 1980. №3. – С. 89.

Алексеевко А.Н., Әмірзақ Т.Е.

ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СУВЕРЕННОГО КАЗАХСТАНА

*(Статья подготовлена в рамках реализации проекта №313/2020
«Современное городское пространство в Казахстане (история
формирования, актуальные тенденции и перспективы)»,
финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки
Республики Казахстан (грант АР08957082)*

Проблемы демографического развития в Казахстане в основном воспринимаются через призму рождаемости. Заметна четко выраженная тенденция – успех или не успех не только демографического состояния, но и положения государства в целом, оценивается через высокие или низкие показатели рождаемости. При этом высокие показатели рождаемости олицетворяются с положительной динамикой развития государства. Еще одним аргументом в пользу многодетной семьи и повышенной рождаемости является довод о том, что численность населения Казахстана не соответствует масштабам страны, плотность населения слишком низкая.

Итак, основным аргументом суверенного «демографического идеала» является постулат о том, что большая рождаемость и многодетная семья – незыблемая традиция, нуждающаяся в скорейшей реанимации. Но далеко не всегда, на наш взгляд, прошлое является определяющим вектором будущего. С учетом того, что демографические процессы являются следствием социально-экономических явлений, необходим анализ основных государственных приоритетов, которые с течением времени будут определять репродуктивное поведение населения. Все они зафиксированы в важнейших государственных документах: индустриально-

инновационное развитие, социально-экономическая модернизация, гендерное равенство, повышение уровня образования и другие приоритеты, присущие для наиболее развитых государств, вступление в число которых является стратегической целью республики Казахстан.

В тоже время известны и демографические последствия урбанизации и модернизационного вектора развития – сокращение рождаемости, старение населения, среднететные и малодетные семьи. Можно как угодно относиться к данным явлениям, но исключений почти не бывает. Сокращение количества детей в семьях – это следствие выбора пути развития, движение в когорту развитых государств. Существует жесткая причинно-следственная связь, что необходимо учитывать при разработке демографической стратегии Республики Казахстан.

Таким образом, традиционное наследие в сочетании с вызовами модернизационного развития приводит к появлению весьма противоречивых тенденций функционирования суверенной демографической системы. И в первую очередь они проявляются в казахстанских городах. В суверенный период социально-экономические, социокультурные городские ниши, выстроенные за годы нахождения Казахстана в составе СССР представителями европейских этнических групп, занимаются казахами, переносящими на новое место жительства репродуктивные нормы, сложившиеся в сельской местности. Об этом свидетельствует динамика показателей естественного прироста в 2000-2019 гг. (см. таблицу 1). Как видно из таблицы 1, коэффициент естественного прироста в 2000-2019 гг. вырос в 3,0 раза. При этом в городах темпы роста были в 3,5 раза выше, чем в сельской местности (в городах – в 6,3 раза, в селах – в 1,8 раза).

Таблица 1- Рождаемость, смертность, естественный прирост городского и сельского населения Казахстана в 2000-2019 гг.(на 1000 населения)

Население	2000	2010	2019
родившихся			
все население	14,9	22,5	21,7
городское население	13,6	21,6	22,1
сельское население	16,6	23,6	21,2
умерших			
все население	10,1	8,9	7,2

Продолжение таблицы 1			
городское население	11,3	9,4	7,5
сельское население	8,5	8,4	6,7
естественный прирост			
все население	4,8	13,6	14,5
городское население	2,3	12,2	14,6
сельское население	8,1	15,2	14,5

Источник: Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006. С. 211-213 (www.stat.gov.kz)

Наибольший рост наблюдался в первое десятилетие XXI в. Объясняется это тем, что в детородный возраст вступило поколение первой демографической волны, при этом время его наибольшей репродуктивной активности совпало с периодом социально-экономической стабилизации. Немаловажное значение для роста общих коэффициентов рождаемости, естественного прироста, имеет эффект так называемого «этнического замещения». Суть в том, что в результате эмиграции из страны выбывает население с низкими показателями воспроизводства. Увеличение удельного веса казахов приводит к быстрому росту коэффициентов естественного прироста. В первую очередь это касается казахстанских городов, где смена этнического состава была более выраженной. Если в целом по республике показатель естественного прироста в 2000-2010 гг. стал больше в 2,8 раза, то в городах – в 5,3 раза. В сельской местности, где всегда преобладало казахское население, динамика выражена не так явно (рост в 1,9 раза).

В 2010-2019 гг. показатели воспроизводства населения стабилизируются. Завершается время перехода от прежней демографической системы, базирующейся на «европейских» стандартах, к суверенной. Видимо, формирующиеся в это время тенденции будут определять суть проблемы в ближайшие годы. Более явно эти тенденции отражены в возрастных коэффициентах рождаемости казахстанских женщин, суммарном коэффициенте рождаемости (см. таблицу 2).

Таблица 2 - Возрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения Казахстана в 2009-2019 гг.
(на 1000 женщин репродуктивного возраста)

возраст женщин	2009			2019		
	все население	в том числе		все население	в том числе	
		городское	сельское		городское	сельское
15-49	77,63	71,51	85,92	88,63	86,06	92,68
15-19	28,83	26,46	31,66	23,20	20,65	25,99
20-24	149,17	130,22	176,43	166,31	155,93	180,96
25-29	152,44	142,81	165,94	172,71	161,36	194,52
30-34	107,00	100,12	116,48	124,33	118,73	134,53
35-39	58,46	53,74	65,02	74,50	73,28	76,51
40-44	14,90	13,66	16,58	20,28	20,01	20,71
45-49	0,66	0,59	0,77	1,03	1,18	0,80
суммарный коэффициент рождаемости	2,55	2,32	2,87	2,90	2,75	3,17

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. 2017. Статистический сборник. Министерство национальной экономики РК, Комитет по статистике. Астана, 2017. С. 175-181, 189-190 (www.stat.gov.kz)

Данные таблицы 2 отражают динамику возрастных предпочтений деторождений в 2009-2019 гг. Ввиду отсутствия соответствующей этнической статистики, мы предполагаем, что во всех возрастных группах репродуктивного возраста преобладают женщины казашки, определяющие статистический ряд. С учетом тенденций этнодемографического развития, в 2019 г. в сравнении с 2009 г., удельный вес казашек в возрастной структуре должен еще более повыситься. В результате суммарный коэффициент рождаемости в Казахстане вырос на 13,7% (2,55 в 2009 г. и 2,90 в 2019 г.). Вследствие миграции (как внутренней, так и иммиграции) репродуктивный потенциал перемещается в города. Возрастные показатели

рождаемости (15-49 лет) в казахстанских городах увеличились на 20,3%, в селах – на 7,9%. Интенсивность деторождений в городах выше, чем в селах в 2,6 раза. Суммарный коэффициент рождаемости в городах также растет более быстрыми темпами, чем в сельской местности (в городах – на 18,5%, в селах – на 10,4%)(см. таблицу 2).

Динамика показателей суммарного коэффициента рождаемости показывает, что Казахстан быстро приближается к демографической ситуации конца 1970-х - начала 1980-х гг. В 1979 г. он равнялся 3,02, а с конца 1980-х постепенно начинает снижаться: 1989 г. – 2,81; 1995 г. – 2,20; 1997 г. – 1,86; 1999 г. – 1,80 [1]. В 2000-е годы наблюдается существенный рост показателя. В результате, за 20 лет (1999-2019 гг.) суммарный коэффициент рождаемости увеличился в 1,6 раза (с 1.80 в 1999 г. до 2,90 в 2019 гг.).

Таким образом, быстрый рост коэффициентов рождаемости в 2009-2019 гг. отражает особенности эволюции этнодемографического состава населения. Довольно четко это видно на примере областей с разным этническим наполнением. В Мангистауской и Туркестанской областях численно доминирует казахское население. В Костанайской и Северо-Казахстанской областях довольно велик удельный вес европейского компонента. Данный фактор, на взгляд авторов, оказал решающее влияние на процессы рождаемости (см. таблицу 3).

Таблица 3 - Возрастные коэффициенты рождаемости в некоторых регионах Казахстана в 2019 г.
(на 1000 женщин репродуктивного возраста)

возраст женщин	Мангистауская область	Туркестанская область	Костанайская область	Северо-Казахстанская область
15-49	124.12	126.73	53.17	55.04
15-19	33.98	31.97	18.48	19.15
20-24	226.69	275.81	107.83	98.44
25-29	240.99	262.42	102.04	126.32
30-34	166.71	172.39	75.33	94.07
35-39	104.79	91.54	45.19	46.55
40-44	29.33	22.23	11.81	10.33
45-49	1.91	0.82	0.64	0.43

Продолжение таблицы 3				
суммарный коэффициент рождаемости	4.02	4.29	1.81	1.98

Источник: www.stat.gov.kz

Суммарный коэффициент рождаемости в Мангистауской и Туркестанской областях, как свидетельствуют данные таблицы 3, более чем в два раза выше, чем в Костанайской и Северо-Казахстанской. При этом в Туркестанской области суммарный коэффициент рождаемости городских женщин равняется 7,27 (в селах – 3,72). То есть одна среднестатистическая городская женщина Туркестанской области в 2019 г. рожала за свою жизнь более 7 детей. В Мангистауской области показатель несколько ниже, но также весьма значительный – 4,39 (в селах – 3,80). Выше среднереспубликанского показателя суммарный коэффициент рождаемости в г. Шымкент (3,32). В Нур-Султане он равен 2,77, в Алматы – 1,78 [1].

Общим для города и села является то, что гораздо более интенсивно процесс идет в старших (30 и более лет) возрастных группах. У женщин этого возраста на свет обычно появляются третьи, четвертые и т.д. дети. Во многом ситуация объясняется тем, что период их потенциально наибольшей репродуктивной активности в основном пришелся на кризисные 1990-е годы. Вследствие этого, представления о количестве детей в семье, формировавшиеся часто в традиционной среде, не были удовлетворены в полной мере. Они реализуются в настоящее время, когда и социально-экономическая ситуация иная, и все более проблематично дальнейшее откладывание деторождений.

Итак, в Казахстане растет число многодетных семей, вклад в суммарный коэффициент рождаемости женщин старшего репродуктивного возраста становится все более весомым. Неоднозначность ситуации в том, что репродуктивные установки этих женщин во многом сформировались в специфических условиях существования в советское время. Традиционные семейно-бытовые стандарты, «законсервированные» в сельской среде, наиболее комфортно чувствовали себя в условиях полиэтничности, когда индустриально-городские функции выполняли представители других этносов. Сохранить традиции многодетности, высокой рождаемости в период становления моноэтничности объективно будет труднее, так как параметры воспроизводства населения все более будут

определяться городской средой, функционирующей на «казахской» основе.

В тоже время, солидный демографический потенциал села постоянно продуцирует новые урбанизационные потоки. В настоящее время, на наш взгляд, мы наблюдаем «количественный» вариант освоения городского пространства. Быстро растущее городское население в массе своей представлено вчерашними сельскими жителями, переносимыми в город значительную часть соответствующих социокультурных воззрений. И воззрения эти не «растворятся» на новом месте жительства в близком будущем. Дело в том, что утрата многих традиционных ценностей (репродуктивных, в том числе) происходит в процессе длительного, эволюционного построения городского индустриального общества. В значительной мере это было характерно для казахстанских русских. Казахи же путь «индустриальной урбанизации» не проходили, во многом нынешнее городское население государства – это сельские казахи, с соответствующим менталитетом, живущие в городах.

В тоже время, «городское количество» постепенно переходит в «городское качество». В перспективе ситуацию (социально-экономическую, демографическую) будут определять поколения, родившиеся и социализировавшиеся в городе. Их репродуктивные установки уже иные, чем у старшего поколения. Во всяком случае, в самой младшей возрастной группе женщин репродуктивного возраста (до 20 лет) показатели рождаемости снижаются (см. таблицу 3). С течением времени представители «урбанизационной волны» будут определять все основные группы репродуктивного возраста. Вследствие этого можно предположить, что в перспективе возможно снижение показателей рождаемости.

Таким образом, современный Казахстан переживает стадию совместного действия различных социокультурных установок в условиях городского пространства. Одним из критериев эволюции процесса являются статистические вариации показателей рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. www.stat.gov.kz

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В современных условиях, когда человеческий потенциал и человеческий капитал занимают ведущую позицию в обеспечении устойчивого экономического развития и повышении конкурентоспособности национальных экономик, возрастает роль демографических факторов. Учет демографических тенденций при осуществлении социально-экономической политики, а также способность своевременно воспользоваться сформировавшимся демографическим дивидендом во многом определяет успех политических действий.

На сегодняшний день демографическая ситуация в мире характеризуется депопуляционными процессами и старением населения в развитых странах и ростом численности населения трудоспособного возраста в развивающихся странах. До недавних времен проблемы, связанные со стремительным ростом населения мира, такие как обеспечение продовольственными и непродовольственными товарами, питьевой водой, жильем и т. д., стояли в центре внимания мирового сообщества. Во многих странах на государственном уровне были осуществлены действия по сокращению численности населения и планированию семьи, что привело к нежелательным последствиям. Но анализ демографической ситуации мира показывает, что снижение коэффициента рождаемости и темпов роста численности населения присуще не только развитым странам, но и всему миру. Прогнозы WPP (World Population Prospects, the 2012 Revision), осуществленные по 4 сценариям для 231 страны мира, показали, что к 2050 г. численность населения мира начнет уменьшаться, и к концу XXI века годовое снижение составит 48,3 млн человек [1]. Снижение коэффициента рождаемости началось в прошлом веке, если в 1960-х годах суммарный коэффициент рождаемости составлял 5, то на сегодняшний день он достиг 2,5, то есть уровень рождаемости сократился в 2 раза. За этот период в самой густонаселенной стране, в Китае, количество рождаемых, приходящихся на 1 женщину, сократилось в 3,7 раза, то есть с 6,1 до 1,65, в Индии – в 2,3 раза (с 5,8 до 2,5), в Африке – в 1,4 раза (с 6,7 до 4,7). В странах Южной Америки репродуктивный потенциал сократился в 2,7 раза – с 5,7 до 2,1. Следует отметить, что ни в одной европейской стране коэффициент рождаемости не находится на уровне обеспечения

даже простого воспроизводства населения. К 2050 году этот показатель достигнет 2,25 и к 2100 году – 2 в среднем по миру [2].

Согласно прогнозу WPP-2012 на основе оптимистического сценария, ожидается, что к 2030 г. в мире доля населения старше 60 лет превысит долю населения до 4-х лет в 2 раза, к середине XXI века – в 3, к концу века – в 9 раз. Это, в свою очередь, может создать более серьезные проблемы, связанные с социальной защитой населения, – увеличение нагрузки на пенсионную систему по сравнению с ростом численности населения.

В течение многих десятилетий экономисты и демографы изучают взаимоотношения между изменением численности населения и экономическим благополучием. В результате чего сформировались три альтернативные позиции: что рост населения способствует, тормозит экономический рост или же является совсем независимым явлением [3]. Странники каждого утверждения имеют свои доказательства. Но в конце прошлого века исследования акцентировались на возрастной структуре населения как факторе, влияющем на экономический рост. Так как экономическое поведение людей меняется на всех этапах их жизни. Высокая доля детей или пожилых людей требует больших ресурсов для ухода за ними, и тем самым подавляет экономический рост. Безусловно, снижение показателей рождаемости имеет свое влияние на структуру населения страны. В то время, когда Европа страдает от проблем, возникающих в результате снижения рождаемости и старения населения, в большинстве развивающихся стран мира, на сегодняшний день, сформировалась благополучная демографическая ситуация, которая определяется снижением коэффициента зависимости (то есть уменьшение численности населения младше и старше трудоспособного возраста, приходящегося на одного работающего), что создает окно возможностей, или демографический дивиденд, для экономического развития. Для того, чтобы своевременно воспользоваться существующей возможностью, необходимо инвестировать больше ресурсов в здоровье, образование и производительность как на макро-, так и на микроуровне.

Узбекистан является одной из тех стран, в которых сформировалась оптимальная демографическая ситуация. Статистические данные показывают, что за годы независимости (1991-2015) численность населения Узбекистана выросла на 9,8 млн человек и на начало 2015 года составила 30,4 млн человек [4]. По численности населения республика занимает 3 место среди стран СНГ (после России и Украины), 43 место в мире и 18 место в Азии. Основным источником роста численности населения на

сегодняшний день является естественный прирост, который характеризуется превышением рождаемости над смертностью. В последние годы среднегодовой прирост численности населения составляет 1,6%, в 1981-1990 годах этот показатель составлял 2,5%. Следует отметить, что самые высокие темпы роста численности населения наблюдались в 1959-1970 годах и составляли 3,8% [5].

Как уже отмечалось, в Узбекистане наблюдается снижение рождаемости за годы независимости. На первом этапе снижение рождаемости в первую очередь обусловлено социально-экономическими факторами, которые связаны с переходным периодом. Период до 2005 года характеризуется сокращением как абсолютных, так и относительных показателей темпов прироста населения. Такая тенденция была обусловлена как сокращением рождаемости с 34,5 промилле в 1991 году до 20,3 промилле в 2005 году, так и миграционным оттоком нетитульных наций из страны.

С 2006 года наблюдается позитивный сдвиг демографических тенденций. Увеличение рождаемости в этот период объясняется следующими факторами: во-первых, улучшение и стабилизация социально-экономической ситуации в республике, во-вторых, высокие показатели рождаемости обеспечиваются высоким демографическим потенциалом, заложенным в 80-е годы, который характеризовался очень высокой рождаемостью.

На сегодняшний день в обществе сформировались репродуктивные установки на среднететную семью. Результаты опросов Республиканского центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» («Общественное мнение») показывают трансформацию репродуктивных установок населения Узбекистана. Так, сельские жители собираются иметь в семье 3-4-х детей, а горожане – 2-3 ребенка, что значительно отличается от показателей 90-х годов [6].

Кроме того, в современных условиях на уровень рождаемости имеют влияние такие факторы, как:

- увеличение продолжительности обучения, внедрение уникальной всеобщей, обязательной модели образования «9+3», что в свою очередь продлевает средний возраст вступления в брак;

- сформировавшиеся в обществе репродуктивные установки на среднететную семью;

- увеличение расходов на воспитание детей, а также формирование их человеческого капитала;

- распространение пропаганды здорового образа жизни, а также повышение знаний о контрацептивных средствах;

-расширение возможности для девушек активно участвовать на рынке труда и т.д.

Рисунок 1

Динамика численности населения, рождаемости и смертности
в 1990-2013 годах

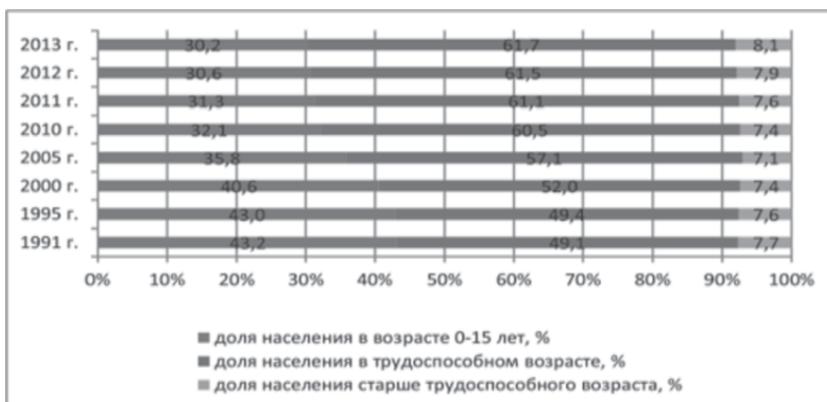
Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. www.stat.uz

Темпы роста численности населения также обусловлены относительным снижением коэффициента смертности. Снижение смертности в первую очередь объясняется возрастной структурой населения, преобладанием молодежи в общей численности населения. Средний возраст населения республики составляет 28,1 года. Также нельзя не отметить эффект осуществляемых реформ в сфере здравоохранения, что существенно повлияло на здоровье и самочувствие населения. Согласно национальной статистике, за годы независимости ожидаемая продолжительность жизни выросла с 67,2 года в 1990 году до 73,4 года в 2013 году, у мужчин этот показатель составляет соответственно 65,8 года и 71,1 года, у женщин – 70,1 года и 75,8 года. В результате национальной программы «Здоровая мать – здоровый ребенок» удалось добиться значительного снижения материнской и младенческой смертности. Если в 1991 году коэффициент младенческой смертности составлял 35,5 промилле, то в 2013 году – 9,8 промилле, за этот же период коэффициент материнской смертности снизился с 33,3 до 19,8 промилле. В Узбекистане репродуктивное и материнское здоровье определены Правительством приоритетными направлениями, и в июле 2009 года начата реализация «Национальной программы по

совершенствованию системы охраны репродуктивного и материнского здоровья» для решения проблем укрепления системы здравоохранения и расширения доступа населения к услугам и информации. Эмпирические исследования в ряде стран показывают тесную взаимосвязь между половозрастной структурой населения и экономическим ростом. Чем больше населения в трудоспособном возрасте, тем выше и его вклад в экономику. Демографы определяют этот процесс как демографическое окно возможностей, или демографический дивиденд. Во второй половине прошлого столетия некоторые страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки пережили этот этап демографического развития. Азиатские страны, такие как Сингапур, Корея, являются эталонами в использовании этой возможности.

Рисунок 2

Возрастная структура населения

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике www.stat.uz

За анализируемый период в структуре населения наблюдается значительное снижение доли детей против небольшого увеличения доли старшего поколения. Доля населения старше трудоспособного возраста составила 8,4% в 2013 году. Это, в свою очередь, ставит вызовы перед пенсионной системой и сферой социальной защиты, здравоохранения в недалеком будущем.

Подводя итог, можно отметить, что Узбекистан имеет большой потенциал с точки зрения демографического фактора, и только своевремен-

но разработанная правильная политика в сфере занятости, образования и здравоохранения даст возможность воспользоваться этим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2012). World Population Prospects, the 2012 Revision. United Nations New York 2013. <http://esa.un.org>
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. ESA/P/WP. 241.
3. Bloom D, Canning D, Sevilla J. Economic Growth and the Demographic Transition. NBER Working Paper No. 8685. December, 2001.
4. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. www.stat.uz
5. Убайдуллаева Р.А. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан и тенденции ее изменения. Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Ташкент, 2007.
6. Убайдуллаева Р.А. Современные репродуктивные установки населения Узбекистана. / Монография под ред. Р.А. Убайдуллаевой. Население Узбекистана: состояние, проблемы и перспективы. – Ташкент, 2012.

Аннакулиева Г.А., Кыдырбекулы Д.

ТУРКМЭНЫ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общества являются самодостаточными системами, обеспечивающими, поддерживающими и совершенствующими свой образ жизни. Способом реализации этой самодостаточности выступает культура, а ее межпоколенная трансляция позволяет обществу воспроизводить себя. Отмечаемое в 2015 году 550-летие Казахского ханства является ярким продолжением в современном ракурсе культивирования обычаев и традиций толерантного казахского народа.

И потому Ассамблея народа Казахстана, является одним из символов независимости Республики Казахстан, поскольку она всем своим существованием и проводимой деятельностью нацелена на всемерное развитие и укрепление казахстанского патриотизма (выражающегося в знании государственного языка, единой устремленности на экономический рост страны и повышение благосостояния всего населения) среди всех граждан страны, имеющих различную национальность.

За первое 20-летие суверенного развития Республики Казахстан, благодаря взвешенной, прагматичной, позитивно-патриотичной политике и руководству Первого Президента страны, лидера нации Н. А. Назарбаева (вначале инициировавшего комплекс мер по стабилизации и ускоренному развитию экономики, повышению благосостояния народа Казахстана, а затем – поэтапное реформирование политического базиса, обозначившего конечной целью реформ формирование зрелого открытого толерантного гражданского общества), межнациональный «климат» в стране год от года переживает устойчивое стабильное равновесие, социально-этническое самочувствие этносов, представляющих собой составные части единого казахстанского общества, характеризуется самодостаточностью, уверенностью в своем ближайшем будущем, осязаемым «укреплением» иммунитета против бацилл этнических раздоров и социального хаоса.

Одной из задач республиканской историко-культурной экспедиции «ҰЛЫ ДАЛА ЕЛІ», посвященной 550-летию Казахского ханства, является изучение и современное восприятие значимости для Казахстана Великого Шелкового пути. В этом отношении велик вклад инициированного Ассамблеей народа Казахстана международного проекта «Беседы на Шелковом пути» по укреплению сотрудничества между экспертами Центральной Азии и близлежащих Казахстану стран, дальнейшего развития и сохранения общекультурных и общеисторических ценностей в контексте межкультурного диалога.

Проект «Беседы на Шелковом пути», который в Казахстане вот уже несколько лет реализует общественный деятель, сын известного казахского писателя Мухтара Ауэзова Мурат Ауэзов при поддержке АНК.

«Мухтар Ауэзов сделал многое для сохранения кыргызского эпоса «Манас» в советское время. Кыргызский народ никогда не забудет этого», – эти слова Президента Кыргызстана Алмазбека Атамбаева, сказанные им 8 апреля 2013 года во время приема президента общественного фонда «Фонд Мухтара Ауэзова» Мурата Мухтаровича Ауэзова и директора научно-культурного центра «Дом Ауэзова» Диара Аскарловича Кунаева, рефреном пронизывали выступления участников «Бесед на Шелковом пути» в летние дни 28-29 августа 2013 года на берегах озера Иссык-Куль.

Символично, что Дом-музей Мухтара Омархановича Ауэзова на «Лазурном берегу» Иссык-Куля, с его «Беседками на Шелковом пути» (инициированными Муратом Ауэзовым и Фондом АНК), имеющий более чем 50-летнюю (в 1957 году решением поселкового совета Чолпон-Аты М. О. Ауэзову выделили земельный участок для строительства дачи, а

в 1970 году наследники М. Ауэзова передали дом в дар народу Кыргызстана), историю, Дом- музей великого казахского ученого, писателя, просветителя, снискавшего мировую известность, представляется центром, прообразом культурной центральноазиатской интеграции. Ведь великий казахский писатель общался здесь не только с манасчи – кыргызом Саякбаем Каралаевым и писателем Тугельбаем Сыдыкбековым, поддерживал начинающего молодого писателя Чингиза Айтматова, но и был дружен с классиком туркменской литературы писателем Берды Кербабаяевым, узбекскими и таджикскими писателями.

Уже ушел от нас Чингиз Айтматов (неоднократно вместе с коллегами- писателями бывавший и зачастую выступавший в роли гида в доме своего учителя и литературного кумира), и сейчас открыта его замечательная скульптура в не менее замечательном центре «Рух Ордо» его имени в Чолпан-Ате; уже ушел в 1973 году Берды Кербабаяев, вскоре после возвращения в Ашхабад из Алматы со встречи литераторов Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

Но память о них, о прекрасных их литературных творениях жива в нас, она интенсивно пульсирует и не дает нам покоя.

«Қазақтар, узбектер, түрікмендер, қырғыздар, тәжіктер – біргеболайық!» Эта знаменитая фраза Мустафы Шокая как нельзя лучше отразилась в выступлении Фархата Толипова – участника встречи от Узбекистана, который предложил в Центральной Азии подписать своего рода манифест о необходимости культурного сближения.

Тогда, в августовские дни 2013 года, последний день «Бесед» провозжал участников конференции штормовым ветром. Раскачивались даже высоченные тополя, растущие на территории «Лазурного берега». Мурат Мухтарович и Диар Аскарлович спорили о том, какой же это ветер: Санташ или Улан (поперечные ветры, вырывающиеся из горных проходов Кунгей Алатао, Терскей Алатао и ущелий на озеро). Санташ (күшті шығыс желі)– восточный ветер на востоке озера Иссык-Куль, дующий с одноименного горного перевала. Санташ – обычно охватывает только восточную часть озера и является признаком начала периода плохой погоды. Уланский ветер (боом, буам) – сильный и холодный западный стоковый ветер в западной оконечности озера Иссык-Куль, дующий из Боомского (Уланского) ущелья, обрушивается на озеро плотной массой холодного воздуха и сопровождается осадками, иногда с грозой. Озеро мгновенно покрывается барашками, затем штормовыми волнами. И поскольку под действием Улана деформируются даже пирамидальные тополя (что и на-

блюдалось участниками конференции 30 августа 2013 года), однозначно: участников встречи провожал Улан. Так и в нашей Центральной Азии: порой дуют политические ветры: то с одной, то с другой стороны. И цель интеллигенции наших стран состоит в том, чтобы эти недоразумения не усиливали бы друг друга, не накладывались бы одно на другое, подобно тому, как при сильном вторжении холодного воздуха с севера встреча Санташа с Уланом формирует над озером локальный шквал Куюн и смерчеподобные вихри, опасные для судов.

Ассамблея народа Казахстана, поддерживая замечательные проекты, нацеленные на сближение народов и культур, становление казахстанской идентичности и национального единства, приобрела черты национально-го института укрепления безопасности страны.

Распад огромной державы СССР вызвал образование новых независимых государств. В центральноазиатском регионе на сегодня сосуществуют пять государств – бывшие советские республики Средней Азии. Народы региона во многом взаимосвязаны общей историей, культурой, языком, вероисповеданием.

В советский период изучению Центральной Азии уделялось немалое внимание, которое, однако, под идеологическим прессингом марксистско-ленинской догматики принимало поверхностный характер. Глубокое изучение истории народов редко проводилось. Одним из белых пятен в изучении истории Центральной Азии является проблема казахско-туркменских взаимоотношений. В советское время этот вопрос почти не затрагивался. Освещение этого вопроса в западной ориенталистике, дореволюционной российской и советской историографии сводилось лишь к упоминанию имевшихся мелких междоусобных войн между казахскими и туркменскими племенами. «История – это память народа. Она состоялась и ее не исправишь и не перепишешь заново, заменив один цвет другим, как это делалось еще недавно в угоду конъюнктуре. Мы должны воспринимать ее целостно, во всем ее многообразии, такой, какой она была, со всеми противоречиями, с ее героическими и трагическими страницами» [1].

История казахов и туркмен – это история двух тюркоязычных народов, которые в прошлом были преимущественно кочевниками. В трудах средневековых арабских, иранских и тюркских историков сведения об этих двух народах даются в их взаимной связи с различными тюркскими племенами. Ибн Баттута, Ибн Хальдун, Аль-Идриси, Рашид ад-Дин, Абульгази и другие дают фактический материал по истории пле-

мен и народностей центрально-азиатского региона и за его пределами на разных этапах средневековья. С развитием исторической науки были определены и племена, населявшие территории Казахстана и Туркменистана в древний период. Древние племена, населявшие огромный ареал от Причерноморья до Монголии, именовались скифами. Историки их называют по-разному в зависимости от проживания в тех или иных регионах. На территории нынешней Центральной Азии они назывались саками, которые подразделялись на следующие группы: тигра-хауда, исседоны, массагеты, аримаспы, аргипеи в Казахстане; алано-сарматы в Урало-Волжском районе; дахи Каракумов; тара-дарайя в междуречье Амударьи и Сырдарьи; хаомоварга на Памире; перешедшие на оседлость хорезмийцы, согдийцы и бактрийцы на территории современных Узбекистана, Таджикистана и Северного Афганистана, а также тохары, юэчжи и эфталиты на территории западной части Китая и Монголии. Все эти племена и народности были тесно связаны между собой [2]. При этом важную роль в их постоянной близости и этногенезе более поздних народов играл и фактор переселения и взаимодействие этих древних племен с оседлыми цивилизациями. Этот феномен имел свое продолжение и в средние века. Отсюда возникает немало спорных моментов, что приводит к искажению объективности истории и самоизоляции. При имеющихся особенностях двух этносов, возникших под влиянием культурно-географических и исторических факторов, следует, все же, видеть и общие корни происхождения.

Таким образом, «огузские племена, как один из компонентов, участвовали в формировании казахов, кыргызов, татар, башкир, туркмен, узбеков, каракалпаков» [3]. В этногенезе этих народов участвовали также племена карлуков и кипчаков. Немалое влияние на их формирование оказало и оседлое ираноязычное население оазисов. «Позднее часть карлуков, смешанная с оседлым населением юга Казахстана и Жетысу и принявшая Ислам, стала называться туркменами, так же как и соответствующая им группа огузов» [4].

Огузов, живших в Передней Азии, долгое время именовали туркменами. Сам этноним «туркмен» по разным средневековым источникам означает «тюркоподобный» или «тюркский человек». С течением времени туркменами стали именоваться османские турки и азербайджанцы, но, по прошествии определенного времени, с усечением второго сочетания -мен. Длительное проживание огузов и их потомков в Передней Азии, а также туркменом с тюркоязычными народами Центральной Азии приве-

ло к тому, что в современном туркменском языке можно встретить определенные сходства в лексике и грамматике как с турецким и азербайджанским, так и с казахским и узбекским языками.

Казахское племя адай входило в Байулы – группу племен Младшего Жуза, где оно составляло наиболее крупную и воинственную ветвь. В IX-X вв. они вошли в состав огузского государства. Они принимали участие в завоевательных походах огузов, кипчаков и других племенных союзов. Адайцы были в тесной связи с сельджуками, которые одновременно называли себя и туркменами. Огузы отождествляли само название племени «адай» как жителей острова (ада) посреди Мангышлака – «земли в стране огузов», как говорил Махмуд Кашгари [5]. После упадка огузского государства адайцы вошли в состав кипчакского союза и расселились на более обширных территориях нынешнего Западного Казахстана (по долинам рек Эмба, Оил, Сагыз, Яик) и за его пределами. Они входили в состав Золотой, Синей и Ногайской Орд, а в XV в. – в Казахское ханство [6].

В группу Байулы входят 12 племен, среди которых помимо адайцев наиболее крупными являются также таз и алаша. В составе тазов выделяется ветвь абдалы. А это нередко ведет к отождествлению тазов с абдалами, которые ведут свое прямое происхождение от эфталитов (белых гуннов), поселившихся на территории Западного Казахстана в IV-V вв. Среди туркменского племени чоударов также встречаются абдалы [7], что совпадает со временем прихода эфталитов в Каракумы в V в. Кроме того, абдалы присутствуют среди кочевых племен юруков в Турции и пуштунов Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана, являясь наиболее крупным племенным союзом, именующимся дуррани, откуда вышел афганский царь Ахмед Шах Дуррани. Название «алаша» тоже есть среди туркмен. Одно из пяти подразделений туркменского племени сарыков называется этим именем [8].

В XVII-XVIII вв. адайцы кочевали по Мангышлаку и далее на юг и там соприкоснулись с туркменами. Часть туркмен слилась с казахами, образовав подразделение адай-туркмен. Помимо адайцев с туркменами поддерживали связь и другие племена Младшего Жуза (шокекэй, торткара, бериш, таз и т.д.), которые проживали в пределах Хивинского ханства, куда входили нынешний Каракалпакстан, Дашхувузская и Хорезмская области. Частично казахско-туркменские связи могли быть и на территории Бухарского ханства. Наиболее ярким подтверждением казахско-туркменских связей является наличие у казахов сказания о батыре Короглы, ко-

торый стал героем фольклора не только тюркоязычных, но и некоторых ираноязычных народов. Однако возникновение эпоса о Короглы, как и сказания о Деде Коркуте, скорее уходит корнями в огузский период.

Возвышенность Устюрт на полуострове Мангышлак и Балканские горы близ залива Кара-Богаз-Гол имеют единую геологическую структуру. Вследствие кочевого образа жизни и отсутствия частной собственности на землю у тюрков издревле существовало общее пользование землей. Поэтому Устюрт и Балканские горы были общими как для казахов, так и для туркмен. В фольклоре у казахов и туркмен встречаются персонажи Алдар-Косе и Ер-сары-батыр. Известный казахский акын Мурынжырау в одном из сказаний воспевал, что Ерсары-батыр из Мангышлака переселился в Каракумы и там пустил корни. Туркменское племя эрсары ведет свое происхождение именно от батыра Ерсары [9]. Холмы близ Балканских гор называются его именем.

Абульгази считал, что Ерсары происходил из балканских салыров [10]. По мнению этнографа А. Джикиева, причиной перемещения племени эрсары явилась засуха, охватившая Устюрт в незапамятные века [11].

Взаимоотношения казахов и туркмен были на некоторое время прерваны вторжением джунгаров и калмыков в XVIII в. По мнению академика В. Бартольда, часть туркмен (в основном салыров) Мангышлака была переселена калмыцкими ханами на Северный Кавказ, где они проживают до сих пор под наименованием трухмен [12]. Опустевшая прежде общая территория была постепенно занята казахами племени адай, которые продолжали развивать свои отношения с близлежащими туркменскими племенами (йомуды, чаудары и т.д.). После захвата Центральной Азии царской Россией Мангышлак был включен в состав Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства, куда входили в основном территории, населенные туркменами.

Захват туркменских, равно как и казахских земель стоял перед царской Россией еще во время Персидского похода Петра I 1722 года. До этого, в 1717 году, экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву была разгромлена хивинцами. Тем не менее царское правительство не покидала мысль о приобретении новых обширных территорий Центральной Азии. Расширяющиеся интересы Российской империи состояли в том, чтобы выйти на торговые рынки Среднего Востока и Индии. Первым делом колонизации подлежали казахские земли.

Постоянные конфликты казахских жузов с джунгарскими захватчиками, а также набеги приволжских калмыков, башкир и уральских казаков ослабили казахское государство. Хан Младшего Жуза Абулхаир

в 1731 году единолично, без согласия биев, старшин, батыров и других слоев населения принял присягу на верность Российскому государству. После этого начался медленный захват казахских земель регулярными отрядами царских войск. В то же время ханы Младшего Жуза не прерывали свои традиционные связи с хивинскими ханами, что было одним из препятствий для полной аннексии казахских земель. В 1740 году туркмены и казахи совместными силами отражали удары войск иранского шаха Надира, который повел свои войска на Хиву. В связи с этим часть туркмен откочевала ближе к казахским землям. Поэтому присоединение к Российской империи шло очень замедленными темпами. Положение усугублялось также нестабильностью ситуации в самой России, которая вела постоянные войны как за пределами, так и внутри державы.

В восстании под предводительством Е. Пугачева в 1773-1775 гг. принимали участие и казахи. После поражения крестьянского восстания Е. Пугачев надеялся найти убежище среди туркмен, однако был предательски схвачен и казнен [13]. Подавление восстания в определенной мере придало импульс дальнейшим захватам в Центральной Азии. После каждого нового приобретения земель царское правительство вытесняло местное население из плодородных земель. Это вызывало народные волнения среди местного населения. Так, в 1785 году вспыхнуло восстание Срыма Датова, продолжавшееся 12 лет. Подавив выступление Срыма Датова, царское правительство стало продвигаться вглубь западноказахских земель. В 1824 году был принят Указ «Об оренбургских киргизах», согласно которому институт ханской власти в Младшем Жузе был ликвидирован. В 1834-1835 гг. в северной части полуострова Мангышлак был основан Форт-Новопетровское (ныне Форт-Шевченко), переименованный в 1857 году в Форт-Александровск, где в начале 50-х годов XIX века проходил службу великий украинский поэт Тарас Шевченко. В 1836-1837 гг. в Букеевской Орде прошло восстание Исатая Тайманова и Махамбета Отемисова, в отряде которых было немало туркмен. Туркмены также принимали участие в национально-освободительном движении под предводительством Кенесары Касымова в 1836-1847 гг.

Подавив восстание Исатая Тайманова, царское правительство в течение 30 лет вело подготовку к захвату туркменских земель. Одним из препятствий было Хивинское ханство, чьи связи с туркменами продолжали развиваться. Другим крупным препятствием оставалось мятежное настроение мангышлакских казахов. Новая попытка проникнуть в Мангышлак и конфискация пастбищных земель вызвали наиболее крупное восстание адайских казахов в 1870 году. Тогда с Кавказа через Каспий-

ское море были переброшены дополнительные силы регулярных войск на Краснодарский полуостров, где еще в 1869 году было основано укрепление Краснодарск для блокировки мангышлакского восстания адайцев. С ликвидацией адайского выступления царское правительство создало плацдарм для наступления на Хиву. Завоевав к середине 60-х годов XIX века южноказахские земли, царские войска в 1868 году заняли Бухарское ханство, а в 1873 году с трех направлений было взято Хивинское ханство.

После небольшой передышки в начале 80-х годов XIX века Российская империя приступила к захвату свободных туркменских земель, поскольку часть туркмен проживала в Хивинском и Бухарском ханствах. В 1879 году туркмены нанесли поражение войскам генерала Ломакина. В 1881 году произошло кровавое сражение у Геок-Тепе, где текинцы оказали упорное сопротивление войскам царского генерала М. Скобелева. Затем, после подавления вооруженных выступлений, туркменские земли были разграничены между Россией и Ираном, северная часть которых попала в полукOLONиальную зависимость от Российской империи. В 1899 году была окончательно сформирована Закаспийская область из пяти уездов (Мангышлакский, Краснодарский, Асхабадский, Тедженский и Мервский) в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

После национально-государственного размежевания в Центральной Азии (тогда еще в Туркестане) в 1922-1924 гг. казахский и туркменский народы оказались в административном отношении разделенными. Получив узаконенные территории, они оказались отчужденными друг от друга. Во время голода 1931-1933 гг. десятки тысяч казахов нашли спасение на туркменской земле. Тысячи туркмен также проживают и трудятся в Казахстане. Культурные связи между двумя народами в советский период продолжали развиваться. На казахский язык переводились произведения поэта Махтумкули и современных туркменских писателей. На казахских телеэкранах многократно демонстрировались фильмы выдающихся туркменских режиссеров.

С распадом советской империи Казахстан и Туркменистан развиваются как две независимые страны. Будучи членами международных и региональных организаций, эти народы стремятся жить в добрососедстве и сотрудничестве на пути к интеграции, придерживаясь принципов мирного сосуществования и взаимоуважения.

Огузское время было периодом наиболее сильных этнических контактов между народами Центральной Азии. Средневековую этническую обстановку в Узбекистане этнолог Г.П. Васильева оценивала таким образом: «Туркмены и их предки огузы издавна, гораздо раньше, чем по-

лукочевые узбеки, появившиеся здесь, как отмечалось, с начала XVI в. и сыгравшие большую роль в формировании современного узбекского населения Хорезма, жили на территории оазиса и его окраин. Туркмены участвовали в обороне Ургенча в 1504-1505 гг. от Шейбани-хана и были связаны с населением доузбекско-го Хорезма этнически: в XIII в., как писал А.Ю. Якубовский, «почти весь земледельческий Хорезм, в том числе и города, говорил по-огузски (по- туркменски)». О значительной огузской прослойке в этногенезе хорезмийцев, по-видимому, свидетельствует и то обстоятельство, что современный южнохорезмский говор узбеков ближе к туркменскому, нежели к узбекскому, и содержит много огузизмов». Туркмено-огузский диалект широко распространен в настоящее время на территории Хорезма – Каракульского и Алатского районов Бухарской области. Узбекский филолог Ф. Джуманиязова заключает – можно с уверенностью сказать, что огузский компонент сыграл большую роль в сложении узбекского народа, и сегодня он составляет значительный процент среди узбеков Хорезма. Этногенез и этническая история узбеков была тесно связана с огузскими народами, в том числе и с братским туркменским народом.

«Нам представляется, – как писал туркменский историк О. Гундогдыев, – более верным говорить о том, что этнические связи туркмен с узбеками продолжались и в последующие века. Первоначально слово «узбек» употреблялось в политическом значении и лишь после национального размежевания, как отмечает В.В. Бартольд, узбеками стали называть себя часть сартов, туркмен, уйгуров и т.д.

Туркмен Узбекистана условно делят на хорезмскую, бухарскую и нуратинскую группы. Туркмены являются аборигенным доузбекским населением Южного Узбекистана. Отмечаются три волны переселения туркмен в эти районы – XII, XVII и XVIII вв. В 20-х гг. XX в. наблюдается значительный отток туркменских племен в Афганистан, Иран, Туркменистан. В Хорезме эта эмиграция носила массовый характер в результате проводимой советской властью антитуркменской политики, значительная часть туркмен была записана узбеками Комиссией по размежеванию. Так туркмены-хыдырилы были причислены к узбекам.

Нуратинские туркмены обосновались в местности Нурата в X в., играя большую роль в исторических судьбах Мавераннахра (Среднеазиатское Междуречье). В последующие века сырдарьинские и хорезмские туркмены постоянно переселялись в Мавераннахр, оформившись в крупную этническую группировку в составе узбеков, сохранив самоназвание «туркмен».

В XVI в. они фиксируются в сочинении Сейфеддина Ахсикенти «Маджмуат-таварих» в составе 92-х основных узбекских племен. Включение «нуратинских туркмен в состав узбекских племен – закономерное явление в их этническом развитии, поскольку именно в инкорпорации, то есть принятии на равных правах новых этнических элементов в состав родоплеменного объединения, и обычае обязательного включения их в традиционные генеалогии в качестве особых племен, «родов» или родовых подразделений и заключалось, как известно, своеобразие этнических общностей».

Нуратинские туркмены подразделяются на два крупных отделения. Первое объединение йигирма торт (йигримидорт) состоит из племен: газа-яклы, канджигалы, айтамгалы, богаджеликоштамгалы, джаман-туркман, кара-туркман и т.д. Второе объединение бешатамангышлау состоит из следующих племен – куныш, чиликли, анна, таз, богаджат.

Еще одно из узбекских племен называется туркман-джузы, занимающие центральную часть правобережья Сурхана, так называемую Туркменскую степь (Туркмендешт), орошаемую Карлюкдегьей. Предания рассказывают о том, что джузы (юзы) поселились в тех местах в XII в., когда султан Санджар переселил туда сто туркменских семей. Туркман-джузы являются доузбекским населением Сурхандарьинской области, присоединившись к Шейбанидам: XVI в. и в начале XX в., они представляли одно из крупнейших узбекских племен. Туркмены Узбекистана и туркмены, вошедшие в состав узбекского народа, привнесли значительный культурный пласт в узбекскую литературу. Выдающийся тюрколог А. Самойлович прямо указывает, что узбекская поэма «Шейбани хан» обнаруживает значительное влияние туркменского романа «Бозоглан», а в другой узбекской поэме «Текинский бег Заман» туркменский герой XVIII века называется покровителем основателя узбекской династии Шейбани хана.

Узбеками любим туркменский народный эпос «Гёроглы», который они считают своим. Но певцы дестанов прямо указывают на туркменское происхождение героя. Вот отрывок из «Гёроглы», записанный со слов узбекского народного поэта – представителя нуратинских туркмен Эргаша Джуманбульбульоглы:

Стародавнюю порой Далеко за Бухарой,
В стороне Кыблы святой, На земле Теке-Ямут,
Где живет текинский люд, Жил и правил Гёроглы, Властелин вершин Чамбил,
Тот, что недругов надолго проучил.

Узбекский эпос «Алпамыш» также подвергся влиянию туркмено-огузского эпоса «Горкут Ата» (О. Гундогдыев «Туркмены и народы мира»). В качестве национального узбекского поэта почитается великий туркмен Махтумкули, который явился вдохновителем творчества таких выдающихся узбекских поэтов, как Камил Хорезми, Ислам Шайр, Муридо, Орзу, Бодил, Шейхзади, Миртемир, Шухрат, Абдулла Орипов, Мирза Кенджабек и др. Узбекский филолог Э. Очиллов отмечает: «В Узбекистане давно сформировалась и активно функционирует специальная школа Махтумкуливедения».

Вначале инициатива идет снизу, а потом получает определенное оформление. 20 и более лет назад в Казахстане возникли первые ЭКО, которые 1 марта 1995 года были объединены в АНК. Цель этой инициативы – не допустить никаких деструктивных попыток решить те социальные проблемы, которые формируют социальное напряжение. Таким образом, речь шла о создании обоснованных форм и методов общественно-государственного взаимодействия в направлении развития именно социально-ориентированного государства, как это и продекларировано в Конституции Республики Казахстан.

История появления в Казахстане Туркменского общественно-культурного центра также уже имеет 20-летний возраст. В сентябре 1992 года председателю общества «Отан» Казахстана поступило письмо от председателя одноименного общества Туркменистана с просьбой направить в октябре 1992 года в Ашхабад на курултай двух представителей туркменской национальности из Казахстана. Соседом по дому председателя общества «Отан» Казахстана был директор научно-исследовательского экономического института, в котором я тогда работала, – Эдыге Туркебаев. Он мне и передал эту новость. Так, в октябре 1992 года мы со старейшиной туркменской диаспоры в Казахстане Ашир-ага Довадовым отправились на курултай. На курултае мы прониклись мыслью о регистрации в Алматы Туркменского общественно-культурного центра.

Вернувшись из Ашхабада, мы с Ашир-ага Довадовым начали подготовку к созданию нашего общественного объединения. Активными участниками этого движения были Шыхыев Нурберды, Назаров Сапар, Улухашев Анатолий. У истоков функционирования центра был и заслуженный деятель науки РК, доктор филологических наук, почетный академик ряда иностранных научных центров Губайдулла Айдаров.

Дата юридической регистрации Туркменского этнокультурного центра – 22 ноября 1995 года.

В Уставе целями Центра были определены:

- возрождение в Казахстане туркменской культуры;
- поддержка развития казахской культуры и культур всех этносов Казахстана;
- поддержка отношений с этнической родиной туркмен и казахской диаспорой Туркменистана.

Задачами центра являются: содействие гражданам в их успешной интеграции в реформируемую рыночную экономику; развитие образовательных и культурных программ; налаживание связей с этнической родиной – Туркменистаном.

Активно и результативно действовал в интересах центра и Ассамблеи почетный председатель нашего центра академик, доктор геологических наук Аманниязов Курбан Непесович. Его перу принадлежит множество публикаций об укреплении взаимосвязей Казахстана и Туркменистана, истории Центральной Азии, проблемах добычи нефти и Каспийского моря. Это такие книги, как «Мангыстау – отчий край» (2005 г.), «Туркмены Мангыстау». Активно работает в этом направлении член Союза художников Республики Казахстан Орадов Шихдурды. Его картины прославляют народные казахские и туркменские традиции и обычаи, природу Казахстана. В 2003 г., при поддержке фонда «Сорос» в Алматы, доктором музыковедения Шахымом Гуллыевым были изданы две книги о туркменской музыке.

Большую активность в работе центра проявляют оралманы из Туркменистана. В трудные 30-е годы сотни тысяч жителей Казахстана нашли приют в пределах Туркменистана, большинство там родились и выросли. В настоящее время многие вернулись на свою историческую родину – в Казахстан, но о жизни в Туркменистане, отношении туркменского народа всегда вспоминают исключительно добрым словом. И туркмены также чувствуют себя уверенно и спокойно в братской многонациональной семье народа Казахстана. Хотелось бы назвать Аханова Жазыкбая, Тагана Махмудова, Буранбаева Нурмухана, Садыковых Кенеса и Светлану, Тасмагамбетову Алтынай, Гуллыеву Сауле, Серикову Жадру.

За активную деятельность в сфере возрождения национальных культур в Казахстане председатель Алматинского центра в 2001 г. была награждена казахстанским орденом «Достык», в 1996 г. – медалью Туркменистана «За любовь к отчизне». Представители центра принимали участие в Первой встрече творческой интеллигенции Центральной Азии, созданной в 1999 г. в Астане по инициативе Президента страны Нурсултана Назарбаева, международных конференциях и круглых столах, вы-

ступлениях на радио и телевидении; организации проведения фестивалей, выставок, неделях национальных культур; встречах со школьниками и студентами, благотворительной деятельности.

Как пишет в своей статье «Туркменские национально-культурные центры в Казахстане: народный опыт созидания основ открытого толерантного общества» этнограф Ернар Оразбек: «Что касается туркмен, то они, будучи также кочевниками, дисперсно проживающими в одной из великих пустынь мира – Каракумы, сохранившими в полном объеме культ коня, культуру всадника-«кентавра», дух и менталитет представителя кочевой цивилизации, в этнопсихологическом отношении очень и очень родственны и по-человечески симпатичны казахам. Туркмены Казахстана, являясь полноправными гражданами Республики Казахстан, не имея психологических барьеров в сфере языковой, культурно-цивилизационной, культурно-обрядовой..., сохраняя свою этноидентичность, объективно вносят свою лепту в дело и идею становления и развития единого казахстанского общества. Туркмены Казахстана, как видим, являются искренними патриотами своей этнической родины – Туркменистана, и в то же время – составной частью казахстанского общества, привнося своей самобытной культурой, врожденным чувством кочевнического закала толерантности, открытостью и душевностью особый аромат и настрой в казахстанскую симфонию межнационального согласия, сотрудничества».

Туркмены издревле жили совместно и по соседству с казахами на берегах Каспийского моря. Согласно жизненной легенде: «Туркмены и казахи роднились между собой. Праматерь адайского рода Косай – туркменка Огыл-Менли. Когда старый Косай потерял свою семью при переходе реки Чу, первым к нему пришел его туркменский друг и отдал ему свою молодую дочь. Отсюда этот род называют еще и турикпен-адай». Такая тесная территориальная близость всегда сопровождалась близостью традиций, обычаев, религии, исторических судеб. После размежевания границ в 20-е годы прошлого столетия многие туркмены остались жить на территории Мангистауской области. Часть нынешних казахстанцев туркменского происхождения остались на постоянное место жительства после прохождения воинской службы в Казахской ССР, а также после участия в освоении целины. Были и печальные страницы, когда туркмены избирали местом своего жительства Казахстан после освобождения из застенков КАРЛАГА. В современное время в Казахстане проживает много смешанных казахско-туркменских семей.

В Казахстане выдающимся представителем туркменского этноса в области языка, литературы, истории, науки является академик Курбан

Аманниязов. Наша диаспора гордится военным летчиком в отставке Сапаром Назаровым, военным в отставке Худайбердыевым Бабамурадом, долгие годы возглавлявшим пожарную часть Жетысуйского района г. Алматы; бывшим сотрудником министерства обороны Республики Казахстан, ныне пенсионером – Гельдымурадом Мустаевым. Больших вершин в искусстве достигли старейшина нашего центра член Союза художников Республики Казахстан Орадов Шихдурды; музыковед Гуллыев Шахым. И, конечно, в спорте выдающимся представителем является бывший футболист и тренер «Кайрата» – Курбан Бердыев.

Безусловно, Ассамблея народа Казахстана является одним из символов Независимости Республики Казахстан, поскольку она всем своим существованием и проводимой деятельностью нацелена на всемерное развитие и укрепление казахстанского патриотизма среди всех граждан страны, имеющих различную национальность.

Как сказано в вышеупомянутой нами статье этнографа Ернара Оразбека: «Уже на начальном этапе независимого развития Казахстана руководство страны, понимая, что необходимо сохранить и укрепить атмосферу межнационального согласия в республике (тем более наблюдая эксцессы межэтнического насилия, иступленной вражды в некоторых постсоветских странах), начало выстраивать новую архитектуру межэтнических взаимоотношений, общежития в условиях коренного тотального переустройства основ государства и адаптации к реалиям века XXI-го, общемировой тенденции к глобализации всего человечества.

За первое 20-летие суверенного развития Республики Казахстан, благодаря взвешенной, прагматичной, позитивно-патриотичной политике и руководству Первого Президента страны, лидера нации Н. А. Назарбае ва (вначале инициировавшего комплекс мер по стабилизации и ускоренному развитию экономики, повышению благосостояния народа Казахстана, а затем – поэтапное реформирование политического базиса, обозначившего конечной целью реформ формирование зрелого открытого толерантного гражданского общества), межнациональный «климат» в стране год от года переживает устойчивое стабильное равновесие, социально-этническое самочувствие этносов, представляющих собой составные части единого казахстанского общества, характеризуется самодостаточностью, уверенностью в своем ближайшем будущем, ощутимым «укреплением» иммунитета противобацилл этнических раздоров и социального хаоса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История Казахстана. – Алматы, 1996, т. 1, с. 7.
2. Кыдырбекулы Д. Кошпелілер кім болган еді? // Акикат, 1994, тамыз, №8, 30 с.
3. История Казахстана. – Алматы, 1996, т. 1, с. 320.
4. там же, с. 311.
5. Казак шежіресі. – Алматы, 1994, 82 с.
6. там же, 82 с.
7. там же, 83 с.
8. там же, 84 с.
9. Кыдырбекулы Д. Кошпелілер кім болган еді? // Акикат, 1994, тамыз, №8, 36 с.
10. Родословная туркмен, М.-Л., 1958.
11. Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. – Ашхабад, 1963, т. 2.
12. там же, т. 3, с. 479-480.
13. Буганов В. Пугачев. – М., 1984, с. 330.

Аскарова М.И.

ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА

С давних пор существуют различные подходы к изучению процессов, связанных с возрастом человека. К нему можно подойти с биологической, юридической, социально-экономической и демографической точек зрения.

С точки зрения биологической науки возрастная группа молодежи характеризуется ростом, развитием и становлением с момента рождения ребенка. То есть продолжительность периода от момента рождения до определенного времени считается биологическим возрастом.

Биологическая возрастная группа молодежи классифицируется следующим образом:

1. Период новорожденности – 1-10 дней.
2. Грудной период – от 10 дней до 1 года.
3. Раннее детство – от 1 года до 3 лет.
4. Дошкольный возраст – 4-7 лет.
5. Младший школьный возраст – мальчик 8-12 лет, девочки 8-11 лет.
6. Подростковый период – мальчик 12-16 лет, девочки 12-15 лет.
7. Юношеский период – юноши 17-21 года, девушки 16-20 лет.
8. Зрелый возраст (1 период) – мужчины 22-35 лет, женщины 21-35 лет. Зрелый

возраст (2 период) – мужчины 36-60 лет, женщины 36-55 лет [1].

С юридической точки зрения возрастная группа молодежи – фактор, учитывающийся в законе. Если в биологической возрастной группе 18 лет – юношеский возраст, то в юридической он считается совершеннолетним, личность может воспользоваться политическими правами.

С социально-экономической точки зрения возрастная группа молодежи классифицируется следующим образом:

1. Дети (от рождения до 15 лет включительно) – лица, не участвующие в трудовом процессе, но устанавливающие показатели будущих способностей к труду.

2. Молодое поколение (16-24 года) – начальная стадия трудовой деятельности – это лица, обучающиеся в лицеях, профессиональных колледжах и вузах.

3. Средневозрастные (25-30 лет) – трудоспособная основная часть населения, лица, выбравшие свой путь жизни и достигшие определенных достижений в обществе.

В демографическом подходе делят население на три группы: молодые, среднего возраста и старые. Пресса Р. считает, что «эти три группы выполняют в обществе разные роли и имеют отчетливо дифференцированные потребности» [2].

На каждый период возрастной группы молодежи учеными даны разные характеристики. Один из древнейших мыслителей Пифагор сравнивал возрастную группу молодежи со временами года. То есть весна – до 20 лет; лето – 20-40 лет. Действительно, период становления жизни человека похож на весну. Момент рождения ребенка (рождение природы весной), его действия (набухание почек на деревьях), первые шаги (молодые всходы) – это все доказательства мнения Пифагора.

Также уместно отметить высказывание выдающего поэта Алишера Навои: «...лет с семи-восьми до двадцати... представляют собой раннюю весну жизни и бутон цветника жизни, и сам цветник», «от двадцати до тридцати пяти... это пора лета, когда начинают бить животворящие родники юности», «с тридцати пяти до сорока пяти – пора осени, когда начинают опадать лепестки сада жизни», «и от сорока пяти до примерно шестидесяти – это пора зимы, когда человек с согнутой спиной вступает на путь небытия и прощается с современниками» [3].

Американский демограф З.Г. Френкель дает несколько иные возрастные периоды молодежи населения: 1) 5-15 лет – юность; 2) 15-24 года – ранний рабочий возраст; 3) 25-44 года – главный рабочий возраст [4].

Другой американский демограф Д. Боуг считает, что населению при-

суши следующие возрастные характеристики молодежи: 1) молодость – 9-17 лет; 2) ранняя зрелость – 18-24 года; 3) зрелость – 25-44 года [5].

Экономист-социолог Л. Розенмайер, в отличие от демографа Д. Боуга, считает, что молодежный возраст имеет следующие границы: 13-24 года. Эти возрастные границы поделены на два периода: 13-18 лет – юношество и 18-24 года – молодые взрослые [6].

ООН возрастную группу молодежи классифицирует следующим образом:

1. Дети: не исполнилось 18 лет.
2. Подростки: 10-19 лет (в том числе раннее и среднее детство).
3. Юноши: 15-24 года.
4. Молодое поколение: 10-24 года [7].

В энциклопедическом словаре народонаселения возрастные группы молодежи разделены на следующие периоды (таблица 1):

Таблица 1

Характеристика возрастов

Календарь возрастов	Период жизни возрастных групп
1-7 дней	новорожденный
7 дней – 1 год	грудной возраст
1-3 года	раннее детство
4-7 лет	первое детство
8-12 лет (мальчики)	второе детство
8-11 лет (девочки)	
13-16 лет (мальчики)	подростковый возраст
12-15 лет (девочки)	
17-21 год (юноши)	юношеский возраст
16-20 лет (девушки)	
22-35 лет (мужчины)	зрелый возраст (1 период)
21-35 лет (женщины)	

Источник: Народонаселение: энциклопедический словарь. Москва, 1994. – С. 49.

В международной практике и статистике максимальной границей молодежного возраста является 25 лет. Статистика стран СНГ относит к

молодежи лиц в возрасте от 16 до 30 лет [8].

В настоящее время ученые-демографы классифицируют возрастную группу молодежи следующим образом (таблица 2).

Таблица 2

Характеристика возрастов молодежи

Период	Календарь возраста	Период жизни возрастных групп	
I.	0-6 лет.	Дошкольный возраст.	
II.	7-17 лет.	Школьный возраст.	1. 7-10 лет – младший школьный возраст.
			2. 11-13 лет – средний школьный возраст.
			3. 14-17 лет – старший школьный возраст.
III.	18-30 лет.	Гражданский возраст.	1. 18-20 лет – младший гражданский возраст.
			2. 21-24 года – средний гражданский возраст.
			3. 25-30 лет – старший гражданский возраст.

Источник: Ўзбекистон ёшлари: ижтимоий кифё. Тошкент-2008. Б-12.

В законе «Об основах государственной молодежной политике в Республике Узбекистан» в молодежную группу включены граждане в возрасте 14-30 лет [9]. Министерство труда и социальной защиты Республики Узбекистан делит детей на группы до 16 лет и молодежь 16-29 лет. Это на основе законодательства Республики Узбекистан молодое поколение делят на три демографические группы:

1. 16-19 лет;
2. 20-24 года;
3. 25-29 лет.

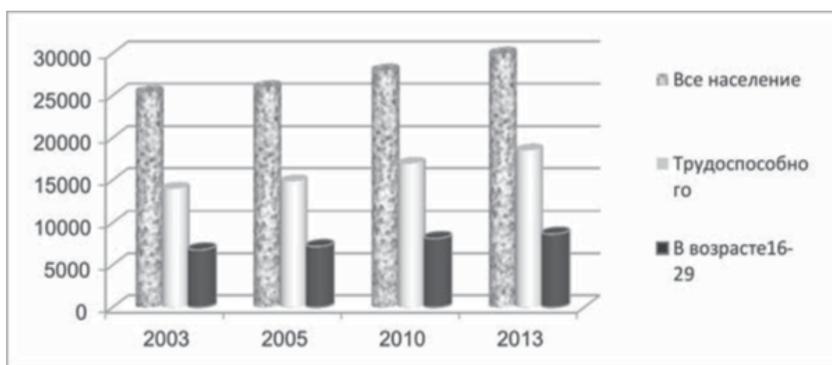
В соответствии с трудовым кодексом Республики Узбекистан на работу принимаются граждане с 16 лет. В Конвенции №138 1973 года

Международной организации труда «О минимальном возрасте для приема на работу» первоначально установлен возраст в четырнадцать лет как минимальный [10].

Если в 2013 году по отношению к 2003 году общее население Узбекистана увеличилось на 17,9%, то в течение этих лет население в возрасте 16-29 лет возросло на 27,2%. В настоящее время 36,7% населения – городское, 63,3% – сельское население. 26,4% городского и 27,0% сельского населения составляет молодежь в возрасте 16-29 лет

Рисунок 1

Часть молодежи среди населения Узбекистана

Источник: По данным Государственного Комитета Республики Узбекистан по статистике.

Таким образом, анализ показывает, что молодежь составляет большую часть в составе населения. Если в 2003 году численность молодежи составляла 26,8%, то в 2013 году – 29,0%.

Таблица 3

Доля молодежи в составе трудоспособного населения в Узбекистане (%)

Годы	Трудоспособные	16-29 лет	В том числе:		
			16-19 лет	20-24 года	25-29 лет
2003	100	48,8	16,8	17,2	14,8

Продолжение таблицы 3					
2005	100	48,5	16,8	17,2	14,5
2010	100	48,2	15,5	18,0	14,7
2013	100	47,2	13,7	17,04	15,8

Источник: Данные Государственного Комитета Республики Узбекистан по статистике.

Из таблицы 3 видно, что в настоящее время за последние десять лет есть тенденция к снижению доли молодежи. В годы независимости в республике эта тенденция начала формироваться в связи с новой демографической ситуацией.

Узбекистан, в отличие от стран СНГ, имеет высокий удельный вес молодежи в составе населения. Узбекистан по шкале демографического старения входит в одну из «молодых» стран мира [11].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ўзбекистон миллий энциклопедияси 3 том «Ўзбекистон миллий энциклопедия» Давлатилмий нашриёти. – Т., 2002. 493 бет.
2. Пресса Р. Население и его изучение. – М.: «Статистика», 1996. – С. 267.
3. Алишер Навоий. Мукаммал асарлар тўплами. Учинчи том. Хазойин улмаоний. – Т.: «Фан», 1988. – Б. 19.
4. Френкель З.Г. Удлинение жизни и деятельная старость. – Ленинград: «Экономиз-дат», 1945. – С. 144.
5. Vogue D. The population of the United States. – Clencoe, 1959. – P. 21.
6. Rozenmayer L. Towards an overriev of youth sociology – «Intern. Soc. Sci. J», vol, XX, №2, 1968. – P. 287.
7. Молодежь в меняющемся обществе. Региональный мониторинговый доклад. – М.: «ЮНИСЕФ», 2000. – С. 194.
8. Рынок труда: Учебник / Под ред. проф. Буланова В.С., проф. Волгина Н.А. – М.: Экзамен, 2007.
9. «Ўзбекистон Республикасида ёшларга доир давлат сиёсати тўғрисида», «Халк сўзи» газетаси, 1991 йил 13 ноябрь.
10. Халқаро Мехнат Ташкилотининг асосий конвенциялари ва тавсиялари. – Т.: «Ин- сон ҳуқуқлари бўйича Ўзбекистон Республикаси миллий маркази», 2008. – Б. 60.
11. Шарифхужаев М.Ш. Ёшлар муаммосини ўрганишнинг айрим методологик

ма- салалари. «Ёшлар муаммолари ва улар ечими (холат ва исгиқбол)» мавзусидаги Республика илмий-амалий конференция материаллари. – Т.: Қатортол-Камолот. 1999-й.

Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О. Нурмухамбетова А.С.

КАЗАХСКАЯ СЕМЬЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

(Статья подготовлена в рамках реализации проекта №313/2020 «Современное городское пространство в Казахстане (история формирования, актуальные тенденции и перспективы)», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант AP08957082)

Современное экономическое развитие Казахстана, его успехи и проблемы являются привлекательными для исследовательской среды. Не менее значимые социальные эволюции, как правило, меньше привлекают внимание ученых. В то время как «семейный атом», по выражению российского социолога А. Антонова, столь же неисчерпаем для социологического познания, как и атом в физике. Изучение семьи всегда актуально. Особенно если рассматривать семью как объект разных наук – истории, социологии, демографии, психологии.

Семья, являясь важным индикатором изменения социума, за последние 20-30 лет претерпела существенную эволюцию. Несмотря на это, институт современной семьи в Казахстане, в том числе казахской, редко являлся объектом отдельных научных исследований [1; с.5].

Широким остается круг исследовательских задач. Обозначим, на наш взгляд, наиболее важные из них:

1. Осуществить теоретико-методологический анализ основных научных подходов к изучению понятий «ценность», «семейные ценности», «ценностные установки», определению содержания данных дефиниций. Построить шкалу семейных норм и ценностей традиционной, маргинальной и посттрадиционной казахской семьи. Выяснить, как проявляется конфликт ценностей в казахской семье. Проанализировать демографическое поведение разных типов семьи.

2. Через эволюцию семейных ценностей изучить, как произошло

изменение внутренней структуры казахской семьи, трансформацию внутрисемейных связей. Какие существовали стереотипы поведения и нормы взаимоотношения в расширенной семье – общение с большим кругом родственников, разветвленность родственных связей. Как в современной городской семье сужается круг контактов, когда при современном ритме жизни не хватает времени на полноценное общение с родственниками. И каким образом это повлияло на трансформацию моделей семейных отношений, как это изменило представления об обязанностях родственников по отношению друг к другу.

3. В традиционном обществе семья и семейно-родственная группа играют основную роль в социализации личности. В посттрадиционном обществе в процессе социализации личности активно включаются и другие институты: детсады, учебные заведения, различные образовательные центры по развитию детей и т.д. В этом ракурсе возникает необходимость изучения новых, «других» ценностей, которые могут повлиять на появление новых, «иных» способов социализации личности в переходной, маргинальной модели казахской семьи.

4. Как повлияли ценностные установки на мотивацию для создания семьи, на отношение к добрачным сексуальным связям, на критерии выбора брачного партнера, на отношение к рождению детей в различных моделях семьи. Как изменились представления о гендерных ролях внутри современной казахской семьи.

5. Изучить протогенетический и интергенетический интервал, используя устный нарратив. Протогенетический интервал – время рождения первого ребенка после вступления в брак. Чем меньше интервал, тем традиционнее установки на рождаемость (если вступил в брак, то в течение какого времени – первого, второго, третьего и т.д. года рождается первый ребенок). Интергенетический интервал – интервал между рождениями следующих детей по очередности, между первым и вторым, вторым и третьим и т.д. Чем больше разрыв между ними – тем выше социальные установки (рациональное поведение). Возможно ли этот разрыв рассматривать как время на получение образования, повышение квалификации, карьерный рост, социализацию женщины и т.д. Изучить эти интервалы в трех поколениях, рассмотреть, как они изменились на протяжении нескольких десятков лет.

6. Осуществить интервьюирование членов семьи. Во время собеседования выяснить, влияет ли религия на восстановление традиционных семейных ценностей казахов или появление новых ценностей, демогра-

фических установок.

7. Изучить семейную политику государства. Проанализировать правительственные документы, государственные программы поддержки семьи, выяснить, как они могут повлиять на восстановление традиционных семейных ценностей. Может ли повлиять государственная семейная политика в Казахстане (программа поддержки многодетности, материальное стимулирование рождения 3, 4 и более ребенка, пропаганда традиционных семейных ценностей) на возврат патриархальных ценностных установок в современную казахскую семью. На микроуровне (семья) идет движение семейных норм и ценностей в направлении: традиционные – маргинальные–посттрадиционные, а на макроуровне (государство или религия) – может ли возникнуть движение ценностных установок семьи назад: от посттрадиционных к маргинальным и опять к патриархальным. Или, возможно, они останутся смешанными.

Традиционная модель семьи, как известно, характеризуется патриархальностью, патрилинейностью, патрилокальностью (супруги жили вместе или рядом с семьей родителей мужа), приоритет отдавался более близким отношениям с родственниками отца. Широкий был круг семейно-родственных связей. Одной из важных традиционных ценностей являлась многодетность. Посттрадиционная модель характеризуется совершенно новыми отношениями – равенством супругов, билатеральностью родственных связей, неолокальностью. Билатеральность представляет собой симметричные отношения индивида с родственниками как с материнской линии, так и с отцовской. Неолокальность подразумевает поселение супругов на новом месте, а не в доме родителей одного из них. Родственные связи поддерживаются избирательно и в гораздо меньшем объеме. Как правило, современная семья отличается малодетностью. В основе изменения моделей семьи, на наш взгляд, приоритетной является трансформация семейных ценностей и демографического поведения семьи.

Современная казахская городская семья утратила не все нормы и ценности традиционной, расширенной семьи и в тоже время воплотила в себя новые нормы и ценности посттрадиционной семьи. В основе этой трансформации находится эволюция семейных ценностей и демографического поведения. Ее нахождение в таком переходном состоянии и является актуальным исследовательской точки зрения. Она представляется нам как фокус социометрического времени (прошлого, настоящего и будущего), в котором преломляются семейные ценности разных поколений, «разных эпох». Изучив эту квинтэссенцию семейных ценностных уста-

новок 3-х поколений современной казахской семьи через данное переходное состояние, можно зафиксировать здесь и сейчас исторический путь семьи вообще, который она прошла в течение веков от традиционной расширенной до посттрадиционной.

Демографическое поведение можно рассматривать как систему действий и отношений, опосредующих демографические поступки, явления. К демографическому поведению относятся действия и отношения, связанные с осуществлением полного репродуктивного цикла, с последовательной сменой репродуктивных событий, действий и отношений, препятствующих наступлению каждого звена репродуктивного цикла. Сюда относятся и количество детей в семье, очередность и интервалы между рождениями, методы внутрисемейного регулирования рождаемости, аборты и т.д. [2].

Демографическое поведение в контексте семейно-брачных отношений называют брачным. Под ним понимают поведение людей, связанное с заключением и прекращением брака. Его демографически значимыми аспектами являются: возраст вступления в первый и последующий браки; возраст расторжения первого и последующего браков; очередность брака, очередность развода, продолжительность безбрачного периода до вступления в брак и между браками, формы брака [2].

Старшее поколение в современных казахских семьях, родившееся, как правило, в 1940-1950 гг. в сельской местности и прожившее большую часть своей жизни на селе, было многодетным, со своими семейными ценностями и установками, особым демографическим поведением. Это была семья расширенная, с традиционными устоями в регулировании семейно-брачных отношений. Среднее поколение, родившееся, как правило, в 1960-1970 гг. (большинство в период «демографического бума») на селе и переехавшие в город (внутренние мигранты), отличается маргинальным поведением, большинство из них – среднететные или уже малодетные семьи, вобравшие в себя традиции как сельского, так и городского образа жизни. Как правило, это поколение выросло в деревне, получило образование, жило и работало в городе. Выходные, праздничные дни и время отпусков проводили в деревне, помогая родителям по хозяйству. Их дети также большее время своих каникул находились у бабушек и дедушек, общались с сельскими детьми. Маргинальный образ жизни сформировал маргинальные ценности и особый тип семьи – переходный.

Молодое поколение, родившееся, как правило, в 1980-1990 гг. в городах и живущее в городе с совершенно иными, новыми ценностными установками, представляет собой новый современный тип семьи, движущийся

щийся к посттрадиционной или уже являющийся таковой. В то же время оно находится в тесном контакте со старшим поколением.

Как правило, такие семьи не всегда живут под одной крышей с родителями, расселяются в одном городском доме, но в разных квартирах, в одном районе, но в близлежащих домах, или старшее поколение перевозят в деревню вблизи города или поселки, прилегающие к городу. Данный тип расселения позволяет им сохранять тесные родственные отношения и преемственность 3-х поколений, оказывать помощь в воспитании детей, в практике ведения домашнего хозяйства.

В заключение можно отметить поливариативность форм современной казахской семьи как объекта исследования, параллельность существования разных моделей: традиционной, маргинальной, посттрадиционной на основе поливариативности и параллельности существования семейных ценностей и демографического поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996. – 304 с.
2. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грищанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколов, О.В. Терещенко, 2003 / Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568>.

Бабиров Р.А.

ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА В СУВЕРЕННЫЙ ПЕРИОД

Девяностые годы остались в истории, как годы тяжелых экономических и социальных катастроф. Вследствие распада СССР повлекших масштабные негативные тенденции в экономике многие люди оказались за «чертой бедности», что в свою очередь привело и к тяжелым демографическим последствиям.

Казахстан в данном вопросе, к сожалению, не стал исключением. 90-е годы стали тяжелым испытанием для республики и ее населения. В начале 90-х годов в Казахстане наблюдалась сложная экономическая, социальная и демографическая ситуация. Спад производства напрямую повлиял на экономическое благосостояние граждан. Увеличилась без-

работица, смертность, резко упали показатели рождаемости. Миграция 90-х годов является довольно сложным по своей природе демографическим процессом.

Начиная с конца 80- 90-х годов в Казахстане начинаются активные миграционные процессы. Связано это было с тяжелым кризисом вследствие распада Советского союза. Тысячи людей мигрировали на свою историческую родину. Был зафиксирован большой миграционный отток русскоговорящего населения в Россию и в другие страны бывшего СССР. «Чистая» миграция населения из Казахстана в 1989-1996 гг. по официальным данным составило 7,9% от всей численности населения [1]. Негативная демографическая ситуация напрямую повлияла на промышленность республики и стала одной из причин ее краха в первой половине 90-х гг.

Валовый внутренний продукт республики в 1995 г. сократился на 18% по сравнению с показателями валового внутреннего продукта 1991 г. Также сильно упали показатели по добычи угля и нефти. В стране чувствовалась острая нехватка твердой валюты для полноценного перехода на новые рыночные экономические отношения.

Первая половина 90-х годов XX века оказывается самой тяжелой в истории нового независимого государства. Казахстан не имел собственных механизмов выхода на мировые рынки, что сильно усугубляло экономическую ситуацию в стране. Республике, пришлось строить свою собственную независимую рыночную экономику, при этом имея большие этнические, социальные, экологические и демографические проблемы [2]. Данные об основных показателях социально-экономического развития Казахстана представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Основные показатели социально-экономического развития Казахстана [3].

Показатели	1991	1995	2000	2005	2010	2011
Население, млн чел.	16,4	16,0	14,9	15,2	16,4	16,7
Естественный прирост населения, чел. на 1000 жителей	13,0	7,0	4,8	8,0	13,6	-
Среднемесячная номинальная заработанная плата, долл./чел.	-	78,8	101,1	256,3	525,7	612,4

Продолжение таблицы 1						
Производство электроэнергии, млрдкВт•ч	86,0	66,7	51,6	67,9	82,7	88,1
Добыча нефти и газового конденсата, млн т	26,6	20,5	35,3	61,5	79,5	80,1
Добыча природного газа, млрд куб. м	7,9	5,9	11,5	25,0	37,1	39,3
Добыча угля, млн. т	130	83,3	74,9	86,6	111,0	116,0
Экспорт, млн долл.	-	5250	8812	27849	59543	88118
Импорт, млн долл.	-	3807	5040	17352	30438	38868

Примечание – таблица составлена на основании данных Агентства републики Казахстан по статистике

Первая перепись населения в независимом Казахстане прошла ровно через 10 лет после Всесоюзной переписи населения 1989 г. в феврале 1999 г. Она проводилась с 25 февраля по 4 марта. Результаты переписи были опубликованы лишь к концу 2000г.

На 2000 г. численность населения Казахстана составляло примерно 14,9 млн человек-это примерно на 1,5 млн (7,7%) жителей меньше чем в 1991 г. Это видно по данным, показанных в таблице 11. Такая существенная потеря в численности населения объясняется большим миграционным оттоком русскоязычного населения за пределы Казахстана.

Также сокращение численности населения страны объясняется появлением естественной убыли населения у татар, украинцев, русских и других этносов. Но не только на основе данных об оттоке большого количества населения строится демографическая картина Казахстана в 90-е годы. В этот временной период в республику начинают возвращаться этнические казахи-оралманы.

Численность вернувшихся этнических казахов в 90-е годы XX века достигло примерно 150 тыс. человек. Наметилась тенденция, при которой казахский этнос начинает активно переезжать в города и близлежащие к ним окрестности. Вокруг городов начинают активно пополняться и строиться дачно-жилые массивы. Эта ситуация видимо спровоцировала отток

русскоязычного этноса.

По переписи 1999 г. самые большие этнические группы в стране, как и раньше, составляли русские (4,4млн. чел.) и казахи (8,0 млн. чел).

Переписью населения 1999 года в Республике Казахстан было зарегистрировано 14953,1 тыс. постоянных жителей, за межпереписной период численность сократилась на 7,7 %. Мужчин на момент переписи учтено 48 % от общей численности населения страны, женщин 52 %. На 1000 мужчин приходится 1076 женщин [4]. Результаты сравнения численности и этнического состава населения Казахстана с 1989-1999гг. представлены в таблице 2 [4].

Таблица 2 - Численность и этнический состав населения Казахстана в 1989-1999 гг.

	1989		1999		Изменение в %
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	
Всего	16199,2	100	14953,1	100	92,3
казахи	6496,9	40,1	7985	53,4	122,9
русские	6062	37,4	4479,6	30	73,9
украинцы	875,7	5,4	547,1	3,7	62,5
немцы	946,9	5,8	353,4	2,4	37,3
татары	320,7	2	249	1,7	77,6
другие	1497	9,2	1339	9	89,4

Примечание – таблица составлена на основании данных Агентства республики Казахстан по статистике

Основываясь на данных, показанных в таблице 2 видно, что численность населения в период с 1989-1999 гг. существенно сократилась. Особенно заметно уменьшение численности русского этноса.

Только к концу 90-х и началу 2000-х экономическая и демографическая ситуация в стране начинает понемногу стабилизироваться. Экономика государства начинает развиваться стремительными темпами и уровень жизни населения с каждым годом начинает повышаться.

В Восточном Казахстане на 1999г. проживали более 100 национальностей.

Согласно итогам переписи 1999 года казахский этнос впервые стал занимать лидирующие позиции – 48,5% -743098 человек. 59,9% казахского этноса жили в сельских местностях, 40,1% – в городе. Удельный вес русского населения составлял 45,3% от общей численности населения. Более 77,6% русских жили в городской местности, а 22,4% в сельской местности. Если сравнивать численность населения 1999 г. с переписью населения 2009 г., то за 10 межпереписных лет казахское население увеличилось примерно на 5,1%. Численность русского этноса за 10 лет продолжало сокращаться и к 2009 г. составило 40,1% [5]. Данные о национальном составе населения Восточно-Казахстанской области по данным переписи 1999 г. и 2009 г. представлены в таблице 3 [5].

Таблица 3- Национальный состав населения Восточно-Казахстанской области по данным переписи 1999 г. и 2009 г.

	1999 г., тыс. человек	2009 г., тыс. человек	На нача- ло 2016 тыс. человек	1999 %	2009 г.,%	На нача- ло 2016 г. тыс. человек
Всего	1531024	1396593	1395797	100	100	100
Казахи	743098	781732	828343	48,5	55,9	59,3
Русские	694705	561183	518038	45,3	40,1	37,1
Немцы	32141	14030	13398	2	1	0,9
Татары	24538	17789	16776	1,6	1,2	1,2
Украин- цы	15696	7078	4660	1	0,5	0,3
Белору- сы	4525	1999	1355	0,2	0,1	0,09
А з е р - б а й д - жанцы	1426	1373	1635	0,09	0,1	0,1

Продолжение таблицы 3						
Узбеки	1203	1215	1411	0,07	0,08	0,1
другие	29288	12478	10181	1,9	0,8	0,9

Примечание - таблица составлена на основании данных Переписи населения 1999 г. Национальный состав по регионам Казахстана.

Основываясь на показателях, представленных в таблице 3 видно, что население Восточно-Казахстанской области с 1999г. по 2016 г. сократилось на 1,1%.

Несмотря на некоторые изменения в демографической картине Восточно-Казахстанской области, все же остается тенденция, при которой городское пространство занимает русскоговорящее население (в том числе и русскоязычные казахи), а сельские южные районы занимает казахский этнос. Также между городскими казахами и сельскими имеются различия в системе культурных ценностей, взглядов, мировоззрений и жизненных целей. Можно заметить интересную ситуацию, при которой, не смотря на то, что казахи в 90-х годах начинают активно переезжать в город, городская культурная среда не меняется. Город «перерабатывает» всех людей, которые переезжают в город. Если провести наблюдения за студентами, приезжающими в город на учебу, можно заметить, что через некоторое время они меняются и адаптируются под городскую среду.

Европейское население за межпереписные годы 1999-2009 гг. стремительно сокращается. Города Восточного и Северного Казахстана понемногу становятся мононациональными. Влияние других этносов, из-за своей малочисленности, не было таким существенным на демографическую картину страны. На них самих оказывали влияние более крупные по своей численности этносы. Перепись 2009 г. дает увидеть изменения этнической картины населения Казахстана. Перед распадом Советского союза Казахстан был многонациональным государством. Титульный казахский этнос занимал меньше половины от всей численности населения страны. Только совсем недавно они смогли стать большинством.

Европейские этносы начиная с 1989 г. начинают стремительно сокращаться. Численность немцев в республике с 1989 по 1999 г. сократилось в 2,7 раза. Здесь играла роль миграционная политика Германии по возвращении на родину этнических немцев. Часть белорусов, украинцев и других представителей славянских народов мигрировала за границу

Казахстана, а другая часть смешалась с русским этносом.

Начиная с 2000-х годов благодаря увеличению рождаемости и уменьшению миграции, население Казахстана начинает увеличиваться. Если сравнивать переписи 1999 г. и перепись 2009 г. то можно увидеть, что население республики стало больше на 1 млн. человек.

Как видно именно миграция оказывает огромное влияние на эволюцию этнического состава населения республики. Политический и экономический кризис 90-х годов подтолкнул демографические, этнические, исторические процессы, протекающие в стране. «Равновесие» между европейским городским пространством (в большинстве своем состоящего из русского этноса) и сельских жителей (казахов) начинает ломаться. Огромное количество людей начинает мигрировать в связи с незнанием своего будущего и поиском эмоциональной безопасности и стабильности. Но на смену эмоциям всегда приходит рациональность. В связи с этим, миграционные потоки 90-х годов вряд ли бы носили долговременный характер.

В начале XXI века социально-политическая, социально-экономическая стабилизация в Республики Казахстан стала реальностью. Происходящие социальные процессы, миграционные в том числе, имеют в основе своей рациональный характер и можно предполагать, что при условии сохранения базовых политических, социально-экономических приоритетов они будут определять ситуацию в течение длительного времени [6].

Что касается самого города Усть-Каменогорска, то 90-е годы для него также не прошли бесследно. В городе в начале 90-х наблюдались самые низкие темпы роста населения в области. Также на момент 1993-94 гг. зафиксировано сокращение населения Усть-Каменогорска вследствие отрицательного естественного прироста и миграционного оттока. В 90-е годы наметилась тенденция возврата городского населения Усть-Каменогорска, состоящего из тех сельских жителей, которые не успели прижиться в городе, обратно в родные сельские места.

Теперь необходимо обратиться к статистической информации для рассмотрения численности и этнического состава населения Усть-Каменогорска в суверенный период.

Население города Усть-Каменогорска на момент проведения переписи населения 1999 г. составило 316910 человек. На 2000 г. численность городского населения Усть-Каменогорска составляло 307517 человек. Число родившихся в 2000г. в городе составило 2521 человек, а число умерших в этот год 4026 человек. Естественная убыль населения составила -1306 человек на 1999 г.

Городское население Усть-Каменогорска на 1.01.2003 г. составляло 307,1 тыс. человек. При этом 296 тыс. человек проживали в городской среде и 10,2 тыс. человек в сельской местности.

От общего числа населения области на 2002 г. население города Усть-Каменогорска составляло примерно 20,9%. По данным переписи населения 1999 г. национальный состав города выглядел следующим образом: русский этнос составлял 74,3% от общей численности населения, казахский этнос – 19,4%, другие этносы – 6,3%.

Начиная с конца 90-х годов, численность казахского населения начинает значительно увеличиваться. Русский этнос в городском пространстве стал стремительно сокращаться [7].

Результаты сравнения численности и этнического состава населения города Усть-Каменогорска по данным переписей 1989-1999-2009 гг. и текущей статистики представлены в таблице 4 [7-8].

Таблица 4 - Сравнение численности и этнического состава населения города Усть-Каменогорска по данным переписей 1989-1999-2009 гг. и текущей статистики.

Год	Все население города		казахи		русские		Прочие этносы	
	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%
1989	322781	100	34097	10,6	263179	81,5	25505	7,9
1999	320234	100	62136	19,4	238057	74,3	20041	6,3
2009	298866	100	79313	26,5	203499	68,1	16054	5,4
2014	325803	100	124910	38,3	188872	58,0	12021	3,7
2019	331614	100	152126	44,25	179960	52,25	11693	3,5

1 Примечание – таблица составлена на основании данных Восточно-Казахстанского областного управления статистики: Усть-Каменогорск, 1991

2 Примечание - таблица составлена на основании данных Этнодемографического сборника Республики Казахстан, 2014г.

По данным таблицы 4 можно увидеть, что число казахского этноса за 1989-2019 гг. увеличилось почти в 4,4 раза. Русский этнос сократился почти в 2 раза.

К 2009 г. численность населения г. Усть-Каменогорска составила 298

900 человек. На 2013 год население Усть-Каменогорска по статистическим данным составило 330 352 человека. Увеличение города происходит по плавной траектории.

Но все же в основной своей массе город оставался русскоязычным. Те казахи, которые приезжали в город, должны были выучить русский язык для своей более успешной адаптации. Было сложно тем представителям казахского этноса, которые приезжали из южных районов Восточно-Казахстанской области. Но именно те казахи, которые переехали в город в 90-е гг. являются очень важным звеном для формирования казахского городского этноса, так как они переехали в город в репродуктивном возрасте. В будущем на их основе будет формироваться фундамент городского казахского населения.

Можно предположить, что в ближайшие годы миграционный поток из села в город все более интенсифицируется [5]. В активный социальный возраст (получение высшего образования, поиск работы и т.п.) начнут вступать молодые люди, рожденные в начале второй демографической волны, вызванной демографическим взрывом 50-х – начала 60-х годов XX века [60]. С учетом того, что в сельской местности области проживает около 400тыс. казахов, миграционный поток из села в состоянии еще более серьезно изменить этнический состав областного центра [6]. Тем более что сохраняется тенденция сокращения численности русских [6].

Если рассмотреть этническую составляющую расселения населения в городе Усть-Каменогорске, то видно, что в основном казахский этнос проживает на территории Комбината шелковых тканей, поселка Ахмирово, Согра и в других районах города. Русские в основном проживают в центре города, в поселке Октябрьском, Мирном и др. районах.

Как показывает статистика, на сегодняшний день огромного оттока населения из Усть-Каменогорска не ожидается. В основном уезжают учиться студенты, как русские, так и казахи в страны близлежащего зарубежья, в основном в Россию.

Таким образом, видно, что в суверенный период благодаря миграционным потокам 90-х годов сформировался современный демографический облик города Усть-Каменогорска. Почти за 30 лет независимости казахский городской этнос существенно прибавил в своей численности. Темпы роста русского населения начали сокращаться. Здесь огромную роль сыграли отток русскоязычного населения за рубеж, и тот факт, что русский этнос в силу исторических и демографических причин является в основном стареющим населением. Казахский этнос впервые в своей истории становится доминирующим этносом в стране. Но городская сре-

да Усть-Каменогорска по-прежнему является русскоязычной, и она адаптирует под себя этносы, проживающие на данной территории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Техническое снабжение: учеб.-метод. пособие / В.И. Степанов. — Москва: Академия, 2009. — 192 с.
2. Алексеенко А.Н. Миграция и эволюция визуального пространства Усть-Каменогорска. Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-i-evolyutsiya-vizualnogo-prostranstva-ust-kamenogorska> (дата обращения: 21.04.2020).
3. Организация информационно-вычислительных работ. [Электронный ресурс]. URL: <https://studwood.ru>(Дата Казахстан: причины и проявления экономического спада в 1990 годы: [Сауран] URL: <http://cc-sauran.kz/rubriki/economika/47-kazahstan-prichiny-i-proyavleniya-ekonomicheskogo-spada-v-1990-gody.html>
4. Источники: 10 лет СНГ (1991–2000). Стат. сб. МГСК СНГ. М., 2001; Содружество Независимых Государств в 2010 г. Стат. сб. МГСК СНГ. М., 2011. Агентство республики Казахстан по статистике
5. Агентство Республики Казахстан по статистике. Архив Архивировано 13 ноября 2013 года.: Национальный состав населения Республики Казахстан и его областей (том 1) Архивировано 16 августа 2011 года
6. Восточно-Казахстанская область. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Казахстанская_область (дата обращения: 21.04.2020).
7. Алексеенко А. Н. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества: книга обращена к широкому кругу читателей / А.Н. Алексеенко. - Астана-Алматы : Курсив, 2016. – 43 с.
8. Данные Восточно-Казахстанского областного управления статистики: Усть-Каменогорск,1991; Итоги переписи населения 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. Т.2. – Алматы, 2001. С.43

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ГЕОСАЯСИ ЖАҒДАЙЫ: ТАРИХИ ТАЛДАУ МЕН ДАМУ БОЛАШАҒЫ

Орталық Азия – Азияның кіндігі және орталығы болып табылатын аймақ. Орталық Азия елдері – Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Тәжікстан, Түркменстан болып табылады. Геоаймақ ресми түрде 1993 жылы 4 қаңтарда Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Тәжікстан және Түрікменстан Республикалары президенттерінің Ташкент қаласында өткен саяси, экономикалық ынтымақтастықты нығайту мәселелері жөніндегі басқосуында бекітілді.

Орталық Азия болып аталуы – жер аумағының Еуразия құрлығының ортасында орналасуына байланысты болды. Сонымен қатар осы елдердің тарихы, діні мен тілі, салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрпы, мәдениеті мен шаруашылығындағы жақындықтар, ұқсастықтардың көп болуы да Орталық Азияның біртұтастығына себепші болып отыр. Орталық Азияның саяси-әлеуметтік өміріндегі өзіне тән ерекше қасиет – ол ислам әлемінің бір бөлігі болуы және христиан, буддизм, индуизм секілді басқа да өркениеттердің тоғысуымен ерекшеленуі. Аймақ ежелден бері шығыс пен батыс елдерін жалғастыратын біріктіруші көпір қызметін де атқарып келеді.

Бұл аймақтың дәстүрлі байланысы Ресей, Қытай және ТМД-ның басқа да елдерімен орныққан. АҚШ, Үндістан, Батыс Еуропа және мұсылман елдері де осы аймақтағы геостратегиялық мүдделерін айқын жүзеге асыруда.

Мақалада Еуразияның орталығы болып саналатын Орталық Азияның тарихы, әлемдегі саяси мәні, осы аймаққа сырттан пайда болып отырған қызығушылықтары, мүдделері, аймақтың геосаясаты мен қазіргі жағдайы, сонымен қатар даму болашағы қарастырылады.

Қазір геосаясат кең мағынада қолданылып, адамдардың немесе мемлекеттердің белгілі бір мақсатқа жету үшін билікті қандай жолмен тудыратынын анықтайтын, билікті сақтауды бейнелеу үшін қолданылатын әдіс ретінде қарастырылады. Мемлекет деңгейінде бұл әдіс, мемлекеттің мүдделеріне жету және қызметін атқаруда саясат, экономика және әскери күшті қалайша қолданатынын да көрсетеді.

Еуразия континентінің төрінде орналасқан Орталық Азия көне Жібек жолындағы ең маңызды аймақ болып саналған. Бірнеше ғасырлар бойы бұл аймақ әлем елдері үшін стратегиялық маңыздылыққа ие болды.

Атақты Британ ғалымы, геосаясатшы сэр Хэлфорд Маккиндер келесідей пікір ұсынған болатын. «Кімде кім Орталық Азияға билік орнатса, Еуразия континентіне де билік етеді. Ал кім Еуразия континентіне билік орнатса, онда ол әлемді билеуге мүмкіндік алады» [1, 180 с].

Жалпы тарихқа сүйенсек Орталық Азия әрқашан «байланыс көпірі» қызметін атқарып қана қоймай, қонақжай аймақ ретінде де танылған болатын. Этникалық және діни төзімділік Орталық Азия халықтарының мыңдаған жылдар бойғы ерекшелігі болып табылады. Сауда қатынастарының дамып, қаншама ғасыр бойы әлемдік экономикада үстемдік етуі тек географиялық орналасуымен ғана емес, Орталық Азия халықтарының ежелден бері келе жатқан төзімді мінезімен де түсіндіріледі.

XVIII ғасырда әлемде тұрақты армияларды құрудың көбейіп, күшеюіне байланысты көшпелілердің үстемдігі азайған еді. Аймақ бірқатар соғыстардан соң Ресей империясы мен Цин империясының ықпалына түсіп қалды. 1917 жылғы Ресей төңкерісінен кейін Орталық Азияда РКФСР құрамына кірген бірқатар мемлекеттер пайда болды. Орталық Азия КСРО құрамында болған жылдары индустрияландыру мен инфрақұрылым құрылысын бастан өткерді. Орталық Азия аймағында этникалық шиеленістер мен экологиялық проблемалар да жоқ емес еді [2, 4 с].

Орталық Азия елдерінің Патшалық Ресей мен КСРО ықпалында болуы аймақ үшін келесі салдарды әкелді:

1) Мемлекеттік құрылыстың империялық құрылымы «орталық-периферия» эквивалентті емес қатынастар моделінің қалыптасуына әсер етті.

2) Тоталитарлық режим жүйе құрушы ядро мен оның аймақтық бөліктерінің арасында функционалдық асимметриясына одан сайын ықпал етті.

Сондықтан постқайта құру уақытында пайда болған аймақтағы саяси қатынастардың ушығуы мен материалды-рухани коллапс көбіне саяси үстемдікті жүзеге асырудың империялық тәсілдері мен құралдарының салдары болды.

КСРО ыдырауымен Орталық Азия геосаяси жағдайы кенет өзгерді. Бес тәуелсіз мемлекеттің қалыптасуындағы ең бірінші проблемалық жағдай ол- ескі және жаңа мемлекет арасындағы біршама қарама-қайшылықтар еді.

КСРО ыдырауы сонымен қатар мемлекеттердің дербес елдерге айналып, саяси құқық мәртебесінің қалыптасуын қамтамасыз етті.

Жетім қалған баланың күйін кешкен, жас, тәуелсіз әрі тәжірибесіз мемлекеттердің алдынан біршама қиындықтар да тұрды.

Ұзақ уақыт көлемінде бұл аймақ еркіндіксіз, кеңес метрополиясы саяси-әкімшілік жүйесінің құрамдасы болып келді. Орталық Азияның тағдырын көп жылдар бойы аймақ шекарасынан тыс орналасқан елдер анықтап отырды. Күш саясатын пайдалана отырып, ол мемлекеттер Орталық Азияның аумағын ықпал ету сфераларына бөлді, ал ол сфералардың тоғысында саяси шекараларды өткізді, өз кезегінде осы шекаралар аймақтың қазіргі геосаяси картасын қалыптастырды.

КСРО ыдырағаннан кейін Орталық Азияда жаңа бес мемлекет пайда болды. Мұндай аумақта бес мемлекеттің орналасуы супер держава-лы мемлекеттердің осы елдерге деген қызығушылығын кеңейтуге ықпал етті.

1991 жылы Кеңес үкіметінің ыдырауы нәтижесінде Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түркменстан және Өзбекстан сияқты мемлекеттер жылдар бойы аңсаған тәуелсіздігін алды. Дегенмен, қырғикабақ соғысының аяқталғанына қарамастан бұл елдердің халықаралық саяси және экономикалық қатынастардағы орны әлсіз болатын. Онымен қоймай бұл аймақтың түрлі-түсті, қанық мәдениетін әлем елдері жатсынған болатын. Бірақ жағдай Америкадағы 2001 жылы қыркүйек айында болған лаңкестік шабуылдарынан соң өзгерді. Бұл оқиғадан кейін АҚШ Ауғанстанға әскер енгізді, нәтижесінде Орталық Азия аймағы анти-террористік шаралардың базасына айналып, халықаралық қауымдастықтың назарын өзіне аударды.

Орталық Азияға ықпал етуші елдер аймақты арзан шикізат көзі ретінде қарастырады. Сонымен қатар Орталық Азия сапасыз, қымбат тауарларды өткізу нарығы болып отыр. Орталық Азия елдерінің пайдалы қазба байлықтары, ақ алтын мен қара алтын, мақта, мұнай, газ, көмірсутегі ресурстары, өте бай шикізат қорлары, мыс кен орындары мен атом өнеркәсібі бар. Осыған орай, АҚШ, Ресей мен Қытай аймақта жаһандық, өңірлік, сондай-ақ тұрақтылық пен қауіпсіздікті қамтамасыз етуге мүдделілік танытады.

Орталық Азия бүгінгі күні АҚШ, Ресей мен Қытайдың үш формуласында геосаяси, геостратегиялық және геоэкономикалық мүдделерінің қиылысында жатқанын білеміз. Осы елдердің әрқайсысы Орталық Азиядағы өз мүдделерін қалыптастыруға, сыртқы саясат доктринасында аймақтың орны мен рөлін анықтауға және мемлекеттік мүдделерінің басымдықтарына баса назар аударуға тырысуда [3, 515 с].

Ресей мен Қытай «Шанхай Ынтымақтастығы Ұйымы» форматында көршілес Орталық Азия елдерімен әріптестікті күшейту арқылы өңірдегі тұрақтылықты, қауіпсіздікті қамтамасыз етуге мүдделі болып отыр [3, 433 с].

АҚШ-тың көздегені – Азияның ішкі бөлігіне кіру болып табылады. АҚШ Азияның ішкі бөлігіне кіретін жағдайда, барлық Еуразия континентіне өз билігін жүргізе алар еді. Сондай-ақ, Ресей мен Қытай сияқты елдердің осы аймақтағы үстемдігін әлсіретуге жол ашар еді.

Бұл елдердің үстемдікке жетуге құштарлығының басты себебі құрлықтық сауда жолы болып табылады. Ежелгі заманда да Еуразия кіндігін кесіп өтетін Ұлы Жібек жолы шығыс пен батысты байланыстыратын керемет сауда жолын жасақтаған еді. Қазіргі кезеңде АҚШ, Еуропа елдері, Жапония сияқты елдердің тікелей мұхитқа шыға алуы теңіздік сауда жолындағы үстемдікті осы елдерге берген болатын. Оған қарсы жауап ретінде Қытай құрлықтық сауда жолын жасақтамақшы, және осы жоспардағы маңызға ие аймақ Орталық Азия болып табылатыны айқын. АҚШ осы ретте бұл жоспардың алдын алу қажет немесе сол жоспарға иелік ету қажет болып отыр. Бұл жоспардың іске асуы жаңа экономикалық заңдар мен жаңа экономикалық алпауыттарды дүниеге алып келер еді.

АҚШ Орталық Азия елдеріндегі жеке мемлекеттерге ықпалын жүргізумен шектеліп қана қоймай, сондай-ақ трансұлттық қауіп-қатерлер: терроризм, заңсыз есірткі айналымы, жаппай қырып-жоятын қаруды таратпау, бақылаусыз көші-қон және адам саудасына байланысты бірқатар мәселелерге мүдделілік танытады.

Американың ойынша Мәскеу мен Пекин ынтымақтастығы АҚШ-тың әлемдегі ықпалын азайтуға бағытталған. Сондықтан да Ресей мен Қытайға қосарласа Американың да осы аймақты геосаясаттық маңызды деп қарастыруы жаңалық емес.

Кейбір сарапшылар қауымы АҚШ билігінің Әлемдік сауда орталығын жару арқылы Халықаралық экстремизм мен терроризмге қарсы күрес, сондай-ақ адам құқықтары мен бостандықтары сақталмайтын елдерде демократияны орнатуды сылтау етіп, қара алтынға өте бай «Ислам әлеміндегі Араб елдерінің мұнайы мен газына өз ықпалын тұрақты жүргізгісі» келеді деп болжайды.

Көптеген сарапшылардың ойынша Орталық Азия елдерінің билігі Ресейдің ықпалында жатыр. Жалпы геосаяси көзқарас бойынша Орталық Азияның солтүстік бөлігін Ресей иеленді. Ресей осы өңірдің тұрақтылығы мен қауіпсіздігін өзінің ықпалында ұстағысы келеді. Мәскеу ТМД мемлекеттерін жұмылдырып Еуразиялық экономикалық

одақ, Кеден одағы, әскери блок – ҰҚК секілді іс-әрекеттерін жеделдетуді қалайды. Бүгінгі күні Еуразиялық экономикалық одақтың ауқымы кеңейіп келеді. Осы орайда, АҚШ, Ресей мен Қытайдың Орталық Азиядағы өз ықпалдарын «Энергетикалық көлік саласымен: мұнай, газ, су электр станциясын» салыстырмалы түрде сипаттауға болады. АҚШ-тың «Набукко» жобасы Түрікменстан, Қазақстан, Өзбекстан және Әзірбайжан арқылы Еуропаға жолданатын еуропалық-американдық газ құбыры болып есептеледі.

Ресейдің Орталық Азиядағы ықпалын Мәскеудің Тәжікстан мен Қырғызстандағы су электр станциясы құрылысының жобасы электр беру желісі бойынша электр қуатын бұдан әрі Ауғаныстан мен Пәкістанға экспорттайтындығынан көруге болады. Бұл жоба өз кезегінде АҚШ пен Қытайға қарсы бағытталған. Нәтижесінде, Тәжікстан мен Қырғызстанды толық бақылау, Өзбекстан мен Қазақстанның оңтүстік аумағын ішінара бақылау, сондай-ақ Ауғаныстан мен Пәкістанға ықпал ету. Қазіргі уақытта бұл жобаның жүзеге асу барысы әлі орташа деңгейде.

Қытайдың «Орталық Азия және Батыс Қытай» атты газ құбыры жобасы бар. Бұл жоба тікелей Ресей мен АҚШ-қа қарсы бағытталған. Жобаның мақсаты – Орталық Азия елдерімен Қытайды байланыстыру. Бүгінгі таңда, осы жобаның жүзеге асу барысы өте жоғары, іс жүзінде қарқынды жұмыс жасауда.

Байқап отырғандай, үш алыптың Орталық Азиядағы жобалары бір-біріне қарсы бағытталған. «Бөліп ал да, билей бер» сөзі бұл жағдайға бір сөйлемдік нақты анықтама болар еді. Қытай болса «Шанхай ынтымақтастығы ұйымымен» өзінің позициясын көрсетіп кеткен болатын. Қытай қазіргі таңда Орталық Азия елдерімен көптеген экономикалық келісімдерге қол қойып, инвестиция салумен айналысып келе жатыр. Қытай армиясының күш-қуаты, әлемдік нарықта сыртқа экспорттап жатқан тауарларының әлеуетін арттыруда. Сондықтан да Қытайдың Орталық Азиядағы үстемдігі Ресей мен АҚШ үстемдігімен теңесті десек қателеспейміз.

Көптеген сарапшылар мен саясатшыларды Орталық Азиядағы мемлекеттер, әсіресе Өзбекстан мен Қырғызстан не үшін АҚШ-тың ерекше назарына ілікті деген сұрақ мазаландырады. Оның себебі, АҚШ-тың геостратегиялық сыртқы саясатында Орталық Азияда ықпалын жүргізу үшін Өзбекстан мен Қырғызстанды ең тиімді жоба ретінде қарастырады. Жалпы, АҚШ-тың Өзбекстан мен Қырғызстандағы геосаяси мүддесі негізінен әскери-саяси салаға негізделеді. Геосаяси ойындар мен саяси

құйтырқылық арқасында ең демократиялы ел АҚШ-тың бұл елдерге жоба ретінде ғана қарауы да аймақты елеңдетпей қоймайды.

Қалай болғанда алдағы уақытта алып мемлекеттердің бәсекесі күшейе бермек. Ал олардың бәсекелестік бәйгесінде ықпалсыз, кішкентай мемлекеттер азап шегуі әбден мүмкін. Аймақ елдеріне жасалатын қысымның түрлері мен тәсілдері алуан кейіпті қамтиды. Сондықтан болар, кейінгі уақытта Орталық Азия елдерінің көңілін барлығы тапқысы келіп, қызығушылық тудыратын экономикалық және саяси ұсыныстар мен жобаларды ұсынуда. Алайда олардың артында түпкілікті қандай мақсаттар жатқандығын жіті қадағалап, зерделенуі бірінші кезекте болуы керек.

Географиялық орналасуына байланысты Орталық Азия қауіпсіздігіне қатер төндіретін мәселелер де жоқ емес. Оларға тоқталып өтсек:

1) Орталық Азия Ауған есірткі транзиті үшін халықаралық наркокартель аймағына айналып отыр. Ауғанстан қару-жарақ саудасы мен есірткі контрабандасының нарығына айналды. Заңсыз саудаға қарсы күрес шаралары дұрыс қолға алынбаған. Халықаралық есірткі картелі өз жүктерін «солтүстік маршрут» бойынша Орталық Азия елдеріне, содан кейін Ресей мен Еуропалық Одаққа жеткізеді. Есірткі трафикасы және Ауғанстан мәселесі. Ауған қақтығысы ішкі қарама-қайшылық шеңберінен шығып, бірлескен іс-қимылдармен көрінетін және көрші Ауғанстанда бейбітшілік үрдісін бастауға мүмкіндік беретін тиімді әрекеттерді талап етеді. Халықаралық қауымдастықтың Ауған түйінін шешуге тырысуы әлі нақты нәтиже берген жоқ.

Ауғанстанда есірткінің шығарылуы белгілі бір елдер мен тұлғаларға қомақты табыс алып келеді. Ал бұл табыс алушы жақ күшті беделге ие. Бұл мәселеге төтеп беру үшін Орталық Азия елдері қатаң шекаралық тәртіп орнатуы қажет.

Бұл жағдайда халықаралық қауымдастықтың күш-жігерімен қатар аймақтағы оқиғаларды бақылаушылар Ресей мен АҚШ-тың Ауғанстан проблемалары бойынша байланысының ерекше маңыздылығын атап көрсетеді. Егер олар мәселені шынымен реттеуге кіріссе, елдегі қантөгісті тоқтатуға, аймақтағы қауіпсіздікті қамтамасыз етуге, сондай-ақ осы дағдарыстың салдарын жоюға нақтылы және тиімді әсер етуі мүмкін болар еді.

Негізінен Қазақстанның бастамасымен Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы Ауғанстаннан есірткі тасымалына қарсы күресте бірлескен шараларын қарастыратын операцияны өткізу жоспарланып отыр. Ал бұл

жоспар мақсатына жетеді ме, жетпейді ме оған уақыт сыншы.

2) Орталық Азияға радикалдар қауіп төндіріп отыр. Халықтың діни сауатсыздығын пайдаланып, түрлі радикалдар өздерінің ислам дініне тіптен кереғар, бұрыс ойларын өңірге таратып отыр. Тәжікстан, Өзбекстан, Қырғызстан елдерінде содырлардың базалары бар. Әр түрлі сауатсыз уағызшылар мен экстремистер бұл жағдайды шебер пайдаланып, халықтың миын улауда.

Осыған байланысты Қазақстан 2017 жылы «кибер қауіпсіздік тұжырымдамасын» әзірледі, Қырғызстан «2019-2023 жылдарға арналған желілік қауіпсіздік стратегиясын» шығарды.

Аймақ елдері білім беру және тиісті насихаттау адамдардың радикалды идеяларға иммунитетін арттырудың маңызды әдістері екенін түсінді. Орталық Азия елдері жан-жақтылықты мамандандырумен, жағымды насихатпен және жағымсыз ескертулермен үйлестіру принципін қолданады. Халық арасында терроризм мен экстремизмнің қауіпі туралы ақпарат тарату кезінде жастар мен әйелдерді насихаттауға және тәрбиелеуге көңіл бөліп, зайырлы идеялардың дамуына ықпал етіп отыр.

3) Орталық Азия елдерінің қауіпсіздігін қорғаудағы шекаралық және ұлтаралық қақтығыстары тоқтау мәселесі. Өзбекстан мен Қырғызстан, Өзбекстан мен Тәжікстан, Қырғызстан мен Тәжікстан арасындағы мәселелерді шешу қазіргі таңда мүмкін болмай отыр. Бұл әсіресе Ферғана алқабына қатысты болып табылады. Адам саны жылдам қарқынмен өсуде, керсінше ауыз сумен және егістік жерлермен қамтамасыз ету азайып барады [4, 95 с].

Мысалы 2019 жылдың 31 мамырында өзбек-қырғыз шекарасында қырғыз шекарашылары Өзбекстан азаматын жарақаттады. 2019 жылы 9 маусымда Қырғызстанның Баткен ауданы Там-Тумшук пен Тәжікстанның Ходжа-Алло ауылының тұрғындары арасындағы қырғыз-тәжік шекарасында 100-ге жуық адамның қатысуымен қақтығыс болды. Бұдан басқа, екінші деңгейде газды алушы екі ел арасында-Қазақстан мен Қырғызстан газды рұқсатсыз қолданылғаны үшін, қырғыз жағынан тарифті көтеру мен Қазақстанға аумағынан өтетін газ құбырының учаскесін ұлттандырмақ болғаны үшін қақтығыстар туындап отырды [5].

Орталық Азия – ыстық нүктелерге жақын орналасқан, Шығыс пен Батысты байланыстыратын, алып державалардың қызығушылық аймағы болып табылады. Әлемде қалыптасқан саясатқа байланысты және Орталық Азияның геосаяси жағдайына байланысты аймаққа қауіп-

кәтер төнбей қоймайды. Ең бастысы, аймақ елдері өз азаматтары мен мемлекетін қорғай білуі қажет. Аймақтағы саяси-экономикалық жағдай реттеліп, жемқорлық сияқты мәселелер жойылса, азаматтарға жарқын болашақ ашылатыны сөзсіз.

Орталық Азия аймағында экономикалық өсудің жандануы 2016 жылдың екінші жартысында басталды. Аймақтың негізгі сауда серіктестеріндегі экономикалық жағдайдың жақсаруы және шикізат бағасының біршама күшеюі, жүргізіліп жатқан құрылымдық реформалармен бірге қысқа мерзімде қалпына келтіруді қолдайды деп күтілуде.

Орталық Азияның даму болашағына көз жүгірте отырып, экономиканы әр тараптандыру және ақша аударымдары мен тауарларға тәуелділікті төмендету бойынша реформаларды қарқынды, тұрақты жасалуын қамтамасыз ету қажет. Жаһандық экономикаға интеграциялану мүмкіндіктерін пайдалану (соның ішінде Қытайдың «Бір белдеу және бір жол» бастамасы арқылы) өнімді инвестицияларды тарту және жеке сектордың дамуын ынталандыру үшін институционалдық негіздерді күшейтуді талап етеді. «Бір белдеу және бір жол» бағдарламасы Орталық Азия үшін үлкен есіктер ашар еді.

Қорыта айтқанда, Орталық Азия қауіпсіздігі сыртқы ойыншылар үшін үштік саясатты іске асыратын арена ретінде қолданылып отыр. Сонымен бірге, бұл іскерлік ахуал сыбайлас жемқорлыққа, саяси мүдделерге, әлеуметтік толқулар мен күйзелістерге және қылмыстың тұрақсыздығына негізделген. Сондықтан да, аймақтағы саяси-әлеуметтік ахуал біршама күрделі. Шенеуніктер мен қарапайым халық арасында да қиындықтар мен келіспеушіліктер жоқ емес. Бұл факторлар да аймақ елдерінің дамуын әжептәуір тежеуде.

Қазіргі таңда АҚШ, Ресей, Қытай елдері бұл аймаққа мүдделі, әрі қызығушылықтары айқын. Алайда, осы жағдайдың ұзаққа созылатындығына күмәнмен қарауға да болады. Орталық Азия әлемдік аренада өз рөлін бекіту үшін көптеген реформа жасау керектігі де белгілі. Ал осы бастамаға жету мақсатына жасалған бірінші қадам - аймақта өріс алған жемқорлықты жою болғаны дұрыс.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. З. Бжезинский. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 2005. - 288 с.
2. Б.П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX в. - 2-е изд., доп. - Москва: Наука, 1983. - 309 с.

3. Р. Жумалы. Геополитика Центральной Азии. - Алматы, 2006.-514 с.
4. А.А. Аубакирова. Геополитические и географические факторы в формировании внешнеполитической стратегии Республики Казахстан: научное издание - Алматы: Экономика, 2003. - 271 с.
5. Қырғыз-өзбек шекарасында тұрғындар қақтығысты. Бір-біріне тас атқан, үйлер өргенген, жаралылар бар.<https://www.azattyq.org/a/30645544.html>

Биханова А.С.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (на материалах Восточно-Казахстанской области)

Несмотря на кризисные явления, связанные с пандемией, развитие предпринимательства в республике Казахстан является одним из приоритетных направлений развития экономики страны и одной из национальных идей стимулирования экономики в целом, что видно из различных государственных программ, где красной строкой проходит поддержка как малого, так и среднего бизнеса. В условиях трансформации экономики Казахстана малый бизнес играет весьма важную роль в местной экономике, так и в масштабах всей страны: фактически сложившаяся территориальная специализация малого бизнеса позволила ему дополнить «большую» экономику и сформировать относительно целостную, комплексную структуру хозяйства областей, городов и сельских районов.

Малые предприятия отличаются мобильностью и поэтому наиболее уверенно себя чувствуют в производстве товаров и услуг, где спрос и предложение зависят от изменяющегося ассортимента и вкуса потребителей. Малые предприятия и в целом малый бизнес заняли свою нишу в экономической деятельности, которая максимально ориентирована на региональные и местные потребности.

Малое предпринимательство, оперативно реагируя на изменение конъюнктуры рынка, придает экономике необходимую гибкость. Существенный вклад вносит малый бизнес в формирование конкурентной среды, осуществляя прорыв по ряду важнейших направлений научно-технического прогресса, нельзя также забывать, что малые предприятия оказывают меньше воздействия и на экологическую обстановку.

Немаловажным в вопросах развития малого предпринимательства является изучение женского предпринимательства, которое всесторонне

поддерживалось рядом государственных программ, в том числе от фонда поддержки и развития предпринимательства «Даму» в целом по Казахстану и по Восточно-Казахстанской области в частности (таблица 1 составлена по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан)

Таблица 1- Процент предприятий, возглавляемых женщинами, с разбивкой по размерности предприятий, в процентах

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
всего						
Республика Казахстан	27,6	27,4	27,6	27,9	28,3	28,3
малые	27,6	27,4	27,6	27,9	28,2	28,3
средние	29,9	30,8	31,7	32,4	33,0	33,2
крупные	14,2	15,3	17,0	17,2	17,7	17,9
Восточно-Казахстанская	29,4	29,0	28,9	28,2	28,5	28,4
малые	29,7	29,1	29,0	28,3	28,5	28,5
средние	25,6	29,9	31,3	28,1	30,3	30,6
крупные	12,8	13,6	13,7	14,6	15,5	15,7
городское население						
Республика Казахстан	27,8	27,6	27,8	28,2	28,5	28,5
малые	27,9	27,6	27,8	28,2	28,5	28,5
средние	30,1	30,5	31,2	31,7	32,5	32,7
крупные	14,5	15,4	16,9	17,0	17,8	18,0
Восточно-Казахстанская	29,8	29,3	29,4	28,6	28,8	28,7
малые	30,1	29,3	29,4	28,7	28,8	28,7
средние	28,2	32,4	33,2	29,3	32,1	32,6

Продолжение таблицы 1						
крупные	12,0	12,5	13,3	14,7	16,6	17,0
сельское население						
Республика Казахстан	25,9	26,1	26,1	26,5	26,8	26,8
малые	25,9	26,0	26,0	26,3	26,7	26,6
средние	29,0	31,5	32,9	34,5	34,5	34,8
крупные	12,6	15,1	17,7	18,4	17,5	17,5
Восточно-Казахстанская	27,5	28,0	26,9	26,5	27,1	26,9
малые	27,9	28,3	27,0	26,6	27,4	27,2
средние	17,4	21,2	24,3	24,1	24,0	23,4
крупные	17,6	18,4	15,6	13,9	10,8	10,5

По данным таблицы 1 за пять лет и 10 месяцев 2020 года видно, что доля женщин предпринимателей малого бизнеса в городской местности по Восточно-Казахстанской области постепенно снижается, а в сельской местности ситуация стабильная, если говорить о средних предприятиях, возглавляемых женщинами, то в целом наблюдается картина увеличения численности таких предприятий

Малые предприятия и в целом малый бизнес заняли свою нишу в экономической деятельности, которая максимально ориентирована на региональные и местные потребности. Малые предприятия отличаются мобильностью и поэтому наиболее уверенно себя чувствуют в производстве товаров и услуг, где спрос и предложение зависят от изменяющегося ассортимента и вкуса потребителей. Данные отрасли в советский период находились в экономической и социальной тени крупной индустрии. В регионах Казахстана малый бизнес более чем на 80% ориентирован на внутрирегиональные рынки (а в торговле и строительстве более чем на 90% — на местные, то есть на городские и районные); и даже применительно к промышленности внутри региональная ориентация составляет более 70%

Отраслевое представление количества занятых на СМП характери-

зует роль СМП в решении важной социальной задачи по обеспечению занятости населения. Данный показатель существенно зависит от количества действующих СМП в тех или иных отраслях экономики, что объясняет схожие пропорции в отраслевом разрезе. Рост количества действующих СМП пропорционально решает вопросы занятости. Наибольшее число СМП осуществляет свою деятельность в сфере торговли (37%) и в сельском хозяйстве (23%). Наименьшее количество СМП работает в промышленном секторе (3%) и строительстве (4%). В сфере транспорта и связи функционируют 8% СМП.

Сравнительный анализ малого предпринимательства Казахстана с развитыми странами демонстрирует заметное отставание по таким показателям, как вклад в ВВП и занятость населения, при том, что как и в развитых странах, в Казахстане СМП представляют более 90% всех хозяйствующих субъектов. Так, доля ежегодных объемов выпуска продукции субъектами МСБ в развитых странах составляет: от 43% (Канада) ВВП, до 57% (Германия) ВВП, в Казахстане же его доля ниже почти в 3 раза и составляет 15%. По доле населения, занятого в секторе МСБ, в общей занятости показатели нашей страны также гораздо ниже по сравнению с развитыми государствами: на протяжении последних 5 лет в Казахстане этот показатель держится на уровне 23%, в развитых странах от 47% (Канада) до 75% (Япония). В отраслевой структуре СМП Казахстана за последние четыре года наблюдается тенденция снижения доли промышленных СМП как в общей численности зарегистрированных, так и активно действующих субъектов, тогда как количество СМП торговли увеличивается. Это ведет к повышению зависимости внутреннего рынка от импорта, по причине того, что большая часть товаров, продаваемых СМП, завозится из-за границы. Данный факт в очередной раз подтверждает, что такая тенденция развития СМП не способствует диверсификации экономики, так как для обеспечения диверсификации важнейшую роль играют предприятия, занятые в промышленном секторе, в частности, в обрабатывающей промышленности.

Правительство должно продолжить последовательную работу по стимулированию конкурентоспособности малого и среднего бизнеса. Надо поддерживать работу микрокредитных организаций, в том числе за счет средств государства. Они оказывают поддержку сотням тысяч наших граждан в создании своего дела.

Успешный опыт развитых стран мира в построении конкурентоспособной и диверсифицированной экономики служит наглядным подтверж-

дением того факта, что МСБ является одним из ключевых элементов в данном процессе. В результате этого, вопросы развития МСБ в большинстве стран относятся к категории наиболее важных и рассматриваются на высшем государственном уровне.

На основании постановления Правительства Республики Казахстан от 26 апреля 1997 г. № 665 «О создании Фонда развития малого предпринимательства» был образован Фонд «Даму». На современном этапе развития предпринимательства ФРП «Даму» является основной структурой, которая осуществляет государственную поддержку предпринимательства в Республике Казахстан через управление активами, выделяемыми государством на развитие предпринимательства, разработку и реализацию решений по финансированию и кредитованию предпринимательства, а также через оказание информационно-аналитической и консалтинговой помощи бизнес-структур. В этой связи хотелось бы изучить те проекты по отраслям, которые были рассмотрены фондом «Даму» в 2020 году, данные размещены в таблице 2.

Таблица 2 - Проекты в разрезе отраслей на 2020 г.

№ п/п	Отрасли	Доля, %	Кол-во проектов	Общая сумма кредитов, тенге	Общая сумма гарантий, тенге
1	Обрабатывающая промышленность	31%	457	41 647 773 199	14 292 678 993
2	Транспорт и складирование	7%	305	9 325 310 387	3 818 477 380
3	Сельское хозяйство	4%	88	5 346 837 176	1 930 252 111
4	Информация и связь	1%	16	697 800 824	309 492 731
5	Профессиональная, научная и техническая деятельность	1%	30	1 408 741 581	471 864 004
6	Услуги в области образования	2%	43	3 142 857 410	1 061 999 054

Продолжение таблицы 2					
7	Медицинские услуги	1%	46	1 830 412 424	456 073 967
8	Услуги по проживанию	3%	95	3 637 059 347	1 466 762 307
9	Прочие услуги	1%	51	1 603 442 400	514 767 145
10	Оптовая и розничная торговля	29%	973	38 500 485 251	12 664 621 358
11	Строительство	10%	132	13 523 429 720	2 632 729 651
12	Искусство, развлечения и отдых	1%	20	977 513 536	447 802 341
13	Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	3%	80	3 872 121 084	1 784 800 009
14	Операции с недвижимым имуществом	5%	101	6 387 202 560	1 933 841 858
15	Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов	0%	5	185 714 000	51 888 100
16	Д-Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	0%	1	180 000 000	102 101 106
17	К-Финансовая и страховая деятельность	0%	3	254 100 000	87 000 000
	Итого	100%		132 520 800 900	44 027 152 114

По данным таблицы 2 видно, что наибольшее количество проектов, рассмотренных для кредитования присутствует в оптовой и розничной торговле, затем в обрабатывающей промышленности и операции с не-

движимым имуществом.

В этой связи Правительство обеспечило введение единой бюджетной программы по развитию предпринимательства в регионах, которое носит название «Дорожная карта бизнеса – 2025». Целью этой программы стало создание постоянных рабочих мест за счет развития нового слоя предпринимательства в регионах, прежде всего, малого и среднего бизнеса.

Использование средств этой программы должно осуществляться по следующим направлениям:

- субсидирование процентной ставки по кредитам;
- частичное гарантирование кредитов малому и среднему бизнесу;
- сервисная поддержка ведения бизнеса;
- переподготовка кадров и повышение квалификации, молодежная практика и социальные рабочие места.

В целом сведены к минимуму факты необоснованного вмешательства государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов. Установлены единые для всех государственных органов принципы и порядок проведения контроля. Это сделано для того, чтобы ещё больше снизить административное давление на бизнес.

Но вместе с тем, хотелось бы отметить снижение количества малых предприятий в Республике Казахстан по оценке экспертов на 30% в 2020 году из-за кризисных явлений, вызванных введением ограничительных мер для борьбы с коронавирусом COVID-19, соответственно необходимы дальнейшие мероприятия государственного координирования малого бизнеса в целях корректировки и улучшения динамичной тенденции развития малого бизнеса как с помощью финансовых, так и нефинансовых инструментов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Назарбаев Н.А. Казахстан-2050. /Н.А. Назарбаев. – Алматы: Юрист, 2012. – 94 с.
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 апреля 1997 года № 665 «О создании фонда развития малого предпринимательства» (с изменениями, внесенными постановлениями Правительства РК от 27.05.97 г. № 886; от 28.01.98 г. № 44; от 23.10.98 г. № 1077; от 28.12.98 г. № 1346, от 17.08.99 г. № 1175; от 11.06.03 г. № 571; от 26.05.05 г. № 514).
3. Сайт фонда развития и поддержки предпринимательства www.damu.kz

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

Демографическая характеристика молодежи представляет интерес для демографии – специальной науки о населении, о воспроизводстве населения, о структуре населения, о миграции населения.

Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных параметров, особенностей социального положения и социально-психологических качеств.

Согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике (2013 г.), численность молодежи в возрасте от 14 до 29 лет на начало 2013 года в Казахстане составила 4 656, 5 тыс. чел. (от всего населения республики), в том числе 2 335,1 тыс. мужчин и 2 321,4 тыс. женщин. Из них (в абсолютных значениях): городская молодежь – 2574,1 тыс. человек, сельская молодежь – 2082,4 тыс. человек. Удельный вес молодежи среди городского населения республики составляет 27,7%, среди сельского населения – 27,3%. В целом молодежь Казахстана составляет 27,5% от всей численности населения республики (рис. 1.1).

Рисунок 1.1

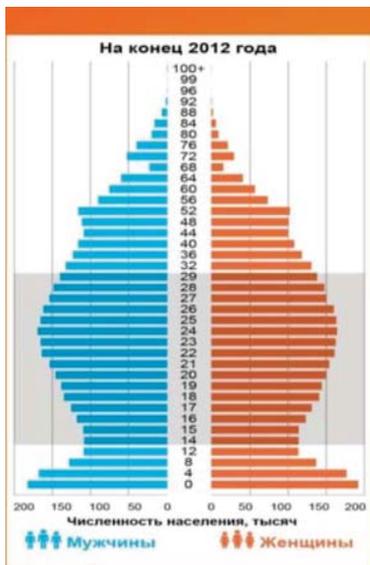

За последние 20 лет численность молодежи в возрасте от 14 до 29 лет выросла на 288,9 тыс. человек (в 1992 году – 4 367,6 тыс. человек, на конец 2012 года – 4 656,5 тыс. человек).

Относительное увеличение численности молодежи в 2012-13 гг.

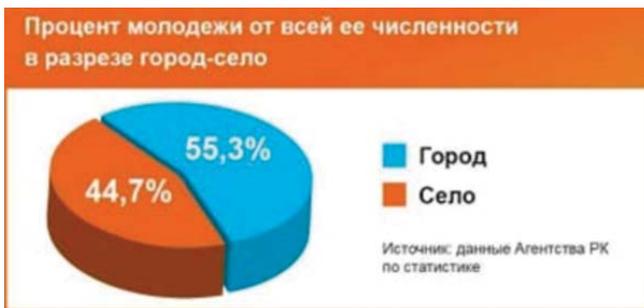
связано с демографической волной рожденных в конце 80-х гг., влияние которой в ближайшие годы будет ослабевать в связи с увеличением удельного веса молодежи, рожденной в кризисные 1990-е годы. Можно отметить, что в последние годы молодежь в возрасте 14-29 лет превышает по численности другие возрастные группы (рис. 1.2)

Рисунок 1.2

От всей численности молодежи страны 55,3% составляет городская молодежь, 44,7% – сельская молодежь (рис. 1.3).

Рисунок 1.3

Как видно из рисунков, на начало 2013 года наибольшее количество молодежи, в абсолютных цифрах, проживает в Южно-Казахстанской (773,4 тыс. человек) и Алмагинской (529,9 тыс. человек) областях (рис. 1.4а и 1.4б).

Рисунок 1.4 а.

Рисунок 1.4 б.

Наименьшая численность молодежи в Северо-Казахстанской области – 133,9 тыс. человек.

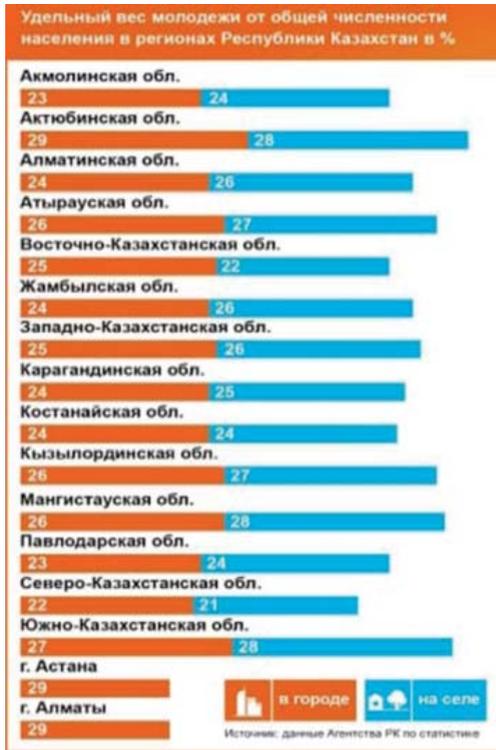
На начало 2013 года в региональном разрезе наибольшая доля молодежи от общей численности молодежи в Республике Казахстан представлена в ЮКО – 16,6%, Алматинской области – 11,4%. Меньше всего молодежи отмечается в Северо-Казахстанской (2,9%), Атырауской (3,4%), Мангистауской (3,5%) и Западно-Казахстанской (3,6%) областях (рис. 1.5).

Рисунок 1.5

В среднем в разрезе город-село удельный вес молодежи в сельской местности от общей численности населения в регионах Республики Казахстан на 1,2% больше, чем в городских населенных пунктах. Хотя в Актюбинской, Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях, наоборот, доля молодежи выше в городах (рис. 1.6).

Рисунок 1.6

Сравнительный анализ показывает снижение численности сельской молодежи за последние три года.

Рисунок 1.7

Если на начало 2011 года численность молодых людей, проживающих в сельской местности, составляла 2 118,5 тыс. человек, то на начало 2013 года численность молодежи составила 2 082,4 тыс. чел., то есть снизилась почти на 2% по сравнению с 2011 годом.

Наибольший процент лиц мужского пола в республике в возрасте 14-29 лет от всей численности региона проживает в Акмолинской области (51,9%), тогда как наибольшая доля лиц женского пола этого возраста – в Актыбинской области (50,3%) (на конец 2012 года). Следует отметить, что количество мужчин в регионах немного больше количества женщин. Однако в городах республиканского значения девушек значительно больше, чем молодых мужчин (рис. 1.8).

Рисунок 1.8

Доля молодых людей по основным половозрастным группам в разрезе регионов Республики Казахстан. В республике молодых мужчин в среднем на 2% больше, чем девушек. Однако в городах республиканского значения девушек в возрасте 19-28 лет больше, чем молодых мужчин: в возрастной группе 19-23 года в Астане – на 6%, в Алматы – на 10%; в возрастной группе 24-28 лет в Астане – на 6%, в Алматы – на 8% (рис. 1.9а, 1.9б, 1.9в)

Рисунок 1.9 в.

В отличие от общей картины распределения доли мужчин и женщин по Казахстану в городах девушек в возрасте 19-28 лет больше, чем молодых парней. Так, в городских населенных пунктах в среднем разница между парнями и девушками в возрасте 19-28 лет составляет 2%. В то же время в городах республиканского значения девушек значительно больше, чем парней: в Астане – на 6% и Алматы – на 10%.

В сельской местности мужчин проживает значительно больше, чем женщин. Во всех возрастных группах в сельской местности наблюдается преобладание мужчин, при этом наибольшая разница составляет в возрастной группе 19-23 года в Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской областях – 12%, а также в Акмолинской и Карагандинской областях – 8%.

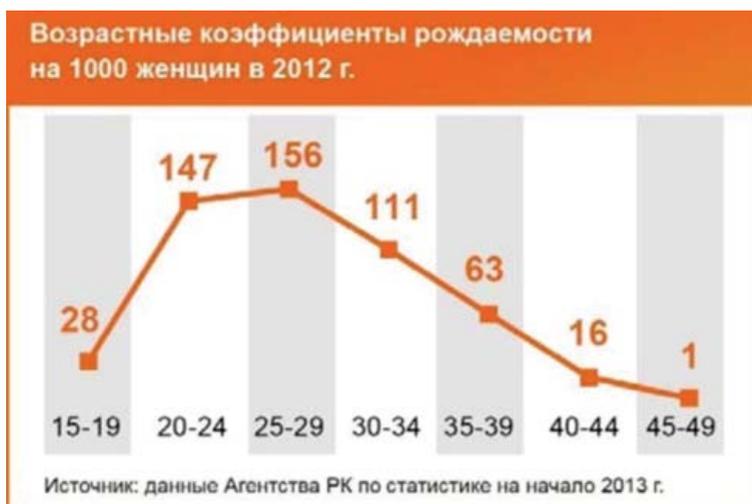
Один из актуальных вопросов в любом государстве – это вопрос рождаемости. Наибольшая рождаемость детей в Казахстане приходится на возрастные группы женщин 20-24 года и 25-29 лет (147 живорожденных детей на 1000 женщин в возрасте 20-24 года и 156 живорожденных детей на 1000 женщин в возрасте 25-29 лет), что составляет 58% рождаемости детей у женщин в репродуктивном возрасте.

За период 2009-2012 годы сумма возрастных коэффициентов рожда-

емости по возрасту матери (15-29 лет) показала, что в Казахстане на одну женщину в возрасте 15-29 лет приходится 1,6 ребенка в 2009-2011 гг. и 1,7 ребенка в 2012 году.

За 2010-2012 годы наблюдается наибольшее количество рожденных у матерей в возрасте 20-24 года и 25-28 лет. Так, выше 50% всех рождений приходится на возраст матери 20-24 года и свыше 40% – на возрастные группы 25-28 лет. В данном периоде доля молодых матерей в возрасте 20 лет и младше составила не более 8% (рис. 1.10).

Рисунок 1.10

Для определения смертности молодежи в возрасте 14-29 лет был использован возрастной коэффициент смертности, который представляет собой отношение общего числа умерших (14-29 лет) за год к численности населения, выраженное в промилле (‰), т.е. на 1000 человек. Так, наивысший возрастной коэффициент смертности казахстанской молодежи (на конец 2012 года) достиг 1,78 промилле среди мужчин. Вместе с тем стало очевидным, что в сельской местности в 2012 году смертность достигла 1,91 промилле, что на 0,25 промилле больше, чем в городах.

На конец 2012 года в Казахстане наибольший возрастной коэффициент смертности на 1000 молодых людей наблюдался в старшей возрастной группе 24-28 лет – 1,56. Мужчины умирают чаще, чем женщины в возрасте 19-28 лет, а в более раннем возрасте коэффициент смертности

превысил на 0,27 промилле среди молодых девушек (0,77), при 0,50 промилле среди молодых мужчин.

Возрастной коэффициент смертности молодежи в разрезе регионов Казахстана на 1000 человек демонстрирует наивысшие показатели в Северо-Казахстанской области – 2,64, Акмолинской – 2,39 и Карагандинской – 2,29. Показатели смертности (по причинам смерти) по основным возрастным группам молодежи в Республике Казахстан. В республике на конец 2012 года в возрасте 14-18 лет самой распространенной причиной смерти стали новообразования, их доля составила 19%. Доля смертей от несчастных случаев, отравлений и ранений составила 15% от всех случаев смерти в этих возрастных группах.

В возрасте 19-23 года наибольшая часть причин смерти была связана с несчастными случаями, отравлениями и ранениями (36%) и заболеваниями органов дыхания (32%).

В возрасте 24-28 лет наибольший процент смертей был связан с заболеваемостью органов пищеварения – 72%, инфекционными и паразитарными болезнями – 67% и болезнями органов кровообращения – 62%.

В сельской местности в возрастной группе 19-23 года наибольший процент смертей был зафиксирован по причине болезней органов дыхания – 42%, наименьший – болезней органов пищеварения.

В городской местности доля умерших от болезней органов кровообращения, несчастных случаев, отравлений и ранений, новообразований выше, чем в сельских регионах, а доля умерших от болезней органов пищеварения, дыхания, инфекций и паразитарных заболеваний меньше. Однако в старшей возрастной группе молодежи в городах число умерших от указанных болезней значительно выше, чем в сельских регионах.

Внутренняя и внешняя миграция молодежи страны. В Казахстане наиболее мобильными являются девушки в возрасте 19-23 года и 24-28 лет, в первой возрастной группе их количество составило 46 038 человек, т.е. 47% от всего количества женщин в структуре данной возрастной группы, во второй – 36 075 человек, т.е. 37%. В целом, согласно сводным данным Агентства по статистике, девушки являются более мобильными, чем молодые мужчины, при этом пик мобильности молодых людей достигается в 19-23-летнем возрасте.

Внутренняя миграция. Наибольший приток внутренней миграции в 2012 году отмечен в городах республиканского значения – Астана (8965) и Алматы (9086). Приток молодых людей наблюдается также в Алматинской (1476) и Мангистауской (1209) областях. В остальных регионах выехавшей молодежи оказалось больше, чем прибывшей (рис. 1.11).

Как отмечалось ранее, снижение количества сельской молодежи объясняется оттоком молодых людей из села в город с целью продолжения образования и трудоустройства. Статистические данные свидетельствуют о социально-демографических проблемах по оси «село – город». Неравномерность социально-экономического развития регионов приводит к росту внутренней миграции. Отсутствие работы, низкий уровень социальной инфраструктуры в селах и поселках – основные причины внутренней миграции и оттока сельского населения в города.

В региональном разрезе на первом месте по количеству сельской молодежи находятся Южно-Казakhstanская – 449 168 человек (22,9%) и Алматинская области – 387 018 человек (19,7%). Соответственно, только в этих двух регионах сосредоточено почти 43 % всей сельской молодежи Казахстана. На это влияет социально-географическое положение этих регионов: высокая плотность населения и близость границы. Вследствие этого возникает рост внешней миграции населения из соседних государств и потенциальное повышение внутренней миграции сельской молодежи.

Наибольшее количество молодежи стремится в города Астана и Алматы, положительное сальдо миграции составило соответственно 8 934 и 9 475 человек. Наибольшее количество молодежи покинуло Южно-Казахстанскую – 5 225 человек, Жамбылскую – 3 888 человек и Восточно-Казахстанскую области – 3 551 человек, что в полной мере коррелирует с показателями количества сельской молодежи по регионам.

В структуре возрастных групп молодого населения (14-28 лет) отмечается пропорциональное количество молодых людей, проживающих на селе. В возрасте от 14 до 18 лет – 645 626 человек, от 19 до 23 лет – 659 449 человек, от 24 до 28 лет – 658 823 человека от общей численности молодежи, тогда как в возрастной структуре городской молодежи наблюдается дисбаланс возрастных групп.

В целом, в городах проживает больше молодежи, при этом на селе проживает больше молодых людей в возрасте 14-18 лет, а большинство молодых старше 19 лет живет в городах. Связано это с тем, что молодежь по окончании средних классов общеобразовательных школ начинает покидать села. Соответственно, возрастные пропорции растут, что указывает на пополнение доли городской молодежи от 19 до 28 лет молодыми сельчанами.

Миграция молодежи в другие страны. В возрастной группе 19-23 года молодые казахстанцы мигрируют больше в другие страны (за исключением стран СНГ), чем 14-18-летние. Стоит отметить, что в возрастной категории 14-18 лет юношей-эмигрантов больше, чем девушек-эмигрантов, на 4%. В целом, в 2012 году доля уехавших молодых людей в другие страны значительно больше, чем доля прибывших в Казахстан.

В 2012 году из стран СНГ наибольшее количество молодежи в возрасте 14-29 лет прибыло в Мангистаускую (2045) и Южно-Казахстанскую (1455) области, а наибольший отток отмечался в Восточно-Казахстанской (-1323), Павлодарской (-638), Акмолинской (-559) и Северо-Казахстанской (-567) областях.

Общее сальдо внутренней и внешней миграции. Республики Казахстан показало, что в 2012 году поток прибывших был больше потока выбывших в городах Астана (8934) и Алматы (9475), Мангистауской (3322), Алматинской (1935) и Атырауской (148) областях, что, скорее всего, связано с возможностями трудоустройства, обучения, осуществлением иных жизненных планов молодежи, реализуемых ими в этих регионах. В остальных регионах поток выбывшей молодежи превысил число прибывшей молодежи.

Миграционный настрой молодежи. Согласно результатам социологического исследования, больше половины молодых казахстанцев (54,9%) не планируют никуда переезжать, по их мнению, «им хорошо у себя в городе/ селе». Остальная часть опрошенной молодежи (45,1%) задумывается переехать из своего города/села в другое место на постоянное место жительства. Из них почти в равных долях миграционные планы отличаются в зависимости от возможности и обстоятельств. Так, на момент опроса 15,9% молодых людей утверждают, что в ближайшее время переедут; 14,9% – не планируют переезжать, но при определенных обстоятельствах они переедут; 14,3% – хотят переехать, но пока у них нет такой возможности.

Куда стремится переехать молодежь? Результаты массового опроса позволяют разделить миграционные настроения молодежи на три группы: внутренняя миграция, внешняя миграция в ближнее и дальнее зарубежье.

Внутренняя миграция характеризуется тем, что молодые жители республики имеют намерения переехать в города республиканского значения, в другие города, области и села Республики Казахстан. Большинство потенциальных мигрантов (56,3% – интегральная оценка «в Астану», «в Алматы», «в другой город/село Казахстана», «в областной центр», «в пределах своего района/области») выбирают именно это направление миграции. Так, каждый пятый молодой человек (19,3%) желает переехать в столицу республики – город Астана. О переезде в город Алматы говорят 16,3% молодых казахстанцев. Кроме того, 8,7% молодых людей желают перебраться на постоянное место жительства в областной центр, 7,2% – в другой город или село, 4,8 % в пределах своего района или области.

Внешняя миграция в ближнее зарубежье (23,7% – интегральная оценка «в Россию» и «в страны СНГ») – переезд на постоянное место жительства в одну из стран СНГ, в том числе в Российскую Федерацию. Из них большая часть молодых людей (17,1%) предпочитают переехать в Россию, в другие страны СНГ желают переехать 6,6% респондентов.

Внешняя миграция в дальнее зарубежье (13,8%) – миграция на постоянное место жительства в другие страны мира. 13,8% молодых людей утверждают, что предпочитают переехать за рубеж. Среди таких стран молодые люди называли Турцию, Канаду, Доминиканскую Республику, Германию, Китай и другие страны.

Анализ результатов исследования позволяет сформировать рейтинг причин переезда молодых жителей республики. В ТОП-5 причин переезда входят низкий уровень доходов (17,7%), невозможность устроиться на

работу (15,8%), отсутствие перспектив и невозможность реализоваться (12,6%), личные мотивы и интересы (11,7%) и получение качественного образования (9,2%). Речь идет о том, что чаще всего молодое поколение страны обеспокоено трудоустройством, доходом и карьерным ростом. Именно эти причины подталкивают молодежь к смене жительства в поисках большего заработка, устройства на работу. На миграционное настроение молодежи также влияют жилищные проблемы (5,8%), низкий уровень инфраструктуры (5,3%), отсутствие будущего для некоторых этнических групп (5,6 %), дискриминация по языковому признаку (5,2%), плохая экологическая ситуация (4,1%), наличие большого количества проблем, которые не решаются (3,3%), нарушение гражданских прав (1,7%). Кроме того, такие факторы, как коррупция, неуверенность в будущем, проведение свободного времени (туризм, отдых и т.д.), по мнению незначительной части опрошенной молодежи, влияют на миграционное настроение в целом.

Таким образом, анализ демографической ситуации в молодежной среде показал, что молодежь составляет примерно четверть населения республики (26%). Численность сельской молодежи меньше городской (12% против 14%).

Основными тенденциями демографических процессов молодежи страны являются:

- на селе проживает больше молодых людей в возрасте 14-18 лет, а большинство молодежи старше 19 лет живет в городах. В сельской местности молодых мужчин значительно больше, чем женщин;

- согласно демографическому анализу рождаемости за последние 2009-2012 годы, можно отметить стабильную тенденцию рождаемости детей у молодых: так, в Казахстане на одну женщину в возрасте 15-29 лет приходится 1,6 ребенка в 2009, 2010, 2011 годах и 1,7 ребенка в 2012 году;

- как свидетельствуют данные об уровне смертности среди молодежи, наивысший возрастной коэффициент смертности молодежи Республики Казахстан в 2012 году достиг 1,78 промилле среди мужчин. Вместе с тем в сельской местности умирают больше, чем в городах. Высоки показатели смертности в Северо-Казахстанской области, Акмолинской и Карагандинской областях;

- в республике в 2012 году в возрасте 14-18 лет самой распространенной причиной смерти явились новообразования, их доля составила 19%. В возрасте 19-23 года наибольшая часть причин смертей связана с несчастными случаями, отравлениями, ранениями и заболеваниями органов дыхания;

– в 2012 году в Казахстане более мобильными были девушки, чем юноши. В возрастной категории 14-18 лет юноши уезжают в другие страны чаще, чем девушки, что может быть связано с образовательной поездкой за рубеж. Наиболее привлекательными для переезда из регионов республики являются г. Астана и г. Алматы, Алматинская и Мангистауская области. В остальных регионах отмечается отрицательное сальдо внутренней мобильности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальный доклад «Молодёжь Казахстана – 2013». Ж.К. Буканова, Ж.К. Каримова, Г.Т. Ильясова, Б.Б. Масатова, К.М. Хамчиев, Е.В. Варкентин, Р.А. Кудайбергенов, Р.А. Абраева и др. – Астана: НИЦ «Молодежь», 2013. – 183 с.

Бургарт Л.А.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС САМООРГАНИЗАЦИИ НЕМЦЕВ-КАТОЛИКОВ КАЗАХСТАНА В СЕРЕДИНЕ 60-х – НАЧАЛЕ 90-х ГГ. XX В.

Рассматривая различные проблемы истории и современного положения российских немцев, историки, этнографы, социологи, политологи, представители общественных организации всё чаще обращаются к теме самоорганизации как «важнейшему условию сохранения их национальной идентичности» [1]. Само определение термина «самоорганизация» неоднозначно. Тем не менее, в современной историографии сформулированы наиболее важные значения понятия «самоорганизация». «Первое связано с организацией, т. е. объединением людей с какой-то целью. Второе – с указанием на «само»-организацию, т. е. на «само»-деятельный, добровольный характер этого типа объединения и этого типа действия. Такое понимание самоорганизации соотносится с системным анализом этнических культур как открытых систем, важнейшим признаком которых является наличие способности (интенции) самоорганизации». Таким образом, самоорганизацию определяют как «особый вид индивидуально-коллективной деятельности и действий (поступков) и способ самореализации коллективного «Я» российских немцев» [2, с. 7].

Очень важным и принципиальным является положение о невозможности сведения самоорганизации только к этнокультурной проблематике

[2, с. 8]. Самоорганизация – это не только «создание сети добровольных организаций, дополняющих в своей деятельности государственные органы в принимающей стране и выполняющих, в частности, такие задачи, как поддержание духовной культуры, сохранение родного языка, этнического самосознания, обеспечение социальной защиты и прав членов диаспоры, лоббирование ее политических интересов и содействие развитию ее экономической базы» [3, с. 11].

Самоорганизация, на наш взгляд, есть внутренний (исходящий изнутри) процесс организации системы жизнедеятельности этнической или конфессиональной группы населения. Важно теоретическое положение о том, что «самоорганизация – не есть только самоуправление, как и не всякое самоуправление можно назвать самоорганизацией... Самоорганизация – более широкое понятие, которое демонстрирует умение исследуемой социальной группы принимать «вызов» реально существующих и изменяющихся исторических обстоятельств, и, исходя из установок экономической, политической и социальной целесообразности, эффективно реагировать на них в различных сферах» [4, с. 76].

Интересной является и постановка вопроса о так называемом «содействии самоорганизации» [2, с. 7].

Исследователи представляют процесс самоорганизации как «наложение» этнокультурных, конфессиональных, социальных, экономических, политических пространств», исходя из чего, конкретизируют проблему как этнокультурную, религиозную, социальную, экономическую, политическую и др. виды самоорганизации». Соответственно, в структуре факторов влияния на этнокультурную самоорганизацию выделяются «природно-климатические, демографические, экономические, политические, религиозные и другие компоненты» [2, с. 8].

В нашей работе мы рассмотрим особенности влияния основных демографических факторов на процесс самоорганизации российских немцев-католиков Казахстана в период середины 60-х – начала 90-х гг. XX века.

Мы не ставим своей целью дать характеристику самих демографических процессов или анализ статистических данных. Цель данной работы иная – оценить влияние демографических факторов на процесс самоорганизации немцев-католиков, выявить особенности и определить, какие факторы имели первостепенное, определяющее влияние, а какие второстепенное.

Считаем необходимым изначально обозначить методологический подход к истории «российских немцев» в целом и немцев-католиков в

частности, исходя из которого и исследуется в данной работе проблема самоорганизации.

Прежде всего, мы разделяем понятия «религиозная самоорганизация» и «духовная самоорганизация». Мы рассматриваем моноконфессиональную религиозную общину-колонию как основную системообразующую форму самоорганизации различных этноконфессиональных групп немецкого населения, в том числе и немцев-католиков [4]. В этом смысле мы принципиально расходимся с позициями, выделяющими «религиозную самоорганизацию» лишь как «одно из направлений самоорганизации российских немцев». Религиозная община-колония выступает в качестве фундаментальной формы самоорганизации, проникающей во все остальные направления и формы самоорганизации. Именно религия лежала в основе всей системы жизнедеятельности немцев-католиков [5]. И можно говорить о наличии целостной многоуровневой системы этноконфессиональной самоорганизации российских немцев-католиков.

Мы чётко выделяем 2 основных этапа истории российских немцев-католиков: додепортационный и постдепортационный [6].

Применительно к постдепортационному периоду мы уже не можем говорить о «религиозной самоорганизации» в том смысле, как это было до депортации. «Религиозная самоорганизация» перестала носить системный характер и приобрела характер фрагментарный. Одним из «фрагментов» стала самоорганизация духовной жизни немцев-католиков.

Влияние демографических факторов на духовную самоорганизацию немцев-католиков и будет темой нашего исследования. При этом анализируемый ряд факторов включает в себя:

- 1) численность этноконфессиональной группы;
- 2) размещение немцев-католиков;
- 3) миграционные процессы.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период середины 60-х – начала 90-х гг. XX в., т.е. промежуток времени от выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [7, с. 178-179] до начала процесса массовой эмиграции немецкого населения. Период в целом может быть охарактеризован как относительно «стабильный». «Стабильный» в смысле того, что мощные потрясения периода депортации и спецпоселения остались в прошлом, а массовый исход в результате эмиграции был ещё в будущем. Период характеризовался по-прежнему наличием достаточно жёсткого курса антирелигиозной политики госу-

дарства и отсутствием церковных структур немцев-католиков. Самоорганизация духовной жизни немцев-католиков в этих условиях носила почти исключительно нелегальный характер [8].

Основными формами духовной самоорганизации немцев-католиков были [9]:

1. Объединение верующих в подпольные молитвенные группы.
2. Нелегальное служение ссыльных католических священников, их личные инициативы по организации духовной жизни верующих.
3. Деятельность «евхаристических женщин».
4. Организация духовного воспитания детей и молодёжи в семьях.
5. Инициативы верующих по строительству молитвенных домов и храмов.
6. Личная молитва.

Прежде всего рассмотрим влияние на процесс самоорганизации немцев-католиков такого фактора как численность. Обычно, чем больше какая-то этническая или конфессиональная группа и чем выше её удельный вес, тем выше уровень её самоорганизации. Но этот тезис не находит своего подтверждения в проекции на немцев-католиков.

В додепортационный период в условиях отсутствия сформировавшихся связей между немцами-католиками на общегосударственном уровне абсолютная численность группы не имела принципиального значения. Аналогичным образом выглядела картина и для городского, и сельского населения в целом. Несколько большее значение фактор численности приобретал в рамках отдельных территорий, например, отдельных городов. Что касается сельского немецкого населения, фактор численности, разумеется, имел определённое значение в рамках отдельных колоний и регионов. Но основным всё же был фактор размещения населения, принцип моноконфессиональности.

Моноконфессиональная колония, независимо от того, была ли она крупной, средней или мелкой по численности, давала основу для самоорганизации и одновременно выступала главной определяющей формой самоорганизации. История даёт нам примеры единичных католических немецких поселений, образованных выходцами из различных материнских колоний в новых регионах в результате миграции в Сибирь и Казахстан. Эти колонии порой были единственными католическими поселениями в радиусе нескольких сотен или даже тысяч км. Стремление немцев-католиков создавать отдельные моноконфессиональные поселения также является одним из основных проявлений религиозной самоорганизации.

Вплоть до депортации численность немцев-католиков в Казахстане составляла лишь несколько десятков тысяч человек, но все они преимущественно проживали в моноконфессиональных поселениях, демонстрировавших даже в новых регионах довольно активный процесс именно «религиозной самоорганизации». Вследствие депортации численность немецкого населения в Казахстане, в том числе и католического исповедания, увеличилась почти в 6 раз [10]. Для рассматриваемого нами периода отмечается неуклонное возрастание численности немецкого населения от переписи к переписи. Так, если по данным ВПН 1959 г. численность немцев в Казахстане составляла 659,7 тыс. человек [11], то к 1970 г. она составила уже 858,1 тыс. [12], к 1979 г. – 900,2 тыс. [13] и к 1989 г. – 957,5 тыс. человек [14]. Исходя из примерно 30% доли католиков, можем ориентироваться на общую численность немцев-католиков соответственно в пределах 200-300 тыс. человек. К середине 1960-х гг. немцы-католики Казахстана, хотя и составляли несколько сотен тысяч человек, всё же были, во-первых, рассеяны по всей территории страны и, во-вторых, лишились своих компактных моноконфессиональных поселений. Система этноконфессионального уклада жизни немцев-католиков была разрушена, церковные структуры отсутствовали. В этих условиях показатели абсолютной численности немцев-католиков не имели определяющего значения для процесса самоорганизации духовной жизни, фактор численности имел лишь ограниченное влияние.

На первый план вновь выходит такой демографический фактор, как размещение населения. Перечень немецких поселений в Казахстане, составленный нами на основании Энциклопедического словаря «Немцы России. Населённые пункты и места поселения» [15], содержит порядка 123 наименований. Из них 52 составили лютеранские посёлки, 19 – меннонитские, 18 католические, при этом у 34 посёлков конфессиональная принадлежность не установлена.

В процессе депортации немецкого населения местные однородные в конфессиональном отношении немецкие католические, лютеранские, меннонитские посёлки, возникшие в Сибири, Казахстане, Средней Азии ещё в конце XIX – начале XX вв., номинально сохранились, но и они в годы войны понесли значительные потери в ходе мобилизации в Трудовую армию, но самое главное, отмечались факты «доприселения» депортированных немцев других исповеданий, вызвавшие изменение моноконфессионального характера поселений [5].

В последующие за депортацией десятилетия понятие «моноконфессиональный немецкий посёлок» в Казахстане практически исчезает. На

смену моноконфессиональному посёлку приходит понятие «национального посёлка» – «немецкого села» – населённого пункта с преобладанием жителей немецкой национальности, с сохранением отдельных групповых этноконфессиональных особенностей [16].

Немцы-католики, проживавшие в бывших католических колониях, находились в несколько лучших условиях в плане духовной самоорганизации. У них, как минимум, отмечалась определённая компактность размещения, сохранились существовавшие до начала 1940-х гг. общинные связи и отдельные фрагменты этноконфессионального уклада жизни.

Депортированные немцы-католики оказались рассеянными по огромным просторам Казахстана. Их традиционные общинные связи оказались разорванными, а традиционный этноконфессиональный уклад жизни разрушен.

Несмотря на преимущественно дисперсный характер расселения немцев в Казахстане, определённая компактность их проживания в 1960-80-е гг. всё же имела место, причём не только на уровне областей, но и в границах отдельных районов и сёл [17]. В этот период существовало ещё порядка 650- 700 сёл со значительной долей немецкого населения [18, с. 32-34]. К 1989 г. в этих сёлах проживало около 210-215 тысяч немцев, что составляло порядка 44% от всего сельского немецкого населения Казахстана [18, с. 32-34]. Более чем в 80 сёлах немцы составляли от 50 до 80% жителей [18, с. 32-34].

Но степень конфессиональной компактности была не столь велика. И всё же, проживая в отдельных населённых пунктах лишь по несколько семей, немцы-католики объединялись в тайные молитвенные группы. Там, где степень дисперсности размещения была ещё выше, большое значение приобретала индивидуальная самоорганизация духовной жизни. Её основными формами были личная и семейная молитва, поиск контактов со священнослужителями, выезд в регионы, где были священники, а позже в регионы, где были открыты католические храмы. Дисперсный характер размещения бросал особый вызов личной духовной самоорганизации верующих немцев- католиков.

О том, насколько важен был фактор размещения, свидетельствуют результаты самоорганизации, достигнутые немцами-католиками в регионах с их высокой концентрацией. Классический пример – г. Караганда и её окрестности [19]. Здесь, благодаря высокой степени концентрации населения католического исповедания, не только немцев, но и поляков, украинцев, белорусов, литовцев и др., имели место практически все перечисленные выше формы самоорганизации духовной жизни. Довольно ак-

тивной была самоорганизация духовной жизни католиков немцев и других национальностей также и в Северном Казахстане.

Таким образом, характер размещения немцев-католиков в Казахстане определял и степень, и формы самоорганизации.

Следующий демографический фактор – миграции. Как уже отмечалось выше, рассматриваемый нами период характеризуется относительной «стабильностью» в проекции на миграционные процессы. В прошлом остались мощные потрясения, связанные с массовыми принудительными перемещениями немецкого населения периода 1940-х гг. Режим спецпоселения был отменён, но по-прежнему действовал запрет на возвращение немцев к местам их прежнего проживания, следовательно, и немцы-католики не могли возвратиться в свои поселения и должны были обустраивать свою жизнь в новых местах размещения. Даже Указ от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г.», номинально снимавший с немцев обвинения, не отменял запрета на возвращения в родные места. Указ гласил: «Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краёв и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учётом его национальных особенностей и интересов» [7, с. 178-179]. Это произошло лишь в 1970-е гг., когда 3 ноября 1972 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» [7, с. 179]. Но это был уже слишком запоздалый Указ. На практике шансы немцев на возвращение к прежним местам проживания были минимальными. Прежние места проживания были уже заняты другим населением. Кроме того, немцы с большим трудом и усилием обустроились в новых регионах и не имели достаточных средств и возможностей для миграции в прежние места проживания и обустройства там с «нуля». Также не следует забывать и о действовавшем тогда законодательстве о трудоустройстве и паспортном режиме. Эмиграция из страны за редким исключением также была практически невозможна. Таким образом, возможности немцев-католиков для осуществления духовной самоорганизации с помощью миграций были весьма ограниченными. Но немцы-католики использовали возможность для смены места жительства в разрешённом формате и мигрировали из реги-

онов Сибири, Урала, Крайнего Севера, а также регионов внутри Казахстана в места наибольшей концентрации своих единоверцев. Яркий пример – Караганда и её окрестности. Религиозный мотив часто выступал основным в выборе места жительства [20]. Это даёт нам право рассматривать отдельные процессы миграции немцев-католиков как способ самоорганизации духовной жизни. Кроме того, одним из способов и форм самоорганизации духовной жизни в этот период стали временные выезды немцев-католиков в места нелегального служения католических священников или регионы, где существовали нелегальные группы верующих, имевших более частые контакты со священниками. Одной из форм самоорганизации духовной жизни немцев-католиков были и нелегальные миграции самих священнослужителей, так называемые миссионерские поездки, предпринимаемые по личной инициативе самих священников в условиях отсутствия официальной Церкви [21]. После освобождения из ссылки католические священники, видя духовную нужду, в которой оказались тысячи верующих в Сибири, Казахстане, Средней Азии, старались изыскивать различные возможности для осуществления своего душепастырства. Одни возвращались в прежние места своего проживания и оттуда периодически совершали тайные поездки в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, чтобы опекать проживающих там католиков – литовцев, немцев, поляков, украинцев. Другие оставались после освобождения в местах ссылки и тайно несли постоянное служение среди местных католиков. При этом вокруг них собирались постоянные приходы. Иногда они совершали миссионерские поездки в другие регионы, но большую часть времени всё же проводили в месте постоянного служения. Но была ещё одна группа священников - тех, что полностью посвятили себя миссионерским поездкам, постоянно перемещаясь по широким просторам Советского Союза. Их миссионерские «путешествия» длились не только месяцами, но и годами. Ради попечения о душах верующих священники превращались в «скитальцев Христовых». Миссионерские поездки священников-скитальцев приносили не только прямые плоды, как возможность участия в Святых Мессах и возможность принятия святых Таинств, но и имели своим следствием оживление религиозной жизни верующих, которая продолжалась и после отъезда священников. Миссионерские поездки священников создавали почву для активного служения «евхаристических женщин», «женщин со священнической душой». Так их называет в своей книге епископ Атаназий Шнайдер [22]. Это духовное понятие, которое, вместе с тем, очень точно отражает историческую реальность –

процесс сохранения веры в условиях отсутствия церковных структур и подпольного существования Церкви в Советском Союзе. Кроме того, за счёт миссионерских поездок удавалось географически приблизить священника к местам дисперсного проживания католиков, так что верующие из этих мест могли тайно выехать в населённые пункты, которые периодически навещали священники-скитальцы. Так, например, Анна Штанг из далёкого Восточного Казахстана, куда в этот период не удалось приехать ни одному священнику, сама смогла поехать в Краснотуринск, зная от родственников, что туда приезжает иногда священник [23].

Таким образом, ареал служения священников скитальцев становился ещё шире, в него включались не только пункты и регионы их миссионерских посещений, но и отдалённые регионы, куда в это время не ступала нога священника. Благодаря деятельности священников – «скитальцев Христовых», вера и Церковь были живы не только в крупных центрах сосредоточения католиков и в местах, где постоянно находились католические священники, но и на обширной территории всего Советского Союза. Священники несли Христа даже в самые далёкие, казалось бы, забытые Богом и людьми города и сёла Сибири, крайнего Севера, Казахстана и Средней Азии.

Эти священники становились своеобразной «передвижной Церковью», находившимися в постоянном движении подателями церковных Таинств. Миссионерские поездки священников придавали мощный импульс нелегальной духовной самоорганизации немцев-католиков в Казахстане.

Таким образом, мы видим, что рассмотренные демографические факторы имели разное по степени влияние на процесс самоорганизации духовной жизни немцев-католиков Казахстана. Фактор абсолютной численности имел в сложившихся условиях лишь ограниченное влияние и оказывал воздействие лишь в совокупности с принципом размещения населения. Кроме того, количественные показатели никогда не рассматривались и не могут рассматриваться как абсолютное мерило духовности, «... ибо, где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них», Мф 18,20.

Именно фактор размещения оказал решающее влияние на процесс самоорганизации духовной жизни немцев-католиков. Наличие регионов с высокой степенью концентрации немецкого населения и населения других этносов католического исповедания способствовало более высокому уровню духовной самоорганизации. В местах дисперсного проживания «самоорганизационные» возможности немцев-католиков были огра-

ничены и подчас делали полностью невозможной коллективную самоорганизацию. В этих условиях на первый план выходила личная самоорганизация духовной жизни. Несколько спектров влияния на духовную самоорганизацию немцев- католиков имели и миграционные процессы. Одной из основных целей миграционных движений немцев-католиков в этот период было достижение большей степени компактности проживания со своими единоверцами. В этом смысле миграции представляли собой один из способов решения проблемы духовной самоорганизации. Определённое значение имели и временные миграции немцев-католиков, и миссионерские поездки католических священнослужителей. Вместе с тем миграционные возможности немцев-католиков по-прежнему частично ограничивались законодательно, а эмиграция и вовсе была невозможна.

Сложившаяся демографическая ситуация не создавала полноценных условий для возрождения системы «религиозной самоорганизации» немцев-католиков ни в Казахстане, ни в прежних местах их проживания. Но в тоже время наличие отдельных нелегальных форм духовной самоорганизации способствовало сохранению веры немцев-католиков [22] и в будущем явилось фундаментом для возрождения Католической Церкви в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 октя бря 2007 г. – М.: «МСНК-пресс», 2008.
2. Барбашина Э.Р. Самоорганизация российских немцев как многофакторная проблема // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 октября 2007 г. – М.: «МСНК-пресс», 2008.
3. Лебедева Е.В. Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII–начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 октября 2007 г. – М.: «МСНК- пресс», 2008.
4. Бургарт Л.А. Немецкие поселения в России: моноконфессиональная модель (к вопросу исторической оценки) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24-27 августа 2012 г. – М., 2013. – С. 89-108.
5. Бургарт Л.А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения

вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Международной научно-практической конференции, Саратов, 26-29 августа 2011. – М., 2011. – С. 194-224.

6. Бургарт Л.А. Вторая мировая война и немцы-католики в СССР (к вопросу о последствиях) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Международной научной конференции МАИИКРН. – Москва, 2010. – С. 255-280.

7. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). Т. 1. (сост. Ауман В.А., Чеботарёва В.Г.). – М., 1993.

8. Бургарт Л.А. Религиозная жизнь католиков и положение Католической Церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского // «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе» (Вып. 1). – Барнаул, 2007. – С. 231-251.

9. Бургарт Л.А. О значении молитвы и «евхаристических женщин» для сохранения католической веры в СССР в 40-е – 80-е гг. XX в. (на примере немцев-католиков Казахстана) // Немцы Сибири: история и культура: Материалы VI Международной науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука»; изд-во ОмГПУ, 2010. – С. 110-124.

10. Бургарт Л.А. Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв. (по материалам всеобщих переписей населения 1897-1999 гг.). Сост. Бургарт Л.А. – Усть-Каменогорск, 2002.

11. Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной Переписи населения на 15 января 1959 г. – Алма-Ата, 1960. – С. 112-123.

12. Итоги Всесоюзной Переписи населения 1970 г. по Казахской ССР. – Алма-Ата, 1974. – С. 193-204.

13. Итоги Всесоюзной Переписи населения 1979 г. по Казахской ССР. – Алма-Ата, 1982. – С. 228-232.

14. Итоги Всесоюзной Переписи населения 1989 г. Т. II. – Алма-Ата, 1991. – С. 149-179.

15. Немцы России. Энциклопедия. Населённые пункты и места поселения. Энциклопедический словарь. Сост. В.Ф. Дизендорф. – М., 2006.

16. Бургарт Л.А. Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане: возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XII Международной научной конференции, Усть-Каменогорск, 26-27 мая 2011 г. – С. 27-39.

17. Бургарт Л.А. Влияние особенностей размещения немецкого населения в Ка-

захстане на «индекс» этнического окружения (1959-1999 гг.) // Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции, Саратов, 14-19 сентября 2004 г. – М., 2005. – С. 192-202.

18. Национальный состав населения Казахской ССР. – Алматы, 1990.

19. Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2-3 февраля 2007 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. – С. 59-69.

20. Буковинский В. Воспоминания о Казахстане // Шченский Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. – Караганда, 2000.

21. Билотас В. Апостольская деятельность священников Общества Иисуса в Сибири во время религиозных преследований 1955-1964 годов. *Matricola 158665. La tesi per la Licenza*, 2010-2011.

22. Шнайдер А. Это Господь. – Караганда, 2008.

23. Anna Stang. *Lebenserrinerung* // Архив прихода «Пресвятой Девы Марии Святого Розария». Рукопись. – С. 23.

Винокурова Е.И.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Древние захоронения являются важнейшим историческим источником при изучении истории. Правильное методологическое определение интерпретационных возможностей этого источника и разработка четких методических приемов обработки соответствующей информации дает возможность реконструировать некоторые аспекты жизни и деятельности древних племен. Древнее общество, так же как и современное, представляло собой сложноорганизованную систему, состоящую из индивидов, группирующихся в различных подсистемах. Особенность древнего индивида как социальной единицы состояла в том, что он одновременно мог пребывать в нескольких социальных группах: производственной, семейной, территориальной, возрастной, по полу и т.п. Пол, возраст и относятся к одним из основных характеристик социальной принадлежности индивидуума, которые находят отражение в погребальной обрядности.

В настоящее время андроновская культурно-историческая общность

урало-казахстанских степей и юга Западной Сибири археологически достаточно хорошо изучена. Большое количество изученных погребений, представляющих основной источник по изучению истории древних обществ, включая антропологические данные, позволяет проводить реконструкции исторического характера. В том числе актуально изучение гендерных аспектов населения Казахстана в эпоху бронзы.

В то же время при изучении демографических аспектов возникает ряд сложностей. Одна из них состоит в том, что большая часть погребений ограблена еще в древности. Обычно не ограбленные захоронения взрослых составляют 15-20% от числа захоронений взрослых, а не ограбленные захоронения детей – 90-95% от числа детских захоронений. Трудность анализа материалов состоит в том, что редко проводилось антропологическое определение погребений эпохи бронзы. Тем не менее, имеются памятники андроновского периода, где были изучены костяки древних погребений. Примером такого памятника является могильник Малый Койтас в Восточном Казахстане, остеологический материал которого был исследован антропологом, д.и.н. О.И. Исмагуловым [1, с. 22-23].

Объектом исследования палеодемографии на материалах эпохи бронзы Казахстана является размещение населения, состав населения, миграции населения и некоторые другие аспекты. Изучение состава населения включает вопросы определения половой, возрастной, социальной, профессиональной принадлежности.

Исходными данными для анализа по возрасту являются две основные группы, легко различающиеся по величине костных останков и антропологами, и археологами – взрослые и дети. Возраст умерших обычно определяется по размеру костей (дети-взрослые), по стертости зубов (молодые-пожилые). Определение пола, в тех случаях, когда могила не ограблена, или частично ограблена, проводится по сопутствующему костякам инвентарю методом прямых реконструкций, поэтому полученные данные весьма условны:

– наличие украшений, как правило, таких как височные кольца, серьги, браслеты, бусы и т.д. свидетельствует о женских захоронениях (но ряд исследователей указывают на возможность того, что некоторые виды украшений, например, браслеты из бусин, могли носить и мужчины);

– наличие оружия – захоронение мужчин.

Анализ половозрастной структуры населения Казахстана можно проводить только по уже изученным погребальным памятникам, которые не могут дать точную оценку численности населения. Данные могут меняться в связи изучением новых памятников. Численность населения

древних обществ обычно определяется по средней плотности (о чем свидетельствует количество поселений и могильников) и территориальным размерам, которые ограничивают археологическую культуру. Данную проблему рассматривали ряд ученых. Например, В.Н. Массон определяет среднюю плотность населения для земледельческих памятников в 400 человек на гектар. Для скотоводческих памятников производят подсчет по количеству скота. По мнению А.В. Епимахова, занимающегося изучением Аркаима, на площади 2 тыс. га могло проживать не более 800-1000 человек, при условии ведения кочевого скотоводческого хозяйства. А для эпохи бронзы этот показатель еще ниже [2, с. 121].

На численность населения в эпоху бронзы влияет и средняя продолжительность жизни древних жителей Казахстана. Для сравнения можно использовать данные по степной территории Европейской части России эпохи бронзы. Там показатели среднего возраста смерти взрослых по разным культурам эпохи бронзы варьируются от 20,6 до 25,2 года [3, с. 91]. Небольшую продолжительность жизни андроновцев косвенно может подтверждать минимальное количество захоронений людей пожилого возраста. Это, вероятно, свидетельствовало о тяжелых жизненных условиях, при которых до старости не доживали. К концу эпохи бронзы и началу раннего железного века продолжительность жизни населения увеличивается. Скотоводы, перешедшие к подвижному образу жизни, в отличие от оседло-земледельческого населения ведут более здоровый образ жизни, часто меняют поселения, что обеспечивало более благоприятную санитарно-гигиеническую обстановку.

Большую группу погребальных памятников эпохи бронзы составляют детские погребения. Главной трудностью при изучении детских погребений является невозможность определить пол ребенка из-за отсутствия сопровождающего их инвентаря, но в то же время этот фактор повлиял на большую сохранность детских погребений, так как именно инвентарь привлекал древних грабителей. В погребения детей в отличие от погребений взрослых, помещали только керамические сосуды с жертвенной пищей.

Процент детских погребений разных культур эпохи бронзы существенно варьируется от 20 до 50%. Высокая детская смертность подтверждается многими исследователями. По мнению Н.А. Рычкова, процент детских погребений в какой-то мере отражает процент детской смертности [4, с.93]. Можно предположить, что низкий процент детских погребений в некоторых памятниках объясняется плохой сохранностью младенческих костяков. Вероятнее всего, в третьем тысячелетии до на-

шей эры детская смертность приближалась к 50%. Ведь многих детей хоронили отдельно от взрослых в специальных могильниках. Кроме того, многие детские погребения расположены неглубоко в грунте, вследствие чего они не сохранились до наших дней или не имеют надмогильных сооружений, являющихся главным критерием для поиска памятников древности.

Среди памятников андроновской культуры известны могильники с совместными захоронениями детей и взрослых, а также отдельные детские кладбища. По мнению Ю.Ф. Кирюшина и ряда других исследователей на отдельных кладбищах хоронили детей, не получивших имя [5, с. 95]. Однако известны могильники, в которых похоронены дети и подростки. Маловероятно, что подростки не имели имя. Другой точки зрения придерживаются В.В. Боброва и Ю.И. Михайлова, которые объясняют отдельные детские кладбища эпидемиями [5, с. 96]. Это подтверждают и коллективные одновременные захоронения в одной могиле нескольких детей. Н.А. Рычков также высказывает точку зрения о возможном искусственном умерщвлении младенцев для регулирования численного состава населения [4, с.92].

При сооружении надмогильных конструкций взрослых и детей наблюдаются общие черты. Но погребальный обряд детей имеет и свои отличительные особенности. Детские погребения отличаются от взрослых размерами погребальной камеры и глубиной захоронения. Однако, как отмечает Е.П. Бунятян, размеры могильной ямы могли диктоваться и чисто техническими причинами – в ней должен был поместиться человек, копавший могилу [6, с.59].

В большинстве культур эпохи бронзы наблюдается равенство мужских и женских смертей в репродуктивном возрасте, при этом женщины умирали при родах, а мужчины гибли в войнах. Главной сложностью при определении пола является отсутствие остеологического анализа костяков. При анализе погребальных памятников эпохи бронзы Восточного Казахстана удалось определить пол умерших в 14% погребений взрослых, из которых четвертую часть составляли мужские захоронения. Женские украшения встречены в 26% погребений, оружие – в 10%. Возможно, это соотношение объясняется тем, что мужские захоронения чаще подвергались ограблению из-за большей ценности погребального инвентаря (для изготовления оружия требовалось гораздо больше металла, чем для женских украшений).

О появлении парной семьи в эпоху бронзы свидетельствуют захоронения мужчины и женщины в одной могиле. По мнению В.М. Массона,

стремление похоронить в одной могиле двух людей указывает на какую-то форму их близости. При разнополом захоронении, вероятнее всего, это члены парной или малой семьи. Эпизодически парные захоронения встречаются и в верхнем палеолите, и в мезолите, но как массовое явление они более показательны для эпохи металла [7].

У андроновских племен существовало и ритуальное умерщвление, которому могли подвергаться три социальных категории населения: дети в возрасте 0-7 лет, женщины-наложницы после смерти мужа, люди пожилого возраста. Умерщвление грудного ребенка со смертью матери было скорее необходимостью, так как он питается грудным молоком матери. Опять же, по этнографическим материалам видно, что женщины многих племен кормят грудью детей до 6-7 лет. Нельзя с уверенностью ни отрицать, ни высказываться за искусственное умерщвление детей. По особенностям погребального обряда андроновцев видно, что детей хоронили как совместно со взрослыми, чаще всего с женщиной, так и в отдельных могилах, оградах и даже сепаратных детских могильниках.

Есть несколько объяснений причин смерти детей: естественная смерть (видимо, наибольший процент всех смертей), естественная одновременная смерть матери и ребенка, умерщвление грудного ребенка в случае смерти матери, умерщвление ребенка с ритуальной целью и захоронение в могиле с мужчиной – главой патриархальной семьи.

Средняя продолжительность жизни в каменном веке составляла 15-22 года, в эпоху бронзы – 20-30 лет. Можно предположить, что до преклонных лет в палеолите доживали лишь наиболее психологически уравновешенные и приспособленные к сложной социальной организации индивиды. Раскопки на палеолитических стоянках подтверждают уважительное отношение к пожилым людям в древних коллективах. Только при поддержке коллектива, например, мог дожить до пожилого возраста больной артритом старик с высохшей рукой со стоянки Шанидар (Ирак). Пожилой человек мог быть хранителем традиций и знаний, которые передавались молодежи. Пожилые люди в первобытных обществах в силу меньшего участия в хозяйственной жизни могли больше времени уделять каким-либо усовершенствованиям и изобретениям. Однако следует отметить, что уважительное отношение к пожилым людям в то время было основано в первую очередь на их роли в общественной жизни, а не на возрасте как таковом. Поэтому, не смотря на косвенные данные письменных источников, трудно согласиться с тем, что всех пожилых людей, достигших определенного возраста искусственно умерщвляли [4, с. 87].

На основании археологического материала, полученного из погребальных памятников эпохи бронзы Казахстана, можно сделать следующие выводы:

- детские погребения андроновских племен эпохи бронзы составляют примерно половину от общего числа умерших;
- небольшая продолжительность жизни андроновцев (наличие минимального количества захоронений людей пожилого возраста);
- отсутствие точных данных по полу умерших – это удается определить примерно в 15-20% погребений взрослых;
- пол детей определить фактически невозможно по остеологическому материалу и из-за отсутствия сопровождающего их инвентаря.

Данная проблема имеет перспективу дальнейшего изучения с накоплением новых археологических данных изучаемых памятников эпохи бронзы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Оразбаев А.М., Г.К. Омаров Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998.
2. Епимахов А.В. Возможности урбанистического развития в степной среде эпохи бронзы (по материалам памятников синташтинского типа) // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 1999.
3. Сорокин В.С. Могильник Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. – МИА. - № 120. – М.-Л., 1962.
4. Рычков Н.А. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы. // Методологические и методические вопросы археологии. – Киев, Наукова думка, 1982.
5. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Демографический аспект изучения андроновского общества в восточных районах культурного ареала (по детским погребениям) // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 1999.
6. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. – Киев, Наукова думка, 1985.
7. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976.

ТИПОЛОГИЯ СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ

Семья является одним из важных институтов любого общества. Ее развитие и функции неразрывно связаны с историей самого общества, так как семья – это основа социальной и хозяйственной деятельности. В исторической литературе последних лет особое внимание уделяется исследованию малых социальных групп. В этом плане изучение семьи как малой социальной группы становится «одним из наиболее плодотворных подходов к изучению прошлого и настоящего с точки зрения реконструкции исторической действительности посредством обращения к ее реальным носителям» [18, с. 3]. Семья является универсальным объектом исследования, который в силу своей многогранности может служить решению проблем, как общего, так и частного характера. Кроме того, изучение семьи позволяет проследить механизм взаимодействия и взаимовлияния семьи и общества.

Своеобразие института семьи, фокусирующего в себе различные стороны общественного развития, определило интерес к нему со стороны широкого круга специалистов: этнографов, социологов, демографов, историков и пр., причем в последнее время очевидной становится тенденция комплексного использования источников и методов ее исследования.

Усиление внимания исследователей к семьеведческой проблематике заставляет обратиться к некоторым теоретическим и методологическим проблемам развития семьи. Одной из таких проблем является типология семьи. Обращение к истории изучения бытовавших в России типов семьи может дать много полезного современным исследователям. Поскольку изменения в структуре семьи ведут в конечном итоге к видоизменению ее форм и всех связанных ней отношений ее членов, предпосылкой любого конкретно-исторического исследования семьи является характеристика ее типологии.

Активное изучение русской, прежде всего крестьянской, семьи развернулось в отечественной историографии со второй половины XIX в., что было связано с особой актуальностью аграрного вопроса во время подготовки и проведения реформы 1861 г.

В ряду важнейших дискуссионных вопросов в русской историографии этого периода стояла проблема «разложения» «большой патриар-

хальной семьи». В 60–80-е гг. XIX в. в литературе появились описания сложных форм крестьянской семьи, бытовавших в некоторых местностях России. Это, по-видимому, явилось предпосылкой формирования мнения о преобладании в русской дореформенной деревне большесемейной организации в качестве наиболее распространенной и статичной формы. Споры вокруг семейных разделов, развернувшиеся в периодической печати в 70-90-х гг. XIX в., послужили поводом для интерпретаций типологического развития крестьянской семьи как эволюции от «большой патриархальной семьи» к малой. Согласно взглядам большинства исследователей, в пореформенный период происходил необратимый процесс перехода от сложной формы семьи к простой, что имело следствием изменение всей структуры внутрисемейных отношений.

В рамках такого подхода к типологии семьи ученые предпринимали попытки классифицировать ее формы. Исследователи выделяли 2 основных типа семьи, именуя их по разному (малая и большая, простая и сложная, одинокая и семьянистая, естественная и искусственная), и понимали их неоднозначно [19, с. 304–305; 25, с. 290–291]. Так, В.Ф. Мухин под естественной семьей подразумевал союз лиц, связанных между собой общим происхождением от одной пары, т.е. союз родственников по нисходящей линии; искусственная же семья, по его мнению, представляла собой совместное проживание братьев с семьями, т.е. объединяла родственников по боковой линии («сводная» семья) или являлась объединением лиц, не состоящих в родстве («артельная» семья) [22, с. 30–31]. А.А. Леонтьев выделял простую и сложную формы семьи. Под первой он понимал семью, состоявшую из отца и малолетних детей, и семью со взрослыми, иногда женатыми сыновьями. К сложным семьям он относил семьи с нисходящим и боковым родством [19, с. 304–305].

Иначе понимал различие между простой и сложной формами семьи С.В. Пахман: «Казалось бы более правильным ту семью, которая состоит из родителей и женатых сыновей либо замужних дочерей, называть сложной... семью, состоящую только из родителей и не вступивших в брак детей, называть простой или отдельной» [23, с. 312]. В основу деления семей на формы С.В. Пахман положил число брачных пар в составе семьи. Такой же принцип применял и И.Д. Тютрюмов, однако последний предлагал другие названия форм семьи, – «малая» и «большая» [25, с. 290–291]. Подобное деление было наиболее употребимым в русской историографии. В целом в русской историографии второй половины XIX – начала XX в. взгляды на типологию семьи и ее эволюцию только начинали формироваться.

Активно изучалась семья отечественными демографами. Еще в 1920-х гг. О.А. Квиткин, при обработке материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. предложил основой качественных определений семьи считать внутренние связи и отношения между отдельными элементами структуры, в частности, родственные отношения между членами семьи [16, с. VI–XVI]. В последующем различными авторами были предложены различные модификации типологии семей, основанные на этом подходе [6].

Характерна, в частности, схема, разработанная И.Л. Герасимовой, которая в основу семейной типологии положила характер отношения родства и свойства между членами семьи, т.е. то главное на ее взгляд, что отличает семейное образование от других малых социальных групп. Она выделила 16 демографических типов семей, которые агрегируются в пять групп:

- 1) одиночки;
- 2) супружеские пары без детей;
- 3) супружеские пары с детьми;
- 4) неполные семьи;
- 5) прочие семьи.

При этом исследователь предусматривала следующие правила:

- а) отсутствие главы семьи;
- б) главное звено – младшая супружеская пара, которая формирует демографический тип семьи;
- в) родственниками по прямой линии считаются лишь родители и дети [10, с. 47].

Попытки объединить качественные характеристики семьи с количественными оценками привели к созданию А.Я. Боярским векторного представления структуры семьи по четырем демографическим признакам:

- несовершеннолетние дети (Д);
- родители (Р);
- совершеннолетние члены семьи (В);
- престарелые члены семьи (П).

Главное достоинство этого способа заключалось в том, что он позволял описывать структуру семей не только в статике, но и в динамике. В развитие идей А.Я. Боярского группой исследователей было предложено векторное представление блочной структуры семей, основой которой стала ассоциация не лиц (индивидуумов), а простейших семейных

образований, выступающих в качестве составных элементов структуры. По этой модели все многообразие семейных формаций от простейших до самых сложных можно представить в виде некоторого структурного образования, состоящего из ряда элементарных ячеек (блоков). Система блоков при этом включала следующие составные элементы:

блок А – супружеская пара в активном фертильном возрасте с детьми или без детей (полные семьи);

блок В – один из родителей с детьми («осколочные» семьи);

блок С – пожилые родители («затухающие» семьи);

блок D – ассоциированные члены семьи [12, с. 181–182].

Повышенный интерес к проблемам семьи со стороны этнографов в очередной раз наблюдался в историографии 1960-80-х гг. Аннотированная библиография работ по проблемам семьи в СССР, изданная в 1972 г., насчитывает около 400 наименований [2]. Особенно активно семья изучалась в это время этнографами. Ряд специальных исследований посвящен конкретно-историческому региональному освещению семьи. Наиболее фундаментально была разработана история семейных отношений крестьян Сибири, Поволжья и Русского Севера [5; 15; 20].

В это время в историко-этнографическом исследовании семьи сложилась определенная методика освещения типологии семьи, получили дальнейшую разработку классификации форм и типов семьи, однако единая, общепринятая классификация так и не сложилась.

В 1963 г. М.О. Косвен предложил выделить два исторических типа «большой патриархальной семьи», или семейной общины: демократический и деспотический (отцовский) [17].

Е.Н. Бакланова при классификации семей по родственно-структурным типам основывалась на записи о характере родственных связей и отношений, сделанной К. Марксом в конспекте книги Л.Г. Моргана «Древнее общество»: «кровное родство было двух родов:

а) по прямой линии,

б) по боковым линиям».

Исходя из этого, все семьи были поделены ею на две большие группы:

А – сложившиеся по принципу прямого родства;

Б – по принципу бокового родства. В каждой из этих групп автор выделила по два типа семей [3, с. 31–35].

В 1982 г. Ю.В. Бромлей и М.С. Кашуба классифицировали формы семьи следующим образом, разделив их на два основных типа: простую

(малую, нуклеарную, индивидуальную и т.д.) семью, состоящую из одной брачной пары (или одного из родителей) с неженатыми детьми или без детей; сложная семья (семья расширенного типа, большая семья), состоявшая из двух или более простых семей. Сложные семьи, в свою очередь, подразделялись на многолинейные, в которых родственники, связанные боковым родством, представлены несколькими брачными парами, и однолинейные, которые состояли из представителей нескольких поколений, находившихся в прямом родстве, но в каждом поколении имели не более одной брачной пары [4, с. 82–83].

Проблема типологизации семьи нашла свое место и в этносоциологических исследованиях. О.А. Ганцкая в работе «Семья: общие понятия, принципы типологизации» приводит несколько примеров классификации семьи по одному или совокупности признаков: по составу и характеру супружеских союзов (стабильность, исключительность и т.п.) семья разделяется на классы парных, моногамных, полигамических; по числу брачных союзов – на классы простых, сложных форм и т.д. При этом каждая классификация «может служить единичным (частным) и общим целям» [8, с. 8]. Исследователь предложила несколько схем классификации по различным структурообразующим признакам: численности, числу поколений и брачных пар, детности, характеру родства, национальному составу [9, с. 13–19].

В целом в специальной литературе не сложились общепринятые точки зрения на понятия «малая» и «большая» семья. Практически у всех исследователей наблюдаются значительные расхождения в их понимании.

Фактически не существует общепринятой типологии семей по внутренней структуре. Так, например, при выделении простейших семей сосуществуют понятия «малая семья» «нуклеарная семья», «простая семья» и «несложная семья»; для моногамных семей сложных форм употребляются понятия «сложная семья», «большая семья» и «неразделенная семья». Каждый из этих двух основных Типов семей в свою очередь может подразделяться на несколько видов. В некоторых случаях использовавшиеся исследователями типологии насчитывают несколько десятков видов семей. Разнообразие используемых в литературе систем классификаций семей по типам часто приводит к тому, что данные различных исследований бывают просто несопоставимы друг с другом. В частности, А.Г. Волков в монографии «Семья – объект демографии» приводит 10 типологических систем семьи, используемых современными исследователями, значительно отличающихся друг от друга [7, с. 35–46].

Большое внимание типологии семьи уделял В.А. Александров. В своей работе «Обычное право крепостной деревни России» он проследил развитие семейных форм у русских крестьян в различных районах расселения с рубежа XV-XVI вв. до середины XIX в. Изменения форм семьи, определяемых ее численностью и внутренней структурой, В.А. Александров связал с социально-экономическими условиями их бытования [1].

Достаточно интересна типология семей, использованная В.А. Зверевым при исследовании крестьянской семьи Сибири периода капитализма. Эта типология предусматривает выделение 6-ти типов семей. Под простыми семьями понимаются состоящие из одной супружеской пары с неженатыми (незамужними) детьми или без детей. Расширенными называются семьи, образующиеся в случае женитьбы одного из представителей младшего поколения в простой семье, рождения детей в новой брачной паре. Сложная отцовская семья состоит из брачной пары супругов – родителей и двух или более супружеских пар, основанных их детьми, со всем потомством. Под сложной братской семьей понимается ячейка, состоящая из совместно живущих без родителей братьев и сестер с их семьями. Линейная семья включала три и более брачные пары, связанные между собой прямой линией родства. Кроме того, отдельно выделяются одиночки, т.е. семьи, состоящие из одного человека [13, с. 39–40]. Использованная В.А. Зверевым типология благодаря своей простоте и универсальности применяется и другими исследователями [11, с. 132–144].

Впервые на развитие типологических схем русской семьи в отечественной историографии обратила внимание С.С. Крюкова. Это дало ей возможность предложить достаточно взвешенную схему, состоящую из двух основных типов семьи: малой и неразделенной. При этом неразделенные семьи (из двух и более брачных пар) подразделялись на 4 под-типа:

- 1) отцовская семья;
- 2) братская семья;
- 3) семья дяди-племянники;
- 4) смешанная семья [18, с. 40].

Таким образом, наиболее распространенным в современных исследованиях по истории русской семьи является деление на малую и неразделенную семьи с выделением под-типов.

Согласно типологии, наиболее распространенными в современной исторической демографии считают пять форм семейной организации:

- 1) семья, состоящая из одного человека;
- 2) группа родственников или не родственников, не образующих се-

мы, но ведущих общее хозяйство;

3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми;

4) расширенная семья, состоящая из супружеской пары с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях;

5) составная семья, включающая две и более супружеские пары. В последнюю категорию входят также и так называемые большие патриархальные отцовские или братские семьи, которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3-5 и более супружеских пар, объединяющих 15, 20, 30 и более человек [21, с. 219–220].

Исследователи под влиянием этнографической методики к составным семьям нередко относят только большие семьи, а некоторые формы составной семьи (например, состоящие из родителей и женатых детей без собственных детей или родителей и одного женатого сына с детьми) относят к малым семьям [3, с. 43–48; 20, с. 32–34]. Подобный прием, оправданный при этнографическом подходе, приводит к преувеличению численности малых семей и исключает из анализа составную семью как самостоятельный тип, подменяя ее большой семьей, которая, согласно данной классификации, является разновидностью составной семьи.

Примером использования этнографических методик в историко-демографических исследованиях являются работы Е.А. Зуевой, которая при изучении русской купеческой семьи Сибири конца XVIII–первой половины XIX в. (т.е. очень узкой и немногочисленной категории) применила очень сложную схему, предусматривающую выделение малых (несложных) и сложных (неразделенных, больших) форм семей. Последние подразделялись на 4 типа: сложная отцовская однолинейная, многолинейная отцовская, братская многолинейная и прочие. В общей же сложности в классификации Е.А. Зуевой было выделено более 20 различных видов семейной ячейки [14].

Таким образом, при изучении внутренней структуры семьи возникают значительные трудности, связанные с недостаточной теоретической разработанностью данной проблематики. Очевидно, что структуру каждой отдельно взятой семейной формации можно рассматривать и описывать различными способами. Семьи разнообразны по своему составу и структуре внутрисемейных отношений, и в научной литературе предложено много подходов к построению классификации семей. Целесообразность применения того или иного подхода зависит от задач исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. - 1981. - № 3. - С.78–96.
2. Аннотированная библиография работ по проблемам семьи в СССР (1957-1971). Вып. 1-2. – М., 1972.
3. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере (конец XVII–начало XVIII в.). – М., 1976. – 221 с..
4. Бромлей Ю.В., Кашуба М.С. Брак и семья у народов Югославии. – М., 1982. - 239 с.
5. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. – Казань, 1973. – 164 с.
6. Васильева Э.К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). – М., 1975. – 184 с.
7. Волков А.Г. Семья – объект демографии. – М., 1986. – 271 с.
8. Ганцкая О.А. Семья: общие понятия, принципы типологизации // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. – М., 1987. С. 5–14.
9. Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 16–28.
10. Герасимова И.А. Структура семьи. – М., 1976. – 168 с.
11. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. – М., 1999. – 240с.
12. Демографические проблемы семьи. – М., 1978. – 208 с.
13. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). – Новосибирск, 1991. – 148 с.
14. Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII–первой половины XIX в. – Новосибирск, 2007. – 220 с.
15. Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX вв. – Новосибирск, 1975. – 159 с.
16. Квиткин О.А. Основные линии разработки переписи семей 1926 г. // Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М. Т. LVI.
17. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. – 219 с.
18. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. – М., 1994. – 214 с.
19. Леонтьев А.А. Крестьянское право. – СПб., 1914. – 364 с.
20. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII-первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1979. – 350 с.
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). – Т. 1. – СПб., 1999. – 548 с.
22. Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. – СПб., 1888. – 331 с.
23. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. – Т. 2: Семейные права, наследство и опека. – СПб., 1879. – 400 с.

24. Русские: семейный и общественный быт. – М., 1989. – 336 с.
25. Тютрюмов И.М. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. № 4. С. 270–294.

Галиев А.А.

ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

На территории современного Казахстана за огромный исторический период существовало много государств, но образование именно Казахского ханства сыграло ключевую роль во всех последующих событиях в этой и сопредельных частях Евразии.

К различным проблемам относительно недолгого существования Казахского ханства обращались многие исследователи. Тем не менее следует констатировать, что многие проблемы все еще нуждаются в специальном изучении. К ним относится и такой немаловажный вопрос, как численность и этнический состав Казахского ханства. Естественно, что все исследователи так или иначе обращали внимание на эти вопросы, но, к сожалению, они не являлись для них основными. Между тем проблемы, которые мы намерены обозначить, актуальны не только сами по себе, но и потому, что они способны пролить свет на политическую организацию Казахского ханства и на понимание природы кочевой государственности.

Определяя политические системы кочевников как кочевые империи, Н.Н. Крадин пишет, что они развивались у кочевников только в тех регионах, где они имели длительные и активные контакты с земледельческо-городскими обществами, что предопределило двойственную природу «степных империй». Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государства, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как класс-этнос и специфическая ксенократическая или экзополитарная политическая система. Они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом» [7, с. 190].

Ряд исследователей считает, что без взаимодействия кочевников и оседло-земледельческой среды государство бы и не возникло – «В результате подчинения и завоевания, выступающих в роли катализаторов, возникает суперстратификация, которая, с одной стороны, полностью или частично, превращает этнические различия в социальные, а с другой –

приводит к возникновению государства» [16, с. 364].

При этом кочевая элита выполняла функции высших звеньев военной и гражданской администрации, а простые скотоводы составляли костяк аппарата насилия – армии [7]. Несколько ранее аналогичные идеи высказывались С.П. Толстовым [15, с. 16].

Казахи в соседних государствах воспринимались именно как армия. Так, в грамоте Анны Иоанновны хану Абулхаиру говорится: «Киргиз-кайсацкой орды Абульхайр-хану, старшине и всему киргиз-кайсацкому войску нашего императорского величества милость» [9, с. 189].

В целом, идея о роли кочевников как о надстройке представляется нам достаточно продуктивной и вполне применимой для характеристики Казахского ханства как государства в форме степной империи.

Если применить идею о государстве кочевников как двухчастной системе, включающей надстройку в виде степняков-казахов и базис в виде оседлых земледельцев, то можно схематически представить Казахское ханство, состоящее из двух иерархически организованных частей, которые могут быть охарактеризованы в рамках бинарной оппозиции: «управляющие/ управляемые». В состав первой, согласно теории Н.Н. Крадина, должно входить кочевое население, т.е. собственно казахи-кочевники (надстройка). Вторая группа должна включать в себя оседло-земледельческое население Казахского ханства (базис).

Собственно говоря, первая группа локализовалась в степной зоне, практически непригодной ни для одного вида деятельности, кроме как кочевого скотоводства. Номады-казахи делились на жузы, включавшие в себя различные племена. По авторитетному мнению дореволюционного исследователя И.И. Крафта, жузы были административными единицами Казахского ханства [8, с. 14].

Действительно, как сообщают источники, казахское ханство распадалось на административные единицы – улусы. «В каждом известном улусе есть (свой) полновластный султан из потомков Чингиз-хана» [4, с. 145].

Вторая группа – оседло-земледельческое население, локализованное в присырдарьинском регионе. Многие исследователи, говоря о политическом устройстве Казахского ханства, часто подразумевают под ним только степную зону, население которой составляли собственно казахи. Между тем понятие «Казахское ханство» не эквивалентно понятию «казахский народ». Уже с момента образования Казахского ханства первые ханы казахов стали вести борьбу за присырдарьинские города.

Казахские феодалы к 1695 г. владели 32 городами [13, 55]; 16 декабря

1731 г. во время одной из бесед с А.И. Тевкелевым старшина младшего жуза Букенбай заявил, что «у них, киргиз-кайсаков, прежде были города, а именно: Ташкент, Тюркустан, Сайрам, с принадлежащими городками и деревнями и оными владели киргиз-кайсацкие ханы и старшина. В тех городах живут сарты, то есть посацкие мужики, с которых брали они дань. А из тех городов выслал их хонтайша тому с 15 лет» [6, с. 106].

Как и другие государства, Казахское ханство имело свою столицу. При хане Есиме город Туркестан стал столицей ханства. Начиная со второй половины XVI в. и почти до XIX в. он оставался одним из главных центров казахов и официальным местом пребывания хана Старшего или Среднего жуза [10, с. 43; 9, с. 159, 167, 220].

Казахские ханы с момента возникновения ханства стремились включить в его состав присырдарьинские города. Это позволяло создать достаточно эффективный тип взаимодополняющей экономики, где степь производила скотоводческую продукцию, оседло-земледельческие районы – продукцию сельскохозяйственную, а города – ремесленную.

Созданию такого типа экономики способствовало то, что оазисы Средней Азии непосредственно примыкали к кочевьям казахов. Повсеместно, где кочевая экономика соседствовала с оседло-земледельческими регионами, складывался симбиоз.

«Эту тесную взаимосвязь кочевников и земледельцев ярко подчеркивает в преломлении через общественное сознание кочевой аристократии приводимая Махмудом Кашгарским (II, 224) тюркская пословица «нет тюрка без тата (т.е. оседлого данника), нет шапки без головы» [15, с. 16].

Иначе говоря, земледельцы, ремесленники и скотоводы не могли обходиться без продукции друг друга. В Джунгарии кочевья располагались в большом отдалении от земледельческих центров, что явилось стимулом для развития собственного земледелия и ремесла [3, с. 25].

Численность и плотность населения, по Н.Н. Крадину, также служит критерием наличия государственности. При этом подчеркивается, что «население вождеств, как правило, насчитывало десятки тысяч этнически однородного населения, в то время как в ранних государствах счет шел уже на сотни тысяч и миллионы человек из разных этнических сообществ и групп». Если говорить о численности населения, то только кочевое население Казахского ханства в отдельные периоды, в частности при Касыме, по свидетельству Мухаммад Хайдара, достигало миллиона человек [1, с. 42]. По мнению А. Исина миллион человек – это не все население, а только войско, т.е. только взрослое мужское население [5, с. 25].

Если обратиться к источнику, то находим следующее: «Тогда Касим-хан приказал, чтобы из каждой степной семьи приготовился к походу один человек. Семьсот тысяч человек явились по его приказанию и встали перед шатром хана. А в это время шатры Касим-хана были разбиты на летовке на берегу реки Идил (Итиль), где много травянистых лугов и источников проточной воды, и добираться туда по стране Касим-хана нужно целый год. Короче говоря, семьсот тысяч человек выстроились перед взором Касим-хана, и он отобрал из них сто шестьдесят тысяч человек, у каждого из которых было боевое снаряжение и киргизская лошадь». Еще один пассаж, раскрывающий представление анонимного автора Алам-ара-йи Шах Исмаил о масштабах Казахского ханства и численности его населения. Семьсот тысяч джигитов—по одному от «каждой степной семьи» — создают картину не только несметного резервного войска, из которого можно выделить боеспособную армию в сто шестьдесят тысяч отборных воинов, но и еще более многочисленного народа, сумевшего по приказу хана выделить из своей скотоводческой массы такое большое число мужчин. Конечно, преувеличение, подчас совершенно гиперболическое, числа воинов противника в предвзятых источниках чаще всего дается для приукрашивания победы над таким сильным врагом, и тем не менее совсем на пустом месте такие цифры возникнуть не могли. О могуществе Казахского ханства периода правления Касым-хана и значительной численности его населения, о 200-300 тысячном казахском войске [2].

При этом плотность населения в кочевой части ханства была относительно невысокой, поскольку это исключается условиями хозяйствования, о чем неоднократно писал Н. Масанов. Следует предположить, что оседлое население ханства достигало как минимум несколько сот тысяч человек, при достаточно большой плотности.

Кроме того, само наличие двух групп населения, кочевой и оседлой, уже предполагает наличие различных этнических групп. Большим разнообразием отличалось оседло-земледельческое население ханства: ираноязычные, тюркизированные ираноязычные и различные оседлые тюркоязычные группы городов и сел, возможно среднеазиатские евреи и арабы и др.

Помимо мусульман проживали и представители других конфессий: «...там лежит около тысячи городов и селений, - говорится в источнике, - хаким области назначается Касим-ханом, а подданные наполовину кафиры, наполовину – мусульмане» [2].

Не было однообразным и кочевое население: тюркизированная

группа ак-суйек – торе и кожа, выходцы из монгольского правящего рода Чингисидов и арабов соответственно, кара-суйек – собственно казахи, тюркоязычные группы различного происхождения. О переселении вглубь казахской степи и включении представителей различных народов (кыргызов, калмыков и др.) в состав казахов говорят источники различного происхождения. А.И. Левшин, в частности, писал: «В 1760 году к сей части Большой Орды присоединилось значительное число каракалпаков...» [9, с. 176].

Эти инкорпорированные группы, вероятно, не отличались в правовом положении от казахов и выполняли в ханстве те же функции.

Каракалпаки и кыргызы проживали не только на своих этнических территориях, граничащих с землями казахов, но и собственно на территории Казахстана. Так, Аблай-хан «построил сыну своему султану Адилю по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казаков Большой орды при речке Талаш дом, обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству. Пленных им во множестве бурутов отослал он в северную часть Средней Орды, где они и дети их доньне живут, составляя род, известный под именем джаны, или яны-киргиз, то есть новые киргизы» [9, с. 256].

Проживали в степной зоне ханства и люди иного этнического происхождения (иранцы, калмыки, русские), которые входили в различные группы (кулы, туленгуты) с разной степенью зависимости и выполнявшие различные функции: кулы – рабы, толенгуты – дружина и служилые люди при хане и султанах [прим. 1].

Иначе говоря, этнический состав рабов в Казахском ханстве определялся их религиозной принадлежностью. Они, с точки зрения казаха, являлись иноверцами – шиитами, буддистами и христианами [9, с. 314].

Туленгуты ханов – «пришельцы эти разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь, впрочем, ничем от простого казаха, кроме одного права – клеймить скот свой султанским тавром» [12, с. 136].

В более детальном освещении нуждается выяснение той роли, которую играли в составе ханства входившие в него в различные периоды кочевые народы (либо их отдельные части) – калмыки, кыргызы, каракалпаки и, возможно, башкиры. Можно предположить, что они выполняли те же функции, что и казахские племена и их положение в правовом отношении мало чем отличалось. Для объяснения такого их положения могли быть изобретены генеалогии, возводящие эти народы к

общему с казахами предку (Алты-Алаш).

Известно, что находящиеся в политическом отношении в зависимости от казахских ханов каракалпаки, занимавшиеся как скотоводством, так и земледелием, были обязаны платить дань хлебом, участвовать в походах на соседей и собирать в пользу своих сюзеренов пошлину с проходящих по их землям торговых караванов [13, с. 59]. Положение каракалпаков было двойственным, с одной стороны, оно мало чем отличалось от положения оседло-земледельческого населения ханства, с другой – они включались в состав аппарата насилия.

Очень тесные связи существовали у казахов с кыргызами. Около 1526 г. большая часть киргизов присоединилась к казахскому хану Тахиру. Среди них он и умер по сообщению Мухаммад Хайдара [11, с. 223].

В башкирских преданиях сообщается, что Хакк-Назару были подчинены и башкиры. Основываясь на этих преданиях, П.И. Рычков писал:

«Сей Акназар, учинившись ханом, в великое усилование пришел и владел не только одними теми ногайцами и Башкириею, но сверх того Казанское, Сибирское и Астраханское царство, Бухарию, Хиву, Ташкент и другие многие города под власть свою покорил и дань с них собирал» [14, с. 52].

Калмыки. Несмотря на то, что калмыки исповедывали другую веру и говорили не на тюркском языке, часть их также входила в состав Казахского ханства [9, с. 47].

Туркмены. Некоторые поколения туркмен, кочующих возле Каспия, избрали ханом Пиргали, второго сына Нурали [9, с. 253].

Таким образом, население Казахского ханства в периоды мирного развития насчитывало более миллиона человек. Это население было неоднородным в этническом отношении, занималось различными видами хозяйственной деятельности. Данные характеристики позволяют отнести Казахское ханство к типу кочевых империй.

Прим. 1 О захвате и продаже калмыков, персов, русских – см. Витевский Н.В. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. III. Казань, 1897, С. 736, 739; Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912. С. 38.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, Наука. 1985. С. 30, 41.
2. Атыгаев Н., Жандосова З. Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения Алам-ара-йи Шах Исмаил <http://e-history.kz/ru/contents/view/383>
3. Гуревич В.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983.
4. Ибрагимов С.К. «Михман намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV-XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. А., 1960. С. 145.
5. Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI в. Алматы, 2004.
6. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Алма-Ата, 1961.
7. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос. 2004.
8. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 14.
9. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, Санат. 1996.
10. Массон М. Мавзолей Ходжа Ахмеда Йасави. О чем поведали ученые. – Алматы: Рауан, 1997. С. 43
11. Материалы по истории казахских ханств. Алма-Ата, 1969.
12. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I, Алма-Ата, 1948. С. 136.
13. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата: «Гылым», 1991.
14. Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 69.
15. Толстов С.П. Тирания Абрюя // Исторические записки. № 3. 1938. С. 16.
16. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Григоричев К.В.

ЭВОЛЮЦИИ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Одной из ключевых тенденций последних лет в развитии демографической ситуации в Иркутской области становится изменение возрастной модели рождаемости. Основным вектором этих изменений является повышение возраста матери при рождении первого ребенка и смещение максимальных значений возрастных коэффициентов рождаемости (ВКР)

из группы 20-24 года в группу 25-29 лет. Этот процесс активно идет в городском населении региона и наиболее рельефно прослеживается в областном центре – г. Иркутск [1, 2]. Поскольку одновременно с этим происходит снижение значений ВКР в группе 20-24 года, представляется возможным говорить именно об изменении возрастной модели рождаемости, а не конъюнктурном подъеме числа рождений вторых и последующих детей в результате комплекса про- natalистских мер правительства РФ.

Закономерным представляется вопрос об устойчивости и долговременности такой эволюции возрастной модели рождаемости. Является ли это логичным развитием демографического перехода [3] (в другой традиции - вторым демографическим переходом [4]) или конъюнктурной и потому недолговременной реакцией на экономические и политические процессы. Решение этого вопроса на основе статистических наблюдений представляется непродуктивным, поскольку фиксируемые в них события не отражают главного – мотивов репродуктивного поведения, на основе которых и формируется структура рождаемости.

С этой целью зимой 2014-2015 гг. был проведен опрос женщин репродуктивных возрастов, проживающих в Иркутске, пригородных поселениях и сельском районе. Объем пропорциональной квотной выборки составил 300 человек, из которых 255 – жительницы областного центра и пригородов. Масштаб и характер выборки (около 0,12% от численности генеральной совокупности – «женщины репродуктивного возраста» без распределения по уровню образования, семейному положению, уровню доходов) не позволяет говорить о полной репрезентативности опроса. Однако сопоставление с материалами аналогичного исследования 2009 г., проведенного по той же выборке и программе, позволяют все же выделить основные тенденции и оценить динамику изменений в репродуктивных установках женщин. Для более глубокого понимания мотивов и факторов изменения репродуктивного поведения с частью участниц второго опроса были проведены небольшие интервью после заполнения анкетных листов. Эти интервью, в основном, и положены в основу текста.

Ключевыми моментами опроса являлись вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей, которых собирается родить женщина, а также мнения респондентов о желаемом возрасте рождения первого, второго и последующих детей. Ответы на эти вопросы не только дали статистический контекст репродуктивных намерений, но и позволили сформулировать вопросы для интервью, связанные с мотивами тех или иных репродуктивных стратегий.

Опрос 2014 года показывает высокую корреляцию ответов респондентов и возрастной структуры рождаемости. Для областного центра характерно смещение в последние 10 лет пика значений ВКР из группы 20-24 года в группу 25-29 лет. Именно этот возраст (25-29 лет) указывает большинство опрошенных как наиболее благоприятный возраст для рождения детей. Более 60% респондентов-горожанок и жителей пригорода отметили, что женщине стоит иметь первого ребенка к 30 годам, тогда как возраст до 25 лет отмечен немногим больше, чем в 30% ответов. Хорошо заметна и динамика ответов: по более раннему опросу доля женщин, указавших необходимость иметь первого ребенка не позднее 25 лет, превышала 40%. Это в целом совпадает с желаемым возрастом рождения первенца, выявленным общероссийским опросом 2007 года [5], сохранившим характеристики репродуктивных установок 1990-х годов [6].

Желаемый возраст рождения второго ребенка также смещается в более старшую возрастную группу (30-34 года), однако динамика здесь менее заметна. Если в первом опросе доля респондентов, указавших, что второго ребенка следует родить к возрасту 35 лет, была чуть менее 40%, то в 2014 году этот вариант ответа выбрали около 47% ответивших на вопросы анкеты. Примечательно, что значительная часть опрошенных (около 34%) указала в качестве желательного возраста рождения второго ребенка 25-29 лет. Это достаточно адекватно соответствует распределению мнений по поводу возраста рождения первого ребенка и поколенческой разнице в стереотипах репродуктивного поведения. Большинство респондентов, выбравших второй вариант ответа (рождение второго ребенка не позднее 30 лет), находятся в возрасте старше 40 лет, тогда как более молодые опрошенные предпочитают реализовать это событие в старшем возрасте.

Поколенческие различия хорошо заметны и в иной зависимости. Представители старших возрастных групп опрошенных указывали в целом заметно более низкий возраст желаемого рождения первого ребенка и большее число детей, которые они намерены родить либо уже родили. Представительницы более молодых групп (до 25 лет) указывают более высокий возраст желательного рождения первого ребенка (до 30 лет) и заметно более низкое число детей, которое твердо намерены иметь. Вместе с тем идеальное число детей в семье, по мнению представителей старших поколений, оказывается заметно ниже предпочтений молодежи. Поскольку «репродуктивные намерения следует рассматривать как серию последовательных – и изменяющихся во времени – индивидуальных

решений» [7], то такая эволюция может отражать не только поколенческие различия, но и эволюцию репродуктивных установок с возрастом.

Мне представляется, что формирование описанной ситуации может быть объяснено с нескольких позиций. Прежде всего, респонденты старших возрастных групп смотрят на рождения детей с более реалистичных позиций, основанных на собственном жизненном опыте. С другой стороны, молодые респонденты оказываются достаточно восприимчивыми к активному продвижению идей повышения рождаемости и в ответах на вопросы анкеты, не требующих серьезной рефлексии, легко их воспроизводят. Вместе с тем «высокие идеалы» репродуктивного поведения серьезно противоречат представлениям молодых женщин о собственных репродуктивных планах (желаемом числе детей, которых они предполагают родить). Разность между представлением об идеальном числе детей и реализацией этих представлений – хорошо известная закономерность [см. напр. 8]. И здесь большой интерес, на мой взгляд, представляет объяснение респондентами различий, раскрывающих мотивацию женщин в построении собственных репродуктивных стратегий.

Материалы послеопросных интервью показывают заметно более рациональное отношение молодых женщин к построению собственных репродуктивных стратегий, нежели представительниц старших поколений.

Для женщин в возрасте сорок лет и старше при объяснении различий между идеальным числом детей и фактически рожденных ими характерна позиция своего рода «оправдания» за нереализованные представления о детях и семье. В интервью нередко встречается упоминание о собственной «вине», в результате которой женщина родила «всего» одного или двух детей.

«Это, наверное, моя вина, что всего у меня двое. Вроде хотела больше, чтобы большая семья была, но много подруг слушала, быт заедал...»

«Конечно, там, работа, всякое другое... Да и сидеть с детьми кому было? Но, знаете, это все можно было. Сама виноватая – молодая была, глупая, надо было рожать да рожать, а то вот вырос он один [сын – КГ] и уехал, а я сейчас сама по себе, никому не нужна...»

Рациональные объяснения (занятость, необходимость работы, сложности с жильем и т.д.) в интервью с представительницами этой возрастной группы также присутствуют. Однако сами респонденты оговаривают, что большинство этих мотивов не рефлексировались и тем более не обсуждались ни в семье, ни за ее пределами.

«Мы [с мужем – КГ] не говорили на эти темы, знаете, как-то не при-

нято было это... Все идет и идет само собой, а тут когда случилось [беременность – КГ] уже думать начинали, что делать».

Можно, вероятно, говорить о, своего рода, соотношении собственной «репродуктивной биографии» и социальной нормы, отраженной в представлениях об идеальном числе детей [8, с. 11-12].

В оценках молодых респондентов представления об идеальном числе детей и собственных репродуктивных планах осознанно разводятся. Идеальное число рождений почти никак не связывается с собственными жизненными планами, это, скорее, характеристика идеального общества в идеальных условиях – ситуация, априорно невозможная. Именно на нее распространяются образы, формируемые государственной политикой в сфере рождаемости:

«Много детей – это как бы хорошо, но... «не в этой жизни». Хорошо для государства, наверное, для народа, я с этим согласна. Это правильно. Но я же не весь народ, у меня может быть другая ситуация...»

Собственные репродуктивные планы, насколько можно судить по материалам интервью и опросов, подчиняются у молодежи более общим жизненным стратегиям. Приоритеты весьма рационально отдаются «успеху в жизни», важнейшими условиями которого определяются карьера и связанное с ней образование, устойчивое материальное положение и возможность мобильности. Интересы «страны», «народа», «рода», с которыми респонденты соотносят идеальное число детей, не называются в качестве существенных факторов определения и желаемого числа детей, предпочтительного календаря рождений. Примечательно, что сопоставление материалов опросов 2009 и 2014 гг. показало изменение системы мотивов, определяющих смещение времени рождения первого ребенка на старший возраст.

В материалах первого опроса преобладающими были «экономические» мотивы – отсутствие жилья, низкие доходы и т.п., и необходимость материального обеспечения молодой семьи и ребенка. Показательным для опроса 2009 г. является ответ на вопрос анкеты о причинах выбора возраста рождения первого ребенка, допускающий свой вариант ответа: «Нечего нищету плодить». Более половины опрошенных в этом году указали низкий уровень доходов молодежи как причину для рождения ребенка в более старшем возрасте.

Материалы второго опроса, на мой взгляд, позволяют говорить о смещении акцента в мотивах определения возраста рождения детей на выстраивание жизненных стратегий. Преобладающим мотивом отклады-

вания рождения первого ребенка на возраст после 25 лет становится необходимостью построения карьеры и, прежде всего, первых этапов такой траектории: образования и успешного начала профессиональной карьеры. Часть респондентов в интервью специально отмечали, что последнее подразумевает не просто трудоустройство, но и неперенный карьерный рост «хотя бы на одну позицию». Мне представляется, что это может свидетельствовать именно о рефлекслируемой стратегии, а не просто поиске возможностей для получения государственного пакета социальной защиты.

Еще одним серьезным мотивом становится идея обретения стабильного материального положения и независимости. Последняя понимается как независимость не только от родителей, но и от государственной поддержки. Парадоксальным образом стремление к независимости (прежде всего, финансовой) от государства сочетается с распространенным представлением о работе на государственной службе как лучшем варианте занятости и карьерных позиций [9]. Отказ от социальной поддержки со стороны государства как «ненадежного партнера» соединяется здесь с представлениями о государстве как лучшем работодателе.

Наконец, важным фактором в определении возраста рождения первого и последующих детей для молодых респондентов является мобильность. Речь идет, прежде всего, о свободе пространственного движения, возможности «поездить», «посмотреть мир». Однако довольно часто встречаются нерелфлекслируемые, но вполне отчетливые представления и о связанных с пространственным движением возможностях вертикальной мобильности.

«Поездить хочется, посмотреть. А с ребенком это сложно... Пока детей нет, вот, я могу решить – а что бы мне не поискать работу в Москве или Питере, или даже еще дальше? Уехать туда или хотя бы в Новосибир, там шансов больше подняться, заметным человеком стать. С мужем только это можно, на крайняк, можно и одной. А с ребенком... его ж, пока там устраиваешься, «дошираками» кормить не будешь...».

Таким образом, формирующаяся система мотивов откладывания рождения первого ребенка на возраст старше 25 лет представляется весьма устойчивой. Экономические мотивы, хотя и не занимают в ней уже центральное место, остаются значимым фактором. Экономический кризис в России, начавшийся осенью 2014 года, может оказаться важнейшим фактором ускоренного изменения возрастной модели рождаемости. Поскольку мотивом, определяющим планирования рождения детей, ста-

новится выстраивание профессиональной карьеры и одновременно – достижение экономической независимости (индивидуальной или в рамках нуклеарной семьи), сужение возможностей для успешного начала карьеры может подтолкнуть горожанок к еще большему смещению возраста рождения первого ребенка.

Однако более существенным, на мой взгляд, становится появление внеэкономических мотивов в формировании репродуктивных стратегий. Включение в систему репродуктивной мотивации женщин представлений о построении своей жизненной траектории, сохранении пространственной и социальной мобильности свидетельствует о закреплении новой модели репродуктивного поведения, связанной с повышением возраста рождений первенца. Такая модель, отражающаяся в изменении возрастной структуры рождаемости, уже не может регулироваться прямыми экономическими мерами. Материальная поддержка молодых семей, остающаяся едва ли не основным способом стимулирования рождаемости среди молодежи, навряд ли сможет обеспечить возврат к раннему рождению первых детей, поскольку не учитывает иных мотивов. Снижение числа рождений в поколении девяностых, вступающем в репродуктивный возраст, в этой ситуации будет связано не только с малочисленностью генерации, но и с его репродуктивными установками, существенно отличающимися от предшествующих когорт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григоричев К.В., Савин С.П. Повышение рождаемости в Сибирском регионе: субрегиональная мозаика // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XIV Междунар. науч.-практ. конф. 11-12 сентября 2014 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. – С. 111-115.
2. Григоричев К.В., Савин С.П. Изменение возрастной модели рождаемости: случай Иркутской области // Фундаментальные исследования. – 2014. – №12 (часть 6). – С. 1338-1342.
3. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens // Демографическое обозрение. – Т. 1. – №1. – С. 6-3.
4. Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. №3. (Электронный ресурс) URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> // SPERO. 2012. №16. С. 95-112. Электронная версия URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit01.php#_FN_8
6. Бодрова В. Идеальное, желаемое и ожидаемое число детей: 1991-2000 //

Демоскоп-Weekly. 2002. №81-82. Электронный ресурс. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>

7. Синявская О., Тындик А. Обладают ли данные о репродуктивных намерениях предсказательной силой? // Демоскоп-Weekly. 2009. №379-380. Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0379/tema02.php#_FN_23

8. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. – М.: Статистика, 1972.

9. Где хочет работать современная молодежь // Research&Trends. 29.11.2013. (Электронный ресурс) URL: www.r-trends.ru/investigations/investigations_911.html

Джаббарова Ш.Г.

ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современных условиях особый интерес представляет изучение роли и места женщин в истории узбекского народа, в экономическом развитии страны. Следует отметить, что в республике проведены достаточно глубокие исследования исторических аспектов гендерного равенства как в Средней Азии, так и в Узбекистане. Они в основном посвящены изучению историографических, социально-философских, социально-политических и правовых вопросов положения женщин.

Однако в республике практически отсутствуют исследования, где объективно проанализированы исторические аспекты экономического положения женщин, их экономической самостоятельности. Эти проблемы являются актуальными не только в историческом плане, но представляют интерес и в настоящее время. Актуальность исследования данного вопроса обусловлена еще и тем, что достаточно длительное время господствовало тенденциозное и, можно утверждать, искаженное мнение о том, что, согласно Корану, «...в исламском обществе женщина занимает второстепенное положение». Исследование вопросов экономической самостоятельности женщин Узбекистана в историческом контексте позволяет объективно оценить и достоверно доказать, существовали ли гендерные нормы в культуре узбекского народа.

Изучение большого эмпирического материала, представляющего разнообразные стороны «женского вопроса» в республике, показало, что женщины играли существенную роль в становлении и развитии узбекской государственности и на всех этапах развития страны вносили свой вклад в создание материальных ценностей, участвовали в трудовых и

экономических отношениях.

Материалы, посвященные истории Средней Азии, в т.ч. Узбекистана, свидетельствует о том, что у древних народов данного края женщины занимали высокое положение не только в семье, но и в обществе. Среди тюрков женщина продолжала занимать высокое положение и после принятия ислама, особенно после установления его господства. Так, по преданию, когда Аббасиды наложили на жителей Балха обременительную дань, женщины и дети пришли к жене наместника и стали жаловаться на свое положение. Тогда она послала халифу свое очень дорогое платье и откупила за жителей города. Халиф вернул ей ее платье и освободил жителей Балха от наложенной дани. Однако она не приняла платье обратно и велела продать его, а на вырученные деньги построить мечеть. Это свидетельствует о том, что мусульманские женщины владели собственным капиталом, которым имели право свободно распоряжаться.

У тюркских народов женщины пользовались большим уважением. По материалам средневековых источников, царь кипчаков Узбек-хан имел четыре хатуни, каждая из которых имела свое хозяйство и прислугу. Старшая хатунь имела в своем распоряжении около 400 арб, в которых вместе с ней передвигались ее личная казна, прислуга, имущество, одежды и др.

Известно множество фактов, свидетельствующих о наличии собственных имуществ у женщин. Так, дочь Абдаллаха ал-Аьма, дочь Абдас-Сабураат-Табари, Фатима, дочь Мухаммада ал-Хайята Айша владели собственными домами, дочь Хамзы ан-Насафи владела конюшней, дочь Ахмада ибн Насра Фатима имела собственную торговую лавку, дочь ат-Тархан-бека Хатунал-Малика имела мечеть с площадью (сах) и хавли с ханакой.

В комментариях мусульманского права «Хидоя» указано, что слово «кафаат» в буквальном значении – равенство. На языке закона им обозначается равенство между мужчиной и женщиной. В нем также утверждено, что «Девушка во всех отношениях должна быть приравнена к совершеннолетнему сыну и относительно вступления в брак, все действия ее имеют законную силу, какую имеют его действия в имущественном отношении». Изучение и объективный подход к мусульманскому праву дают основание утверждать, что ислам во всех отношениях обеспечивает равные права мужчин и женщин. Согласно Корану (сура 4, аят 5), при разделе имущества «дети разных полов имеют равные права». Следует отметить, что по мусульманскому праву при вступлении в брак женщина

получает в дар определенное имущество, которое дает гарантию для ее экономической самостоятельности в будущем, что в определенной мере обеспечивает ее экономическую независимость.

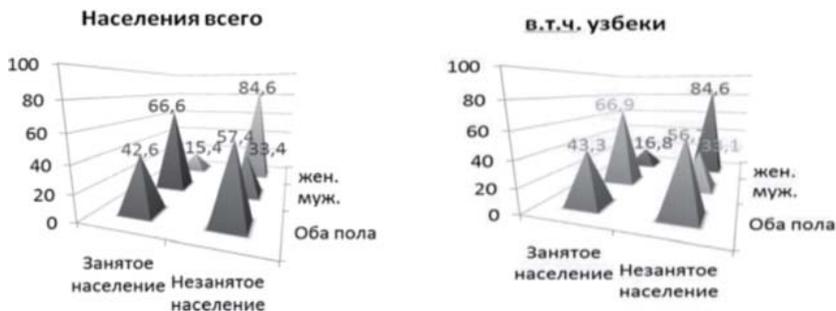
В историческом аспекте не менее важным является исследование вопросов гендерного равенства в 20-х годах прошлого столетия, которые явились своего рода прорывом в вовлечении женщин в общественное производство. Следует отметить, что наиболее полную информацию о социально-экономических изменениях, произошедших в структуре населения, дают данные переписей населения. В частности, данные о занятости населения позволяют изучить соотношение занятых по отраслям, распределение населения по группам занятий и конкретным занятиям, состояние участия мужчин и женщин в трудовой и общественной жизни.

В ходе исследования были изучены и проанализированы материалы переписи населения 1926 года. Итоги данной переписи дают материал для анализа соотношения занятого и незанятого населения, его распределения по группам занятий, отраслевой структуры занятых, социального положения населения, территориального распределения занятого населения.

По данным переписи, численность населения Узбекистана насчитывалась 5,3 млн человек (из них 2,8 млн (53,1%) – мужчины, 2,5 млн (46,9%)–женщины). Численность коренного населения, узбеков, составила 3,5 млн человек, или 66,0% всего населения.

Рисунок 1.

Распределение занятого и незанятого населения по полу и национальности, в %

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

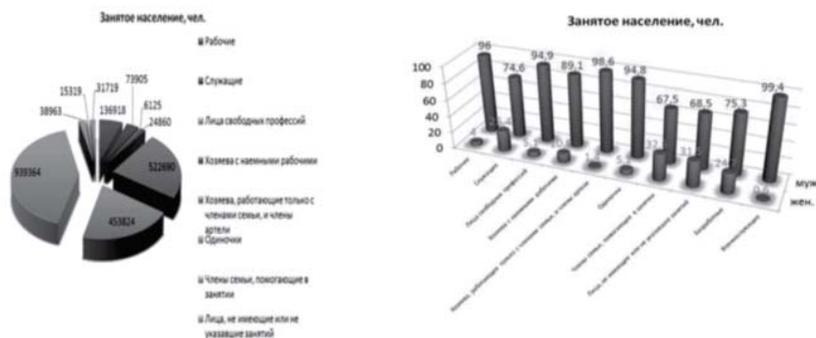
Анализ материалов переписи показал, что в 1926 году в республике в общественном производстве работало всего 2,3 млн человек (или 42,6%). Следовательно, численность неработающего населения составляла 3,0 млн человек (57,4%). Среди коренного населения имели занятия в общественном производстве 43,3% (рис. 1).

Следует отметить, что в анализируемый период уровень занятости мужчин был не очень высоким – 66,6%. Хотя уровень занятости женщин в общественном производстве составлял 15,4%, они имели занятия в домашнем хозяйстве.

В этот период условия быта имели специфическую особенность. Быт того поколения людей был построен на индивидуальном хозяйстве, а вся предшествующая этому периоду история экономического развития привела к тому, что в рамках семьи, в рамках домашнего хозяйства труд женщины был более продуктивен. Структура работающего населения по полу выглядела следующим образом: мужчины – 83,0%, женщины – 17,0%.

Рисунок 2

Распределение занятого населения по занятиям и по полу за 1926 год

Анализ работающего населения по положению в занятости показал, что среди них лишь 6,1% учтены как рабочие. Среди мужчин данный показатель составляет 7,0%, а среди женщин – 1,5%. Служащих почти в два раза меньше (3,3%). Обращает внимание то, что среди женщин служащие составляют 4,9%, а среди мужчин – 3,0%.

Почти 90,0% неработающих женщин осуществляли свою деятельность как хозяева, работающие только с членами семьи, и как одиночки.

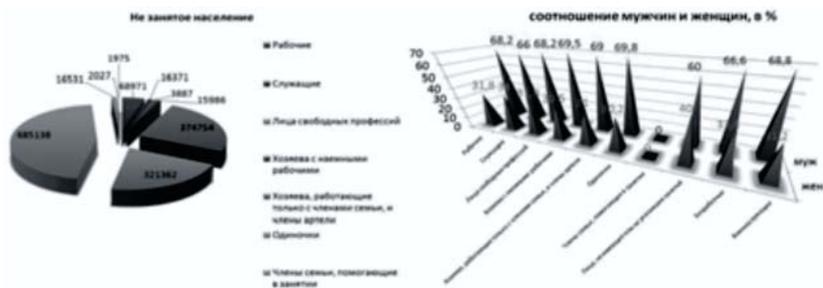
При этом как самостоятельное, так и несамостоятельное население занималось, в основном, сельским хозяйством. Небольшая их часть занималась кустарно- ремесленным производством. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что женщины наравне с мужчинами участвовали в формировании семейного бюджета.

Численность как женщин, так и мужчин, имеющих рабочие профессии, составляла незначительную величину. Так, среди занятого мужского населения рабочие составляли 7,0%, женщин – 1,5%. А среди незанятого соответственно – 7,5% и 7,2%.

Анализ показал, что в республике в 1926 году в числе инженерно-технических работников были учтены лишь 2 женщины-узбечки, врачей и среднего медицинского персонала – 16, учителей и других культурно-просветительных работников – 206.

Рисунок 3

Распределение титульного занятого населения по занятиям и по полу за 1926 год, чел.

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

В последующие годы в республике занятость женщин стала возрастать достаточно быстрыми темпами, что было связано в определенной мере с политикой индустриализации экономики. В этот период потребовалось большое количество рабочих рук, в том числе и женских. Женщины в массовом порядке приходили на фабрики и заводы.

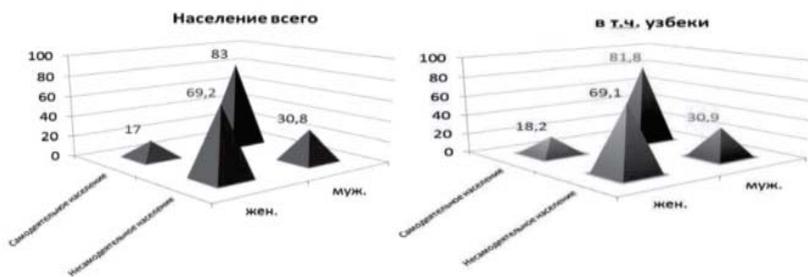
Был обеспечен доступ женщинам к образованию, профессиональная деятельность женщин стала всячески поощряться. Были созданы условия для широкого вовлечения женщин в общественное производство, развивалась сеть бытовых услуг, организовывались для детей ясли и сады и др. Все это в конечном итоге привело к росту численности женщин, занятых

в экономике, что обеспечило их экономическую самостоятельность и независимость.

Анализ социальной структуры населения, охваченного переписью, показал, что среди самостоятельного населения женщины-служащие составляли 18,8 тысяч человек. При этом численность женщин, занимающих руководящую должность, среди самостоятельного населения не превышала 2-3%.

Рисунок 5

Распределение самостоятельного и несамостоятельного населения за 1926 год

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

Следует отметить, что социально-экономические аспекты труда женщин всегда были в центре внимания исследователей. Научному обобщению процессов, происходящих в области занятости женщин, большое значение придавалось в 30-е годы. Затем в литературе достаточно длительное время пропагандировались только достижения в использовании женских трудовых ресурсов, а нерешенные проблемы оставались за пределами исследований.

В период Второй мировой войны и первые послевоенные годы специфические условия развития не способствовали преодолению возникающих противоречий в использовании женского труда.

Вплоть до конца 60-х годов значительный контингент женщин трудоспособного возраста ориентировался на домашнее и личное подсобное хозяйство как основной вид занятости либо в течение всего трудового периода, либо на определенном его этапе. Такая тенденция очень ярко проявлялась в Узбекистане, где более 60% населения проживало в сель-

ской местности.

В такой ситуации не все женщины ориентировались на труд вне дома, что уменьшало у определенных групп женского населения потребность в получении профессионального образования. Поэтому женщины, которые не имели такого образования, в основном занимались теми видами деятельности, где использовался ручной, малоквалифицированный труд.

Особенности возрастного состава женщин-домохозяек, вовлекаемых в общественное производство, характеризовались тем, что они в основном были средних и старших возрастов. Они получали лишь кратковременную подготовку непосредственно на производстве. Многие женщины, учитывая немолодой возраст, рассчитывали работать непродолжительное время, чаще всего столько, что трудового стажа им не хватало для получения пенсии или для достижения возрастного ценза.

К началу 70-х годов под влиянием комплекса экономических и социальных причин у большинства женщин сложилась потребность трудиться в общественном хозяйстве. За эти годы произошел ряд изменений, в частности, повышение роли женщин в формировании и использовании трудового потенциала под влиянием роста образовательной и профессиональной подготовленности женского населения, развития его социально-профессиональных качеств, возрастающей потребности в общественно-производительном труде. В результате систематически расширялась сфера приложения труда женщин, охватывая все большее число отраслей и видов занятий.

В 70-е годы значительно поднялся уровень занятости женщин в экономике республик Средней Азии, в том числе Узбекистана. В то же время на занятость женщин оказывали влияние устойчивые семейно-бытовые традиции. В этот период особую актуальность приобрели проблемы труда женщин, связанные с недостаточно полным учетом специфики женской рабочей силы. К ним относятся, прежде всего, занятость определенных групп женщин на работах, не отвечающих психофизиологическим особенностям женского организма, высокая общая трудовая нагрузка женщин-матерей, медленный профессиональный рост работающих женщин.

Важной характеристикой развития занятости женщин явился рост уровня занятости горожанок, который отражал более существенные сдвиги в использовании трудовых ресурсов, чем повышение уровня занятости сельского населения. В эти годы своеобразной особенностью отраслевой структуры занятости явилась достаточно высокая занятость женщин в сельском хозяйстве, которая характеризовалась сезонностью

и неполным использованием рабочего времени, преобладанием ручного малоквалифицированного труда.

Следует отметить, что состояние занятости населения в Республике Узбекистан в различных этапах экономического развития обуславливалось складывающимся на протяжении десятилетий несоответствием в темпах роста числа рабочих мест и прироста численности трудовых ресурсов. С начала 90-х годов, в связи с формированием рыночных отношений, обеспечение занятости населения, как и во всех странах с переходной экономикой, оказалось в числе наиболее сложных и достаточно острых проблем. Поэтому с первых лет независимости в республике обеспечение занятости населения, создание новых рабочих мест, развитие различных форм трудовой деятельности и на этой основе повышение благосостояния граждан страны определялись в числе приоритетных направлений развития экономики Узбекистана. В результате глубоких преобразований и целенаправленных мер, принятых в Узбекистане, начали происходить изменения в структуре занятости в целом и женщин в частности, о чем будет идти речь в следующей главе.

Исследования подтверждают, что занятость населения является важнейшим направлением гендерных исследований. Она рассматривается в аспекте распределения оплачиваемой и неоплачиваемой работы между мужчинами и женщинами. Такой подход к исследованию гендерных проблем является более узким, поэтому целесообразно отказаться от традиционного подхода к решению социально-экономических проблем мужчин и женщин в сфере труда и взглянуть на актуальные проблемы в более широком социальном контексте.

Необходимо пересмотреть концептуальные и методологические подходы к формированию рабочей силы, в частности женской. Следует расширить сферу приложения женского труда, создать благоприятные условия для раскрытия творческого потенциала женщин именно в тех областях и сферах деятельности, где их труд наиболее эффективен. Это важно не только для формирования политики занятости женщин на перспективу, но и для решения текущих, порой весьма острых проблем их трудоустройства.

В период трансформаций и глубоких экономических реформ занятость населения сопряжена со многими социальными и экономическими проблемами. Такие проблемы, как и в других странах с переходной экономикой, возникали и в Узбекистане. Хотя в республике предпринимаются достаточно широкомасштабные меры по их решению, имеют место такие проблемы, как нестабильность занятости, угроза безработицы, за-

держка заработной платы и ее невысокий уровень, в некоторых случаях – несоблюдение трудового законодательства, особенно в неформальном секторе экономики.

Достаточно глубокие исследования исторических аспектов гендерного равенства как в Средней Азии, так и в Узбекистане показывают, что женщины играли существенную роль в становлении и развитии узбекской государственности и на всех этапах развития страны вносили свой вклад в создание материальных ценностей, участвовали в трудовых и экономических отношениях.

Исторические данные свидетельствуют о том, что в Средней Азии, в т.ч. в Узбекистане, женщины занимали высокое положение не только в семье, но и в обществе. Изучение и объективный подход к мусульманскому праву дают основание утверждать, что ислам во всех отношениях обеспечивает равные права мужчин и женщин.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Алимова Д.А. Современное состояние женского вопроса в Узбекистане и задачи обществоведов // Социально-экономические проблемы Узбекистана в условиях перестройки. – Т. Фан.1990, с. 99-104.
- 2.Бунятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI века. Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2, М.: 1994, 48-61.
- 3.Ибрагимов Н.И. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука. 1988, с. 95-96.
- 4.Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. М. 1991, с. 54.
- 5.Муравьева Н.М. Социально-философский анализ повышения социального статуса женщин. Автореф. дис. канд. философ. наук. – Ташкент. 2003, с. 26.
- 6.Маткаримова Г.А. Гендерные и репродуктивные права женщин в международном и национальном праве.: Автореф. дис. док. юрид. наук. – Ташкент. 2002, с. 41.
- 7.Сафаева С.Х. Аёллар масаласи умумижимой ва миллий жихатлари: Фалсафа фан. номз. – дис. автореф. – Тошкент. 2002. 20 б.
- 8.Холматова М. Оилавий муносабатлар маданиятини такомиллаштириш ва соғломавлодни тарбиялаш муаммолари. Фалсафа фан. док. дис. автореф. – Тошкент. 1998, 53 б.
- 9.Ходжаева С.А. Правовая культура и проблемы развития социально-правовой активности женщин Республики Узбекистан. Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Ташкент. 2004, с. 26.
- 10.Хидоя. Комментарии мусульманского права. Том 1. Отв. ред. А.Х. Саидов. Узбекистон. Ташкент. 1994, с. 139, 152.
- 11.Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность. Т. 1978, с. 26-41.

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКИ
КАК ОСОБОЙ ГРУППЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО
ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫМ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ ПРОЦЕССАМ
(НА ПРИМЕРЕ «ОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)**

(Статья выполнена за счет средств Совета по грантам президента РФ, направленных на государственную поддержку ведущих научных школ (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»)

Особенность исторической науки заключается в том, что историк-исследователь изучает прошлое – события, явления и процессы – уже давно минувшие, несуществующие в данной реальности, и естественно он не в состоянии непосредственно наблюдать и описывать изучаемый объект, как это происходит в точных науках. Прошлое доходит до нас в совершенно различных формах – и именно эти формы обычно и называют историческими источниками.

В современном отечественном источниковедении принято в целом классифицировать исторические источники на три большие группы [1, с. 19].

К одному из основных типов следует относить материальные (или вещественные) памятники. К материальным источникам относятся архитектурные ансамбли, остатки жилищных комплексов, предметы ремесленного производства, произведения искусства и т.д.

Второй тип исторических источников представляют этнографические материалы, содержащие разнообразные сведения о различных народах, специфике их культурной жизни, об особенностях их религиозных верований, обрядов и обычаев, фольклорный материал.

И, наконец, самый многочисленный тип представляют письменные источники, которые подразделяются на следующие основные виды:

- 1) законодательные источники, включающие памятники древнерусского права, светского права и прочие законодательные памятники;
- 2) актовый материал;
- 3) делопроизводственные текущие документы;
- 4) статистические документы, а также документы экономического и

географического порядка;

5) документы личного происхождения (мемуары, дневники, переписка);

6) публицистика и литературные памятники;

7) периодическая печать [1, с. 19].

Периодика представляет собой одно из ведущих средств массовой информации и коммуникации не только в современном обществе, но и в более ранние периоды истории. Уже на момент своего возникновения важнейшей функцией периодической печати являлась организация и формирование общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства на общество и его информационное обслуживание. И периодическая печать на сегодня, несомненно, составляет один из важнейших типов источников – так как при правильном источниковедческом анализе прессы она может выступать в качестве комплексного разностороннего источника, при помощи которого возможна объективная реконструкция прошлого, особенно если это касается вопросов уровня «человек в истории» («индивид - общество», «индивид-власть», «индивид - церковь» и т.д.)

С этой позиции церковная периодика представляет собой особый интерес для исследователей, особенно если мы будем говорить об изучении исторических явлений и процессов дореволюционного периода.

Официальная печать в Российской империи являлась выразителем государственной идеологии и с момента своего появления она имела цель - активно влиять на общественное мнение, формировать его и чувство лояльности к политике государства. Официальные «Ведомости», появившиеся в начале XVIII в. при Петре I, в первую очередь издавались для пропаганды среди населения нововведений - император сам принимал активное участие в выпуске газеты. С увеличением в XIX в. числа образованных людей и ростом потребностей в расширении коммуникативных связей, интерес российского общества к печатному слову существенно возрос, что стимулировало появление новых периодических изданий. Но чаще всего они выходили в столичных городах Российской империи. С 1830-х по 1870-е гг. ведущими и зачастую единственными в масштабе российской провинции информационным средством являлись губернские (областные) «Ведомости» [2], которые освещали важные стороны жизни отдельно взятой губернии: экономическую, социальную, культурную, вопросы образования, здравоохранения, благоустройства окраин города, состояния сел и станиц губернии и многое другое, включая рекламу.

Сформировавшаяся к середине XIX в. церковная периодика играла значительную роль в общественной жизни пореформенной России. Однако этот обширнейший пласт периодических источников пока до сих пор только в незначительном объеме введен в научный оборот. Хотя в последнее десятилетие в российской исторической науке наблюдается рост интереса к региональной периодической печати Русской Православной Церкви дореволюционного периода.

С 1860 г. в России стали издаваться периодические издания особого характера - «Епархиальные ведомости» - официальный журнал православных епархий. Первоначально он был направлен на освещение жизни той или иной епархии, являясь частью системы религиозно-информационной деятельности церкви. Но постепенно функции и задачи их были расширены, и они стали средством массовой информации, способствующие не только улучшению епархиального управления, но нацеленные на оздоровление нравственно-духовной обстановки в обществе, общекультурное и идеологическое воспитание читательской аудитории.

Идея основать в каждой губернии епархиальные ведомости принадлежала святителю Иннокентию (Борисову), архиепископу Херсонскому – в 1853г. он выработал концепцию ее воплощения. По его замыслу, «издание должно разбиваться на две части - официальную и неофициальную: в первой, соответственно, публикуются синодальные, государственные, епархиальные документы, во второй же - богословские, гомилетические, исторические, биографические и т.п. материалы». В 1859г., уже после его смерти, Святейший Синод утвердил эту программу, и «через год в Ярославле и Херсоне, а еще через 10 лет и в большинстве остальных епархий (точнее - в 46 городах) печатались свои «Ведомости». Столичные, издаваемые Синодом или синодальными учреждениями средства масс-медиа были основаны существенно позже: в 1875 году – «Церковный вестник», в 1888-м - «Церковные ведомости» [3, с.128].

«Церковный Вестник» был учрежден по инициативе митрополита Новгородского, Петербургского и Финляндского Исидора и утвержден распоряжением Святейшего Синода от 27 ноября 1874 г. № 32695. Журнал издавался, редактировался и рецензировался Петербургской духовной академии, которая несла полную ответственность за содержание статей непосредственно перед Святейшим Синодом. Структура издания представляла собой две равные части: официальная и неофициальная. В официальной части публиковались важные распоряжения и постановления церковных и светских властей, а в неофициальной части публиковалась информация частного характера (разъяснения к официальной части,

поучения, наставления и научно-богословские статьи, новости из-за рубежа, реклама и объявления и т.д.)[4].

«Церковный Вестник» под редакцией профессора А.И. Предтеченского вышел в свет в 1875 г. Он имел статус официального органа печати Святейшего Синода, но с 1888 г. его в этом качестве заменил журнал «Церковные Ведомости» (редактор протоиерей П.Смирнов). «Церковный вестник» продолжает выходить, но был переориентирован на более неофициальную информацию.

«Церковные ведомости» по своей структуре и характеру материалов не отличалась от «Вестника» (лишь неофициальная часть называлась «Прибавления» - для того чтобы еще раз подчеркнуть сугубо официальный характер данного издания).

Эти периодические издания обязаны были выписывать все епархии, духовные учебные заведения и консистории, монастыри, городские и сельские приходы. Журналы имели сплошную нумерацию страниц и в конце года сшивались в одну книгу – по замыслу редакторов в дальнейшем журналы должны были использоваться как справочники. Оба издания просуществовали до 1917 г. [4].

Свои «Ведомости» в конце XIX века выпускала фактически каждая епархия, исключением не стала и Омская.

Первое решение об открытии самостоятельной Омской епархии было вынесено на соборе Сибирских архипастырей, проходившем в Иркутске в 1885 г., и рассматривалось одной из возможных мер возвышения религиозного состояния сибирских приходов, улучшения народной нравственности, ослабления раскола и обращения иноверцев в православие. В конце XIX в. Омск становится центром епархии. 16 января. 1895 г. было вынесено постановление Государственного совета «Об учреждении Омского епархиального управления и об утверждении его штатов». В состав епархии вошли некоторые приходы Тобольской и Томской епархий: церкви Акмолинской и Семипалатинской областей, Тюкалинского, Тарского и Ишимского округов Тобольской губернии и Бийского округа Томской губернии; в 1911-1913 гг. – Омская и Акмолинская [5].

Епископ Григорий направил в Святейший Синод просьбу о возможности создать для решения поставленных задач официальный печатный орган и 30 ноября 1897 г., и Указом Синода за № 6711 на имя Его Пресвященства Григория, епископа Омского и Семипалатинского, пришел ответ, разрешающий Омскому епархиальному начальству издавать с 1898 года «Омские епархиальные ведомости».

Представленная и утвержденная программа «Омских епархиальных

ведомостей» состояла классически из двух частей: официальной и неофициальной. Издание откликалось на общественно значимые события эпохи, давало им оценку с точки зрения русской православной церкви. На страницах издания помещались императорские манифесты, высочайшие повеления по духовному ведомству, указы и постановления Святейшего Синода, епархиальные известия. Здесь же печатались проповеди, наказы, давались исторические описания монастырей, храмов, населенных пунктов епархии, летописи приходов, биографии выдающихся церковных деятелей, некрологи и многое другое.

Стереотипно многие воспринимают церковную прессу – уже исходя из ее статуса – априори ведомственной, так как даже неофициальная часть содержала в себе материал по преимуществу религиозного характера. Но корреспонденты «Епархиальных ведомостей» также как и светские коллеги, писали на различные общественно-политические, культурные и т.д. темы. Штатные корреспонденты как правило имели духовное звание: «Сотрудники церковно-епархиальных печатных органов в основ-

ном являлись священнослужителями, преподавателями учебных заведений и занятыми на сельскохозяйственных работах прихожанами, и в силу этого они не могли отдаваться полностью публицистической деятельностью, она не становилась их профессией». Но с течением времени появлялись и внештатные корреспонденты. На начало XX века тематика неофициальной части значительно расширилась – здесь уже можно было ознакомиться не только наставлениями о воинском долге, но и о «Новом просветительском изобретении» - синематографе [6]. Нередкой становится и реклама на страницах казалось бы церковного издания (рис.1,2).

Рисунок 1

Реклама колокольного заводаторгового дома П.И.Гилева в Тюмени [7]

Ссылка на рекламу колоколо-литейного завода Н.Минина и К в Уфе [6]

Наконец, заострим ваше внимание на таком контенте, как назидательное чтение (Консисторией и Семинарией ему уделялось важнейшее значение, особенно в «Епархиальных ведомостях»)[6]. Назидательное чтение - поучение, слово или учение святых отцов – открывало собой Неофициальную часть, и именно на него возлагалась одна из главных функций религиозной периодики – а именно функция пропаганды духовных ценностей православной церкви. Особенно четко мы это видим в изданиях конца XIX – начала XX вв., в условиях разворачивающегося социально-политического кризиса Российской империи и ослабления влияния церкви на общество.

Заголовок публикации №22, 1907 [6]

Церковная периодика в этот период становится своеобразным средством участия православного духовенства в общественно-политических процессах. Активно печатаются материалы, связанные с социализмом (рис.3), первой русской революцией, выборами в Государственную Думу. В церковной печати мы можем найти информацию о взаимоотношениях церкви и мирян, церкви и общественных организаций, церкви и государства. Несомненно, если говорить о локальной истории, уникальные краеведческие материалы могут предоставить именно «Епархиальные ведомости».

Но при более детальном анализе материалов «Епархиальных ведомостей» можно извлечь достаточно большой пласт информации, связанной с такими достаточно казалось бы отвлеченными от церковной тематики, как этносоциальные и этнокультурные процессы.

Омские епархиальные ведомости в той или иной степени отражают на своих страницах отдельные аспекты межэтнических отношений между местным киргизским населением и переселенцами-крестьянами. Хотя в силу специфичности данного печатного издания мы не получаем полный объем информации, но в то же время находим отражение таких аспектов, как общее восприятие администрацией и переселенцами местного населения, его повседневной жизни и т.д.

Мы помним о массовом переселении крестьян в Степной край на рубеже XIX-XXвв., которое осуществлялось на земли местного казахского населения (или киргизов, как их называли официальные власти). Можно говорить о стандартном восприятии степняков как невоспитанных, необразованных и некрещеных дикарей. Епископ Омский и Семипалатинский Павлодарского благочиния Сергей обращался с наставлением к мирянам: «...говорил о необходимости каждому христианину ходить достойно своего звания, иметь на себе св.Крест, знать молитвы и заповеди, жить в мире и любви не только между собою, но и с инородцами - киргизами, (не называть их собаками)» [8, с.16].

В описании своих путешествий миссионеры нередко с одобрением отзываются о традициях степняков встречать гостей: «...у киргиз есть добрый старый обычай, который, не к чести русскими, выводится у киргиз по мере знакомства и сближения с господствующим народом (русские не редко злоупотребляют, заставляя угощать себя свежее заколанным бараном, хотя могли бы обойтись без этого) - обычай этот: принять, накормить и успокоить странника, кто бы он ни был, особенно если с ним случилось несчастье в дороге» ...» [9, с.17] «Хозяин аула принял нас очень хорошо, обогрел, накормил и наконец достал бывшие у него книги

духовного содержания, и мы очень добродушно побеседовали о вере, и в настоящий раз киргиз просил меня изложить христианское учение о вере и благочестии...» [9, с.18].

На рубеже XIX – XX вв. среди местного населения растет количество киргизов (казахов), принявших православие. В епархиальных ведомостях о них говорят как о новокрещеных, и эта категория населения часто упоминается на страницах печати. Христианизация местного казахского населения рассматривалась властями Российской империи как один из рычагов завершения полной колонизации Степного края, не ограничиваясь просто его экономической эксплуатацией. Степное генерал-губернаторство являлось стратегически важным районом для России, в связи с чем администрация была заинтересована в полноценной интеграции края в состав империи. Для принявших православие киргизов предусматривалось даже материальное поощрение, что свидетельствует о непосредственной заинтересованности официальных властей: «Есть на то и законы: Высочайше утвержденным положением от 24 февраля 1894 года всякому новообращенному киргизу выдается от 25 до 100 руб. пособия» [10, с.65].

Материалы Омских епархиальных ведомостей позволяют оценить и характер взаимоотношений русского православного населения к новообращенным казахам. Например, в отчете Киргизской миссии 1902 г. - описание новокрещеных воспитанников - казахов приюта Центрального стана Киргизской миссии Омской епархии, сравниваемых с русским населением: «степной мальчик знал не больше по-русски, нежели знают иные русские по киргизски, умеющее сказать лишь <бельмейде>; правил обращения и приличия в обществе, свойственных и простому русскому народу, дикарь Виктор не принимал в расчет, обращаясь со всеми через чур запросто, употребляя при том и силу...» [9, с.10].

Часты были ситуации, когда представители русского крестьянства или казачества неохотно нанимали новокрещеных киргизов в свои хозяйства в качестве батраков: «...казаки относятся к новокрещенным весьма не сочувственно и работы им никакой не дают. Работниками казаки предпочитают держать киргизов [мусульман]...и заставляют их работать семь дней в неделю. Новокрещенный же, будь он даже плохим христианином, все же в воскресный день или праздничный день требует отдыха, свободы...что казаку крайне не нравится» [11, с.9-10].

Крещение казахов (киргиз) не всегда положительно воспринималось и со стороны их родственников: «Некоторых киргиз, намеревавшихся креститься, стараются всеми средствами удержать от сего близкие

родственники... Так было с двумя молодыми киргизами... Дня через два братья, мать и целое полчище киргиз явились в сей стан... Как ни старались родственники и посторонние киргизы (а их было до 30 человек) увещевать сородичей, как ни грозили им... ничто не помогло...» [12, с.11-12]. «В Шульбинском стане в 1902 г.: «Насколько семей новокрещенных уже года три живут на Балапане, но лишённые защиты миссионера терпят притеснения от кочующих по соседству киргиз; с другой стороны, как люди кочевые, непривыкшие к ведению хозяйства, они нуждаются в надзоре и советах миссионера» [9, с.25].

Новокрещённые киргизы (казахи), оседавшие и остававшиеся жить в русских поселениях, оказывались в достаточно затруднённых условиях существования, вынужденные приспособляться к местным условиям хозяйственной деятельности и быта. В основной своей массе они пополняли собой группу поденщиков, сезонных рабочих, батраков. Крестившись, они меняли среду своего существования, начиная с имени. Среди этой группы новокрещённых не редкостью становятся межэтнические браки: «Это делается в видах собственного желания новообращённых, желания похвального, что с принятием русской христианской веры, они хотят и носить русское отчество и фамилию, не желая оставить за собой мусульманское прозвище. В большинстве случаев новообращённые женятся на русских девицах» [10, с.65].

Таким образом, можно сказать, что церковная периодика является носителем мощного информационного пласта по совершенно различным аспектам нашего прошлого, начиная от истории церкви как таковой, и до социально-политической истории, истории духовности и культуры, истории повседневности, локальной истории, краеведения и т.д. Омские епархиальные ведомости могут рассматриваться как оригинальный и разносторонний источник по изучению не только религиозных, социальных, но и социокультурных процессов и межэтнических отношений в Степном крае на рубеже XIX – XX вв., отражающий на своих страницах не только официальную позицию Русской Православной Церкви и администрации, но и различные аспекты процессов аккультурации, возникшие в условиях крестьянской колонизации и взаимодействия местного казахского (киргизского) населения и переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. - М., 2006.

2. Василенко И.В. Периодическая печать как элемент социокультурного пространства российской провинции во второй половине XIX - начале XX вв. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ставрополь, 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.dissercat.com/content/periodicheskaya-pechat-kak-element-sotsiokulturnogo-prostranstva-rossiiskoi-provintsii-vo-vt#ixzz4yyKniFGN
3. Родченко В.А. Епархиальные ведомости как тип издания в системе современной церковной периодики. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 3 (10). - С. 128-132.
4. Мазетов Р.А. Церковная периодическая печать как исторический источник (на примере журналов Церковный вестник и Церковные ведомости)[Электронный ресурс] Режим доступа:http://history-nso.ucoz.ru/publ/materialy_xii_lomonosovskikh_chtenij_2010/istorija_pравoslavnoj_cerkvi_v_sвете_razlichnykh_istochnikov/mazetov_r_a_cerkovnaja_periodicheskaja_pechat_kak_istoricheskij_istochnik_na_primere_zhurnalov_cerkovnyj_vestnik_i_cerkovnye_vedomosti
5. Омская Епархия: официальный сайт Омской епархии Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]: <http://omsk-eparhiya.ru/>
6. Омские епархиальные ведомости. – 1911. -№22 – С.48
7. Омские епархиальные ведомости. – 1907. -№1 – С.5.
8. Омские епархиальные ведомости, 1901. № 21. С.16.
9. Омские епархиальные ведомости, 1902. №11-12. С.10-25.
10. Омские епархиальные ведомости, 1909. №7-8. С.65.
11. Омские епархиальные ведомости, 1903. №10. С.9-10
12. Омские епархиальные ведомости, 1900. № 13. С.11-12

Есимова А.Б., Валитова З.Х.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В последние годы активизировались исследования различных аспектов развития регионов Казахстана [1]. Это связано, с одной стороны, с наличием и в некоторых случаях с усилением особенностей в территориально-пространственной структуре. С другой стороны, в условиях формирования политики социально-экономического укрепления регионов с целью повышения их конкурентоспособности необходимы исследования, направленные на выяснение экономических, социально-политических, социокультурных, экологических и других преимуществ и рисков отдельных регионов.

Следует отметить, что в научном обороте казахстанских исследователей понятие «регион» имеет несколько значений. Первое значение подразумевает всю территорию Казахстана как отдельно взятый регион. Зачастую такое определение используется, когда апеллируют к понятию «Центральная Азия». В подобном значении данный термин используется в рамках международных отношений и иногда в исторической науке. Второе значение понятия «регион» – «область». Следует отметить, что это самая распространённая ситуация, когда «регион» выступает синонимом термина «область». И в таком содержательном значении понятие «регион» встречается практически во многих отраслях знаний. И третье – это регион как совокупность сопредельных территорий, имеющих схожие характеристики (экономические, общественно-политические, климатические и т.д.). Именно это значение будет использовано в данной статье.

Общеизвестно, что социально-демографическое развитие населения влияет на многие аспекты развития общества. В то же время на показатели роста населения оказывают воздействие экологические, экономические, социально-политические факторы. Казахстан всегда имел региональные особенности. Но в советский период эта характеристика не была особо выпуклой, заметной, так как это была огромная по площади страна с федеративным устройством, где каждая республика позиционировалась как отдельный регион. С получением независимости региональность Казахстана стала более отчётливой, что привело не только к изменениям в ракурсе исследовательских практик, но и поставило на повестку дня выработку и проведение эффективной региональной политики.

Существуют различные варианты деления страны на регионы. На наш взгляд, наиболее близкими с точки зрения взаимовлияния являются демографическое, экономическое и экологическое представления о регионализации страны.

С точки зрения экологического фактора Казахстан условно поделён на следующие зоны. Первая – Западная (Прикаспийская), специализирующаяся на отраслях нефтедобычи и нефтепереработки. В нее входят области – Атырауская, Мангистауская, Актюбинская и Западно-Казахстанская. Вторая – Центральный и Восточный Казахстан – высокоразвитые промышленные регионы. Это – Восточно-Казахстанская, Карагандинская, частично Акмолинская и Павлодарская области. Третья – Северная, характеризующаяся агропромышленной специализацией. В нее входят Костанайская, Северо-Казахстанская, частично Акмолинская, Павлодарская области. Четвертая – Южная, имеющая сельскохозяйственную на-

правленность. Она включает в себя Алматинскую, Жамбылскую, Южно-Казахстанскую и Кызылординскую области [2].

Данное регионирование выглядит в целом типичным. Его типичность состоит в том, что по представлениям значительной части казахстанцев, скорее всего, так и регионируется территория страны. Единственное отличие – в представленном экологическом картографировании Павлодарская область частично оказалась в двух зонах. В общественном понимании территория областей незыблема и только целиком области могут относиться к тому или иному региону.

Экономист Нурланова Н.К. на основе собственной разработанной методики, которая базируется на важнейших экономических, социальных и экологических характеристиках развития регионов и позволяет дать комплексную оценку, выделяет следующие группы регионов. Первая – добывающие регионы – Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская и Мангистауская области. Вторая – индустриальные регионы – Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области. Третья – аграрно-промышленные – Акмолинская, Алматинская, Жамбылская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская области. Четвертая – особые, сервисные регионы – г. Астана и г. Алматы [3]. В предложенной классификации привлекательным выглядит то, что северная и южная столицы отнесены к отдельному региону. Дело в том, что эти города являются своеобразными аттракторами (территориями, наиболее привлекательными для мигрантов, инвестиций и т.д.) и имеют «вес» даже больше, чем некоторые области.

Демографические показатели являются одним из важных факторов, по которым условно делят страну. Демографическое регионирование территории Казахстана было предпринято исследователем Аубакировой Ж.С. На основе кластерного анализа посредством использования программы Fuzzy class с внесением статистических показателей за период с 1979 по 1999 гг. были выделены два мегатипа: Северо-Восточный и Юго-Западный. Эти два мегатипа подразделены на пять классов:

1. Северо-Восточная этнодемографическая зона: Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Костанайская, Северо-Казахстанская области.
2. Центральная этнодемографическая зона: Карагандинская, Павлодарская области.
3. Южная этнодемографическая зона: Южно-Казахстанская, Атырауская, Кызылординская области.
4. Юго-Западная этнодемографическая зона: Актюбинская, Алма-

тинская, Жамбылская, Западно-Казахстанская области.

5. Западная этнодемографическая зона: Мангистауская область [4].

Основной точкой отсчёта в предложенной демографической классификации областей явился этнодемографический показатель. Особо подчёркивается, что «региональные особенности демографического развития в Казахстане формируются под воздействием высокой этнической дифференциации. Именно ярко выраженная этническая дифференциация в регионах даёт мощную специфику развитию процессов народонаселения в республике» [5]. Соглашаясь с этнической детерминацией демографических процессов, возникает вопрос: а как бы выглядело демографическое регионирувание, если в основу не была бы положена этнодемографическая структура? Была бы она другой?

Неоспоримым достоинством данной классификации является то, что использование компьютерной программы позволило сделать её более точной и валидной.

Нельзя не согласиться с исследователем Аубакировой Ж.С., которая резюмирует, что «региональные различия настолько существенны, что не всегда целесообразно оценивать состояние демографических процессов в республике в целом. Это требует от государства формирования региональных программ демографического развития» [6]. Потому должны быть разработаны не только программы демографического развития, а в целом программы развития регионов с учётом их специфики и поставленных социально-экономических задач.

Сравнив различные варианты группировки областей в отдельные регионы, можно заключить, что, несмотря на различия в регионирувании с учётом экологических, экономических и демографических факторов, некоторые области по данным признакам попали в единую региональную группу. Так, по всем трем версиям оказались вместе западные области – Атырауская, Актюбинская, Западно-Казахстанская; северные – Акмолинская, Костанайская, Северо-Казахстанская; центральные – Карагандинская, Павлодарская. По экологической и демографической классификации также совпали области, относящиеся к южному региону, – Южно-Казахстанская и Кызылординская области.

Обращает на себя внимание, что экологическое и экономическое регионирувание схожи тем, что в одну группу попали только те области, которые являются сопредельными. В случае с демографической классификацией областей этого не наблюдается. Например, в южную этнодемографическую зону попали Южно-Казахстанская, Атырауская, Кызылординская области, где Атырауская область не граничит с двумя другими.

С другой стороны, области, находящиеся в географической близости, не всегда схожи по показателям развития. Так, считается, что к югу страны относятся такие области, как Южно-Казахстанская, Кызылординская и Жамбылская. Исследователи Джанпаизова З.М. и Есимова А.Б. в статье «Современные социально-демографические тенденции в развитии населения юга Казахстана» проанализировали развитие населения перечисленных областей сквозь призму процессов рождаемости, смертности, брачности, разводимости и пришли к выводу, что «считается, что в развитии населения Казахстана чётко прослеживается региональный характер. Анализ статистических данных показал, что внутри одного региона могут быть разные модели демографического развития» [7].

Задача регионирования территории страны усложняется и тем, что сами административно-территориальные единицы – области – не представляются гомогенными. Так, изучив Восточно-Казахстанскую область, исследователь Краснобаева Н.Л. пришла к заключению, что «исторически сложившееся административно-территориальное деление и особенности формирования населения ВКО в советское время определили этнически выраженную географическую и экономическую дифференциацию региона. В области развиваются свои «север» и «юг» [8].

Безусловно, такие «шероховатости» возможны, так как невозможно найти одинаковые по всем параметрам области. Все эти варианты регионирования построены на основе определённых параметров, необходимых для конкретной цели – проведения экономической или миграционной политики. Важной исследовательской задачей является теоретическое и эмпирическое исследование региональных особенностей демографического развития современного Казахстана с целью моделирования перспективных тенденций.

Таким образом, необходимость выработки корректной региональной классификации носит не только теоретическое, но, прежде всего, практическое значение. Правильное видение регионирования позволит эффективнее проводить политику по развитию регионов и стиранию их значительных отличий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нурланова Н.К. Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики. Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2009, с. 55-60.
2. Нурланова Н.К. Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана:

проблемы теории и практики. Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2009, с. 136- 137.

3. Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана: этнорегиональный аспект. – Усть-Каменогорск, 2010, С. 41.

4. Там же, С. 37.

5. Там же, С. 50.

6. Там же.

7. Джанпаизова З.М., Есимова А.Б. Современные социально-демографические тенденции в развитии населения юга Казахстана // Сб. материалов III междунар. научной конф. «Демографическая ситуация в Казахстане: состояние и перспективы», Уральск, 2011, с. 212.

8. Краснобаева Н.Л. Восточный Казахстан: региональные особенности миграционных процессов // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов X междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2009, С. 207.

Игнатьева Л.Н.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КАЗАХСКОЙ СССР В 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Понятие оргнабор в СССР ассоциируется с 30-ми годами XX века. Это напрямую коснулось Казахской ССР в период индустриализации. Этот процесс был прерван в 40-е годы. Возобновление плановых переселений и оргнаборов произошло в 50-е годы.

Дефицит квалифицированных кадров, да и элементарно рабочей силы, в республике ощущался всегда. Огромная территория была мало заселена. В период индустриализации эту проблему решали за счет оргнаборов. В период войны дефицит частично покрывался эвакуированными и депортированными народами.

Послевоенная ситуация еще более усугубила проблему. Дефицит рабочей силы образовался не только в городах, куда были эвакуированы промышленные предприятия с западных регионов СССР, но и на селе. С другой стороны, западные регионы СССР больше всего пострадали в период войны как в демографическом, так и в экономическом плане.

Но все же с начала 50-х годов плановые переселения и оргнаборы возобновляются. Причем проводились они не только путем привлечения кадров из других республик СССР, но одновременно шло внутривнутриреспубликанское перераспределение трудовых ресурсов. Было создано пере-

селенческое управление при Совете Министров Казахской ССР, которое занималось организацией переселений.

Постановлением N 68 от 31 января 1952 г. Советом Министров Казахской ССР были установлены 14 областей выхода переселенцев: Алма-Атинская, Актюбинская, Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Джамбульская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Кокчетавская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Талды-Курганская, Южно-Казахстанская. Одновременно были названы районы вселения (практически все подлежали вселению в совхозы). Районами вселения определялись: Джетысайский массив – 2000 хозяйств, Совхоз «30 лет Октября» Министерства хлопководства Казахской ССР – 300 хозяйств, Совхозы Министерства совхозов Казахской ССР – 800 хозяйств [1].

В годовом отчете «О выполнении плана по переселению и хозяйственному устройству переселенцев в Казахской ССР за 1952 год» отмечено, что на 1 января 1953 года переселено 3103 хозяйства, 100,1% к плану, в том числе: на Джетысайский массив – 2264 хозяйства, в совхоз «30 лет Октября» - 212 хозяйств, в совхозы Министерства совхозов Казахской ССР – 482 хозяйства, в трест «Казпереселенстрой» - 145 хозяйств [2].

Переселения в это время происходили не только в индивидуальном порядке или семьями, но и целыми колхозами. Так в 1952 году переселено 17 колхозов и одна бригада с общим количеством 1393 хозяйства, в которых насчитывается 2943 трудоспособных [3]. Остальные 1710 хозяйств отобраны в индивидуальном порядке [4].

Всего за 1952 г., как уже упоминалось, было переселено 3103 хозяйства или 10918 человек, из них трудоспособного возраста – 6034 человека [5]. В основном переселенцев размещали в Южно-Казахстанской области. Но не все представители на местах с энтузиазмом приняли указы переселенческого управления. В годовом отчете за 1952 г. отмечалось, что наряду с тем, что большинство областей республики выполнили и перевыполнили план переселения, 4 области (Кустанайская, Семипалатинская, Северо-Казахстанская и Актюбинская), в результате прямого сопротивления со стороны руководителей Облисполкомов – плана переселения в совхозы Министерства совхозов не выполнили [6].

В 1953 году было переселено 2293 хозяйства или 104% к плану. 11 колхозов было переселено в полном составе с общим количеством 950 хозяйств, в которых имеется 1781 трудоспособных человек. Остальные хозяйства отобраны в индивидуальном порядке [7]. Местами выхода переселенцев были определены 12 областей республики. Размещали хозяйства в колхозы и хлопководческие совхозы Южно-Казахстанской об-

ласти (2027 хозяйств), а также в колхозы Алма-Атинской и Актюбинской областей (266 хозяйств) [8].

На 1 октября 1955 года по межобластному переселению был установлен план 4900 семей по 15 областям республики, реально переселилось 4917 семей или 100,4% от плана, кроме этого на местах приняли 3282 семьи [9].

На 1 октября 1955 г. план межреспубликанских переселений составил 18000 семей, реально переселили 7048 семей или 39,2%. Местами вселения были определены 8 областей республики: Актюбинская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Кокчетавская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская [10]. Распределение переселенцев происходило в сельско-хозяйственные и рыболовецкие колхозы. Всего на 1 октября 1955 г. было принято 15456 семей или 63785 человек, из них трудоспособных 31795 человек. Одновременно идет отток переселенцев, он составил 2313 семей. И к 1 октября в наличии оставалось 13143 семьи переселенцев [11].

План внутриобластного переселения на 1 октября 1956 г. составил 5000 семей по 16 областям. Было переселено 5241 семья или 104,8% от плана, на месте принято 1995 семей. Из других республик запланировано было принять 4000 семей, принято 2298 семей или 57,4% от плана. Из Белорусской ССР планировалось принять 2700 семей, приняли – 1372 семьи, из Литовской ССР – по плану – 300 семей, приняли – 404 семьи, из Молдавской ССР – по плану – 1000 семей, приняли – 522 семьи [12].

На 1 января 1957 года (год вселения 1955) было принято по 16 областям 16151 семья переселенцев или 68545 человек, из них трудоспособных 35887 человек, выбыло 5113 семей, в наличии переселенцев 11038 семей [13].

На 1 января 1957 года (год вселения 1956) принято 10384 семьи по 16 областям или 45553 человек, из них 22842 трудоспособных, выбыло 975 семей, в наличии 9409 семей [14].

По плану на 1958 год должны были переселить 18700 семей, переселили 20717 семей, из них в колхозы – 8820 и совхозы – 11897 семей по 16 областям республики. По внутриобластным переселениям: план – 5200 семей, переселено – 5480 семей, в колхозы – 3415 семей, в совхозы – 2065 семей. По межреспубликанскому переселению: план – 13500 семей, переселено – 12249 семей, в колхозы – 4104 семьи, в совхозы – 8145 семей. Самоявочки: всего переселено – 2419 семей, в колхозы – 1133 семьи, в совхозы – 1386 семей. По Постановлению Совета Министров Казахской ССР № 1045 в Южно-Казахстанскую область переселено 569

семей, в колхозы – 168 семей, в совхозы – 401 семья. Выбыло 3687 семей, в наличии – 17022 семьи [15].

Местами выхода по межреспубликанским переселениям предусматривались 4 союзных республики: Украинская ССР, Белорусская ССР, Молдавская ССР и Литовская ССР. Местами вселения определялись 12 областей Казахской ССР. Из Украинской ССР планировалось переселить 8000 семей, переселили 6781 семью в Актобинскую, Джамбульскую, Западно-Казахстанскую, Кустанайскую, Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую, Южно-Казахстанскую области. Из Белорусской ССР планировалось переселить 4000 семей, переселили 3965 семей в Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Карагандинскую, Кокчетавскую, Кустанайскую области и 3 семьи вне плана переселились в Северо-Казахстанскую область. Из Молдавской ССР планировалось переселить 800 семей, переселили 801 семью в Павлодарскую область. Из Литовской ССР планировалось переселить 700 семей, переселили 702 семьи в Северо-Казахстанскую область [16]. План по межреспубликанскому переселению не был выполнен (недобор – 1251 семья).

Параллельно в это время происходила репатриация советских граждан из Китайской Народной республики. В Казахскую ССР было принято в 1954 г. 2531 семья, в 1955 г. – 7586 семей, в 1958 г. – 833 семьи, всего – 10950 семей. Было перемещено по собственной инициативе – 6653 семьи, выбыло из областей – 5761 семья. На 1 октября 1958 г. в наличии было 11842 семьи [17]. Причем данный контингент находился в движении и активно перемещался по сопредельным республикам.

В справке «О переселении и хозяйственном устройстве переселенцев в колхозах и совхозах Казахской ССР» адресованной Совету Министров Казахской ССР ЦК КП Казахстана отмечается, что за последующие годы одним из главных источников увеличения трудовых ресурсов явилось переселение из других республик, а также внутри Казахстана семей граждан, изъявивших желание работать в сельском хозяйстве Казахстана.

За период с 1955 по октябрь 1958 года переселено в колхозы и совхозы республики в плановом и неплановом порядке 68866 семей. Кроме того с 1955 по 1958 гг. принято 11842 семьи советских граждан репатрированных из Китайской Народной республики, изъявивших желание работать в сельском хозяйстве Казахской ССР. Таким образом, за упомянутый период всего переселено 80708 семей, в которых насчитывается более 160 тысяч трудоспособных [18].

Таблица 1- Состояние переселенческого дела в Казахской ССР

	План переселения (семей)	Переселено (семей)	Выбыло из мест вселения	План подготовки домов	Подготовлено домов
1953	2200	2280	375	2400	2707
1954	2400	5604	1712	4200	2643
1955	22900	16216	5083	31000	9851
1956	9000	10456	1772	31000	8436
1957	11760	15387	2002	30000	10989
1958	18700	18257	1411	22000	3899
всего	66960	68200	12355	120600	38525

ЦГА РК Ф.1987, оп. 1, д.92, л.32

В плане хозяйственного устройства переселенцев предполагалось обеспечить их домами для проживания. В справке отмечается, что из установленного на 1953-1958 гг. плана подготовки 120600 домов для переселенцев, фактически подготовлено (построено, куплено и отремонтировано) только 42336 домов или 35,1 % от плана.

За данный период переселений отмечается отток семей из мест переселения. Основными причинами выбытия переселенцев управление по переселению называет: неудовлетворительное обеспечение их жильем и не создание им других необходимых бытовых условий для устройства на новых местах жительства [19].

В 1959 г. переселения были продолжены, а также был осуществлен оргнабор рабочих в колхозы и совхозы республики. Планом предусмотрено переселить 17655 семей. Внутриобластные переселения: план – 5000 семей, переселено – 5088 семей. Межреспубликанские переселения: план – 12400 семей, переселено – 12567 семей. Самоявочки – 838 семей, принято из КНР – 6680 семей [20].

Местами выхода переселенцев по межреспубликанским переселениям были определены Украинская ССР, Белорусская ССР, Молдавская ССР, Литовская ССР. По плану из Украинской ССР должны были переселить 6000 семей, переселили – 5913 семей в Акмолинскую, Актюбинскую, Джамбульскую, Западно-Казахстанскую, Карагандинскую, Кустанайскую и Павлодарскую области. Из Белорусской ССР планировалось

переселить 5000 семей, переселили – 5235 семей в Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Карагандинскую, Кокчетавскую, Кустанайскую области. Из Молдавской ССР планировалось переселить 1000 семей, переселили – 1016 семей в Павлодарскую область. Из Литовской ССР должны были переселить по плану 400 семей, переселили – 403 семьи в Северо-Казахстанскую область [21].

Также в 1959 г. из Украинской ССР, Белорусской ССР, Узбекской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР для работы в Казахской ССР осуществлялся набор рабочих. Из Украинской ССР планировалось переселить 28200 рабочих, было направлено – 29544 рабочих, из Белорусской ССР планировалось переселить 3800 рабочих, направлено – 4602 рабочих, из Узбекской ССР планировалось переселить 6000 рабочих, направлено – 5346 рабочих, из Литовской ССР – планировалось переселить 1800 рабочих, направлено – 2411 рабочих, из Молдавской ССР планировалось переселить 4000 рабочих, направлено – 3881 рабочий. Всего из этих республик планировалось направить на работу в республику 43800 рабочих, было направлено – 45784 рабочих [22].

Рабочие из Украинской ССР, Белорусской ССР, Узбекской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР направлялись в различные отрасли народного хозяйства Казахской ССР.

Таблица 2 - Выполнение плана в разрезе совнархозов, министерств и ведомств

Наименование	План на 1959 г.	Направлено рабочих
Гурьевский совнархоз	-	800
Карагандинский совнархоз	23000	21748
Кустанайский совнархоз	-	321
Актюбинский совнархоз	-	138
Семипалатинский совнархоз	-	354
Министерство хлебопродуктов	7300	9158
Министерство сельского хозяйства	4500	7835
Министерство транспортного строительства СССР	8000	3485

Продолжение таблицы 2		
Управление Казахской железной дорогой	1000	1387
Министерство строительства Казахской ССР	-	463
Министерство электростанций СССР	-	95
Итого	43800	45787 (48108)

ЦГА РК Ф. 1987, оп. 1, д. 102, л. 7

Как видно из приведенных данных, реальное количество направленных в республику рабочих было выше запланированных цифр, и многие из них были распределены в отрасли, в которые даже не планировалось производить оргнабор.

В том же 1959 г. производился внутриреспубликанский оргнабор рабочих по 15 областям Казахской ССР. На первое полугодие 1959 г. планировалось переселить 9000 рабочих, реально было направлено 8032 рабочих. (ЦГА РК Ф. 1987, оп. 1, д. 102, л. 5) План был перевыполнен в 4 областях (Актюбинской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской областях), в остальных план не был выполнен.

Всего по всем видам переселений в 1959 г. было принято 25173 семьи, при этом за 9 месяцев выбыло 1842 семьи, в итоге осталось 23331 семья [23].

Таким образом союзное правительство и местные органы власти решали проблему нехватки квалифицированной рабочей силы в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ЦГА РК Ф. 1987, оп. 1, д. 30, л. 1
2. Там же. д. 30, л. 1, 2
3. Там же. д. 30, л. 2
4. Там же. д. 30, л. 2
5. Там же. д. 30, л. 70
6. Там же. д. 30, л. 2
7. Там же. д. 37, л. 2
8. Там же. д. 37, л. 39
9. Там же. д. 54, л. 306

10. Там же. д. 54, л. 306
11. Там же. д. 54, л. 290
12. Там же. д. 66, л. 294
13. Там же. д. 66, л. 14
14. Там же. д. 66, л. 13
15. Там же. д. 91, л. 14
16. Там же. д. 91, л. 13
17. Там же. д. 92, л. 29
18. Там же. д. 92, л. 23
19. Там же. д. 92, л. 38
20. Там же. д. 102, л. 1
21. Там же. д. 102, л. 2
22. Там же. д. 102, л. 6
23. Там же. д. 102, л. 4

Краснобаева Н.Л.

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Тема миграций в различные исторические эпохи остается популярной среди исследователей. Не является исключением в этом отношении и территория России (Алтайского края) и Казахстана. В известном смысле вся история данного региона – это история заселения и освоения его территорий, которую можно представить в виде ряда миграционных волн.

При этом характеризуя миграционную составляющую, многие вопросы сохраняют свою актуальность по сей день, в частности проблема «спорных» территорий, исторические конфликты, вопросы национальной политики и др.

На продуцирование данных тем большое влияние оказывает:

1. Оценка ситуации и характер подачи материалов: здесь необходимо отметить особенности масс-медийного, политического и академического представления о миграции.

2. Взаимонепонимание: в одни и те же термины вкладывается различное толкование.

Существование различных точек зрения по тем или иным научным проблемам довольно часто может быть объяснено просто: они возникают из-за того, что для одних и тех же понятий используются разные, а для различных понятий применяются одинаковые термины [1]. Неоднознач-

ность толкования влечет преувеличение – недооценку остроты проблемы и возможных путей ее решения.

3. Отношение к этническому фактору, его выпячивание, преувеличение его значения.

Указанные особенности приводят к различным трактовкам у российских и казахстанских исследователей одних и тех же сюжетов в истории, в частности при объяснении вопросов связанных с колониационной политикой, миграционными волнами и людскими потерями.

Например, характеризуя политическую ситуацию XIX – начала XX века, российские ученые основные причины миграций указывают с точки зрения социально-экономической:

- большое количество свободных плодородных земель,
  - низкая плотность населения,
  - правительственный протекционизм в области колониационной политики.
- переселенцам проживание в данных регионах представлялось едва ли не единственным способом выжить вследствие товарного и продовольственного голода, обрушившегося на центральные и западные губернии России.

Характеризуя вопросы миграции казахстанские авторы, выступают с «критикой» политики российских властей, выдвигают не имеющий подтверждения тезис, что именно в начале XVIII в. политика России в отношении Казахстана меняется, определяется устойчивая тенденция, направленная на поглощение казахских земель российским государством, которое происходит в течение конца XVIII и первой половины XIX века вплоть до начала 60-х годов XIX века и миграция здесь выполняет основную роль [2]. В результате была нарушена среда обитания казахов, тотальный захват земли, предназначенной для кочевий, унижение, русификация и др.

По утверждению Э.Ж. Валиханова, Россия не только полностью поглотила все казахские земли, но разрушила основы «казахской государственности». Так, уже с последней четверти XVIII в. «царизм широким фронтом осуществляет колонизацию Казахстана». Это в первую очередь захват земель на всей территории Казахстана, сопровождающийся военной колонизацией, наряду с которой осуществлялись административные меры, которые в совокупности укрепляли власть царизма в Казахстане [3]. В течение всего XIX в. продолжалось вытеснение кочевников с их земель, изъятие этих земель в пользу колониальной администрации, что приводит к ломке старых общественных отношений в казахском обще-

стве [4].

Особенности и влияние миграционных процессов советского периода рассматриваются авторами преимущественно через призму принудительных перемещений населения в рамках репрессивных мероприятий власти.

Вероятными причинами использования такого подхода стал массовый характер принудительных миграций, проблемы доступа к необходимой информации и современная государственная политика, направленная на реабилитацию жертв репрессий.

Нами сделана попытка отойти от стереотипного видения миграционных процессов, как исключительно репрессивных, показать более сложный и разноплановый характер миграций, во всяком случае, до начала массовых репрессий, перекрывших другие формы механического движения населения. Для качественной оценки вопроса были использованы различные группы источников, в частности, статистические документы – материалы переписей населения 1897, 1926 гг., которые позволяют проанализировать основные направления и размеры внешней миграции населения Казахстана и России.

В силу геополитического положения Казахстан испытал мощное воздействие миграционных потоков, прежде всего из России, которые в значительной степени повлияли на ход этнодемографических процессов и обусловили своеобразие демографической ситуации.

Наиболее ярко это представлено на приграничных территориях (Северные территории Казахстана и Алтайский край), которые с конца XVII до начала XX веков были административно объединены и входили в состав Сибирской губернии Западно-Сибирского генерал-губернаторства, затем Томской губернии.

На этих слабозаселенных землях первоначально сооружались крепости, редуты, пикеты и возникали военно-казачьи поселения. С развитием производств, здесь появились и первые городские поселения. После отмены крепостного права на земли, пригодные для сельскохозяйственного освоения, устремился массовый поток крестьян из Центральной России, Украины. Сюда же принудительно ссылали граждан, неугодных царскому правительству в силу различных причин. Значимую группу среди переселенцев составляли старообрядцы, отличавшиеся особой стойкостью и упорством в вопросах сохранения веры, традиций, обычаев и оказавшие определенное ассимилирующее воздействие на других мигрантов.

Так, по данным Переписи 1897 года в пяти губерниях Казахстана на 4931996 наличного населения приходилось 411343 неместных урожен-

цев (8,3%) [5]. При этом около 52 тысяч человек родились за пределами Казахстана [6].

Перепись свидетельствует о 12,6% родившихся за пределами Казахстана (от числа неместных уроженцев или 0,1% от всего населения Казахстана). Проводя и в этих цифрах корреляцию, следует указать на то, что материалы Переписи 1897 года уникальны, так как она проводилась по очень широкой программе. Её значение для науки несомненно, но огромный пласт статистических материалов до настоящего времени ещё недостаточно введен в научный оборот или трактуется некорректно.

Так, сложно определить количество неместных уроженцев в связи с тем, что Переписью фиксировалось только стационарное население, кочевники, меняя в течение года место пребывания, переписываться могли несколько раз, тем более, что по данным источника этническую принадлежность неместного уроженца определить сложно.

При работе с представленными данными нужно учитывать особенности административного деления областей. Так население Омского уезда вошло в состав Акмолинской области, население Пишпекского и Пржевальского уездов в Семиреченскую область, население Ташкентского уезда и Аму-Дарьинского отдела в Сыр-Дарьинскую область [7].

Использование материалов переписи, с учетом степени достоверности полученных фактов позволяет оценить процессы, повлиявшие на формирования населения Казахстана более объективно.

Таблица 1

Основные направления миграции пришлого населения по переписи 1897 года [8]

В какую губернию	Откуда (губернии)	Абс. число неместных уроженцев			Мигр. баланс
		муж	жен	всего	
Акмолинская	Полтавская	11562	10201	21763	21746
	Самарская	10049	9135	19184	19072
	Черниговская	5606	5060	10666	10655
	Тобольская	9243	9172	18415	8233
	Пермская	4733	4011	8744	7973

Продолжение таблицы 1					
	Саратовская	3425	3090	6515	6488
	Пензенская	2789	2537	5326	5310
	Воронежская	2639	2388	5027	5007
Тургай-ская	Самарская	4179	4060	8239	8199
Уральская	Астраханская	7437	6509	13946	13065
	Самарская	8207	7082	15289	12111
	Казанская	3360	2325	5685	5593
Семиреченская	Воронежская	5746	5437	11183	11158

В числе пришлого населения преобладали уроженцы следующих губерний: Самарской (27423), Вятской (5027), Казанской (2431), Курской (2153), Саратовской (6515), Харьковской (3529), Черниговской (10666) Из Сибири – Тобольская (18415). В целом родившихся в губерниях Европейской России – 80,2% от всего числа неместных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,4%, Кавказа – 0,8%, Сибири – 14,1%, Средней Азии – 3,6% [9]. На основании данных о неместных уроженцах можно наметить главные направления внутренней и внешней миграции в Казахстане. Их можно подразделить на крупные (с числом неместных уроженцев свыше 25 тысяч человек), средние (от 10 тысяч до 25 тысяч человек) и мелкие (от 5 тысяч до 10 тысяч человек) [10].

Для территории Казахстана основным является среднее направление миграции, которое включает перераспределение пришлого населения (миграция из Сибирских губерний) внутри Казахстана и отлив его в губернии Западной Сибири.

Ярким примером является Север Казахстана, большую часть населения которого составляли местные уроженцы – 83,2%, при чем значительно меньше их в городах – 4,3%. На долю переехавших в регион из других уездов приходилось 1,3%, уроженцев других губерний – 15,5%.

В составе неместного населения особенно высок процент уроженцев других губерний – 32,2% от общего числа городского населения, в Тургайской области он достигал – 65,5%. В числе пришлого населения преобладали уроженцы следующих губерний: Самарской (27423), Вятской (5027), Казанской (2431), Курской (2153) Саратовской (6515), Харь-

ковской (3529), Черниговской (10666) Из Сибири – Тобольская (18415). В целом родившихся в губерниях Европейской России – 80,2% от всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,4%, Кавказа – 0,8%, Сибири – 14,1%, Средней Азии – 3,6% [11].

Особое место в Казахстане занимает Акмолинская область, принявшая наибольшее количество пришлого населения, в числе которого преобладали уроженцы следующих губерний: Полтавской (21763), Самарской (19184), Черниговской (10666), Пермской (8744), Воронежской (5027), Вятской (1240), Казанской (1271), Пензенской (1126), Таврической (1454). Из Сибирской только две – Тобольская (18415) и Томская, лежащая на границе (7538). Родившихся в губерниях Европейской России – 52% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,5%, Кавказа – 0,4%, Сибири – 36,3%, Средней Азии – 9,3%, Великого Княжества Финляндского – 0,02%, иностранных государств – 0,8% и не указавших места рождения – 0,7% [12].

Следует подчеркнуть, что распределение неместных уроженцев по уездам губерний Казахстана так же имело ряд особенностей. В Акмолинской губернии Омский, Кокчетавский и Петропавловский уезды включали наибольшее число уроженцев других губерний и государств в числе наличного населения. Наименьшее количество Акмолинский уезд (8,2%).

На Востоке Казахстана местные уроженцы составляют 93,7% населения региона, для городов данный процент ниже – 49,4%. Переехало в область из других уездов – 1,79%, из других губерний – 4,49%, в городах их число было 33,6%, в уездах – 1,97%.

В Семипалатинскую область в период с 1870-1897 года приток жителей был незначителен, большинство пришлого населения были уроженцами таких губерний: Воронежской (1949), Вятской (1240), Казанской (1271), Пензенской (1126), Таврической (1454). Из Сибирской только две – Тобольская (3483), Томская (7538). В губерниях Европейской России родилось 52,03% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,45%, Кавказа – 0,40%, Сибири – 36,25%, Средней Азии – 9,32%, Великого Княжества Финляндского – 0,02%, иностранных государств – 0,79% и не указавших места рождения – 0,74%.

В Западном Казахстане местные уроженцы составляли 86,3%, в городах – 57,3%. Уроженцев других уездов той же губернии на западе Казахстана насчитывалось 4,16%, уроженцев других губерний – 9,54%, уроженцев других государств – 0,01%.

Значительный процент переселенцев в Уральской губернии был из

Европейской России (93,4%), особенно из Астраханской, Казанской и Самарской губерний [13].

Для Юга Казахстана население по месту рождения распределялось следующим образом: местные уроженцы (93,6%), при этом в городах – 72,2% (данный показатель является самым высоким по Казахстану). На долю переехавших в область из других уездов приходилось 0,7%, тогда как уроженцев других губерний было 3,8%. Они в городах губернии составляли 18,5%, в уездах – 2,1%.

В числе пришлого населения наибольшее число составляли уроженцы следующих губерний: Воронежской (15099), Оренбургской (4424), Ферганской (3972), Пермской (3631), Саратовской (3095), Самарской (2240), Пензенской (1150) и Казанской (786). Из Сибирской только две – Приморской (5544), Тобольской (4139), 2633 человек из Бухары, 421 человек из Хивы. В целом, родившиеся в губерниях Европейской России составляют 28,4% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,2%, Кавказа – 0,3%, Сибири – 10,7%, Средней Азии – 13,0%. Особенностью юга Казахстана стало наличие на его территории значительного числа уроженцев Китая, которые в общей численности пришлого населения областей, составили 45,7%. Данная часть населения проживала в сельской местности (71,7%), в городе (28,3%) [14].

Таким образом, подавляющее большинство неместных уроженцев переселилось в Северный регион Казахстана. Основной контингент переселенцев составляли выходцы из Полтавской, Самарской, Черниговской, Тобольской, Пермской, Саратовской, Пензенской, Воронежской, Астраханской и Казанской губерний Европейской России.

Во второй половине XIX века наблюдается довольно интенсивное миграционное движение не только в Казахстан, но и обратные потоки в Российские регионы.

Так, из Акмолинской губернии в Тобольскую переселились 10182 человека, из Семипалатинской в Томскую губернию – 18841 человек [15].

Данные о соотношении мужчин и женщин среди переселенцев показывают, что в тех случаях, когда миграции населения соединяли соседние губернии (% был их невысок), число женщин могло превышать число мужчин. Возможно, переходя на постоянное место жительства в новую семью, женщина становилась неместной уроженкой. Однако, как правило, ввиду большей подвижности мужского населения число мужчин среди переселенцев несколько превышало число женщин. Это характерно для направлений, которые связывают отдаленные территории и различ-

ные губернии.

Анализ данных переписи позволяет сделать вывод о том, что особенностью Казахстана стало размещение пришлого населения в сельских регионах. Формируется новое земледельческое население в полуосвоенных или неосвоенных областях.

В начале XX века демографическая ситуация в Казахстане была нестабильной, что в значительной степени обуславливалось низким уровнем жизни населения (особенно земледельческого и скотоводческого), периодически повторяющимися неурожаями, джугами и слабо развитой системой здравоохранения. Важную роль сыграло и начавшееся в конце XIX в. переселение крестьян из центральных губерний России на восток страны, которое усилилось в годы столыпинских реформ.

На рубеже XIX-XX вв., земельные отношения в европейской части России обострились и царское правительство, стремясь сохранить в центре помещичье землевладение, попыталось разрешить аграрные противоречия за счет государственного стимулирования переселений крестьян из заселенных юго-западных и центральных губерний на юго-восточные окраины империи.

В отличие от предыдущего этапа переселений, когда государственная власть посредством различных мероприятий способствовала переселению тех семей, которые способны были вести собственное хозяйство и имели средний достаток, с начала XX века право на переселение получили все желающие независимо от имущественного положения.

Данный курс переселенческой политики получил правовое оформление в законах «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (от 12 марта 1903 года, 6 июня 1904 г., 10 марта 1906 г.). Они расширяли право переселения, освобождали потенциальных мигрантов от круговой поруки, уменьшили, а затем и полностью отменили выкупные платежи, гарантировали определенные социально-экономические льготы и материальные пособия для переселенцев [16].

Изданный П.А. Столыпиным указ «О праве выхода крестьян из общины на хутора» (от 9 ноября 1906) и «Правила о переселении на казенные земли», стали основой новой аграрно-переселенческой политики. Теперь крестьяне могли выйти из общины и, продав свои наделы, переселиться на свободные казенные земли Азиатской России. Первоначально крестьяне на новом месте получали по 30 десятин земли на каждого члена семьи, с начала XX века – по 10 десятин. Казаки по 25 десятин земли на душу, а в начале XX века – по 20 десятин [17].

Дестабилизирующим фактором стало землеустройство переселенцев. Перераспределение угодий, как и в других регионах, приводило к ломке не только традиционных форм землепользования и порядка кочевания, но и устоявшихся взаимоотношений общин между собой. В результате столыпинской реформы процесс изъятия земли (считавшейся государственной собственностью) у казахов-кочевников приобрел массовый характер и к 1914 году составил 40 млн. десятин, то есть 20% общей земельной площади региона [18].

Если за 36 лет (1870-1906) в Казахстане осело 521 тысяча человек, то за 7 последующих лет (1906-1914) – 714,4 тысячи. Общая численность переселенцев, осевших в Казахстане с 1870 по 1914 год, составила 1434,4 тысяч человек [19].

По далеко не полным статистическим данным, на территории 4 областей – Акмолинской (47% мигрантов), Семипалатинской (11,4%), Тургайской (17,5%) и Уральской (7,2%) в 1906-1915 гг. переселились более 883 тысячи человек. В результате в 1914 году удельный вес казахов в них снизился до 58,5%, русских земледельцев возрос до 29,6% [20].

Использование дополнительных источников (данные Обзоров областей) подтверждает эту информацию, в частности, о масштабах и ритме переселенческого движения на Рудный Алтай можно судить по следующим данным. В Бухтарминском крае к 1915 году возникло 54 переселенческих поселка, из них в 90-е годы XIX века – 4; 1902 – 2; 1907 – 1; 1908 – 11; 1909 – 9; 1910 – 8; 1911 – 1; 1912 – 4; 1913 – 7; 1914 – 1; 1915 – 1 [21].

С 1897 по 1915 г. на территорию Южного Казахстана переселилось 225,6 тыс. человек, из них 118,5 тыс. – в Семиреченскую и 107,1 тыс. – в Сырдарьинскую области. К 1915 г. в областях было основано 190 переселенческих поселков, в которых насчитывалось 11 тыс. дворов [22].

Характер переселенческого движения и численный состав мигрантов различался по годам. Большинство переселенцев было зарегистрировано в 1908 году. Затем переселения пошли на убыль. В 1912 году в связи с неурожаем и голодом в отдельных регионах России наплыв переселенцев увеличился, а с началом первой мировой войны резко сократился.

В результате переселенческой политики Российской империи на территории Казахстана сложился пестрый национальный состав. Если до начала 70-х гг. XIX века основным контингентом переселенцев были казаки, то со второй половины 90-х гг. XX века – крестьянская колонизация. В крае проживали представители около 60 национальностей, среди которых, кроме тюркоязычного населения (узбеки, уйгуры, киргизы, каракал-

паки, башкиры и т.д.), были немцы, поляки, мордва, дунгане, таджики, евреи и др. Перед первой мировой войной общая численность населения Казахстана составила 5909,9 тысяч человек (5471,8 – сельского, 438,1 – городского) [23].

Миграционные процессы, отмеченные в материалах переписи 1926 года, оказали существенное влияние на формирование численности населения Казахстана, особенно в первой четверти XX века. В данном контексте миграции могут быть интерпретированы как процесс массовой реакции населения на изменяющуюся ситуацию. Эти качества миграций позволяют исследовать эволюцию общественного развития, дают возможность отследить все его повороты, очертить фазовые состояния и переходные периоды [24].

Материалы переписи 1926 года включали вопросы о миграции, но в полном объеме можно судить только о численности осевших. Ответы на вопросы переписного листа о продолжительности проживания и миграции населения при переписи были получены путем выборочного опроса.

По итогам переписи 1926 года, общая численность населения составила 6 503 тыс., в их числе 1 601 тыс. человек в момент переписи отмечено не в том населенном пункте, где они родились. Причем половину из них составляли крестьяне-переселенцы и коренное население, сменившее место жительства до 1916 года.

Таким образом, в декабре 1926 года было зарегистрировано свыше 800 тыс. неместных граждан, переехавших с 1916-го по 1926 год. Вновь прибывших оказалось на 638,8 тыс. больше, чем выехавших за пределы республики, то есть сложилось положительное сальдо миграции.

Большая часть из них переселилась из Центра, Поволжья, Украины; меньшая – из Сибири, Урала, Белоруссии, Средней Азии. Прибывшие из европейской части расселялись в районах богарного земледелия, степной и лесостепной зонах, которые по агроклиматическим условиям были близки к районам выхода мигрантов. К тому же, приехавшие из Европейской части России, поселялись среди русских и украинцев, попадая таким образом в близкую этническую среду.

Наибольшей миграционной подвижностью отличались Север, Восток и Запад Казахстана, где в Кустанайском округе (37,9%), Акмолинской (33,8%), Актюбинской (31,1%) и Семипалатинской (25,9%) губерниях отмечался наивысший процент мигрантов. Губернии Юга Казахстана оказались менее благоприятными для переселенцев. Здесь положительное сальдо было отмечено только в Сырдарьинской (14,3%) и Джетысуйской областях (22,2%).

По сравнению с данными переписи 1897 года, на территории Казахстана увеличилось количество переселенцев на Востоке и Западе, при этом наблюдается уменьшение доли переселенцев в составе населения на Севере Казахстана.

С 1921 по 1925 годы численность «неместных уроженцев» в Казахстане распределялась относительно равномерно, в 1926 году намечилось снижение: 1921-1923 годы – 53,8%; 1924 – 17,6%; 1925 – 16,3%; 1926 – 12,8%.

Есть основание утверждать, что большинство «неместных уроженцев» - это люди, возвратившиеся на родину после периода голода 1921-1922 годов.

Подтверждением данного положения может служить то обстоятельство, что часть «неместных уроженцев» составляли казахи (31,4%) возвращающиеся на территорию Казахстана. Находясь в Казахстане свыше 3-х лет, они составляют самостоятельное население (42,2%), в основном занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью.

Переписью было учтено 17,1% жителей, проживающих на месте прохождения переписи менее 2-х лет, что свидетельствует об устойчивости миграционных процессов.

Данная категория неместного населения, переехавшая в 1924-1926 гг. включала самостоятельное население: 37,3% рабочих, 24,7% хозяева одиночки и члены их семей, в основном занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью (22,8%). В большинстве своем по национальному составу – русские (23,8%).

Неверно представлять миграционные связи Казахстана в 20-е годы как процесс односторонний. Казахстан не только получал переселенцев, но и жители Республики мигрировали в другие регионы страны.

Причины миграций были различными, в частности, возврат на обжитые места после войн и голода; переезд в другие регионы Казахстана, как часть внутренней миграции населения; переселение из сел в города, но для Казахстана этот процесс еще не приобрел того масштаба какой был в Центральных районах России. В значительной мере переселенческий поток в Казахстан перекрывался и обратным потоком. По мнению Галиева А.Б. обратный поток из Казахстана в 1926 году составлял 162,7 тысяч человек [25]. Данные переписи показали, что 24,6% населения республики проживает в месте постоянного места жительства не с рождения. Этот показатель в 2 раза выше среди горожан, чем среди сельских жителей. Имеются различия и по экономическим районам. Значения ниже среднереспубликанского показателя имеет Южный Казахстан, в населении

которого только 16% неместных уроженцев. В то же время, в Северном Казахстане этот показатель выше – 34,8%.

Удельный вес мигрантов из СССР по республике составлял 56,6%, при этом переселившихся в сельскую местность – 82,4%. Из других стран за исследуемый период прибыло 2111 человек, подавляющее большинство из: Китая, Германии, Польши, Венгрии, Австрии. При этом более половины мигрантов составили выходцы из Китая, на втором месте, значительно уступая им, стоит поток из Австрии и Польши. Более половины мигрантов из этих стран расселились в Южном Казахстане (67,8%).

Национальный состав мигрантов представлен в основном двумя этническими группами: тюркской и славянской.

Анализ миграционных процессов по регионам страны выявил существенные региональные различия и показал тот факт, что в миграционном движении преобладал отток крестьян-переселенцев из Казахстана, а не приток в республику. Из распределения мигрантов по длительности проживания в 1926 году, видно, что мобильность всех поколений населения была невысока.

В этой связи можно отметить, что миграционные процессы в первой половине 1920-х годов не могли существенным образом повлиять на увеличение численности населения Казахстана и носили спонтанный характер. В 1926 году восстановительный период в Казахстане подошел к концу, в целом приблизив республику к уровню 1914 года. Численный рост основных национальностей основывался: на положительном сальдо миграции в результате превышения притока населения над оттоком с середины 20-х годов; расширение административных границ после образования автономной республики, а затем национально-территориальное размежевание в 1924 году; естественном приросте, превышении рождаемости над смертностью.

В результате численности этносов в республике изменилась, так, казахи в составе населения Казахстана в 1926 году составили 57,1% (в 1897 г – 81,8%), русские – 20% (в 1897 г. – 13,0%), прочее население – 22,9% (в 1897 г. – 5,2%).

В целом, анализируя результаты переписи 1926 года и проводя сравнительную характеристику ее материалов с переписями 1897, 1920, годов можно сделать следующие выводы:

Демографические и экономические процессы, происходившие на исследуемых территориях с 1897 по 1926 г., несли на себе отпечаток целого комплекса проблем, как явившихся следствием революции, Гражданской войны, голода, так и доставшихся последующим правительством в на-

следство от императорской России. Экономические проблемы и различные системы хозяйствования неизбежно создавали условия и побудительные причины для движения населения.

Мотивы таких миграций были различны, начиная от желания людей найти элементарное пропитание в более благополучном регионе (на их взгляд) и заканчивая принудительно-вынужденными миграциями, продиктованными условиями политики и поствоенного времени.

За исследуемый период сформировалось единое правовое, социально-экономическое и этнокультурное пространство, включающее сопредельные регионы России и Казахстана.

Изучение миграционного движения в данных регионах, выяснение причин возникновения этнической напряженности, этнической конфликтности, исторического анализа методов и форм их разрешения в настоящее время приобрело общественно-политическую актуальность и практическую значимость. Для более качественной оценки данных вопросов необходима исследовательская работа с источниками и умение анализировать представленный материал без политических пристрастий.

В этой связи, справедливо замечание Н. Мкртчяна: «Пока мы не научимся грамотно и корректно, с фактами в руках обсуждать серьезные проблемы в сферах политики, экономики, экологии, демографии, миграции, в обществе будут рождаться мифы и фобии, плодиться химеры массового сознания».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. – М., 2001. – С. 3
2. Нурпеисов К. Восстановление территориальной целостности Казахстана в XX в. // Казахстан и мировое сообщество. – 1996. – № 4. – С. 68-75; Несипбаева К. Современная англо-американская историография русской экспансии Центральной Азии и Казахстана // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – 1997.–№ 1. – С. 89-94; Шалгынбаева Ж. Миссионерская политика царизма в Казахстане // Абай. – 1998. – № 1.
3. Валиханов Э.Ж. Вопросы казахской государственности в XIX в. // Отан тарихы. – 2001. – №3. – С. 53.
4. Валиханов Э.Ж. О размещении кочевого населения на территории Казахстана в XIX веке // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции «Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX-XX вв.». – Целиноград, 1991. – С. 82-84.
5. Неместный уроженец – человек сменивший место жительства.

6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 2-3; Т. 87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 2-3; Т. 84. Семипалатинская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3; Т. 85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3; Т. 86. Сыр-Дарьинская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3; Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3.
7. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000. – С. 13.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 24-27; Т. 87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 18-21; Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. – С. 22-25; Т. 85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 24-27.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 24-27; Т. 87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 18-21.
10. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 года и паспортной статистики. – Москва, 1978. – С. 28.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, СПб., 1904. – С. 24-27; Т. 87. Тургайская область, СПб., 1904. – С. 18-21.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, СПб., 1904. – С. 24-27.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. – С. 22-25.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 85. Семиреченская область, СПб., 1905. – С. 24-27; Т. 86. Сыр-Дарьинская область, СПб., 1905. – С. 24-27.
15. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (Численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 68.
16. Скляр А.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 134-136.
17. История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э., и др. – Алматы, 2001. – С. 245.
18. Турсунбаев А.Б. Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1973. – С. 224.
19. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – г. Усть-Каменогорск, 1999 г. – С. 27.
20. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000 г. – С. 19.
21. Очерки истории Рудного Алтая. – Усть-Каменогорск, 1970. – С. 71.

22. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.). – М.: Наука, 1986. – С. 161.
23. Алексеенко А.Н. Население Казахстана в 1920-1990 гг. – Алматы: «Гылым», 1993. – С. 5.
24. Зайончковская Ж.В. Россия: миграция в разном масштабе времени. // Научные доклады. Выпуск 1. – Москва, 1999. – С. 7.
25. Галиев А.Б. К истории миграции населения Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. – 1979. – № 5. – С. 55.

Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

На современном этапе существует значительное количество социологических концепций, объясняющих причины и механизмы формирования наций. Общим для них является представление о том, что нации – это закономерный продукт Нового времени, формирование которого рассматривается как результат развития индустриального общества и вызванного его появлением феномена модернизации. В связи с этим интересной для исследователя представляется проблема формирования наций в традиционных восточных обществах, естественные процессы внутреннего развития которых были нарушены привнесенными извне модернистскими тенденциями западной цивилизации.

В полной мере это характерно и для традиционного казахского общества. К середине XIX в. – завершению присоединения Степного края к Российской империи – здесь сформировались «повседневные необходимые идентичности», основанные на сословных («белая» и «черная» кость), хозяйственно-культурных (кочевое, полукочевое, оседлое) делениях. Однако преобладающим в этническом сознании казахов выступало родовое начало. Это нашло выражение в том, что казахское общество было разделено на три жуза: Младший, Средний и Старший. Все звенья, составлявшие структуру жузов, имели сложные генеалогические предания, возводившие их происхождение к одному реальному или легендарному предку. В религиозном сознании кочевников господствовали языческие культы и связанная с ними практика. Ислам выступал среди казахов в гораздо меньшей степени этнообразующим и этноидентифицирующим элементом.

Политика России в отношении традиционного казахского общества была направлена на его включение в имперскую политико-правовую и социально-экономическую структуру и объективно сопровождалась внедрением модернистских начал. Тесная связь метрополии и трансляция ее политических событий на центральноазиатские национальные окраины привела к тому, что в традиционных обществах региона стали говорить о «свободе», «равенстве» и «национальных задачах». Анализ региональных периодических изданий начала XX в. позволяет говорить, что под «равенством» и «свободой» понимались, прежде всего, право посылки депутатов в Государственную думу, участие в обсуждении законопроектов страны, право постановки на рассмотрение Думы законопроектов, непосредственно затрагивающих региональные этнопроблемы. «Свобода» и «равенство» в сфере внутренних прав традиционных обществ понимались как ограничение произвола и насилия местной администрации, развитие национальной системы образования на родных языках, прекращение земельных экспроприаций казахов-кочевников в Переселенческий фонд. «Самоопределение» многими понималось как стремление к местному самоуправлению наподобие русского земства.

Следует также иметь в виду, что политическая модернизация осуществлялась параллельно с модернизацией экономической. Последняя существенно изменила социально-экономическую структуру Степного края и Туркестана. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, а также железнодорожное строительство. Наблюдались урбанизация, формирование кредитно-банковской системы, рынка рабочей силы с активным вовлечением в данный процесс казахского этноса. Однако, на наш взгляд, процессы модернизации традиционного казахского общества под воздействием России имели крайне слабый импульс для его этнической консолидации. Преобладание в социально-экономической и политической сферах центральноазиатских национальных окраин традиционных норм, ценностей и установок предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры и рыночного сектора экономики. В социальной структуре этнических общностей региона продолжали сохранять свои позиции клановая и родовая идеология, трайбализм, но не социально-классовые и политико-экономические интересы. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

Освоение элементов западной политической культуры и местного самоуправления тормозилось отсутствием базиса парламентаризма – социальной структуризации общества исторически сложившимися отношениями предпринимательства и свободного найма рабочей силы, сильных профсоюзов, бюрократии современного типа, развитых политических партий и прессы. Органы местного самоуправления казахского общества – волостные и аульные правления – превращались в арену столкновения клановых и родовых интересов, соперничества в назначении своих членов на административные посты.

Степень вовлеченности в процесс экономической модернизации также была крайне низкой. Рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7% предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2% от числа всех работающих. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3% [1].

По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости казахского населения выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72%, земледелием – 24%, частной службой – 1,46%, торговлей – 0,52% [2]. Этнический состав городских жителей определила, главным образом, аграрная политика Российской империи и связанная с ней массовая миграция восточнославянских народов в регион. Поэтому в городах Степного края численно преобладали русские. Их удельный вес по переписи 1897 г. среди горожан Уральской области составил 82,8%, Тургайской – 76,2%, Акмолинской – 56,4%, Семипалатинской – 54%, всего по этим четырем областям – 66,7%. Казахи среди горожан этих областей составили 16% [3]. Еще более сельским являлся состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тыс. чел. только 576 тыс. чел., или 11,6%, проживали в городах. В начале XX в. произошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов – до 14,4% [4].

Данные обстоятельства позволяют говорить о слабом воздействии собственно модернизационных процессов на рост этнического самосознания казахского общества. В гораздо большей степени для данных тенденций оказались важными последствия модернизации: усиление социальной мобильности казахского этноса, развитие системы образования на родном языке, национальной периодической печати. Одним из критериев

усиления этнической консолидации следует считать и явно обозначившиеся на рубеже XIX-XX вв. процессы исламизации номадов. По архивным данным, в этот период происходило увеличение численности мечетей и мусульманских образовательных учреждений в Степном крае, паломничества казахов к святыням ислама – Мекке и Медине, завершилось формирование мусульманского духовенства из местной этнической среды. Сложившаяся ситуация интересна еще и тем, что несколько десятилетий, предшествующих данным тенденциям, Российская империя следовала курсу насаждения ислама в регионе административными методами, что вызывало мощную волну его неприятия и отторжения в традиционном казахском обществе. Однако с 80-х гг. XIX в. номады стали демонстрировать стойкий интерес к его институтам.

Исламизация казахского общества на рубеже XIX-XX вв. была вызвана, на наш взгляд, несколькими причинами. В 60-70 гг. девятнадцатого столетия правительственные круги России перешли в Степном крае к политике создания искусственных барьеров на пути распространения ислама. Это было связано с резким увеличением численности мусульманского населения империи в результате присоединения к ней Кавказа и Туркестана и, как следствие, ростом исламофобских настроений в обществе. Так, по решению Степной комиссии, по «Временным положениям» об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским генерал-губернаторствами, принятым в 1867-1868 гг., духовные дела казахов изымались из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания. Их заведование передавалось муллам-казахам, которые подчинялись общему Гражданскому управлению и Министерству внутренних дел. Разрешалось иметь не более одного муллы в волости. Произошло также сокращение сферы компетенций мулл: брачные и семейные дела казахов были изъяты из их ведения и перешли традиционному народному суду биев [5].

Утвержденное 25 марта 1891 г. «Положение об управлении Степным генерал-губернаторством» продолжило политику наступления государства на исламские институты в регионе. Муллы, избравшиеся из представителей местной этнической среды, теперь утверждались в звании или отстранялись от дел губернатором области. К исполнению религиозных обрядов допускались также лица, непризнанные официально духовными, их обязанности не были определены, что лишало их социальной значимости, статуса представителей органов управления. Муллы также отстранялись от ведения метрических книг, от рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда,

обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Законом предполагалось наказание мулл за вмешательство в названные дела, как за самовольное присвоение власти. Ст. 99 Положения 1891 г. регулировала правила строительства мечетей в Степном крае. Возведение мечетей разрешалось в Акмолинской и Семипалатинской областях Степным генерал-губернатором, в Семиреченской области – Туркестанским генерал-губернатором, а в Уральской и Тургайской – Министром внутренних дел. Допускалось возведение не более одной мечети на волость. Мечети и школы при них должны были содержаться за счет добровольных пожертвований, дотаций из государственной казны для их функционирования не предполагалось [6].

В Туркестанском крае, где ислам имел более прочные позиции, имперскими властями целесообразным признавался принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у народов Туркестанского генерал-губернаторства учреждений. Приоритетным признавалось развитие системы народного образования и целенаправленное вовлечение в российскую образовательную систему коренного населения. В 60-80 гг. XIX в. нормой российского администрирования в крае являлся безусловный отказ от любых действий, которые могли бы расцениваться как поддержка и выражение внимания к сугубо мусульманским институтам. В Российском Туркестане сохранились три столпа исламской социально-религиозной системы: сеть мусульманских начальных и высших учебных заведений, которые обеспечивали воспроизводство религиозного знания; сеть мечетей и святых мест, обеспечивающих свободное отправление культа; сеть шариатских судов, обеспечивающих поддержание мусульманских норм жизни.

В тоже время неотвратимо и верно Россия наступала на ислам в данном регионе. Так, по Положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1886 г. рассмотрение гражданских дел между народами Туркестанского края – заключение и расторжение брака, невыполнение обязанностей детей по уходу за родителями, споры по завещаниям или при разделе наследства, принадлежавшие ранее духовенству – муллам – было изъято из их ведения и представлено народному суду. Одновременно, не закрывая мечетей и медресе, был упразднен институт шейх-ул-ислама (исламского пастыря) – высшего авторитета в религиозных вопросах. Кроме того, были предприняты меры по ограничению сферы мусульманского образования за счет открытия в регионе сети русско-туземных государственных учебных заведений.

Со временем в Степном крае и Туркестане были введены ограничения на создание и деятельность мусульманских просветительских обществ, на совершение паломничества в Мекку. Существенное влияние на процесс децентрализации мусульман региона оказали ограничения на переселение мусульман – уйгур, казахов и дунган Синьцзяна после подавления китайскими властями антицинского восстания в Кашгаре – в Семиреченскую область Туркестанского генерал-губернаторства. С 1894 г., после объединения России и Бухарского эмирата в таможенный союз и размещения российских пограничных гарнизонов на южных рубежах эмирата, последовала изоляция Средней Азии от остальной исламской цивилизации.

Не менее важной причиной популяризации ислама в казахском обществе на рубеже XIX-XX вв. стала аграрная политика России. До обострения проблем аграрного перенаселения в европейских губерниях Российской империи вопрос юридического статуса земель, занимаемых казахами, равно как и способ их хозяйственного использования, не вызывал особого внимания властей. В последней трети XIX в. масштабная, хаотически нарастающая крестьянская миграция из европейской части России в Сибирь и азиатские окраины стала фактором, усилившим внимание органов власти к вопросам казахского землепользования. Строительство Сибирской железной дороги способствовало значительному увеличению количества переселенцев и росту актуальности вопроса о наделении их землей. Его решение сопровождалось массовой экспроприацией пастбищных угодий у кочевников для создания Переселенческого земельного фонда.

Мероприятия по землеустройству переселенцев существенно повлияли на условия развития кочевого хозяйства казахов, способствовали накоплению конфликтности во взаимоотношениях с администрацией и русскими крестьянами-переселенцами. Изъятия у казахов земли для создания переселенческого фонда привели к смещению казахского населения на юг региона. Славянские переселенцы воспринимались правительством как носители более «высокой» бытовой и хозяйственной культуры. Под их влиянием у коренного населения должны были происходить изменения в хозяйственной деятельности и, в целом, в образе жизни, распространяться знания из области научной медицины, агрономии, ветеринарии. Однако некоторые современные исследователи оценивают последствия переселенческого движения для Степного края и Туркестана преимущественно негативно, как деструктивное воздействие на кочевое хозяйство и традиционный уклад жизни казахов. По мнению А. Каппеле-

ра, «...пастухи-кочевники были оттеснены в южные засушливые районы. Это не только создало для казахов тяжелые экономические проблемы, но потрясло всю их социальную структуру, основанную на кочевничестве» [7].

Проводимая аграрная политика имела ярко выраженные этнодемографические последствия. До конца XIX в. прирост казахского населения был стабильным и достаточно высоким. Именно данный этнос по Первой всероссийской переписи 1897 г. являлся доминирующей по численности этнической группой региона. Однако в последующие десятилетия удельный вес казахов в составе населения края неизменно сокращался: в 1897 г. они составляли 81,7%, в 1917 г. – 59,8%. За этот же период в Степной край прибыло 24,9% русских и украинцев.

Массовое переселение православного восточнославянского населения в Степной край сопровождалось развитием институциональной системы Русской православной церкви. К началу XX в. на территории региона функционировали три епархии: Оренбургская, Омская и Туркестанская, сформировавшие церковно-приходскую, церковно-школьную, монастырскую сеть. По инициативе региональных органов власти в 80-90-е гг. XIX в. была организована деятельность Киргизских православных миссий, задачей которых стала антиисламская пропаганда среди казахского населения [8].

Деятельность православных миссий среди инородческого населения империи во второй половине XIX в. осуществлялась по методике профессора Казанского университета И.Н. Ильминского. Главной ее целью провозглашалось закрепление среди многочисленных народов азиатской России официальной государственной идеологии «самодержавие, православие, народ». Русификация представлялась как средство реализации заявленной цели и предполагала обращение в православие инородцев и изучение ими русского языка. Для достижения поставленной цели миссионерам был четко очерчен круг должностных обязанностей. Сотрудники обязаны были сосредотачиваться только на миссионерской работе, совершать разъезды по казахской степи, проводить беседы с казахами на религиозные темы. Особое внимание миссионеры были обязаны уделять религиозно-нравственному воспитанию новокрещеных казахов: селить их в станах миссии, организовывать их быт, приобщать к земледелию, контролировать соблюдение крещеными обрядов православной церкви, постов, способствовать их хозяйственной адаптации и т.д. [9]. Однако, как свидетельствуют источники, в целом деятельность Киргизских православных миссий среди казахского населения оказалась крайне неэф-

фективной.

Таким образом, религиозная политика России, изменения этноконфессиональной структуры населения Степного края, связанные с аграрной политикой имперских властей, объективно способствовали запуску «защитных механизмов» традиционного казахского общества. Они были направлены на необходимость сохранения в новых исторических реалиях этноконфессиональной идентичности посредством активизации процессов этнической консолидации и формирования в этническом самосознании дихотомии мы - они. Последняя определяла стремление противопоставить себя – казахов/ мусульман восточнославянскому/православному этносу.

Внешним проявлением данных процессов стала исламизация казахского общества на рубеже XIX-XX вв. При этом, пожалуй, наиболее важнымс очки зрения ее содержания явился не столько рост численности мусульманских учреждений в Степном крае и паломничество к святым местам, сколько интеграция казахов в общероссийское мусульманское движение. В частности, делегаты от Степного края принимали участие во всероссийских съездах мусульман, первый из которых состоялся в 1904 г. в Нижнем Новгороде, в подготовке к выборам и самих выборах депутатов в состав мусульманской фракции первой и второй Государственных дум Российской империи в 1906- 1907 гг. Именно от мусульманской фракции депутаты от Степного края, наряду с решением религиозных вопросов, призывали решать и экономические проблемы казахского общества, и проблемы его правового нивелирования в имперской этносоциальной структуре.

Одним из наиболее важных требований казахов-мусульман было требование о создании для них особого Духовного правления во главе с муфтием, по аналогии с Оренбургским и Таврическим мусульманскими собраниями. Именно решению данной проблемы правительство России уделяло наибольшее внимание. Данный вопрос активно дискутировался в ходе работы Особых совещаний при Комитете министров, работавших в 1907 и 1909 гг. [10]. К 1914 г. им было принято Положение по вопросам управления духовными делами мусульман, согласно которому Оренбургский и Таврический муфтиаты были сохранены в их территориальных границах. Для регионов, которые не входили в компетенцию этих мусульманских институтов, не предусматривалось образование новых духовных правлений. Таким образом, Особое совещание, признав со своей стороны «существенно важным противодействовать стремлению магометан к

объединению на почве религиозных интересов», так и «...не наметило каких-либо существенных преобразований в области управления духовными делами мусульман», в том числе мусульман-казахов [11].

Кроме создания Муфтиата в Степном крае, казахи-мусульмане требовали отменить ограничения на строительство культовых и образовательных исламских учреждений, паломничество к святым местам, ввести социальные льготы для служителей культа. Принципиальным для мусульман региона был вопрос о воинской службе в российской армии – они настаивали на сохранении существующей ситуации и освобождении их от этой повинности.

В заключение следует отметить, что политизация ислама и связанный с ней рост этноконфессионального самосознания казахов Степного края осуществлялся, на наш взгляд, в рамках заимствований внешней атрибутики и символики данной религии. В результате не происходило глубинных трансформаций языческого пласта религиозного самосознания, следствием чего стало формирование так называемого «бытового ислама», представлявшего синтез языческого и исламского компонентов. Все это подтверждается этнографическими сообщениями начала XX в., а также делопроизводственной документацией местных органов власти, отложившейся в архивах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 153.
2. Всероссийская перепись населения. 1897 г. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 84-87; Т. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 88-89; Т. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92-95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116-119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62-63; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С. 88-109.
3. История Казахстана в пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. С. 571.
4. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 87.
5. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи (XIX – начало XX в.) // Под ред. Лысенко Ю.А. Барнаул, 2014.
6. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1383. Л. 32.
7. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 140-141.
8. Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.
9. Отчет Омского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902 г. // Омские Епархиальные Ведомости (далее ОЕВ). 1903. №10. 15

мая. С. 28.

10. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Арапова А.Ю. М., 2002. С. 175-182.

11. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман Рос сии // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Арапова А.Ю. М., 2002. С. 301-302.

Мусаева Э.А.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ АЙМАҚТАРЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ МЕН ӘКІМШІЛІК-ТЕРРИТОРИЯЛЫҚ БӨЛІНУ

Қазақстан Республикасы - екі континенттің - Еуропа мен Азияның түйіскен тұсында Солтүстік жарты шарда орналасқан аса ірі мемлекет. Көлемі жағынан Ресей, Қытай, АҚШ, Аргентина мен Бразилияны, Канада мен Үндістанды және Австралияны алдына шығарып, дүние жүзінде 9-орын алады. Республика аумағы екі сағат белдеуін қамтып, Еділдің төменгі сағасынан (батыста) Алтай тауларының етегіне (шығыста) дейін және Батыс-Сібір ойпатынан (солтүстікте) Қызылқұм шөлі мен Тянь - Шань тау жүйесіне (оңтүстікте) дейін алып жатыр [1, 9 б].

Қазақстан Республикасы — зайырлы, демократиялық және біртұтас мемлекет болып табылады. Қазақстанның батысы мен солтүстігі Ресей Федерациясымен, оңтүстігі Түрікменстан, Өзбекстан және Қырғызстанмен, шығысы Қытаймен шектеседі [2, 9 б].

Қазақстан Республикасында 130- дан астам ұлт пен ұлыс өкілдері тұрады. Әкімшілік жағынан 14 облыстан және республикалық маңызды 3 қаладан тұрады. Одан басқа Қазақстанда 87 қала, 160 аудан, 35- ке жуық кент, 7 мыңға жуық ауылдық елді мекендер бар. [3, 5 б].

Көптеген ғалымдар мен сарапшылар әкімшілік-аумақтық бөліну тарихына қатысты сұрақтармен қызығушылықтарын қалыптастыруда. Қазақстанның әкімшілік-аумақтық бөлінісінің дамуы туралы бірінші анықтамалық Қазақ АССР құрылғаннан бастап (1920 ж. 26 тамыз) оны одақтас республикасы жарияланғанға дейін (1936 ж. 5 желтоқсан) 1959 ж. шығарылды.

Қазіргі уақытта Қазақстанның әкімшілік - аумақтық бөліністері мен ономастикасындағы үлкен өзгерістерге байланысты мұндай анықтамалықтарға қызығушылық артты.

Ұлттық белгісі бойынша төменгі әкімшілік-аумақтық бірліктер Ауыл(қазақ), кіші(ұйғыр) және ауылдық кеңестерге бөлінді. «Кіші кеңестер» термині облыстық билік органдарының құжаттарында 1936 жылға дейін кездеседі, әрі қарай олар ауыл немесе ауылдық кеңестер деп аталады [4, 2 с].

Ресей империясы XX ғасырдың басында қазіргі Қазақстанның аумағы жеті облыстың құрамына кіргізді: оларға Закаспий облысы, Орал облысы, Торғай облысы, Ақмола облысы, Семей облысы, Жетісу облысы, Сырдария облысы, Бөкей ордасы Астрахан губерниясының құрамына кірді [5].

1920 жылғы 26 тамыздағы съезд депутаттары БОАК пен РКФСРХКК-інің Автономиялы Қырғыз(Қазақ) Социалистік Кеңестік Республикасын құру туралы декретін қабылдады. Декретте «Автономиялы Қырғыз (қазақ) Социалистік Кеңестік Республикасының басқару органдары жергілікті депутаттар Кеңестері, Қырғыз (Қазақ)Социалистік Кеңестік Республикасының Орталық Атқару Комитеті мен Халық Комиссарлары Кеңесі болып табылады», - деп атап көрсетілді. ҚАЗАКСР-інің қарамағына 1917 жылға дейінгі шекарадағы Ақмола облысының Атбасар, Ақмола, Көкшетау, Петропавл уездері және Омбы уезінің бір бөлігі; Семей облысының Павлодар, Семей, Өскемен, Зайсан және Қарқаралы уездері; Торғай облысының Қостанай, Ақтөбе, Ырғыз және Торғай уездері; Орал облысының Орал, Лбішін, Темір, Гурьев уездері қарады. Республиканың құрамына бұл облыстардан басқа Маңғыстау уезі, Каспий жағалауы облысының Красноводск уезіндегі 4- және 5-Алан болыстары, сондай-ақ КАКСР-інің құрамына Астрахан губерниясынан Синеморье болысы, Бөкей Ордасы, бірінші және екінші Приморский округінің қазақтар қоныстанған жер аумақтары енгізілді. КАКСР-інің құрамына Орынбор губерниясы да енді. Орынбор республиканың астанасы болды (1925 жылғы дейін) [6, 169 б].

Қазақ АССР аумағы 194109 кв. және шығыстан батысқа және оңтүстіктен солтүстікке мың км созылды. Оның батысында Каспий теңізі, Астрахань, Царицын және Самара губерниясы, солтүстігінде Башқұрт АССР, Челябині, Түмен және Омбы губерниясы, шығысында—Томск және Алтай губерниясы және Моңғол Халық Республикасы; оңтүстігінде—Түркістан АКСР және Хорезм Халық Кеңес Республикасы шекаралары болды.

1922-1924 жылдар аралығында көршілес республикалармен және облыстармен басқа да аумақтық мәселелерді реттеу шаралары қабылданды

[7, 16 б].

Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарында төменгі әкімшілік-аумақтық бірліктердің қалыптасуының қатаң белгіленген тәртібінің болмауы 1921 жылдың соңына қарай Қазақстанда мыңнан астам болыстар, 8135 ауылдық және ауылдық кеңестер болуына алып келді. Кейбір болыстар 2-3 және тіпті бір елді мекеннен тұрды. Бұл аумақ көлемінің, халық санының, әр түрлі губерниялардың, уездер мен болыстардың экономикалық қуатының айқын сәйкес келмеуіне әкелді). Кейбіреулер тым үлкен, басқалары ұсақ болды [7, 17 б] жекелеген уездер мен болыстарды ірілендіру нәтижесінде Қазақстанда әкімшілік-аумақтық бірліктердің едәуір қысқаруы болды.

Осы орайда әкімшілік-аумақтық құрылымға анықтама бере кетсек. Әкімшілік-аумақтық құрылым — мемлекеттің; аумақтық ұйымдастару жүйесі. Соның негізінде мемлекеттік билік пен басқару органдары құрылып, қызмет атқарады. ҚР-ның Әкімшілік-аумақтық құрылымын мынадай бөліктерге: астанаға, облысқа, ауданға, республикалық маңызы бар қалаға, қаладағы ауданға, ауылдық округке, ауылға, кенттік округке, кентке бөлу көзделген [7, 86 б].

Кеңес Одағы Коммунистік партиясының Орталық Комитеті 1932 жылы қаңтарда Қазақстанда облыстарды құру қажет деп таныды. ҚазОАК VIII сессиясы 1932 жылдың ақпан айында Қазақстан аумағында: Шығыс Қазақстан, Қарағанды, Оңтүстік Қазақстан, Ақтөбе, Батыс Қазақстан және Алматы облыстары құрылатынын анықтады. Қазақстанның әрбір облысы орта есеппен 17-20 әкімшілік аудандарды біріктірді және өзінің шаруашылығында даму бағытын айқындай отырып тұтас экономикалық аудан болып табылады [4, 219 с].

Қазақстан облыстарында жаңа қалалар мен кенттердің пайда болуы және ескі қалалардың дамуы жаңа әкімшілік-аумақтық бірліктердің, оның ішінде аудандардың құрылуына алып келді. Содан кейін 1932 жылы құрылған облыстарға ірілендіру жүргізілді. - [4, 220 с].

1932 ж. реформа Қазақстанда төрт буынды басқару жүйесін қалпына келтірді: орталық - облыс - аудан - ауыл кеңесі. 1932 ж. реформа ұсынған әкімшілік-аумақтық құрылым 90 жылдардың басына дейін сақталды [8, 3 с].

1. Ақтөбе облысы. Орталығы – Ақтөбе. 1936 жылы 29 шілдеде құрылған Қостанай облысының 11 ауданы [4, 221 с] құрамында болды.

2. Алматы облысы. Орталығы – Алма-Аты қаласы 21 ауданның құрамында 1932 ж. (Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитетімен 1932 жылы 10 наурызда мақұлданған) [4, 223 с].

3. Шығыс Қазақстан облысы. Орталығы – Семей. Шығыс Қазақстан облысы 1932 жылы 20 ақпанда 21 ауданның құрамында құрылды (Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитеті бекіткен, 1932 жылғы 10 наурыз) [4, 225 с].

4. Гурьев ауданы. Орталығы – Гурьев. Гурьев округі 1933 жылы 1 шілдеде Батыс Қазақстан облысының 4 ауданының құрамында құрылды [4, 227 с].

5. Батыс Қазақстан облысы. Орталығы – Орал. 1932 жылы 20 ақпанда 14 ауданда Батыс Қазақстан облысы құрылды (Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитетімен 1932 жылы 10 наурызда бекітілген) [4, 228 с].

6. Қарағанды облысы, Орталығы – Қарағанды қаласы (Петропавл қаласы). 1932 жылы 20 ақпанда 23 ауданнан тұратын Қарағанды облысы құрылды (Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитеті бекіткен, 1932 жылғы 10 наурыз). 1936 жылы 29 шілдеде одан Солтүстік Қазақстан облысы бөлініп, Қарағанды облысының орталығы Қарағанды қаласына көшірілді [4, 230 с].

7. Қарқаралы ауданы. Орталығы – Қарқаралы. 1934 жылы 4 шілдеде Орталық Қазақстан облыстарынан Қарқаралы ауданы құрылды: Баян-Ауыл, Қарқаралы, Кувская аудандары Шығыс Қазақстан облысынан: Жаңа-Арка, Қарағанды облысынан Шет, Алматы облысынан Қоңырат, Алматы облысының құрамына енді. 6 аудан. (Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитетімен 1934 жылы 20 шілдеде келісілді).

1936 жылдың 29 шілдесінде Қарқаралы ауданы таратылды, ал ауылдық кеңестер ретінде оның аудандары Қарағанды облысының құрамына кірді [4, 233 с].

8. Қостанай облысы. Орталығы – Қостанай қаласы. 1936 жылы 29 шілдеде Қостанай облысының Ақтөбе облысының 11 ауданынан құрылды және бұрынғы Қарағанды облысының Прешногород ауданы негізінде [4, 234 с].

9. Солтүстік Қазақстан облысы. Орталығы – Петропавл. 1936 жылы 29 шілдеде Солтүстік Қазақстан облысы Қарағанды облысының облыстарынан құрылды, олар 25 облыстың құрамында болды [4, 235 с].

10. Оңтүстік Қазақстан облысы. Орталығы – Шымкент қаласы. 1932 жылы 20 ақпанда 19 ауданда Оңтүстік Қазақстан облысы құрылды (Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитеті 1932 жылы 10 наурызда бекіткен) [4, 236 с].

Сөзге тиек ретінде облыс сөзіне анықтама бере кететін болсақ, облыс, область (ескі славянша облада — иелік) — жергілікті жер, өлке,

әкімш.-аумақтық бөлік. Аудандау кезінде белгілі мәні бойынша құрылған. Облыс табиғи нысандардың географиялық кеңістікте таралуы. Қазақстан аумағы қазіргі кезде 14 облысқа бөлінген [7, 437 б].

1940 жылдың қазан айында Қазақ КСР өзінің құрылғанына 20 жыл толуын атап өтті. Осы жиырма жыл ішінде оның әкімшілік бөлінісі бірнеше рет өзгертілді. Соңғы аймақаралық территориялық өзгеріс 1939 жылдың аяғында республикада 14 аймақ құрылды, ауылдық жерлерде 192 аудан болды [8, 3 с].

Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесі Президиумының 1961 жылғы 6 наурыздағы қаулысымен Қазақ КСР-нің барлық пункттері қалалық және ауылдық елді мекендерге бөлінді. Қалалық елді мекендер қалалар мен қалалық елді мекендер болды. Елді мекендерді қала және қала деп жіктеу тәртібі орнатылды, 70 қала қоныстары термині 1965 жылға дейін, қала типті елді мекендер термині 1966 жылдан 1973 жылға дейін, елді мекендер 1974 жылдан 1982 жылға дейін, 1982 жылдан бастап жұмыс істейтін ауылдар атауы пайда болды [4, 24 с].

1963 жылғы 2 қаңтардағы «Қазақ КСР Әкімшілік-аумақтық бөлінісіндегі өзгерістер туралы» Жарлыққа сәйкес облыста бұрын жұмыс істеген аудандардың орнына ірілендірілген ауылдық аудандар құрылды. Бірақ бұл ірі ауылдық аудандарға бөлу тиімсіз болып шықты, өйткені олардың үлкендігі халыққа ыңғайсыздық тудырды [4, 25 с], ал аудандық буындағы басқару аппаратының кадрлары басқа қызмет салалары бойынша шашыраңқы болып шықты. Анықталған кемшіліктер жаңа аудандық бөліністің тұрақсыздығын анықтады. 1963 жылдың өзінде аудандар желісін түзету жұмыстары басталды. 18 аудан қалпына келтірілді [4, 26 с].

1959 жылы Талдықорған ал, 1960 ж. Ақмола облысы таратылды, 1961 ж. Ақмола облысы Целиноград деген атпен қалпына келтірілді.

1962 ж. Батыс Қазақстан облысы Орал ал, Оңтүстік Қазақстан - Шымкент деп аталынып 3 өлкеге бөлінді:

– Батыс Қазақстан (Ақтөбе, Гурьев, Орал облысы).

– Целинный (Көкшетау, Қостанай, Павлодар, Солтүстік Қазақстан, Целиноград облыстары).

– Оңтүстік Қазақстан (Жамбыл, Қызылорда, Шымкент облыстары) бұл өлкелер 1964 жылы таратылады.

1967 ж Талды-Қорған аймағы қалпына келтірілді, 1970 ж Торғай облысы құрылды.

1973 ж. Жезқазған және Маңғышлақ облыстары құрылды, 1988 ж. Маңғышлақ және Торғай облыстары таратылды.

1990 жылы Торғай және Маңғыстау (бұрынғы Маңғышлақ) облыстары қалпына келтірілді [9].

Қазақстан Республикасының 1993 жылы 8 желтоқсанда № 2572-ХІІ «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Заңы қабылданды.

Заңға сәйкес Қазақстан Республикасы әкімшілік-аумақтық құрылысының жүйесіне мынадай әкімшілік-аумақтық бірліктер кіреді: ауыл, кент, ауылдық округ, қаладағы аудан, қала, аудан, облыс.

Қазақстан Республикасы аумағының республикалық және жергілікті мүдделерін қолайлы ұштастыру негізінде мемлекеттік басқаруды жүзеге асыру негізгі екі категорияға – аймақтарға және елді мекендерге бөлінеді.

Аймақ – республиканың бірнеше елді мекендері енгізілетін, оның мүддесі үшін құрылатын және басқарылатын республика аумағының бір бөлігі.

Республикалық әкімшілік-аумақтық құрылыстың негізгі буындары ретінде облыс, аудан және ауылдық округ аймақтар болып табылады [10].

Қазақстан Республикасының 14 облыс және 3 маңызды қаладан тұратынын жоғарыда атап өтілді, енді сол аймақтардың дамуына қысқаша шолу жасайтын болсақ.

Алматы облысы 1932 жылы 10 наурызда құрылды. 1944 жылы 16 наурызда облыстан Талдықорған облысы бөлініп шықты. Талдықорған облысы 1959-1967 жылдары Алматы облысы құрамында болып, 1967 жылы 23 желтоқсанда қайтабөлінді [11, 29 б].

«Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысын оңтайландыру жөніндегі шаралар туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 1997 жылғы 22 сәуірдегі Жарлығымен «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 9-бабына сәйкес таратылатын Талдықорған облысының аумағы өшіріліп, Алматы облысының шекаралары өзгертілді. Облыс орталығы Алматы қаласы болды [4, 29 с].

«Алматы, Шығыс Қазақстан, Қарағанды және Солтүстік Қазақстан облыстарының әкімшілік-аумақтық құрылысындағы өзгерістер туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 1997 жылғы 23 мамырдағы Жарлығымен «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Қазақстан Республикасының 1993 жылғы 8 желтоқсандағы Заңының 9-бабына сәйкес Гвардия, Капал, Кеген, Күрті, Үйгентас, Шелек аудандары таратылды 2001 ж. 14 сәуірдегі ҚР Президентінің Жарлығымен Алматы облысының орталығы Талдықорған қаласына көшірілді [12, 16 б].

Ақмола облысы солтүстігінде Солтүстік Қазақстан, шығысында Павлодар, оңтүстігінде Қарағанды, батысында Қостанай облыстарымен шектеседі. 1961-1992 жылдары Целиноград облысы болып аталды. Әкімшілік жағынан 17 аудандық, 2 қалалық, 8 қала, 5 кент, 244 ауылдық әкімшілік округтерге бөлінген.

1961 жылы 20 наурызда Ақмола қаласы Целиноград деп өзгертілді. 1961 жылы 24 сәуірде Целиноград облысы Целиноград ауданында 14 ауданнан құрылды. 1992 жылы Целиноград Ақмола деп өзгертілді (1998 жылдан бастап Астана қаласы).

1999 жылдың 10 сәуірінде Көкшетау, Щучинск және Степняк қалалары бар Солтүстік Қазақстан облысының үш маңызды ауданы (Зеренді, Щучье, Еңбекшілдер) Ақмола облысының құрамына берілді. Сонымен бірге Ақмола облысының әкімшілік Көкшетау қаласына ауыстырылды. Облыс құрамында 17 әкімшілік аудан, 10 қала, 14 пос, 244 ауылдық округ әкімшілігіне құрылады [13, 7 с].

Батыс Қазақстан облысы республиканың солтүстік-батыс бөлігінде, Шығыс Еуропа жазығында оңтүстік-шығысында орналасқан. Облыс солтүстігінде Ресей Федерациясының Астрахан, Волгоград, Саратов және Орынбор облыстарымен шектеседі. Орталығы — Орал қаласы. Облыс құрамына 12 әкімшілік-аумақтық бөлініс – Ақжайық, Бөкей ордасы, Бөрлі, Жанақала, Жәнібек, Зеленов, Казталов, Қаратөбе, Сырым, Тасқала, Теректі, Шыңғырлау аудандары кіреді. Орал мен Ақсай — облыстық бағыныстағы қалалар. Деркүл, Зачаганск, Крутлозерное және Бөрлі — қала типтес кенттер [14, 11 б].

1968 ж. мамыр айында Батыс Қазақстан өлкесі құрылып, оның құрамына Орал облысы да енді.

1992 ж. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесі Президиумының «Орал, Целиноград, Шымкент облыстарының және Целиноград қаласының тарихи атауларын қалпына келтіру туралы» қаулысына сәйкес Орал облысы қайтадан «Батыс Қазақстан облысы» атала бастады. Осы жылдың 16 шілдесінде Камен ауданы меп Каменка селосы «Тасқала» аталды. Сондай-ақ Жымпиты – Сырым ауданы (24.9.92), Фурманов ауданы мен кенті Жалпақтал (1993) болып өзгертілді. 1997 ж. 1 маусымда облыстың әкімшілік-территориялық бөлінісін қолайландыру нәтижесінде бірқатар аудандардың шекаралары мен атаулары өзгерді. Бұрынғы Чапаев ауданына Тайпақ ауданының территориясы қосылып, Ақжайық деп аталды. Ал бұрынғы Чапаев ауданының жартысынан астам аумағы Теректі ауданына берілді. Бұрынғы Приурал ауданы — Зеленов ауданына, бұрынғы Фурманов ауданы Казталов ауданына қосылды. 2000 ж. 10 на-

урызда ҚР Президентінің жарлығымен Орда ауданы «Бөкей ордасы ауданы» деп аталатын болды[14,13 б].

Ақтөбе облысы – Қазақстан Республикасының солтүстік-батысында орналасқан әкімшілік-аумақтық бөлік. Аумағы бойынша Қарағанды облысынан кейінгі екінші орында. Солтүстігінде Орынбор облысымен (Ресей), оңтүстігінде Қарақалпақ Республикасымен (Өзбекстан), солтүстік-шығысында Қостанай, оңтүстік-шығысында Қарағанды және Қызылорда, батысында Атырау, солтүстік-батысында Батыс Қазақстан облыстарымен шектеседі. 1932 жылы 10 наурызда құрылған. Облыс 12 әкімшілік ауданнан, 8 қаладан, 4 кенттен, 142 ауылдық округтан құралады [11, 20 б].

1991 жылғы желтоқсаннан бастап Тәуелсіз Қазақстан Республикасының құрылуына байланысты жергілікті басқару органдары мен мемлекеттік басқару жүйесінде айтарлықтай өзгерістер болды.

1991 жылғы 15 ақпандағы «Қазақ ССР-нің өзін-өзі басқару және халық депутаттарының жергілікті кеңестерінің орны туралы» Заңға сәйкес, халық депутаттарының ауыл, ауылдық (селолық) кеңестерінің атқарушы комитеттері өз қызметін тоқтатты. Толық билік Кеңес төрағаларына берілді.

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің 1992 жылғы 13 қаңтардағы № 1118-ХІІ қаулысына сәйкес 1992 жылдың 1 ақпанынан бастап тиісті халық депутаттары кеңестерінің атқарушы органдарының өкілеттіктері тоқтатылды.

1993 жылғы 10 желтоқсандағы Қазақстан Республикасының Заңы бұрын қабылданған «Жергілікті өзін-өзі басқару және халық депутаттарының жергілікті кеңестері туралы» заңдардың күшін жойды. Дәл сол күні республикадағы жергілікті өзін-өзі басқару жүйесін, өкілді және атқарушы органдардың құзыретін айқындайтын «Жергілікті өкілді және атқарушы органдар туралы» Қазақстан Республикасының Заңы қабылданды [15, 15 с].

1995 жылғы Қазақстан Республикасының Конституциясы бойынша жергілікті атқарушы органды тиісті әкімшілік-аумақтық бірлікті әкімі басқарады[15,16с]

Атырау облысы – Қазақстан Республикасының батысындағы әкімшілік-аумақтық бөлік. Солтүстігінде Батыс Қазақстан облысымен, шығысында Ақтөбе облысымен, оңтүстік-шығысында Маңғыстау облысымен және батысында Ресейдің Астрахан облысымен шектеседі. Сондай-ақ оңтүстік шекарасы Каспий теңізіне келіп тіреледі. Әкімшілік жағынан 7 аудандық, 2 қалалық, 6 кент, 65 ауылдық округтерге бөлінген

[11, 43 б].

Облыс алғаш 1973 жылдың 20 наурызында құрылды. Алғашында «Маңғышлақ» деп аталған дербес құрылым 1988 ж. маусым айында таратылып. 1990 жылдың 17 тамызында тарихи «Маңғыстау» деген атымен қайтадан жеке облыс болып құрылды [16, 5 б].

Ресей, кейін Кеңестер Одағының құрамында уез, округ, облыс болған бұл өңір 1991 жылдың 30 тамызынан бастап егеменді Қазақстан Республикасының Атырау облысы (Қаз. КСР ЖС алқасы 21.01.1992 ж) атанып отыр [17, 7 б].

Облыстың әкімшілік жағынан (2007) екі қалалық мәслихатқа және бес әкімшілік ауданға бөлінеді. Олар: Бейнеу, Қаракия, Маңғыстау, Тұпқараған, Мұнайлы аудандары және Ақтау, Жанаөзен қалалары [15, 6 б].

1936 жылы Қарағанды облысын құраған қалған аудандар басқа облыстарға қосылды. [18, 14 б].

БОАК Төралқасының 1936 ж. 29 шілдедегі қаулысымен Қарағанды облысы екіге: Қарағанды және Солтүстік Қазақстан облыстарына бөлінді [18, 16 б].

Әкімшілік-аумақтық құрлысты оңтайландыруға байланысты ҚР Президентінің 1997 жылғы мамырдағы жарлығымен ҚР «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысындағы өзгерістер туралы» Заңының 9 бабына сәйкес құрамына таратылған Жезқазған облысының аумағының қосылуының нәтижесінде Қарағанды облысының шекарасы өзгертілді. Облыс орталығы Қарағанды қаласында қалды [18, 19 б].

Қостанай облысы 188,9 мың ш. к. аумағын алып жатыр. 1939 жылы облыс құрамына 231 ауылдық және кенттік кеңестері бар 17 аудан кіреді. Республикадағы ірі өнеркәсіптің жалпы өнімі бойынша облыстың үлес салмағы 2,4% құрайды [4, 16 с].

Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесі Президиумының Жарлығымен 1963 жылғы 10 қаңтардағы КСРО қалалары-Қостанай, Жетығара, Рудный өлкелік бағынышты қалаларға жатқызылды [19, 15 с].

Торғай облысы Қостанай облысының құрамынан екі рет бөлініп, оған екі рет қайта қосылды: Бірінші рет 1970 жылы, алғаш рет облыс құрылғанда, екінші рет 1990 жылы Торғай облысы бұрынғы шекараларда қалпына келтірілгенде.

Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесі Президиумының 1990 жылғы 17 тамыздағы Жарлығымен Амангелді, Амантоғай, Арқалық, Жангелді, Ок-

тябрь аудандары, Арқалық қаласы Торғай облысына берілді [19, 15 с].

Қостанай облыстық мәслихаты-депутаттар жиналысының 1994 жылғы 15 шілдедегі қаулысымен бұрынғы ауылдық кеңестердің шекарасында бірнеше елді мекенді қамтитын 176 ауылдық округ құрылды, әкімшіліктері басқа елді мекендердің әкімшілік бағынысында болмаған ауылдардың тізбесі бекітілді. Осы қаулымен бұрынғы кеңестердің әкімшілік орталықтары Аманқарағай, Боровской, Горняцк, Затобольск, Қашар, Комсомолец, Пригородный, Тобыл, Троебратский, Урицкий, Федоровка кенттерінің санатына жатқызылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің 1997 жылғы 17 маусымдағы Жарлығымен облыс атауында - Қостанай және облыстың әкімшілік орталығы - Қостанай қаласы транскрипциясы өзгертілді; аудан атауында - Қостанай облысы [19, 18 с].

«Қазақстан Республикасының әкімшілік – аумақтық құрылысын оңтайландыру жөніндегі шаралар туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 1997 жылғы 22 сәуірдегі Жарлығымен Арқалық қаласы, Арқалық, Амантоғай, Амангелді, Жангелдин, Октябрь аудандары таратылған Торғай облысынан Қостанай облысына берілді [19, 19 с].

Павлодар облысы – Қазақстан Республикасының солтүстік шығысындағы әкімшілік-аумақтық бөлік. Ертіс өзенінің орталық алабында орналасқан. 1938 жылдың 15 қаңтарында құрылған. Облыста 10 аудан, 3 қала, 7 кент, 165 ауылдық округ, 494 ауылдықының Шығыс Қазақстан және Қарағанды облыстарымен, батыста - Ақмола және Солтүстік Қазақстан облыстарымен шектесіп жатыр [11, 79 б].

1930 жылы құрылған «Солтүстік Қазақстан облысы» осы уақытқа дейін Қазақстанның солтүстік өңірі аумағында, жалпы республикалар әкімшілік-аумақтық қайта құрулардан өткен [20, 5 с].

Облыста 13 әкімшілік ауданы бар (Айыртау, Ақжар, Аққайың, Ғабит Мүсірепов, Есіл, Жамбыл, Қызылжар, Мағжан Жұмабаев, Мамлют, Тайынша, Тимирязев, Уәлиханов, Шалақын), 5 қала (Петропавл, Булаево, Мамлютка, Тайынша, Сергеевка), ауыл (село) [13, 764 с]. Облыс орталығы-Петропавл қаласы.

ҚР Президентінің 1997 жылғы 3 мамырдағы Жарлығымен Көкшетау облысы таратылды, оның аумағы СҚО-ға кірді. 1999 ж. 8 сәуірде ҚР Президентінің Жарлығымен СҚО Еңбекшілдер, Зеренді, Щучье аудандары мен Көкшетау қаласы Ақмола облысына берілді [13, 725 с].

Қазақстан Республикасының әкімш-аумақтық құрылымын жетілдіру мақсатында ҚР Президентінің 1997 ж. 3 мамырындағы Жарлығымен

Солтүстік Қазақстан облысына таратылған Көкшетау облысы кірді. ҚР Президентінің 8 сәуірдегі Жарлығымен Солтүстік Қазақстан облысынан Еңбекшілдер, Зеренді, Щучье аудандары мен Көкшетау қаласы Ақмола облысына беріп, ол облыс орталығына айналды.

2003 ж. басында облыста 13 ауылдық әкімшілік аудан, бес қала, 2 кент, 203 ауылдық округ, 759 ауылдық елді мекен болды [21, 18].

Шығыс Қазақстан облысы-Қазақстан Республикасының шығысындағы әкімшілік – аумақтық бірлік. Солтүстігінде РФ Алтай өлкесімен, оңтүстік-батысында –Алматы облысымен, оңтүстік-шығысында ҚХР-мен шектеседі. Облыста 10 қала, 15 аудан, 27 кент, 229 ауылдық округ, 846 ауыл бар. Облыс орталығы-Өскемен қаласы. Басқа қалалар: Семей, Зырян, Курчатов, Риддер, Аягөз, Шар (Шар), Зайсан, Сербрянск, Шемонаиха.

Шығыс Қазақстан облысы 1932 жылы 10 наурызда құрылды. Оған 5 округ, Аягөз, Көкпекті, Қапал және Алатау округтары кірді. 1939 жылы Семей облыстық аумақтық бірлігімен, ал 1997 жылы сәуір айында Шығыс Қазақстан облысымен біріктірілді [13, 276 с].

1997 ж. құрамына Семей облысы енді. Облыс құрамында 15 әкімшілік аудан, 10 қала, 24 кент, 244 ауылдық округ бар. Облыс Қазақстан Республикасының Павлодар, Қарағанды, Алматы облыстарымен, Ресей Федерациясының Алтай өлкесі және Алтай Республикасымен, Қытай Халық Республикасымен шектеседі [11, 107 б].

Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесі Президиумының 1939 жылғы 14 қазандағы Жарлығымен Семей облысы құрылды. Шығыс Қазақстан облысының орталығы Өскемен қаласына ауыстырылды [22, 11 с].

Қазақстан Республикасы Президентінің 2002 жылғы 29 маусымдағы Жарлығымен Лениногор қаласы Риддер қаласы болып өзгертілді [22, 12 с].

Оңтүстік Қазақстан облысы-Қазақстан Республикасының оңтүстігіндегі әкімшілік – аумақтық бірлік. Орталығы-Шымкент қаласы. Солтүстігінде облыс Қарағанды, шығысында Жамбыл, батысында оңтүстік – Өзбекстан Республикасымен шектеседі. Облыс құрамында 11 әкімшілік аудан, 4 қалалық әкімшілік округ, 7 қала (Шымкенттен басқа), 13 қала үлгісіндегі кент, 171 ауылдық округ, 932 ауыл бар [23, 5 б].

Оңтүстік Қазақстаннан бірінші болып Қызылорда облысы, ал 1939 жылы Жамбыл облысы бөлінді. 1962 жылы Оңтүстік өңір құрылды, оның орталығы Шымкент қаласы болды. Аймақ құрамына Жамбыл және Қызылорда облыстары енді. 1964 жылы ҚР Кеңесі өлкесінің таратылуына байланысты 1992 жылғы 6 шілдеде облыстың бұрынғы атауы-Оңтүстік

Қазақстан қалпына келтірілді. Қалалары: Шымкент, Арыс, Жетісай, Кентау, Ленгір, Сарыағаш, Түркістан, Шардара [13, 772 с].

«Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Заңның 3-бабының 1-тармағына сәйкес, менімен бүгін қол қойылған Жарлық Шымкент үшін республикалық маңызы бар қала мәртебесін қамтамасыз етеді. Бұл әкімшілік бірлік еліміздің он жетінші аймағы болады. Түркістан қаласы ғасырлар бойы Қазақ хандығының және бүкіл түркі әлемінің саяси және рухани өмірінің орталығы болған облыс орталығына айналады, деді Қазақстан Президенті [24].

Жамбыл облысы — Қазақстан Республикасының оңтүстігіндегі әкімшілік-аумақтық бөлік. Шу-Іле таулары мен Балқаштың батыс жағалауы, Қаратау жотасы, Қырғыз Алатауы мен Бетпақдала аралығында орналасқан. Облыс — оңтүстігінде Қырғыз Республикасымен, батысында Оңтүстік Қазақстан, шығысында — Алматы облысымен, солтүстігінде Қарағанды облысымен шектеседі.

1927 ж. әкімшілік- аумақтық аудандастыруға сәйкес уезд негізінде 6 аудан құрылды: Жамбыл, Луговой, Меркі, Сарысу, Талас, Свердлов. Олар Оңтүстік Қазақстан облысының құрамына кірді. Жамбыл облысының орталығы — Тараз (1997 ж. дейін Жамбыл) қаласы. Өлкенің өндіргіш күштерін шапшаң дамыту [25, 5 б] және оны әлеуметтік-мәдени тұрғыдан түлету жөніндегі күрделі проблемаларды шешу мақсатында 1939 ж. 14 қазанда осы аймақта өз алдына Жамбыл облысы құрылды. Оның құрамына аталған 6 ауданнан басқа Алматы облысынан Қордай, Красногор, Шу, ал 1951 ж. Оңтүстік Қазақстан облысынан Жуалы ауданы берілді. Облыста барлығы 10 аудан, 4 қала, 133 кенттік және ауылдық округтер бар [25, 6 б].

1939 жылы 14 қазанда осы аймақта Жамбыл облысы құрылды, оған Алматы облысынан бөлінген Қордай, Красногор, Шу ауданы кірді. Оңтүстік Қазақстан облысынан бөлінген Жамбыл, Луговой, Меркі, Сарысу, Талас, Свердлов ауданы: ал 1951 жылы Жуалы ауданы Оңтүстік Қазақстан облысынан берілді [13, 354 с].

Қызылорда облысының орталығы 1938 жылдан бері қазіргі уақытқа дейін Қызылорда қаласы. Облыстың құрамына Арал, Жалағаш, Жанақорған, Қазалы, Қармақшы, Сырдария (таратылды), Теренөзек (қазіргі Сырдария), Шиелі аудандары және Қызылорда қаласы кіреді.

1925-1927 жж. Қызылорда қаласы Қазақ АССР-інің астанасы болды [26, 4 б].

1936 жылы шілдеде Қарсақпай ауданы Қарағанды облысына берілді.

1938 жылы 8 ақпанда Сырдария және Теренөзек аудандары

құрылды, Сырдария ауданының орталығы Қызылорда қаласы, Теренөзек ауданының орталығы Теренөзек қыстағы болды.

1962 жылы құрылған Оңтүстік Қазақстан аймағына Жамбыл, Қызылорда, Шымкент облыстары қарады. Қазақстан Республикасы Президентінің 1997 жылғы 10 қыркүйектегі Жарлығымен Теренөзек ауданы Сырдария болып өзгертілді [26, 7 б].

Түркістан облысы - еліміздің оңтүстігінде орналасқан киелі мекен. Әкімшілік-аумақтық бөлік ретінде 1932 жылы 10 наурызда құрылған. 1962 - 1992 жылдар аралығында Шымкент облысы, ал 1992 - 2018 жылдар аралығында Оңтүстік Қазақстан облысы деп аталды. Облыс орталығының ғасырлар бойы Қазақ хандығының және бүкіл түркі әлемінің саяси әрі рухани орталығы болған Түркістан қаласына көшірілуі Түркістан қаласының түркі әлемінің мәдени-рухани орталығы ретінде кең құлашпен дамуына септігін тигізбек. Солтүстігінде Қарағанды, шығысында Жамбыл, батысында Қызылорда облыстарымен, оңтүстігінде Өзбекстан Республикасымен шектескен Түркістан қаласы ел арасында екінші Мекке атанған. Облыс құрамында 11 әкімшілік аудан, 4 қалалық әкімдік, 7 қала (Шымкенттен басқа), 13 кент, 171 ауылдық округ, 932 ауыл бар [11, 89 б].

2018 жылғы 19 маусымда Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлығымен Оңтүстік Қазақстан облысы Түркістан деп өзгертілді, ал оның әкімшілік орталығы Шымкенттен Түркістанға ауыстырылды; Шымкент республикалық маңызы бар қала (облысқа тең жеке әкімшілік-аумақтық бірлік) мәртебесін алып Оңтүстік Қазақстан облысынан шығарылды [27].

Республика егемендігінің қалыптасу процесін 1990 жылғы 25 қазанда республиканың Жоғарғы Кеңесі қабылдаған «Қазақ КСР-інің Мемлекеттік Егемендігі туралы Декларация» заңды түрде ресімдеді. Дербестік жолында тұрып, Қазақстан құқықтық мемлекетке тәуелсіз қозғалысты бастады.

1991 жылғы 16 желтоқсанда Қазақстан Республикасын тәуелсіз, демократиялық және құқықтық мемлекет деп жариялаған «Қазақстан Республикасының мемлекеттік тәуелсіздігі туралы» Конституциялық заң қабылданды.

Қазақстан Республикасының 1992 жылғы 13 қаңтардағы Заңына сәйкес «Қазақстан Республикасындағы жергілікті мемлекеттік басқару және өзін-өзі басқару туралы», «Қазақстан Республикасының 1992 жылғы 13 қаңтардағы Заңына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы», «Қазақстан Республикасындағы жергілікті өзін-өзі басқару және Қазақстан Республикасы Халық депутаттарының жергілікті кеңестері

туралы», «Қазақстан Республикасының 1992 жылғы 13 қаңтардағы Заңына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы», «Қазақстан Республикасының Заңын күшіне енгізу тәртібі туралы», Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің Қаулысы, Қазақстанда халық депутаттары облыстық және аудандық кеңестерінің атқарушы комитеттерінің өкілеттігі тоқтатылды. Облыс, аудан, қала аумағында атқарушы және басқарушы орган жергілікті әкімшілік басшысы болды [4, 28 с].

1993 жылғы 9 желтоқсанда «Қазақстан Республикасының Халық депутаттары жергілікті Кеңестерінің өкілеттігін мерзімінен бұрын тоқтату туралы» Қазақстан Республикасының Заңы қабылданды, онда халық депутаттары басқа да жергілікті кеңестерінің өкілеттігі мерзімінен бұрын тоқтатылды.

Қазақстан Республикасының 1993 жылғы 10 желтоқсандағы «Қазақстан Республикасының жергілікті өкілді және атқарушы органдары туралы» Заңына сәйкес облыс, аудан, қала аумағындағы өкілді орган Мәслихат-Депутаттар жиналысы болды. Алматы және Талдықорған облыстарында жергілікті өкілетті органдарға сайлау 1994 жылғы наурызда өткізілді.

1995 жылғы 30 тамызда қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясына сәйкес мемлекеттік биліктің атқарушы органдары әкімдіктер болды.

Қазақстан Республикасы Президентінің 1995 жылғы 19 желтоқсандағы Жарлығымен «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысы туралы» Қазақстан Республикасының Заңына өзгерістер мен толықтырулар енгізілді [4, 32 с].

Қорыта келе Қазақстан Республикасы тәуелсіздікке қолы жеткен жылдардан бастап қазіргі кезге дейінгі аралықта бірнеше рет аймақтық-әкімшілік бөліністерге душар болды. Мақала желісінде көріп отырғанымыздай облыстарының әкімшілік-аймақтық бөліну үрдісі республиканың солтүстік, оңтүстік, батыс, шығыс, орталық өңірлерін бірнеше рет ауыс күйістен өтіп, өзгертілді.

Мемлекет басшысы Жарлықтың көпшілікке қол қою рәсімінде сөйлеген сөзінде миллионнан астам халқы бар Шымкент, Астана мен Алматы қалаларымен бірге қазақстандық қалалардың қатарында екенін атап өтті.

ӘДЕБИЕТ:

1. Қазақстан. Книга-альбом / Сост. А.С. Гурский. – Астана. 2011: Фолиант. - 280 с.
2. Қазақстан Республикасы. Энциклопедиялық анықтамалық. /Бас редактор Ә.Нысанбаев. - Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2001. - 576 б
3. Атамекен [Мәтін]: географиялық энциклопедия. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011. - 648 б.
4. Алматы. Справочник по истории административно-территориального деления Алматинская область (10 марта 1932 г.-1 января 2000 г.) /Отв.ред. С.И. Боранбаева. - Алматы: Управление государственного архива аппарата Акима Ааматинской области, 2002.-485 с.
5. Административное деление Казахстана: История // -http://myanma.takustroenmir.ru/a_myanma&administrativnoe-delenie-kazahstana&1.htm
6. Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық. 4-т Алматы: «Атамұра», 2010.- 752 б.
7. Қазақстан [Мәтін]: ықшам энциклопедиялық сөздік. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005. - 560 б.
8. Районы Казахской ССР. Управление народно-хозяйственного учета Казахской ССР. -Алма-Ата. 1941. -308 с.
9. http://myanma.takustroenmir.ru/a_myanma&administrativnoe-delenie-kazahstana&1.htm
10. http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z930004200_
11. «Атамекен». Ақпараттық-танымдық жинақ. /С.Итеғұлова. Алматы: «Palitra Press», 2018. -144 б.
12. Жетісу энциклопедия [Мәтін]. - Алматы: Арыс, 2004. - 709 б.
13. Топонимика Казахстана [Текст]: энциклопедический справочник. - Алматы: Аруна, 2010. - 815 с.
14. Батыс Қазақстан облысы. Энциклопедия. - Алматы: «Арыс» баспасы, 2002. -592 б.
15. Государственный архив Актюбинской области и его филиалы. Путеводитель (1921-2000 гг.). /Отв.ред. К.У.Мирманова.-Алматы:Управление архивов и документации Актюбинской области. II часть. –Актобе. 2005. – 178 с.
16. Маңғыстау энциклопедиясы [Мәтін]. /бас ред. Б.Ф.Аяған; ред. алқасы:Қ.Е.Көшербаев ж.б. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2008. – 630 б.
17. Атырау (бұрынғы Гурьев) облысының әкімшілік-аймақтық бөліну тарихы туралы анықтамалық (1920-2000 жж.). Алматы: Асем-систем, 2003. 144 б.
18. Қарағанды. Қарағанды облысының әкімшілік-аумақтық құрылысының тарихы бойынша (1936 ж.29 шілде-2006 ж. 1 қаңтар) анықтамалық. /Жауапты редакторы Ә.А.Амантаев. - Қарағанды: Қарағанды облысының мұрағаттар бөлімі.2006.
19. Справочник Административно-территориального деления Костанайской области (29 июля 1936 г.- 1 января 2001 г.).Издание первое. -Костанай. 2004. - 693 с.
20. Справочник по истории административно-территориального деления Северо-

- Казахстанской области (29 июля 1936 г. - 1 января 2007 г.). – Петропавловск. 2007. -361с.
21. Солтүстік Қазақстан облысы [Мәтін]: энциклопедия. – Алматы: Арыс, 2006. - 704 б.
22. Справочник по истории административно-территориального деления Восточного Казахстана (1920-2002 гг.). - Усть-Каменогорск. 2005. -590 с.
23. Оңтүстік Қазақстан облысы: Энциклопедия. /Бас редактор Б.Ф.Аяған. - Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2005. - 560 б.
24. «Қазақстан Республикасының әкімшілік-аумақтық құрылысының кейбір мәселелері туралы» Жарлыққа жария қол қою// http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/publicnoe-podpisanie-ukaza-o-nekotoryh-voprosah-administrativno-territorialnogo-ustroistva-respubliki-kazahstan
25. Тараз. Жамбыл облысы [Мәтін]: энциклопедия. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2003. - 576 б.
26. Қызылорда облысының әкімшілік-аумақтық бөліну Анықтамалығы 1938-2000 жж. I бөлім. Қызылорда облысының мұрағаттар мен құжаттама басқармасы Қызылорда облысының мемлекеттік мұрағаты. - Астана. 2008. – 248 б.
27. Туркестанская область // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Өмірзақ Т.Е., Алексеенко А.Н., Тойбаев А.Ж.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА КАЗАХСТАНА: ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ

(Статья подготовлена в рамках реализации проекта №315/2020 «Оценка уровня демографической безопасности РК», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант AP08856205)

Казахстан – стратегически важный регион в евразийском пространстве. Имеет огромную территорию при низкой плотности населения и территориально граничит с такими «демографическими тяжеловесами» как Россия, Китай, Узбекистан. В этой связи важным направлением обеспечения национальной безопасности Казахстана является демографическая безопасность, которая характеризуется как устойчивость государства к внутренним и внешним демографическим рискам и угрозам.

Этнодемографические эволюции, происходившие в Республике Казахстан в 1990-е годы, явились следствием сложных и противоречивых процессов переходного периода. На фоне политических, социальных,

экономических, культурологических потрясений разрушается советская «европеизированная» демографическая система, закладывается фундамент суверенной системы, основанный на социокультурных, социально-экономических предпочтениях казахского этноса. Эти явления негативно сказались на демографических процессах, численность населения Казахстана начинает сокращаться.

В конце XX в. в Казахстане происходила грандиозная ломка не только социально-экономических и политических, но и этнодемографических парадигм, складывавшихся десятилетиями. В советский период истории о Казахстане сложилось довольно устойчивое представление как о регионе с индустриально-аграрной экономикой, европеизированным населением. Республика воспринималась почти как союзное европеизированное пространство. Распад СССР и построение суверенитета, сопровождаемое всеобъемлющим кризисом, привели к тому, что созданная в Казахстане этнодемографическая система, отражавшая советскую социально-экономическую суть, начала быстро разрушаться. Резкое снижение рождаемости, рост смертности, эмиграция привели к абсолютному сокращению численности населения. Итогом глобальных перемен стало то, что к началу XXI века в Республике Казахстан сложилась иная, чем в недавнем прошлом, этнодемографическая ситуация. Большинство населения республики теперь являлись казахи. Именно на этой этнической основе и предстояло выстраивать суверенную демографическую и социально-экономическую систему.

В межпереписной период (1999-2009 гг.) произошло становление демографической системы Республики Казахстан, когда казахский этнос выступил в качестве основного демографического потенциала страны.

В процессе исследования было установлено, что в начале XXI века стали проявляться позитивные изменения, вызванные стабилизацией этнополитической, социально-экономической ситуации, что в первую очередь сказалось на существенном сокращении эмиграционного потока. Помимо этого, благодаря положительному воздействию возрастно-половой структуры значительно увеличились показатели рождаемости, как и естественного прироста в целом. Снижение интенсивности эмиграции и увеличение иммиграции впервые за многие годы привели к положительному сальдо внешней миграции. В результате совместного действия демографических и миграционных явлений произошел рост населения. При этом динамика процесса была велика: так, среднегодовые темпы роста в 2005-2009 гг. были почти в 10 раз выше, чем в 1999-2005 гг.

Во многом это объясняется эволюциями этнического состава населения Казахстана. Доминирующие позиции в этнодемографической структуре занимают казахи, удельный вес этноса в составе населения увеличился в 2009 г. до 63,1%. Высокая динамика роста числа казахов стала определяющим фактором увеличения численности населения республики в 1999-2009 гг.

В то же время, существенно замедлились темпы сокращения других этносов Казахстана, в первую очередь русских. В результате, в 2009 г. почти восстановилась численность населения Казахстана на уровне 1989 г., но при этом его этнический состав кардинально изменился. Определяющим демографическую ситуацию большинством в первое десятилетие XXI в. стали казахи. Европейская этническая группа за тот же период уменьшилась почти в два раза, ее удельный вес в составе населения существенно снизился.

Таким образом, демографическое влияние европейских этнических групп, более века воздействовавших на динамику численности населения Казахстана, к 2009 г. стало минимальным. С этого момента демографическое поведение казахов в решающей степени определяет демографические тенденции в стране.

Большое влияние на изменение вектора развития народонаселения оказали миграции. В межпереписное десятилетие (1999-2009 гг.) миграционная ситуация в стране существенно изменилась, что определялось, в первую очередь, резким спадом эмиграции – в 3.1 раза в сравнении с периодом 1989-1999 г. В результате, отрицательное сальдо миграции сократилось в 6,2 раза, несмотря на некоторое уменьшение числа прибывших в республику. Более того, из миграционного донора Казахстан превратился в реципиента: в 2004-2009 гг. число прибывших превысило число выбывших на 78,5 тыс. человек.

Основное влияние на миграционные процессы в Казахстане на протяжении предыдущей истории всегда оказывали русские. Формировавшаяся десятилетиями (с конца XIX века до конца 1960-х гг.) русская иммиграционная ниша постепенно превращалась в эмиграционную, стремительно теряя свой потенциал в 1990-е гг. Но, уже в начале 2000-х гг., в миграционном поведении русских произошли серьезные изменения. Если в 1994 г. из Казахстана выехало 283,1 тысяч русских, то через 10 лет, в 2004 г. – 39,1 тысяч или в 7,2 раза меньше. Отрицательное сальдо миграции сократилось в 9,4 раза (с 251,9 тысяч в 1994 г. до 26,7 тысяч в 2004 г.).

По нашему мнению, этнополитические причины миграции, игра-

шие важную роль в конце XX в., в первом десятилетии XXI в. в значительной мере исчерпали свой потенциал. Миграционные процессы развиваются в основном под влиянием экономического фактора. Экономическая, политическая стабилизация в Республике Казахстан существенно сократила внешний миграционный оборот. На эволюции иммиграции в 2000-е годы наибольшее влияние оказывают потоки этнических репатриантов из Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Кыргызстана.

Все более наглядно казахи влияют и на возрастную структуру населения Казахстана (Таблица 1).

Таблица 1 - Представительство казахов и русских в возрастных группах населения Казахстана по данным переписи населения 2009 г. (%)
[1; С.36-38]

Возраст	Все население	В том числе		
		казахи	русские	другие этносы
всего	100	63.1	23.7	13.2
0-9	100	72.0	15.9	12.1
10-19	100	71.6	16.6	11.8
20-29	100	65.1	22.4	12.5
30-39	100	64.5	22.9	12.6
40-49	100	62.3	23.9	13.8
50-59	100	50.8	34.4	14.8
60-69	100	45.4	38.2	16.4
70 и старше	100	34.7	46.2	19.2

Как видно из данных таблицы, казахи преобладают во всех возрастных группах, кроме самой старшей. Наиболее явно преимущество проявляется в детском и молодом возрасте, что позволяет надеяться на репродуктивную активность этноса в перспективе. Возрастная структура предполагает и дальнейшие эволюции этнического состава населения в сторону увеличения удельного веса казахского этноса. В 2009 г. у казахов была молодая возрастная структура, особенно в сравнении с русскими, о чем говорят данные переписи населения 2009 г. Однако, с течением времени многочисленные молодые поколения постепенно будут пере-

мещаться в старшие возрастные группы, в результате чего возникнут и новые вопросы этнодемографического развития.

В первую очередь речь идет о проблеме старения казахского населения. Проблемы старения всегда были характерны для европейских этносов Казахстана, что сказывалось на показателях общего коэффициента смертности. Сравнительный анализ возрастной структуры 1999 и 2009 гг. предполагает, что с течением времени это явление станет характерно и для казахов. Из таблицы 10 видно, что динамика роста населения в возрасте 40 лет и старше намного выше динамики роста в возрасте до 39 лет. А в таких возрастных группах, как 0-9 лет (в перспективе репродуктивный потенциал) и 50-59 лет (в перспективе пенсионеры и группа, влияющая на повышение показателей смертности) динамика роста отличается разительно - темпы роста 50-59-летних в 10,7 раза выше темпов 0-9-летних. Конечно, абсолютные данные не свидетельствуют о катастрофичности ситуации, численность молодых возрастных групп намного превышает численность людей старшего поколения. Тем не менее, тенденция обозначилась, и постепенно будет проявляться все более явно.

В тоже время, на возрастной структуре постепенно начинает сказываться влияние демографических последствий иммиграционной политики государства. Интенсивное прибытие в Казахстан этнических казахов, их репродуктивная активность на исторической родине в перспективе в состоянии оказать заметное влияние на изменения возрастной структуры населения.

Таким образом, политическая, социально-экономическая стабилизация, изменение вектора внешней миграции, эволюции возрастной структуры населения оказывают определяющее влияние на показатели воспроизводства населения в первое десятилетие XXI века.

Общий коэффициент рождаемости в 1999-2009 гг. увеличился на 63.3%. При этом во второй половине «нулевых» динамика роста была в два раза выше, чем в первой. Смертность снизилась на 2.7%, и вновь более активно процесс протекал во второй половине десятилетия. В итоге, естественный прирост увеличился за 10 лет в три раза. Благодаря такому стремительному росту показатели воспроизводства почти вышли на уровень 1990 г., демографический кризис конца XX в. был быстро преодолен. Естественный прирост стал главной составляющей демографического развития Казахстана. В 2008-2009 годах, например, рост численности населения на 98% происходил за счет естественного прироста [1; с. 20].

Процессы воспроизводства, вследствие численного преимущества, особенно в молодых возрастных группах, определяют казахи. Помимо

этого, у казахов гораздо лучше сохранились традиции многодетности. В 1999-2009 гг. общий коэффициент рождаемости вырос у них в 1,8 раза. В результате, естественный прирост увеличился в 2.2 раза, несмотря на некоторый подъем смертности. Демографическое развитие казахов во многом объясняется также подвижками в возрастной структуре - в начале 2000-х гг. начал реализовываться репродуктивный потенциал поколения, рожденного в 1980-е гг.

Произошло существенное улучшение показателей рождаемости и у русских, при уменьшении общего коэффициента смертности. Похожие тенденции наблюдаются и у других крупных этносов Казахстана. Таким образом, первое десятилетие XXI в. характеризуется демографическим ускорением, позволившим преодолеть последствие кризиса 1990-х гг.

Необходимо отметить, что рост рождаемости, определивший это ускорение, происходил не только вследствие удачной возрастной конъюнктуры. Существенно увеличились и возрастные коэффициенты рождаемости, причем во всех возрастных группах, кроме самой младшей (до 20 лет) (Таблица 2).

Таблица 2 – Родившиеся, умершие, естественный прирост населения по отдельным этносам в 1999 и 2009 гг. (на 1000 населения)
[3; С.153; 4; С.95-96].

	1999	2009
Рождаемость		
все население	14.6	23.8
казахи	17.8	32.1
русские	8.8	10.8
украинцы	9.6	9.3
немцы	19.3	13.3
Смертность		
все население	9.9	9.6
казахи	6.6	7.4
русские	14.2	12.0
украинцы	21.5	18.5

немцы	14.5	6.2
Продолжение таблицы 2		
Естественный прирост		
все население	4.7	14.2
казахи	11.2	24.7
русские	-5.4	-1.2
украинцы	-11.9	-9.2
немцы	4.8	7.1

Определенное влияние на процессы воспроизводства в 1999-2009 гг. оказывало и снижение общего коэффициента смертности (на 2,7%). Как было выявлено ранее, гораздо более явно положительная динамика демографического развития определилась во второй половине «нулевых» (2005-2009 гг.). Рассмотрим этот период более подробно.

В 2005-2009 гг. предпринимается ряд мер по улучшению здравоохранения в республике. Так, расходы бюджета на здравоохранение увеличились в 3,1 раза - с 56283 млн. тенге до 176799 млн. тенге. Расходы по статье «Охрана здоровья населения» в 2004-2009 годах увеличились в 15,8 раза, по статье «Охрана материнства и детства» в 6,4 раза и т.д. В целом, доля расходов на здравоохранение в ВВП Казахстана увеличилась с 2,2% в 2004 году до 2,5% в 2009 году [5].

Итак, в 2005-2009 годах в Республике Казахстан наблюдается рост общих и специальных коэффициентов рождаемости, снижение показателей смертности. В итоге процессы естественного движения населения стали ведущим компонентом увеличения его численности, внешние миграции не оказывают серьезного влияния на демографические процессы. Демографическая ситуация государства определяется эндогенными, внутренними факторами. Численность населения Казахстана в результате нового соотношения компонентов демографического развития, начала увеличиваться.

Таким образом, в 1999-2009 гг. демографические процессы в Республике Казахстан демонстрировали положительную динамику. На взгляд авторов, причиной «демографического ускорения», происходящего на фоне социально-экономической стабилизации, являются следующие факторы:

- постепенно увеличивающийся объем социальных программ по

поддержке многодетных семей, выплат социальных пособий по рождению ребенка и т.п.;

– сохраняется удачная конъюнктура возрастной структуры, в репродуктивном возрасте находится значительная группа населения;

– сокращающаяся эмиграция уже почти не определяет сути демографических процессов. В тоже время, начинает приносить демографические плоды иммиграционная политика государства. Среди этнических репатриантов в гораздо большей степени распространены традиционные репродуктивные установки, многодетные семьи;

– изменение этнического состава населения: доминирующим этносом становятся казахи. Количественные изменения этнического состава перешли в новое качество, - демографическая ситуация в государстве определяется уже представителями казахского этноса, сохраняющего более высокие репродуктивные установки.

Первое десятилетие XXI в. оказалось переломным в этнодемографической истории Казахстана. Демографические процессы, многие десятилетия развивающиеся на внешней основе, все больше детерминируются внутренними факторами. Все более уверенно складывается суверенная демографическая система, базирующаяся на социально-экономических, социокультурных предпочтениях казахского этноса.

Следующий период демографической истории Казахстана, ставший объектом нашего исследования – 2009-2019 гг. Его изучение было направлено на выявление особенностей функционирования суверенной демографической системы. Основные варианты демографического развития находятся внутри страны и сконцентрированы в культурологических, социальных особенностях казахского этноса. Впервые в новейшей истории демографическая система республики начала функционировать на суверенной основе. Исследование позволило выявить основные этапы ее формирования.

Специфика современного периода в том, что определяющее влияние на динамику численности населения страны оказывают темпы естественного прироста, многократно перекрывающие отрицательное сальдо внешней миграции.

Из данных таблицы 3 видно, что интенсивность миграционных перемещений резко снизилась. Так, например, в 2012-2019 гг. среднегодовое число эмигрантов сократилось, в сравнении с 1990-2003 гг., в 7.0 раза, иммигрантов – в 4,7 раза. В тоже время, среднегодовые показатели естественного прироста в 2012-2019 гг. были в 2.9 раза выше, чем в 1990-2003 гг. и в 1.9 раза, чем в 2004-2011 гг.

Таблица 3 - Среднегодовые показатели компонентов изменений численности населения Казахстана в 1990-2019 гг. (тыс. человек) [6; С.5, 83]

Годы	Общий прирост	В том числе			
		естественный прирост	миграционный прирост	в том числе	
				эмиграция	иммиграция
1990-2016 в том числе	107,8	187,5	-79,7	142,4	62,7
1990-2003	-37,3	119,9	-157,2	240,3	83,1
2004-2011	189,6	177,2	12,4	41,5	53,9
2012-2019	329.0	345.6	-16.6	34.1	17.5

Результаты комплексного анализа актуальной демографической ситуации отражены в макете индикативной системы оценки уровня демографической безопасности, который представлен в таблице 4.

Таблица 4 - Макет индикативной системы оценки уровня демографической безопасности

Показатели уровня демографической безопасности	Показатели направления и скорости изменения уровня демографической безопасности	Показатели последствий изменения уровня демографической безопасности (демографических потерь)
Коэффициент депопуляции	Абсолютное изменение уровня показателей демографической безопасности по сравнению с их предельно-критическими значениями	Ежегодная убыль численности населения
Коэффициент старения населения	Относительное изменение уровня показателей демографической безопасности по сравнению с их предельно-критическими значениями и др.	Число умерших в трудоспособном возрасте

Продолжение таблицы 4		
Степень диспропорциональности полового состава населения репродуктивного возраста	Абсолютное изменение уровня показателей демографической безопасности	Коэффициент использования средней продолжительности жизни в трудоспособном возрасте
Коэффициент естественного прироста	Относительное изменение уровня показателей демографической безопасности	Коэффициенты смертности по причинам смерти
Суммарный коэффициент рождаемости		Экономичность воспроизводства населения
Общий коэффициент смертности населения		Удельный вес детей, родившихся больными
Коэффициент младенческой смертности		Динамика численности городского населения
Коэффициент миграционного прироста населения		
Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (с разбивкой для мужчин и женщин)		
Нетто-коэффициент воспроизводства населения		
Плотность населения		

Анализ полученных данных позволил осуществить отбор параметров для демографического районирования территории Казахстана и подготовки статистических таблиц для разработки интерактивных де-

мографических карт. Данный отбор был осуществлён по пяти основным демографическим процессам, исследование которых дает комплексное представление об актуальной демографической ситуации и позволит выявить риски и угрозы, которые будут учитываться в системе оценки демографической безопасности республики в целом и регионов в частности.

Алгоритм отбора параметров:

1) Выбор даты (три точки - годы (1999-2000; 2009-2010; 2019-2020)

2) Параметры – демографические показатели:

I. Динамика численности населения

II. Процессы урбанизация населения

III. Поло-возрастная структура населения

IV. Процессы воспроизводства населения

V. Миграционные процессы населения.

Процессы (1) и параметры (1.1): демографические показатели

1. Динамика численности населения.

1.1 динамика численности относительно общереспубликанских показателей (общая численность населения в областях в тыс. по сравнению с общереспубликанскими показателями);

1.2 удельный вес казахов в этнической структуре;

1.3 удельный вес многочисленных этносов в общей структуре относительно общей численности населения области;

1.4 динамика численности этносов относительно населения области;

1.5 плотность населения.

2. Процессы урбанизация населения.

2.1 удельный вес городского населения области относительно всего населения области;

2.2 динамика численности городского населения области относительно городского населения Казахстана;

2.3 возрастно-половая пирамида области на начало и конец периода (уд. вес молодых, среднего и старого возрастов (по трем или 6 возрастным группам) 1999-2004, 2005-2009, 2010-2014, 2015-2020.

3. Поло-возрастная структура населения.

3.1 возрастно-половая пирамида области на начало и конец периода (удельный вес молодых, среднего и старого возрастов (по трем или 6 возрастным группам) 1999-2004, 2005-2009, 2010-2014, 2015-2020 гг.

4. Воспроизводство населения.

4.1 общий коэффициент рождаемости;

4.2 суммарный коэффициент рождаемости;
4.3 нетто-коэффициент воспроизводства;
4.4 общий коэффициент смертности;
4.5 экзогенные и эндогенные причины смертности населения
4.6 коэффициент младенческой смертности;
4.7 общий коэффициент естественного прироста;
4.8 ожидаемая продолжительность жизни при рождении по полу;
4.9 возрастно-половая пирамида области на начало и конец периода (удельный вес молодых, среднего и старого возрастов (по трем или 6 возрастным группам) 1999-2004, 2005-2009, 2010-2014, 2015-2020 гг.

5. Миграционные процессы населения.

5.1 удельный вес городского населения области относительно всего населения области;

5.2 миграционное сальдо (внешняя миграция);

5.3 интенсивность эмиграции населения;

5.4 возрастно-половая пирамида области на начало и конец периода (уд. вес молодых, среднего и старого возрастов (по трем или 6 возрастным группам) 1999-2004, 2005-2009, 2010-2014, 2015-2020 гг.

Таким образом, демографическое районирование будет осуществлено с учетом следующих параметров:

– Демографические показатели.

– Административное деление Казахстана на 14 областей и два города республиканского значения (Нур-Султан, Алматы), г. Шымкент в нашем исследовании будет отнесен к Туркестанской (бывшей Южно-Казахстанской области) ввиду отсутствия обобщённых статистических данных, позволяющих провести ретроспективный анализ.

– кластеры – группы областей и/или территорий со сходными показателями демографических процессов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальный состав, вероисповедание и владение языками. 2009. - Астана, 2010. - С. 36-38.
2. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник // - 2005. – Алматы, 403 с. – 448 с.
3. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник / Под редакцией Шокаманова Ю.К. - Алматы, 2006. - С. 153.
4. Демографический ежегодник Казахстана. 2017. Статистический сборник. Министерство национальной экономики, Комитет по статистике. - Астана, 2017. - С.

95-96.

5. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. - Алма-Ата, 1991.- С. 7-70.

6. Источник: Женщины и мужчины Казахстана. Стат. сборник. - Астана, 2010 / www.stat.gov.kz.

Поплыко В.И.

АНАЛИЗ ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Беларуси в настоящее время проживает около 9,5 млн человек и за последние двадцать лет количество жителей неуклонно сокращается. На этом фоне еще большую проблему снижения числа жителей имеют сельские территории. Происходят не только количественные изменения, но и качественные. Меняется в первую очередь половозрастная структура населения. В стране на начало 2015 года численность лиц младше трудоспособного возраста составила 1,6 миллиона человек. Численность населения старше трудоспособного возраста на начало текущего года достигла 2,3 миллиона человек. Сегодня почти каждый четвертый житель республики – старше трудоспособного возраста, в то время как в 2000 году им был почти каждый пятый [1].

Особенно ярко негативные процессы проявляются в сельской местности. Возникают вопросы демографической и социальной обеспеченности сельских территорий.

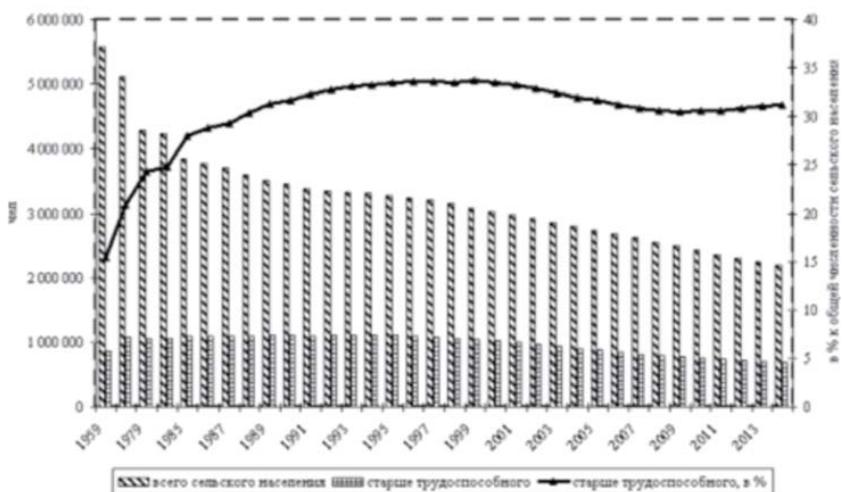
На рис. 1 представлена динамика численности сельского населения и его структура. За 1991-2013 гг. количество сельских жителей сократилось на 1,38 млн человек, или 34,4%, – до 2,193 млн человек. С чем связан данный негативный тренд? В первую очередь – с миграцией населения в город. Процесс урбанизации негативно сказывается на количестве жителей сельской местности. Во-вторых – с естественной смертностью населения. Начиная с 1976 г. количество умерших превышает число родившихся на селе.

Так складывается общая «картинка» по стране. Республика Беларусь состоит из 118 территориально-административных районов и свыше 200 городов и городских поселков. В своей работе мы рассмотрим численность населения старше трудоспособного возраста по состоянию на 1

января 2014 года. Для женщин это возраст свыше 55 лет, для мужчин – свыше 60 лет.

Исследование проведем в два этапа. На первом соберем необходимую демографическую половозрастную статистику. Рассчитаем обеспеченность трудоспособным населением лиц старше трудоспособного возраста (на 1000 человек лиц трудоспособного возраста приходится пенсионеров; человек). В данном случае это обратный показатель пенсионной нагрузки на трудоспособное население. Для оценки будущей демографической ситуации рассчитаем коэффициент потенциальной пенсионной обеспеченности (отношение числа детей на 1000 лиц пенсионного возраста). Данные возьмем по всем 118 территориально-административным районам страны для сельского населения

Рис. 1 Динамика численности сельского населения

На втором этапе работы проведем кластерный анализ районов по выбранным признакам для разбиения на группы. Он представляет собой совокупность методов классификации многомерных наблюдений или объектов, основанных на определении понятия расстояния между объектами с последующим выделением из них групп, «сгустков» наблюдений (кластеров, таксонов). Кластерный анализ используется при исследовании структуры совокупностей социально-экономических показателей или объектов: предприятий, регионов, социологических анкет, коллективов и т.д. Методы кластерного анализа позволяют разбить изучаемую совокуп-

ность объектов на группы «схожих» объектов, называемых кластерами [2, с. 66-67].

Большинство методов кластеризации (иерархической группировки) являются агломеративными (объединительными) – они начинают с создания элементарных кластеров, каждый из которых состоит ровно из одного исходного наблюдения (одной точки), а на каждом последующем шаге происходит объединение двух наиболее близких кластеров в один. Момент останковки этого процесса может задаваться исследователем (например, указанием требуемого числа кластеров или максимального расстояния, при котором допустимо объединение). Графическое изображение процесса объединения кластеров может быть получено с помощью дендрограммы – дерева объединения кластеров.

Данный подход позволит нам проверить гипотезу о существовании групп сельскохозяйственных районов, объединить по определенным признакам. Избежать слепой «интерпретации» полученных результатов чисто эмпирическим и формальным путем. В процессе исследований расчеты проводились с помощью статистического пакета STATGRAPHICS (Statistical Graphics System) [3].

Как меру близости объектов используем квадрат евклидова расстояния для получения результатов. Принцип работы иерархических агломеративных процедур состоит в последовательном объединении групп элементов сначала самых близких, а затем все более отдаленных друг от друга. По координатам центроидов можно судить о том, какие переменные играют наибольшую роль в каждом кластере. Используем медианный метод как наиболее сбалансированный. Этот метод объединяет кластеры, которые имеют большое количество наблюдений, и имеет тенденцию выделять кластеры, которые имеют приблизительно то же самое число членов. Данные будут группироваться по схожести наблюдаемых объектов.

В процессе анализа количество классов менялось с 5 до 3. Вариант расчетов по 5 группам давал неплохие результаты, но имел недостатки. Первый кластер – высокие значения показателей, второй – наихудшие. Третий кластер объединял 1 Брестский район с высокими показателями, что составляло 0,85% от их общего числа. Четвертый кластер объединял 8 районов с наихудшими значениями. Пятый кластер состоял из Минского района с максимальными значениями. Поэтому количество кластерных групп пришлось сократить.

В сводке кластерного анализа представлены результаты распределения районов по группам. Количество административных образований,

объединенных в группы, колеблется от 42 до 75, их доля, соответственно, от 35,6 до 63,36. Особняком находится третья группа, состоящая из 1 Минского района. Это и понятно – Минск с почти 2 млн жителей оказывает стимулирующее влияние на близлежащий район. Самое главное заключается в том, что расчеты координат центроидов дают представление о некой средней величине признаков каждого кластера. Таким образом получить как количественную (число объектов), так и качественную характеристику (по признакам) каждой выделенной группы районов.

Таблица 1- Результаты кластерного анализа

Кластер	Кол-во районов	Координаты центроидов		В % к итогу
		Обеспеченность трудоспособным населением лиц старше трудоспособного возраста, на 1000 чел.	Обеспеченность детьми лиц старше трудоспособного возраста, на 1000 чел.	
1	42	1856,28	608,903	35,59
2	75	1422,83	441,446	63,56
3	1	3171,25	1019,34	0,85
РБ сельское население	118	1673,33	531,36	100,0

Рассчитано по данным: [4, с. 78-90; 5, с. 70-126].

В результате кластерного анализа всех территориально-административных образований по 2 признакам были сформированы следующие группы:

– первая, которая отличается высокими значениями обеспеченности трудоспособным и детским населением лиц старше трудоспособного возраста и по этому показателю занимает лидирующее место. Входящие в данную группу районы имеют максимальное количество детей и трудоспособного населения на 1000 человек. Одновременно данные территории характеризуются очень близкими к среднереспубликанским, хотя и более высокими значениями показателей;

– вторая, включающая в себя районы с наихудшими показателями обеспеченности детьми и трудоспособным населением пенсионеров. Они включают территории, которые на 17% ниже среднего уровня обеспеченности по стране детьми (441 г.) и на 15% по трудоспособным;

– третья, которая объединяет Минский район с самыми высокими показателями. Столичный регион, безусловно, имеет все социально-экономические преимущества, а значит – лучшую демографическую ситуацию.

Данная группировка сельских районов позволяет условно их разделить на две совокупности. Первая, объединяющая наиболее благоприятные в демографическом плане сельские районы 1 и 3 группы, общим количеством

43. Вторая, с худшими производственными показателями, включающая 2 кластер, состоящий из 75 районов.

Проведенный многомерный анализ дает представление о региональном распределении сельских районов. Группы складывались следующим образом:

Первая, которая включает 43 района в центральной, юго-восточной и юго-западной части страны. Она расположена достаточно фрагментарно. В их числе 6 районов Брестской области, 3 Витебской и Гродненской по 2, Гомельской – 8 и Минской и Могилевской – по 9 районов и столичный (Минский) район. Она включает: Барановичский, Брестский, Жабинковский, Каменецкий, Кобринский, Лунинецкий, Малоритский, Столинский, Витебский, Лепельский, Оршанский, Буда-Кошелевский, Гомельский, Жлобинский, Кормянский, Лельчицкий, Мозырский, Речицкий, Хойникский, Гродненский, Островецкий, Ошмянский, Борисовский, Вилейский, Дзержинский, Молодечненский, Несвижский, Пуховичский, Смолевичский, Узденский, Червенский, Горецкий, Кличевский, Краснопольский, Кричевский, Крулянский, Могилевский, Мстиславский, Осиповичский, Славгородский, Хотимский, Чериковский и Минский районы.

Вторая, включающая 75 районов северной, центральной и западной части страны. Она имеет крупный четкий сомкнутый ареал – районы Брестской, Гродненской и Минской областей, имеющие общую границу. Остальные территориальные образования как бы окаймляют крупные областные центры. Она включает: Березовский, Ганцевичский, Дрогичинский, Ивановский, Ивацевичский, Ляховичский, Пинский, Пружанский, Бешенковичский, Браславский, Верхнедвинский, Глубокский, Городокский, Докшицкий, Дубровенский, Лиозненский, Миорский, По-

лоцкий, Поставский, Россонский, Сенненский, Толочинский, Ушачский, Чашникский, Шарковщинский, Шумилинский, Брагинский, Ветковский, Добрушский, Ельский, Житковичский, Калинковичский, Лоевский, Наровлянский, Октябрьский, Петриковский, Рогачевский, Светлогорский, Чечерский, Берестовицкий, Волковысский, Вороновский, Дятловский, Зельвенский, Ивьевский, Кореличский, Лидский, Мостовский, Новогрудский, Свислочский, Слонимский, Сморгонский, Щучинский, Березинский, Воложинский, Клецкий, Копыльский, Крупский, Логойский, Любанский, Мядельский, Слуцкий, Солигорский, Стародорожский, Столбцовский, Бельничский, Бобруйский, Быховский, Глусский, Дрибинский, Кировский, Климовичский, Костюковичский, Чаусский, Шкловский районы.

Проведенный анализ населения старше трудоспособного возраста сельской местности по 118 районам за 2013 год позволяет сделать определенные выводы.

Основной тенденцией изменения возрастной структуры населения является увеличение доли населения в возрасте старше трудоспособного и уменьшение в возрасте моложе трудоспособного. Число людей старше трудоспособного возраста в общей численности населения растет более быстрыми темпами, чем число людей младше трудоспособного возраста.

Вместе с тем, существующие в настоящее время в Беларуси системы здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения финансируются как из бюджета, так и участниками (потребителями) этих услуг. Пенсионная система построена по солидарному принципу. Сегодняшний пенсионер получает доход из отчислений лиц трудоспособного возраста. Чем выше коэффициент обеспеченности трудоспособным населением, тем выше возможность получить более высокие доходы и социальные услуги пенсионерам. Проведенные расчеты показывают, что только каждый третий сельский район имеет стабильную обеспеченность трудовыми ресурсами лиц старше трудоспособного возраста.

Выбранные показатели трудообеспеченности и потенциальной обеспеченности пенсионеров позволяют достаточно объективно ранжировать районы. При наличии данных за период можно было дать более точную оценку текущей ситуации и на перспективу. На географической карте Беларуси четко просматриваются «коридоры»: Запад-Восток и Север-Юг (путь из «варяг в греки»). Окаймление областных центров, в особенности столицы районами с благоприятным демографическим потенциалом. Опустошенным выглядит север Витебской области и центр Гродненской

области. Это позволяет реально сделать вывод о том, что демографическая ситуация в большинстве сельских районов остается крайне сложной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В Беларуси возрастает пенсионная нагрузка на трудоспособное население [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trend.az/world/byelorusia/2379551.html>. Дата доступа – 06.07.2015.
2. Тюрин Ю.Н., Макаров А.А. Анализ данных на компьютере. Под ред. В.Э. Фигурнова. М., Финансы и статистика, 1995. – 384 с.
3. STATGRAPHICS Plus For Windows. User Manuals. Manugistics Inc., USA. 1995.
4. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. Ред. кол. В.И. Зиновский – председ. и другие. – Минск, Нац. стат. Комитет Респ. Беларусь, 2014. – 412 с.
5. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2014 года и среднегодовая численность населения за 2013 год. Статистический сборник. – Минск, Нац. стат. Комитет Респ. Беларусь, 2014. – 183 с.

Рахматулина Е.Ю.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ УЙГУРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАЗАХСТАНЕ

Данная публикация рассматривает особенность развития численности уйгурской диаспоры Казахстана за период с конца XIX до начала XXI века.

В историографии Казахстана вопросам миграции уйгурского населения на территорию Казахстана посвящены специальные работы Г.С. Баратовой, А. Камалова и В. Кларка, развернутые статьи С. Кожировой, Г.А. Сарсембаевой, Б. Жангуттина. Статистические данные по демографии уйгуров нашли свое освещение в трудах исследователей Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко, Н.Э. Масанова.

Появление первых семей таранчей и дунган на территории Семиречья связано с напряженной политической обстановкой на границе с Китаем. (Таранчи – историзм, маньчжурского происхождения, букв. «пахари, земледельцы»). Собирательное наименование мусульманского

тюркоязычного оседлого населения Восточного Туркестана. В 1921 г. на Ташкентском съезде представителей кашкарлыкской и таранчинской интеллигенции был принят этноним – «уйгур»).

В 1879 году под давлением международного общественного мнения начались переговоры о возвращении Илийского края Китаю. Перед русским правительством возник вопрос о судьбе населения края, опасавшегося репрессий и мести со стороны цинской администрации.

12 (24) февраля 1881 г. был заключен Санкт-Петербургский мирный договор, статья третья которого гласила: «Жителям Илийского края предоставляется остаться на нынешних местах жительства их, в китайском подданстве, или же выселиться в пределы России и принять российское подданство. Они будут опрошены об этом до восстановления китайской власти в Илийском крае, и тем из них, которые пожелают переселиться в Россию, дан будет на это годичный срок со дня передачи края китайским властям» [1, с. 220]. Переселение первых уйгур и дунган в соседнее Семиречье началось осенью 1881 г. и продолжалось до 1884 г. Рост численности переселенцев происходил достаточно активно. В пределы России переселилось около половины населения Илийского края. По переписи 1897 г. численность уйгуров составила 55 815 и 15 276 дунган [1, с. 221]. Из переселенцев было образовано 5 новых волостей: Джаркентско-Таранчинская, Аксу-Чарынская, Малыбаевская, Карамская, Карасуйская. Переселялись дунгане и уйгуры целыми деревнями, образуя в основном моноэтнические поселения. Практиковали поливное земледелие, скотоводство и промыслы имели второстепенное значение. С этого времени уйгуры были одной из трех основных этнических групп в части долины реки Или вместе с казахами и русскими.

По расчетам, выполненным исследователем Н.В. Алексеенко, численность уйгуров и дунган в канун революции составила 48,2 тыс., или 0,8%, из 5 753,5 тыс. человек всего населения Казахстана [2, с. 13]. Размещались они в основном в Верненском и Джаркентском уездах.

За Советский период основная информация по теме представлена в данных Всесоюзных переписей населения. За годы Советской власти было проведено всего 8 переписей населения: в 1920, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 годах. Перепись населения 1937 года постановлением СНК СССР от 23 сентября 1937 г. была признана неудовлетворительной, а сами материалы переписи дефектными [3, с. 29].

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. численность уйгуров Казахстана составила 63 434 человек, или 1% всего зарегистриро-

ванного населения [1, с. 587]. Под этнонимом «уйгур» в данном случае объединены следующие отраженные в переписи группы: таранчи (51 803 человека), кашгарцы (1121 человек) и собственно уйгуры (10 510 человек) [1, с. 540]. Они занимали седьмую позицию по численности населения республики после татар. Основным регионом их расселения по-прежнему являлась Джетысуйская губерния, где проживала наибольшая часть уйгурского населения – 62 252 чел.

Пришедший на смену гражданской войне голод 1920-х, коллективизация и последовавший затем голод 1930-х принесли огромные изменения в размещение и состав населения всего Советского Союза, затронув Казахстан и проживающие там народы.

Сопоставление переписей 1926 и 1939 гг. показывает, что Казахстан покинуло более 200 тыс. семей переселенцев (около 1 млн. человек) [2, с. 31]. Численность уйгуров в результате массовой откочевки сократилась с 63,4 тыс. до 35,4 тыс., что составило 26,9 тыс. человек, или 43,2% всей численности диаспоры (см. таблицу 1).

Архивные материалы свидетельствуют, что на период между 1930 и 1931 г. пришелся пик миграции уйгуров из СССР [4, с. 170]. Таким образом, доля уйгуров в общей численности населения республики сократилась с 1% в 1926 г. до 0,6% в 1939 г.

Основным районом проживания уйгур оставалась Алма-Атинская область и Алма-Ата, где проживало более 83% всех зарегистрированных представителей уйгурской диаспоры. А в ряде областей республики – Талды-Курганской, Мангистауской, Кокчетавской, Жезказганской – представители этой диаспоры не расселялись.

Таблица 1 - Расселение уйгур по областям Казахстана по данным Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. [1, с. 541]

Область	1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	Абсолютная численность, чел.	Доля, %	Абсолютная численность, чел.	Доля, %						
Казахстан	35 409	100	59 840	10 0	12 0 88 1	10 0	14 7 94 3	10 0	185 301	100
Актюбинская	61	0,2	-	-	-	-	-	-	151	0,1
Алматинская	29392 2	83,0	49725 5	83,1	713 58	59,0	86 62 5	58 ,6	10370 4	56, 0
Восточно-Казахстанская	102	0,3	-	-	146	0,1	146	0,1	234	0,1
Атырауская (Гурьевская)	52	0,2	-	-	-	-	-	-	208	0,1
Жамбылская	382	1,1	-	-	2388	2,0	2403	1,6	2805	1,5
Жезказганская (с 1997 в составе Карагандинской)	-	-	-	-	184	0,2	217	0,2	356	0,2
Карагандинская	82	0,2	-	-	261	0,2	340	0,2	519	0,3

Продолжение таблицы 1										
Кзыл-Ординская	74	0,2	-	-	-	-	-	-	163	0,1
Кокчетавская (с 1997 в составе Северо-Казахстанской)			-	-	-	-	-	-	152	0,1
Кустанайская	75	0,2	-	-	-	-	-	-	234	0,1
Мангистауская			-	-	60	0,1	85	0,1	-	-
Павлодарская	51	0,1	-	-	101	0,1	106	0,1	204	0,1
Северо-Казахстанская	67	0,2	-	-	-	-	-	-	34	0,0
Семипалатинская (с 1997 в составе ВКО)	104	0,3	-	-	1394	1,1	1081	0,7	1257	0,7
Талды-Курганская(в 1997 вошла в составАлматинской)	-	-	-	-	21488	17,8	24788	16,8	30469	16,4
Тургайская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Западно-Казахстанская (Уральская)	110	0,3	-	-	-	-	-	-	26	0,0
Акмолинская (Целиноградская)	147	0,4	-	-	-	-	-	-	153	0,1
Южно-Казахстанская (Чимкентская)	382	1,1	-	-	3176	2,6	3176	2,2	3752	2,0
г. Алма-Ата	4328	12,2	7974	13,3	20439	16,9	28309	19,1	40880	22,1

Очередным крупным сдвигом является межпереписной период 1959-

1970 гг. За этот период в Казахстане происходит значительное, в 2 раза, увеличение общей численности уйгурской диаспоры: с 59 840 до 120 244 человек, или до 0,9% общей численности населения республики. Увеличение напрямую связано с массовой реэмиграцией населения из Китая. Ареал расселения оставался ограниченным границами Алмадинской области и города Алматы (таблица 1).

Непростые политические реалии времени – в 1955 году Восточно-Туркестанская Республика прекратила свое существование как независимое государство и стала китайской провинцией – Синьцзяно-Уйгурским автономным районом – и последовавшие затем советско-китайские договоренности об открытии границ для лиц, имевших советские паспорта, послужили причиной очередной массовой волны уйгурской и казахской миграции с территории Синьцзяна. Решение для СССР было логичным и обоснованным необходимостью увеличения числа трудовых резервов, необходимых для освоения целины. Китайское правительство же было заинтересовано в эмиграции специалистов уйгуров и казахов ради освобождения места для ханьских поселенцев. Среди тех, кто первым возвращался в 1954 г., было немало советских специалистов, направленных в 1950 г. по просьбе КНР для оказания помощи в создании промышленной и сельскохозяйственной базы Синьцзяна, а также людей, бежавших из СССР в 20-30-е годы от сталинских репрессий.

В эти годы Советское руководство издает ряд важных документов, способствующих приему реэмигрантов из Китая. Постановление Совета Министров СССР №1078-520 от 25 сентября 1958 года «О дополнительных мероприятиях по репатриации советских граждан из Китайской Народной Республики» установило перечень льгот «советским гражданам, прибывающим из КНР и направляемым в районы освоения целинных, залежных и вновь орошаемых земель». В соответствии с ними переселенцам гарантировалось:

– выдача единовременного денежного пособия в размере 3000 руб. на главу и 600 руб. на каждого члена семьи;

– оплата фактических расходов по проезду и провозу багажа от советско-китайской границы до места вселения и другие льготы [5, с. 51].

За период начала освоения целины в СССР вернулись тысячи мигрантов, имевших советские паспорта, только за лето 1960 г. вернулось 1390 специалистов – учителей, инженеров, техников. Вместе с семьями число переселенцев составило почти 4000 человек [4, с. 175]. Всего же за период 1954-1963 гг. произошло переселение примерно 100 тыс. уйгуров

и казахов из Синьцзяна в Казахскую ССР [4, с. 177].

К 1970 году расселение диаспоры по территории республики оставалось неравномерным. Высокая концентрация проживания уйгуров сохранялась в Алма-Атинской, Жамбылской, Южно-Казахстанской областях, более 20 тысяч человек обосновалось на территории Талды-Курганской области. В Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской областях после продолжительного отсутствия, составляющего почти двадцатилетний отрезок, вновь появляются уйгурские семьи. Вне зоны проживания оставались Кзыл-Ординская, Кокчетавская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Тургайская, Западно-Казахстанская, Ақмолинская области (таблица 1).

Переписи 1979 и 1989 гг. показывают стабильный естественный прирост населения. Общая численность диаспоры постоянно возрастала и в 1989 г. составила 185 301 тыс. человек, что составляло 1,1% общей численности населения (таблица 1).

Последняя «волна» уйгурской миграции в Казахстан представлена приезжающими в государства Центральной Азии с коммерческими целями.

«Китайский торговый бум», который наблюдался в Казахстане уже с 1987 года, особый размах приобрел в 1991-1993 гг., подпитывая миграцию.

В целом, вышеизложенный материал позволяет выделить следующие демографические особенности уйгурской диаспоры Казахстана:

1. На сегодняшний день уйгурский этнос уверенно входит в представительство пяти крупнейших этносов на территории республики, с численностью населения на 1 января 2014 г. – 246 777 человек, что составило 1,4% от общей численности населения республики, уступая по численности украинскому этносу (более 300 тыс. человек) (таблица 2). В республике живут и работают 42 доктора наук, четыре академика, более 200 кандидатов наук, пять народных артистов РК, более 20 заслуженных деятелей Республики Казахстан уйгурской национальности. На территории республики действует Общественное объединение «Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана», который официально зарегистрирован и является центром выработки идей по развитию уйгурской диаспоры, занимающимся широким спектром вопросов – от культурных до политических [12]. В Алматы с 1934 года работает Республиканский Государственный уйгурский театр музыкальной комедии имени К. Кужамьярова, ставший одним из центров театральной и музыкальной культуры республики. На местах во многих областных центрах основаны и

успешно работают уйгурские этнокультурные объединения, в том числе и в Усть-Каменогорске.

2. В связи с наличием нескольких эмиграционных волн уйгуров на территорию Казахстана с территории Восточного Туркестана отмечается неоднородность этнического состава уйгур. Произошло создание трех подгрупп этноса (соответствующие устной традиции уйгуров): «*uaerliklar*», или «ерликлар» (местные жители), которые были рождены в Казахстане и чьи семьи жили здесь с 1900 года; «*kalganlar*», или «кельгянляр», прибывшие мигранты 1950-1960-х годов, «*Khitailiq*» (из Китая) – уйгуры, прибывшие из Китая, чтобы работать или торговать на временном основании [6, с. 352].

3. Основным районом расселения диаспоры традиционно остается Южный Казахстан и город Алматы, где проживают 63,2% и 33% уйгуров соответственно. Кроме того, в настоящее время значительное число уйгуров проживают в следующих областях: Восточно-Казахстанская область – 972 человека, Карагандинская – 624 человека. Наименьшее же количество лиц уйгурской национальности – 94 человека – отмечено в Атырауской области (таблица 3). При этом основная часть населения диаспоры – 57,3% – проживают в сельской местности [7, с. 22]. Таким образом, выделяется характерная черта уйгуров Казахстана – компактное проживание и большая степень их этнической консолидации.

4. Последние пятнадцать лет этнос показывает высокие темпы естественного прироста. Казахстанские исследователи причисляют уйгурский этнос вместе с казахским и узбекским этносами к т.н. группе «растущих этносов» [9, с. 368]. Наиболее высокие показатели роста наблюдались в период 2009-2014 гг., прирост составил 9%, или 22 070 человек (таблица 2).

Таблица 2 - Этнический состав населения Казахстана в 1999-2014 гг., тыс. чел. [9, с. 11; 10, с. 21; 11, с. 2]

Этносы	1999 г.		2009 г.		2014 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего	14955,1	100	15776,5	100	17160774	100
Казахи	7971,6	53,3	10096,8	63,1	11244547	66
Русские	4489,7	30,0	3793,8	23,7	3685009	21,5
Украинцы	549,5	3,7	422,7	2,1	301346	1,8

Продолжение таблицы 2						
Узбеки	369,8	2,5	457,0	2,9	521252	3,04
Уйгуры	210,1	1,4	224,7	1,4	246777	1,4
Татары	249,4	1,7	204,2	1,3	203108	1,2
Немцы	356,4	2,4	178,4	1,1	181928	1,1
Другие	758,6	5,1	721,7	4,5	776807	4,5

Таблица 3 - Расселение уйгур по областям Казахстана по данным за 1999, 2014 гг. [9, с. 99-114, 11, с. 2]

Область	1999 г.		2014 г.	
	абсолютная численность, чел.	доля, %	абсолютная численность, чел.	доля, %
Казахстан	210339	100	246777	100
Актюбинская	-	-	129	0,1
Алматинская	140715	9	156004	63,2
Восточно-Казахстанская	1389	0,1	972	0,4
Атырауская	41	0,0	94	0,03
Жамбылская	2569	0,3	2688	1,1
Карагандинская	-	-	624	0,3
Кзыл-Ординская	121	0,1	144	0,1
Кустанайская	-	-	154	0,1
Мангистауская	-	-	171	0,1
Павлодарская	-	-	204	0,1
Северо-Казахстанская	-	-	128	0,1
Западно-Казахстанская	-	-	101	0,04
Акмолинская	240	0,1	220	0,1
Южно-Казахстанская 3258	3258	0,2	3832	1,5
г. Алматы	60411	5,3	80347	33
г. Астана			965	0,4

ЛИТЕРАТУРА:

1. Масанов Н.Э. История Казахстана: народы и культура. Учебное пособие. – Алматы: Дайк Пресс. – 2000. – 608 с.
2. Алексеенко Н.В. Историческая демография Казахстана. – Усть-Каменогорск: ВКГУ. – 2001. – 67 с.
3. Борисов В.А. Демография. – М.: Издательский дом Notabene, 1999, 2001. – 272 с.
4. Clark W., Kamalov A. Uigur migration across Central Asian frontiers // *Central Asia Survey* (June, 2004), 23 (2), 167-182.
5. Жангуттин Б. «Репатриация диаспор Синьцзяна: основные этапы, итоги» // *Казахская цивилизация*. – №3. – 2004. – С. 44-56.
6. Кожирова С.Б. Уйгуры Казахстана: история «миграционных» волн // *Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае*. 2010 г. – Археология, этнография, устная история. Алтайская государственная педагогическая академия. Барнаул, 2011. – С. 347-353.
7. Аналитический отчет. «Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года». Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2011. – 65 с.
8. Сарсембаева Г.А. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана в 1989-2009 гг. // *Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XI Междунар. науч.-практич. конф. 28-29 мая 2010 г.* – Усть-Каменогорск: «Либриус», 2010. – 480 с.
9. Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Алматы. – 1999. – С. 211.
10. Численность населения по отдельным этносам. Агентство Республики Казахстан по статистике «Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года». Аналитический отчет. – Астана. – 2011. – С. 65.
11. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 года. Статистическое агентство Республики Казахстан. Серия 15. Демография. – С. 20.
12. Казахстан: уйгурский вопрос. URL <http://www.bsblog.info/kazakhstan-ujgurskij-vopros/>, опубликовано 20.06.2013.

**ИЗУЧЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА В XIX В.
(АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ
ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)**

Перспективность регионального подхода в изучении истории уже длительное время отмечается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Так, Андреас Каппелер, автор книги о Российской империи, в 2000 г. писал, что в будущем региональный подход к истории империи станет особенно инновационным [1]. В рамках региональной истории демографическая проблематика является важным направлением исследований. Базовым демографическим процессом при изучении вопросов воспроизводства населения является рождаемость.

Источниковой базой работы послужили материалы метрических книг барнаульских церквей за XIX в., на основе которых была создана база данных на уровне персоналий «Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX в.» [2]. В городе Барнауле со второй половины XVIII в. и до 1860-х гг. существовало три приходских церкви: Петропавловская, Одигитриевская и Захарьевская. К 1859 г. была построена Знаменская церковь. Причт и прихожане Захарьевской церкви «перешли» к Знаменской. Четвертая приходская церковь – Покровская – была заложена 1 мая 1860 года и освящена 4 августа 1863 г. С начала 1860-х гг. произошло перераспределение прихожан между Петропавловским собором и Покровской церковью.

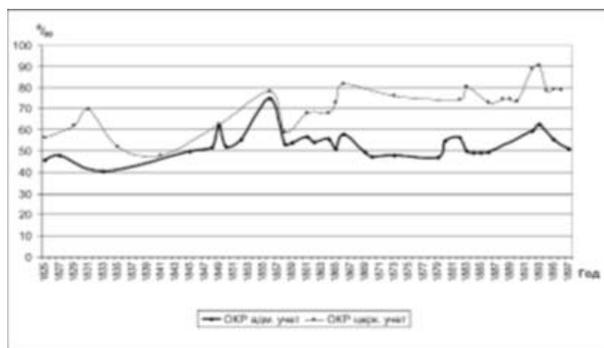
Общий коэффициент рождаемости (ОКР) рассчитывается, как известно, как отношение числа живорожденных в течение года к численности населения (на 1000 жителей). Мы имеем возможность построить временные ряды демографических показателей, привлекая сведения об общей численности как административного, так и церковного учета населения. Более точные значения коэффициента мы получим, используя материалы «светской статистики», поскольку они учитывают все наличное население, участвующее в воспроизводстве населения. Соотношение числа родившихся с постоянным православным населением (церковный учет) будет давать более высокие показатели ОКР, чем соотношение с наличным.

Удобным методом обработки и представления динамических рядов демографических данных является построение графиков погодичных колебаний с использованием различных трендов. Последние существенно

сглаживают колебания рождаемости. Для нас это имеет значение, поскольку показатели ОКР, рассчитанные на основе первичных демографических материалов, могут быть случайными. Применение линейного тренда к нашим данным показало в обоих случаях восходящую линию значений общего коэффициента рождаемости на протяжении XIX в. При этом следует отметить, что при использовании материалов административного учета населения тенденция роста рождаемости выражена значительно слабее, чем при использовании сведений церковного учета. Применив линейный тренд к более коротким временным отрезкам – дореформенному и пореформенному периодам – мы видим, что данные «светской статистики» показывают заметный рост рождаемости в дореформенный период и отсутствие четко выраженной тенденции в пореформенный. По материалам церковного учета населения линии тренда фиксируют восходящую линию значений как для первого, так и для второго периодов.

Рисунок 1

Динамика коэффициентов рождаемости в Барнауле XIX в.

Если ориентироваться на шкалу величин общего коэффициента рождаемости, разработанную отечественными демографами (В.А. Борисов, Б.Ц. Урланис), согласно которой его значения от 16 до 24‰ считаются средними, от 25 до 29‰ – выше средних, от 30 до 40‰ – высокими [3], то наши данные (рис. 1), независимо от вида учета, можно отнести к очень высоким показателям рождаемости на всем протяжении XIX в. Однако мы более склонны согласиться с примерными нормативно-демографическими показателями (для традиционного общества), предложенными

В.Л. Дьячковым и В.В. Канищевым, которые отметили, что максимальной следует считать любую естественную рождаемость свыше 100‰, средней – 20-50‰, низкой – 10- 20‰ и сверхнизкой – менее 10‰ [4].

Мы видим, что ОКР для наличного населения Барнаула находился в зоне средней естественной рождаемости в 1825-1845, 1869-1879, 1884-1886 гг. В эти годы показатель колебался в пределах 40,2-49,6‰. В остальные годы XIX в. рождаемость была высокой с диапазоном значений в 50,1-74,8‰. Значения ОКР, рассчитанные по данным церковного учета населения, находились в зоне средней естественной рождаемости только в начале 1840-х гг. Отметим, что показатели ОКР для православного населения хоть и выше данных административной статистики (в особенности в пореформенный период), однако они отмечают схожие тенденции в динамике рождаемости.

При характеристике рождаемости важным показателем являются данные о количестве внебрачных рождений. При ведении метрических книг духовенство обязано было обозначать в источниках информацию «...в законном ли браке или вне оною младенец рожден» и фиксировать ее в графе о родителях младенца [5]. Внебрачными детьми признавались дети, рожденные незамужней матерью, вдовами и разведенными женщинами (по истечению 306 дней после смерти мужа или расторжения брака). Незаконность рождения у замужних женщин определялась в судебном порядке [6].

В экстракты метрических книг сведения о числе внебрачных детей не заносились. Возникают сложности в изучении показателей внебрачной рождаемости, поскольку требуется обращение исследователя к текстовой части источника для соответствующих подсчетов. Обращение к материалам базы данных «Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX вв. по материалам метрических книг» позволяет получать необходимую информацию. Следует также отметить, что помимо метрических книг данные о числе внебрачных детей могут содержаться в других видах источников. Например, в фонде губернского статистического комитета (Государственный архив Томской области, фонд 234) отложились таблицы о числе родившихся, умерших и сочетавшихся браком по церковным приходам за отдельные годы. Источники содержат сведения о числе незаконнорожденных детей.

При расчете доли внебрачных детей следует учитывать, что к церквям Барнаула была приписана значительная часть населения сельской округи. В первой половине XIX в. к Петропавловской церкви относилось

население 12 деревень, к Одигитриевской – 13, к Захарьевской – 10. На протяжении первой половины XIX в. доля сельских жителей в барнаульских приходах возрастала. Максимальных значений она достигла к 1846 г., когда стала составлять 51,6%, после чего наблюдается снижение показателей [7]. Такая ситуация, при которой население сельской округи в городских приходах Сибири превышает количество горожан, характерна в большей степени для XVIII в. [8], в начале же XIX в. селяне, по подсчетам исследователей, составляли около или чуть более 20% [9]. Активное строительство храмов в Алтайском округе, начавшееся с 1840-х годов, привело к тому, что только к 1860-м гг. барнаульские церкви перестали обслуживать сельских прихожан.

Базовой тенденцией в динамике абсолютных показателей внебрачной рождаемости в Барнауле было их увеличение до начала 1880-х гг., после чего наблюдается снижение (таблица 1). Так, за период с 1805 по 1882 гг. количество незаконнорожденных за год возросло с 19 до 116 человек (т.е. в 6 раз) и уменьшилось до 92 человек к 1893 г.

Доля внебрачных детей в общем числе новорожденных возрастала вплоть до второй половины 1870-х гг., после чего показатели снижаются. К середине XIX столетия удельный вес незаконнорожденных детей в Барнауле вырос до 7,5%. Для сравнения – доля зарегистрированных детей, рожденных вне брака, за первую половину XIX в. «...колебалась от 2% по Киевской губернии до 7% в Московской губернии, составляя в среднем по Европейской России около 3,3%» [10], хотя в городах она была значительно выше.

Таблица 1- Число внебрачных рождений в Барнауле в XIX в.

Статус	1805		1820		1845		1850		1851		1862	
	абс.	%										
Законнор.	392	95,4	531	93,8	461	94	676	92,5	652	90,6	562	91,2
Незаконнор.	19	4,6	35	6,2	29	6	55	7,5	68	9,4	54	8,8
Всего	411	100	566	100	490	100	731	100	720	100	616	100
Статус	1870	1871	1877	1882	1883	1893						
	абс.	%										
Законнор.	559	87,5	495	86,7	534	82,9	753	86,7	762	87,7	1207	92,9

Продолжение таблицы 1												
Незаконнор.	80	12,5	76	13,3	110	17,1	116	13,3	107	12,3	92	7,1
Всего	639	100	571	100	644	100	869	100	869	100	1299	100

Источники: ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69; Ф. 170 Оп. 9. Д. 49; Ф. 3 Оп. 4. Д. 123. Л. 338, 342; ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 550-552; Оп. 5. Д. 152; ГАТО. Ф.234. Оп. 1. Д. 11. Л. 107 об.; Д. 37. Л. 69, 71, 73, 75; Д. 43; Д. 86. Л. 130-133; ГААК. Ф. 144. Оп. 2. Д. 39, 41; Оп. 4. Д. 68; Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885. С. 5.

Из материалов таблицы 1 видно, что процент внебрачных детей в Барнауле во второй половине XIX в. продолжает расти вплоть до 1877 г., когда были достигнуты максимальные значения (17,2%). Затем удельный вес незаконнорожденных снижается, достигнув к 1893 г. значения в 7,1% – уровня середины столетия. По данным исследователей, в рассматриваемый период в городах Сибири наблюдался постоянный рост числа внебрачных рождений. В Томской губернии в 1890 г. незаконнорожденные составляли в городах 7,1% (максимальная доля была в крупнейшем городе – Томске – 12,6%) [11]. Причем число внебрачных рождений в Сибири в начале XX в. также увеличивалось.

Для сравнения приведем данные о внебрачной рождаемости Царско-сельского уезда в 1810-1840-гг., которая имела явно выраженную тенденцию роста (с 2,2 до 7,5%). С.Г. Кащенко и М.А. Маркова отмечали, что рост «... скорее всего, отражает улучшение качества регистрации и не связан с действительным увеличением внебрачной рождаемости» [12]. Следует согласиться, что с течением времени качество регистрации незаконнорожденных возрастало. Важно отметить и тот факт, что барнаульским духовенством в начале XIX в. фиксировался более высокий процент внебрачных детей, что может являться показателем более качественного учета и говорить также о росте, может быть не таком явном, внебрачной рождаемости в первой половине XIX в. в городе.

Можно выделить несколько факторов, которые влияли на показатели рождаемости Барнаула. Во-первых, улучшение качества регистрации является объективной причиной (для первой половины XIX в.), повлиявшей на число незаконнорожденных в сторону его увеличения (фактор не связан с действительным ростом внебрачных рождений). Издавались многочисленные указы Синода, требующие соблюдения правил ведения метрических книг (в 1779, 1802, 1812, 1824, 1838, 1886, 1889, 1890 гг.

[13]). С первой трети XIX в. возрастает роль метрических книг в сфере административных и гражданских правоотношений, что привело к усилению системы проверки метрических книг благочинными церковей.

Работа с метрическими книгами Барнаула начала XIX в. показала, что в большинстве случаев присутствует указание на то, что ребенок рожден вне брака. В источниках встречаются различные формулировки записей о крещении внебрачного ребенка, обусловленные как сложившимися семейными обстоятельствами, так и особенностями ведения документации конкретным священником. В литературе отмечается, что в метрических книгах сельских приходов XVIII в. соотношение законных и незаконных рождений определить невозможно, так как практически отсутствуют записи о рождениях, в которых не обозначено имя отца. Для начала XIX в. это замечание также отчасти справедливо [14]. В метрических книгах барнаульских церковей вначале XIX в. записи о незаконнорожденных детях выявляются без серьезных сложностей, поскольку в большинстве случаев присутствует приписка «незаконнорожденный». Однако на протяжении XIX столетия такой вариант формулировки встречается не всегда. Имеются записи, по которым определить незаконность рождения можно только косвенным способом – в этих случаях указывалась информация только о матери ребенка.

Во-вторых, показатели числа незаконнорожденных зависели от социальной обстановки в регионе. Например, по замечаниям составителей рапорта 1845 г. «Его Высочеству Господину Управляющему Томскою Губернию и Кавалеру» открылось, что из 11 зарегистрированных «подкидышей» «...6 девок откинули детей своих от стыда и бедности» [15]. Можно предположить, что в период кардинальных социальных преобразований, отсутствия стабильности, «упадка горного дела», многие родители (не только отцы) не стремились брать на себя ответственность по воспитанию ребенка, что приводило к росту внебрачной рождаемости. С первой половины 1860-х гг. социально-экономическое положение населения Барнаула менялось: часть жителей стала искать альтернативные заводской работе пути существования. Получившие по реформе 1861 г. личное освобождение приписные крестьяне, мастеровые и урочники Алтайского округа в значительной своей части отказались работать на барнаульском заводе, несмотря на различные льготы и умеренную плату за вольнонаемный труд [16]. Первоначально бывшие мастеровые разбрелись по селам Алтая, однако в последующем многие из них вернулись в Барнаул. В отчете губернского статистического комитета за 1865 г. отмечалось о бывших мастеровых Барнаульского завода: «...занимаются ме-

лочной торговлей, большая часть домашним хозяйством, приобретая необходимое для своего существования личным наймом в услуги, рыбной ловлей, перевозкою тяжестей, подводной гоньбой» [17]. А. Брем, бывший в Барнауле в 1876 г., писал, что «...город и теперь, в период явного упадка, интересен для каждого приезжего...» (выделено нами – авт.) [18].

В-третьих, к концу XIX в. начинают проследиваться процессы урбанизации, проявлением которых является переселение жителей села в город. Следует учитывать, что матери незаконнорожденных детей, боясь порицания местного сообщества, могли «перебираться» в город.

В-четвертых, социальный состав населения также влиял на показатели внебрачной рождаемости. Учитывая, что барнаульские церкви обслуживали разное по социальному составу население, можно проследить как это отражалось на рассматриваемых показателях. Так, среднее значение доли незаконнорожденных за вторую половину XIX в. по Петропавловской церкви составило 13,1%, по Знаменской – 12%, по Покровской – 11,6% и по Одигитриевской – 7,4%. Одигитриевская церковь считалась в Барнауле купеческой. Высокий уровень благосостояния прихожан мог быть причиной более низкого показателя внебрачной рождаемости, чем в других приходах. Что касается Захарьевской церкви, то «Ходатайство прихожан о ...» строительстве этого храма отмечало, что на территории планируемого прихода «...жительствоуют по большей части мастеровые и работные люди» [19]. Петропавловская церковь была Соборной, что выражалось в большем количестве прихожан и их сословной разнородности. Построенная в 1860-х гг. Покровская церковь «разгрузила» главный городской собор – произошло перераспределение прихожан между этими двумя церквями.

Проанализировав данные о социальном положении матери внебрачного ребенка за 1877 г. по приходам, мы видим, что значительная часть внебрачных детей рождалась у дочерей военных и бывших мастеровых, а также представительниц мещанского и крестьянского сословий. Первые две категории населения в настоящем или прошлом напрямую были связаны с горным делом и металлургией. Вероятность подобной связи у крестьян и мещан также была высока. Есть точка зрения, что в среде рабочих существовали более свободные нравы, что могло являться причиной, влиявшей на показатели внебрачной рождаемости в сторону их увеличения.

Подводя итог, отметим, что основной тенденцией в динамике коэффициентов рождаемости в Барнауле в первой половине XIX в. был рост показателей. Говоря о городской рождаемости Сибири этого периода,

можно привести высказывание А.Р. Ивонина, отмечавшего, что «разброс данных здесь так велик, что напоминает порой «пляску Св. Витта»...» [20]. Однако автор сделал осторожный вывод о том, что картина умеренного роста коэффициентов рождаемости в городах Сибири более соответствует действительности.

Линейный тренд, примененный к данным «светской статистики» пореформенного периода, показал отсутствие четко выраженной тенденции в динамике ОКР. Погодичные же данные фиксируют снижение рождаемости со второй половины 1860-х гг. с ростом показателей к началу 1890-х гг. Во второй половине 1890-х гг. рождаемость начала снижаться. Если обратиться к среднему показателю рождаемости, то мы видим, что по материалам административного учета населения за 1825-1860 гг. он был равен 53,2‰. В последующее время, в 1861-1897 гг., он снизился и стал составлять 52,8‰. Рождаемость в Западной Сибири во второй половине XIX в. оставалась очень высокой и четко выраженной тенденции к снижению не имела. Заметим, что в городах европейской части России начиная с 1860-х гг. она стала снижаться повсеместно.

Базовой тенденцией в динамике внебрачной рождаемости в Барнауле было ее увеличение вплоть до 1870-х гг.: с 1805 по 1877 г. показатели увеличились с 4,6 до 17,1%, затем они снижаются до уровня середины столетия. Показатели внебрачной рождаемости Барнаула второй половины XIX в. сопоставимы в целом с общесибирскими.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 21.
2. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.): монография. Барнаул. 2013. 114 с.
3. Цит. по: Зверева Н.В. Основы демографии. М., 2004. С. 118.
4. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке. М.-Тамбов: изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 73-74.
5. СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. С. 309 (№1593), 396 (приложение к статье №1562).
6. Чижевский И. Церковное письмоводство. Сборник правил, постановлений и форм к правильному ведению оного. 2-ое изд. Харьков, 1881. С. 46.
7. Сарафанов Д.Е. Реконструкция численности населения Барнаула первой трети

- XIX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 59-75.
8. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 30.
  9. Ивонин А.Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в.: (опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 40.
  10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 182.
  11. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. С. 139.
  12. Кашенко С.Г., Маркова М.А. Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX века. Историко-демографические очерки. Брянск: «Курсив», 2013. С. 106-107.
  13. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.42.
  14. Кашенко С.Г., Маркова М.А. Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX века. Историко-демографические очерки. Брянск: «Курсив», 2013. С. 105-106.
  15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 123. Л. 338.
  16. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 240-245.
  17. Скубневский В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX века // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 109.
  18. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX в. Барнаул, 1991. С. 213.
  19. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 123.
  20. Ивонин А.Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 77.

Сарсембаева Г.А.

УСТЬ-КАМЕНОГОРСК: СТАНОВЛЕНИЕ АВТОХТОННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящее время титульный этнос играет основную роль в сельско-городском перемещении населения страны. Процесс миграции казахов из села в город прошел в своем развитии несколько стадий, от вынужденной, непредсказуемой и стихийно-массовой в 90-е годы, до планомерно-контролируемой и сознательной в современное время. В настоящее время казахов можно назвать урбанизированным этносом, больше половины численности которого составляет городское население. Как отметил Н.А.

Назарбаев: «Мало кто обратил внимание на то, что за 15 лет казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но и по существу... Этот сдвиг принципиально важен для понимания того, что происходит в обществе. Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации» [1].

За период с 1989 г. по 2018 г. численность городских казахов выросла на 93,2%, удельный вес в структуре этноса поднялся на 24,7%. В 2018 г. численность казахов, проживающих в городах, составила 4841,1 тыс. человек, процентная доля в численности титульного населения равнялась 47,9%. В структуре же всего городского населения страны их удельный вес увеличился до 55,9% (таблица 1).

Урбанизация казахского населения отличается, прежде всего, ускоренными темпами прохождения. Причиной тому послужило несколько факторов: сосредоточенность казахов в советское время в селах страны, экономический кризис 90-х годов, отток европейского населения из городов. На планете не так много этносов, ставших урбанизированными за 20 лет.

Таблица 1 - Расселение населения Казахстана по городам и селам по данным переписей 1989, 1999 годов и текущей статистики 2018 года [2, 3, 4, 5]

		1989 г.		1999 г.		2018 г.	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Все население	16464,5	100	14953,1	100	18292,7	100	
Продолжение таблицы 1							
городское	9402,6	57,1	8377,3	56,0	10544,3	57,6	
сельское	7061,9	42,9	6575,8	44,0	7748,4	42,4	
Казахи	6534,6	100	7985,0	100	12011,8	100	
городское	2506,3	38,4	3615,5	45,3	6562,7		54,6
сельское	4028,3	61,6	4369,5	54,7	5449,1	45,4	

Отличительными чертами урбанизации казахов, на наш взгляд, является также дифференцированность социально-культурных эволюций городского казахского населения. Всех городских казахов можно разделить

на несколько групп, выделяющихся социальными, статусными, экономическими, культурными различиями, уровнем владения русским и казахским языками, отношением к родоплеменным, клановым и родственным связям. Все представители различных социальных групп городского казахского населения сконцентрированы в одном пространстве и в одном периоде (здесь и сейчас).

Первую, самую малочисленную категорию, составляют казахи, проживающие в городах с рождения или более 30-40 лет. Как правило, они не владеют или слабо владеют казахским языком, но в совершенстве говорят на русском. Это поколение городских казахов, прибывших сюда в советский период, подвергшихся процессам ассимиляции и обрусению. Сами казахи их называют «шала-казахи» или «нечистые» казахи. Цель миграции в город представителей первой группы – перенять городской образ жизни, стать горожанином, улучшить как экономическое, так и социально-статусное положение.

Вторая, самая многочисленная категория казахов-горожан – прибывшие в самом начале суверенного периода, в 90-е годы. Мотив их миграции – экономический. Пришедшее в упадок село в период тяжелого экономического кризиса вынудило многочисленную массу сельских жителей переехать в города. Исходя из мотивов миграции, данная группа населения решала, прежде всего, экономические и материальные проблемы. Если адаптация к городу первой категории казахов проходила постепенно, то представители второй группы перенимали стандарты городской жизни, как правило, формально, без погружения в городскую субкультуру. Небольшой материальный потенциал, с которым они мигрировали, зачастую не позволял поселиться в черте города. Поэтому данная категория мигрантов сосредотачивались в пригородах, частных секторах, создавая свои закрытые анклав. Они в большинстве своем не подверглись процессам обрусения, почти во всех социальных ситуациях предпочитают общаться на казахском языке. Городские казахи начала суверенитета поддерживают клановость, родоплеменное деление, очень актуальными для них являются родственные связи и землячество.

Почему им так и не удалось стать городскими? Дело в том, что в период переселения их в города носителями городской культуры были русские или русскоязычные. Русский язык был проводником к городскому образу жизни. Без его освоения невозможно было стать городским. На сегодняшний день данная необходимость сохранилась, но появляются новые альтернативы приобщения к городской субкультуре. Прежде всего – это казахский язык, отчасти английский язык, также знания новейших

технологий.

Третья категория городского казахского населения – переехавшие относительно недавно (за последние несколько лет), как правило, молодежь. Данную группу составляют как традиционные казахи, выходцы из села, так и приехавшие из малых городов, а также те, чье развитие происходило в условиях двуязычия. Сюда можно отнести детей и внуков второй и первой групп городских казахов, они также практически все владеют двумя языками.

Можно проанализировать социально-экономические ниши, занимаемые той или иной категорией городских казахов. Представители первой группы предпочитали или предпочитают сферу образования, здравоохранения, отчасти промышленность. Вторая группа казахского этноса осела в малом бизнесе, торговле, также в силовых и властных структурах. Третья категория представляет студенчество, также все выше отмеченные профессиональные ниши в той или иной степени. Знание государственного языка представителями второй группы позволило им занять наиболее привилегированные позиции, по сравнению с остальными.

Все перечисленные группы казахского населения, которые, ко всему прочему, внутри не являются однородными, существуют, как уже говорилось, в одном городском современном пространстве. Суть проблемы заключается не в изучении хронологии, эволюции формирования групп, а в анализе их взаимодействия. В данном контексте наиболее эффективными являются не исторические, а социологические методы исследования (интервью, анкета, опрос, беседа). Использование социологических методов продиктовано также необходимостью фиксации сложившейся в современном городском пространстве ситуации, которая не является статичной и каждый день меняется. Исторические методы можно будет использовать впоследствии, когда процесс формирования городской казахской нации полностью состоится. В связи с вышесказанным наиболее рациональным будет применение междисциплинарного подхода в изучении процессов урбанизации Казахстана: этнографии, социологии, психологии, истории, урбанистики, философии.

Таким образом, казахское городское население дифференцированно, сочетает в своей структуре различные социальные группы, которые влияют на трансформации города. С целью более подробного изучения установок и мнений городских казахов автором работы было проведено глубинное интервью. В интервью приняли участие респонденты возрастной категории 19–56 лет – студенты, преподаватели вузов, колледжей, врачи и прочие. Объектом изучения стала отдельная когорта – городские казахи,

более 20-ти лет прожившие в городе. Данное глубинное интервью является частью исследования взаимодействия всех перечисленных выше групп городского казахского населения и их влияния на трансформации города. Интервью с другими категориями городского казахского населения планируется провести в будущем.

Вопросы интервью выявляли наличие традиционных и/или современных установок в поведении; установок в межнациональном общении; предпочтений в языке. Отдельный блок вопросов вскрывал особенности взаимодействия различных групп городских казахов. В интервью также вошли вопросы по изучению отношения к преобразованиям современного городского пространства: визуальным, ономастическим, этническим и пр.

Ниже представлены ответы респондентов, классифицированные нами по указанным блокам.

На вопрос «Соблюдаете ли вы национальные традиции и обычаи?» были даны следующие ответы:

«Не все, только некоторые из них. В целом соблюдаю не обряды и обычаи, а национальные этические нормы поведения. Например, уважительное отношение к старшим, женщине. В общественном транспорте всегда уступаю место старикам. Но такую национальную традицию, как гостеприимство, не соблюдаю. Мне проще встретиться с человеком в кафе, нежели приглашать его к себе домой в гости» (Амантай, 56 лет, педагог).

«В целом, нет. Но стараюсь соблюдать две самые главные традиции казахов – почтительное отношение к старшим по возрасту и традицию гостеприимства. Но иногда это трудно. Я говорю о гостеприимстве. Не все понимают и злоупотребляют этим» (Айман, 44 года, педагог).

Практически все респонденты указывают, что не соблюдают или же формально соблюдают национальные традиции и обычаи. Более того, большая часть опрашиваемых отметила неактуальность такой основополагающей традиции казахов, как гостеприимство, продемонстрировав в своих ответах нежелание её соблюдать, отрицательное отношение к приходу гостей, приезду родственников из села: «Нежелательно» (Зарина, 42 года, педагог), «Они знают, что я плохо к этому отношусь, поэтому не приезжают» (Амантай, 56 лет, педагог), «Конечно, я буду гостеприимной, но нежелательно часто приезжать им» (Айман, 44 года, педагог).

Еще один вопрос, выявляющий наличие или отсутствие традиционных установок в поведении городских казахов – «Часто ли вы общаетесь со своими родственниками (близкими, дальними), проживающими в го-

роде и селе?»).

«С родителями и близкой родней вижу раз в 2–3 месяца. С остальными родственниками несколько раз в год на семейных мероприятиях, как правило, на свадьбах или юбилеях» (Айман, 44 года, педагог).

«С родителями вижу почти каждый день. С родственниками же общаюсь только с теми, кого хорошо знаю и с кем поддерживал отношения с детства... Сейчас у многих нет большого обеденного стола. Они не собираются вместе ни за обедом, ни за ужином. Кушают, когда кому вздумается, по отдельности. Поэтому иногда не в курсе, что у кого происходит» (Амантай, 56 лет, педагог).

Исходя из ответов видно, что представители данной группы городского населения поддерживают связь с узким кругом близких родственников. Совместные мероприятия с представителями «большой семьи» (близкие и дальние родственники) проводятся редко. Зачастую, в близкий круг друзей или даже родственников городских казахов-старожил входят представители других национальностей.

Однако почти все опрашиваемые отметили, что испытывают в той или иной степени необходимость в поддержке родственников, клана «Все казахи, которых я знаю, со своими родственниками» (Айжан, 46 лет, врач), «Когда есть необходимость поездок в другие города, родственники выручают, есть где остановиться» (Сымбат, 48 лет, педагог), «Я устроилась на работу при помощи родственника. И многие так. Когда мне нужны были деньги на первоначальный взнос за квартиру, а деньги немалые, то выручила сестра. Когда заболела, выручает другая сестра. Брат привозит продукты из дома» (Айман, 44 года, педагог).

Ответы интервью вскрывают актуальность использования ресурса родственников, «большой семьи»: «Когда устраивалась на работу. Я попыталась сама, но работы нигде не было. Пришлось родителям обратиться за помощью к родственнику. Он все устроил в лучшем виде» (Айман, 44 года, педагог), «Практически все, кто из села, работают сейчас в системе образования, акиматах и прочее, устроились туда благодаря родственникам» (Айжан, 46 лет, врач).

Однако большая часть опрашиваемых демонстрирует негативное отношение к использованию ресурса родственников, в целом, ко всё еще популярной среди казахов, в том числе городских, традиции существования «института агашек»: «Отношение негативное. Но что поделать...» (Айман, 44 года, педагог), «Если у тебя нет денег или агашки, что сидит где-то там, ты никто, даже если ты умный, хороший профессионал» (Лаура, 20 лет, студентка).

Отмечается большой разброс ответов на вопрос, касающийся знания шежиры рода от «Нет, не знаю. Никогда этим не интересовалась» (Айжан, 46 лет, врач), «Нет. Знаю только какого казахского рода мои родители, как звали моих бабушек и дедушек» (Айман, 44 года, педагог) до «Да, знаю с детства» (Амантай, 56 лет, педагог).

Один из важных вопросов интервью – это вопрос о языковых предпочтениях. Ответы показали, что большая часть опрошиваемых почти во всех ситуациях отдает предпочтение русскому языку: «Я обрусевшая казашка, но изучаю родной язык. Почти всегда говорю на русском языке» (Айман, 44 года, педагог), «Мне комфортно находится там, где говорят на русском языке, потому что я лучше знаю русский язык» (Сымбат, 48 лет, педагог), «Говорю в основном по-русски, но когда надо, могу перейти на казахский» (Амантай, 56 лет, педагог), «Я сама в основном свои мысли довожу на русском, на казахском некоторые слова не понимаю» (Лаура, 20 лет, студентка).

Русский язык доминирует также в выборе телепередач, газет и журналов: «Лично я смотрю в основном российские каналы (ОРТ, Россия 1, НТВ, РенТВ), также европейские и американские каналы (Fox, TLC). Все на русском языке» (Назерке, 20 лет, студентка), «Телевизор почти не смотрю, в основном сижу в интернете. На русском языке» (Тимур, 19 лет, студент).

Один из вопросов данного блока интервью: «Как вы думаете, почему, несмотря на значительный миграционный отток русского (русскоязычного) населения из городов республики, в большинстве из них русский язык по-прежнему продолжает оставаться наиболее распространенным языком общения, в том числе, среди казахского этноса?».

«Многие казахи воспринимают русский язык как язык городской нации и поэтому, чтобы считать себя полноправным горожанином, осваивают и говорят на нем. Это, наверное, главная причина. Есть еще и другие причины. Например, в Усть-Каменогорске по-прежнему многочисленно русское (русскоязычное) городское население. Также немаловажное значение имеет система занятости. Экономические ниши, промышленные предприятия, представлены до сих пор русскими. Чтобы «пролезть» в определенные экономические ниши необходимо знание русского языка» (Айман, 44 года, педагог).

«Я часто слышу критику в свой адрес из-за плохого владения родным языком. Но я с детства говорю по-русски. Другому языку меня не учили. Сейчас иногда даже на улице могут сделать замечание» (Сымбат,

48 лет, педагог).

«Русский язык же простой. Много быстро запоминающихся коротких слов и нет звуков, таких как в казахском языке» (Тимур, 19 лет, студент).

Как уже отмечалось, большая часть опрошиваемых почти во всех ситуациях отдает предпочтение русскому языку. В качестве аргументов высказываются мнения о том, что русский язык – это язык городской нации, что он прост в изучении и произношении, лаконичен, не является интонационным, практически не имеет специфических звуков. Некоторые респонденты отметили, что сегодня говорить по-русски, использовать старые названия улиц может означать своеобразный городской шик.

Респондентам были также заданы вопросы, касающиеся досуга, музыкальных предпочтений и стиля одежды. Ответы демонстрируют преобладание современных установок у городских казахов над традиционными: «Слушаю рок, металл, джаз, раннюю попсу 30-40-х годов ... Стиль в одежде – казуально-городской, очень удобно. На работе – костюм ... В свободное время чаще всего смотрю футбол. У меня есть хобби – фото-съемка. Часто совершаю прогулки по набережной города, фотографирую пейзажи, животных» (Амантай, 56 лет, педагог).

«Музыку слушаю разную, в основном зарубежную попсу. Иногда классику ... В одежде предпочитаю два стиля по ситуации: классический и спортивно-городской. Второй стиль сейчас очень распространен. Удобно и соответствует ритму современного города ... Досуг предпочитаю проводить в тренажерном зале, кафе, сауне, ночных клубах или за шопингом. Типичный досуг типичного городского казаха. Иногда выезжаю на природу, посещаю читальный зал городской библиотеки» (Айман, 44 года, педагог).

В интервью также вошли вопросы на установки в межнациональном общении. Почти у всех респондентов есть среди друзей и родственников представители других национальностей. Отношение к межнациональным бракам от положительного, нейтрального до отрицательного: «Отношусь положительно, если оба – представители одной религии» (Тимур, 19 лет, студент), «Неоднозначно. Если, в межнациональной семье отец – казах, а мать русская, то почти всегда ребенок говорит по-русски и, несмотря на внешние особенности, будет и ментально русским» (Амантай, 56 лет, педагог), «Как правило, такие семьи часто разваливаются» (Зарина, 42 года, педагог).

Таким образом, ответы респондентов на представленный блок во-

просов иллюстрирует наличие у них современных установок городской жизни. Данной когортой городского населения практически не соблюдаются или соблюдаются формально национальные традиции и обычаи, общение поддерживается лишь с узким кругом близких родственников, почти во всех ситуациях отдается предпочтение русскому языку.

Как указывалось выше, отдельный блок интервью составили вопросы, вскрывающие особенности взаимодействия исследуемой категории населения с другими группами казахов, проживающих в городе. Один из вопросов данного блока: «На ваш взгляд, можно ли назвать не так давно мигрировавших в город казахов-сельчан горожанами? Как вы думаете, сколько лет необходимо прожить в городе, чтобы считаться горожанином или в данном вопросе имеет значение не временной, а какие-либо другие критерии (нахождение человека в социальной или профессиональной нише, образовательный уровень, владение языком и пр.)?».

«Только что переехавшие из села в город казахи еще не горожане. Для любого социального процесса, адаптации необходимо время. Сколько лет необходимо? Одно поколение должно вырасти. Т.е. у казахов-мигрантов должны родиться дети, которые социализировались бы в городе. Вот их уже можно будет назвать городскими жителями вполне. Мне кажется, нахождение человека в какой-то определенной социально-экономической нише, а также место его проживания (город или пригород) ускоряют или, напротив, замедляют процесс адаптации к городу. Но эти признаки вторичны. Главное, поколение детей, рожденных и выросших у мигрантов-казахов в городе» (Айман, 44 года, педагог).

«Мне кажется, все зависит от того, с какой установкой человек переезжает в город. Если он хочет чего-то добиться, сделать карьеру там или разбогатеть, то он очень быстро станет городским. А если жить также как у себя в деревне, то он и будет деревенщиной до конца. Но это только мое мнение. Сейчас почти все бизнесмены – это же те, кто когда-то из села переехал. Среди них мало коренных горожан» (Айжан, 46 лет, врач).

«10-15 лет достаточно чтобы стать городским. От человека зависит, от характера, круга общения. Многое зависит от того, где он будет работать – в образовании там или на рынке. Я сама не считаю тех, кто недавно прибыл в город городскими. Они выглядят по-другому, говорят в основном по-казахски. Да, и еще нас упрекают, что мы казахский не знаем хорошо» (Сымбат, 48 лет, педагог).

Ответы на представленный вопрос показывают, что опрашиваемые дистанцируются от не так давно мигрировавших казахов-сельчан, не считая их «своими», городскими, указывая на то, что для интеграции в го-

родское пространство необходимо время, а также определенные условия.

Еще один вопрос вышеотмеченного блока «Как вы считаете, интегрируются ли в социально-экономическое пространство города вчерашние сельские казахи?».

«За всех говорить трудно. Часть казахов, особенно обрусевших, прибывших из русских сел или малых городов, районных центров быстро интегрируется. Вообще, для интеграции в городское пространство Казахстана главное, мне кажется, знание русского языка. Для тех, кто им владеет, процесс адаптации более безболезненный и скорый. Есть другая категория вчерашних сельчан, которая не интегрирована. Они ведут себя по-разному. Одни делают попытки. Другие, напротив, стараются изо всех сил показать, что город – это теперь их территория и жить они здесь будут по своим законам» (Айман, 44 года, педагог).

«Раньше все мои соседи были местные, казахи, там русские и прочие. Сейчас все чаще переезжают в наш дом из села или квартиру снимают. Сразу проблемы начинаются. То мусор в подъезде оставят, то половики трясут с лоджии, то ремонт нескончаемый у них, то шум всю ночь, разборки или музыка. Они как будто не понимают, что кругом люди, что мы жили по своим законам и нас все устраивало. Со своим уставом в чужой монастырь, получается. На мой взгляд, очень мало из них, кто действительно интегрируется» (Сымбат, 48 лет, педагог).

Следующий вопрос, выявляющий особенности взаимодействия «местных» и «прибывших»: «Как строятся Ваши отношения с казахами, недавно мигрировавшими из села?».

«Нормально. Общаюсь с ребятами, которые из села приехали. Не так часто, но не конфликтуем» (Тимур, 19 лет, студент). «По-разному. В основном они говорят только по-казахски, поэтому мы не часто пересекаемся» (Лаура, 20 лет, студентка). «Общаемся, конечно. Не знаю. Они те же казахи... пытаются выжить, устроиться, поэтому часто распихивают нас локтями» (Назерке, 20 лет, студентка). «На работе часто пациенты – это бывшие сельчане. Вначале было сложнее, потому что языковой барьер мешал. Сейчас язык учу. Самое необходимое сказать им могу. Но они, какие-то, трудные, что ли. Мне с ними некомфортно. Но из-за работы приходится» (Айжан, 46 лет, врач).

«Я живу на КШТ (авт.: пригород Усть-Каменогорска). Сейчас хочу переехать в город. На это есть несколько причин и одна из них – это мое окружение, соседи. КШТ в целом казахский район. Но казахи бывают разные. Если в центре КШТ живут те, которые переехали сюда еще в 70–80-е годы, то есть их можно назвать городскими. То на его окраине, в

новостройке (там, где живу я), проживают вновь прибывшие, как правило, из аулов. Проблема даже не в том, что я не уживаюсь с ними. Просто мне здесь дискомфортно. Не поймите меня не правильно. Я нормально отношусь ко всем представителям своего этноса. Приветствую то, что казахи, наконец, становятся городской нацией. А процессы урбанизации титульного населения в республике могут обеспечиваться в большинстве своем выходцами из села. Понимаю, что на освоение бывшими сельчанами стандартов городской жизни, особенностей городской субкультуры, нужно время. Но как же быть тем, у кого эти процессы позади? И потом, ведь не все приехавшие в город понимают, что здесь многое строится по-другому. Или же, понимают, но не принимают. В общем, сложно. Мне проще переехать в город и оставаться там» (Айман, 44 года, педагог).

Ответы респондентов на данный блок вопросов показывают, что между городскими казахами и сельскими мигрантами существует дистанция. Первые не воспринимают вторых как полноправных городских жителей, более того, в ряде ответов респондентов отмечаются проблемы во взаимоотношении с мигрантами (в основном жилищно-бытовые). Указывается также все еще существующая проблема медленной адаптации в городе отдельной категории бывших сельчан. А в некоторых случаях – наличие установок на сохранение традиционного уклада и нежелание воспринимать стандарты городской жизни.

В интервью также вошли вопросы, характеризующие мнение респондентов к преобразованиям современного городского пространства: визуальным, ономастическим, этническим и прочим.

Ответы на вопросы данного блока показывают, что все респонденты отмечают изменения, произошедшие в городе за последние 20 лет. В целом опрашиваемыми дается положительная оценка преобразованиям города.

Что касается ономастических изменений, то в данном вопросе мнения респондентов разделились. Часть опрашиваемых относятся к переименованиям положительно, другая часть, напротив, предлагает сохранить старые названия улиц и прочих городских объектов. Тем не менее, и те, и другие сходятся во мнении, что процесс переименования должен быть постепенным, с учетом мнений всех жителей города, сопровождаться глубоким анализом.

Таким образом, ответы респондентов, представляющих когорту ассимилировавшихся и интегрировавшихся в городе казахов, позволяют сделать следующие выводы. Практически все они являются носителями современных установок городской жизни, демонстрируют современные

городские поведенческие модели, транслирующиеся через отношение к соблюдению (точнее, несоблюдению) большей части национальных традиций, языковые предпочтения. Что касается предпочтений в одежде, проведения досуга, хобби, выбора литературы и музыки, то данная группа казахского населения полностью соответствует современным городским стандартам.

Отношения с представителями других групп городского казахского населения выстраиваются в целом положительно. Однако почти все респонденты отметили возникающие при этом проблемы (бытовые, социальные, экономические). В тоже время большая часть опрошенных приветствует увеличение численности казахов в городе, с оговоркой на опасность возможных последствий рурализации.

Отношение к ономастическим преобразованиям неоднозначное. Поддерживая необходимость таких изменений в независимом Казахстане, в тоже время респонденты данной группы горожан медленно адаптируются к новым названиям улиц, предпочитая использовать прежние. Более того, часть представителей отмеченной категории населения считают старые названия улиц, проспектов и площадей частью истории страны. Допускают лишь переименование тех названий, которые утратили свою актуальность или же никак не связаны с историей и современностью Казахстана.

Таким образом, в жизни современного казахстанского города все вышеотмеченные слои казахов-горожан занимают определенное место и взаимодействуют друг с другом. Создается своего рода симбиоз из различных групп казахского городского населения, а также представителей других этносов, проживающих в городах. Сказанное служит причиной проявления непростых, в чем-то противоречивых, а где-то и опасных тенденций в современном казахстанском городе.

Нет необходимости доказывать, что урбанизация глубоко позитивный процесс. Чем выше показатели урбанизированности того или иного общества, тем выше уровень экономической, социально-политической, правовой и прочих культур. Однако нельзя отрицать и другую сторону процесса урбанизации. Речь идет о порождении ею социальной, экономической и психологической напряженности и дестабилизации. Необходимо помнить о том, что урбанизация может выступать не только фактором консолидации того или иного этноса или нации, но и способствовать их «разлому», создавать препятствия для эффективного национального строительства.

В силу сказанного нельзя сбрасывать со счетов дифференцирован-

ность городского населения республики. На сегодняшний день в городах Казахстана сложилась ситуация, когда «...основными частями конструкта «суверенное городское пространство» становятся, с одной стороны, вчерашние сельские жители, в основном – казахи. С другой стороны, давно населяющее города европейское население (прежде всего русские). Между ними находились стремящиеся определить свою цивилизационную идентичность русифицированные городские казахи» [6, с. 8].

В целом, в процессах урбанизации казахов существует две крайности, которые хотелось бы избежать в будущем. Первая – это русификация казахского городского населения, растворение этнической самобытности и языка в городском пространстве (движение от традиционного к современному). Данное опасение имеет под собой основание, т.к. русский язык не утратил своей актуальности в городе и по сей день, несмотря на то, что носителей его всё меньше и меньше, доказывая тем самым живучесть и конкурентоспособность. Складывается противоречивая ситуация – когда русскоязычная основа практически сведена к минимуму, а язык продолжает быть актуальным.

Ещё один, на наш взгляд, нежелательный сценарий дальнейшего освоения городского пространства – рурализация города (движение от современного к традиционному), что также имеет место отчасти в г. Усть-Каменогорске, в большей степени – в пригороде. Когда городское сознание, городская субкультура и образ жизни не могут устоять перед корпоративными возможностями бывших сельчан в силу их многочисленности, компактности проживания, а также представленности в определенных сферах экономики страны. Когда город начинает жить не по устоявшемуся стандарту и привычной логике городского развития, а по ситуации, в которой современное городское мышление всё чаще уступает место родовому.

Существует также и третий вариант развития урбанизационных процессов: на основе прежней социальной структуры города, трансформация его отдельных элементов (этнических, культурных, экономических), создающая предпосылки для дальнейшего развития. При данном сценарии возможен синтез взаимного сосуществования в одном городском пространстве как русского языка и культуры, так и казахского, отчасти, с элементами вестернизации.

На наш взгляд, тенденции именно этого сценария можно наблюдать в г. Усть-Каменогорске. «... уже сейчас видно, что формирующийся социальный строй способен стать своеобразным «хранителем функций города», неким инвариантом городского существования. Он сдержива-

ет эмиграционные настроения русскоязычных, а прибывающие в город сельские мигранты адаптируются к особенностям жизнедеятельности именно этого «пространства» [6, с. 9].

Траектория развития урбанизационных процессов в каждом городе Казахстана индивидуальна. Считаем, что для дальнейших эволюций городского пространства важным является, избегая крайних вариантов, придерживаться третьего сценария развития, который в большинстве своем может обеспечиваться представленной в статье группой казахского городского населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Назарбаев Н.А. Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда. - 2007. - 1 марта.
2. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. – 135 с.
3. Национальный состав населения Республики Казахстан: Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан // Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. – Алматы, 2000. – Т. 1. – 154 с.
4. Демографический ежегодник Казахстана, 2005 // Статистический сборник / Под редакцией К. Абдиева. – Алматы, 2005. – 515 с.
5. Этнографический сборник Республики Казахстан. – Астана: Агентство РК по статистике, 2018. – 324 с.
6. Алексеенко А.Н. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества. – Астана, 2016. – 144 с.

Столярова Л.В.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В своей работе «Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул, что наступает время перехода «от парадигмы глобальной конкуренции к парадигме глобальной ответственности» [1, с. 252]. Действительно, время разбегания, эйфории от парада суверенитетов прошло. Движение вперед, эффективное решение возникающих проблем в условиях все большей глобализации возможно лишь на принципах партнерства через объединение и взаимную ответственность. Вполне

естественно, что данная тенденция мирового развития начинает формироваться и проявляться прежде всего на уровне приграничного.

Для Республики Казахстан в рамках приграничного сотрудничества можно выделить три основных вектора, прежде всего это сотрудничество с Россией, как стратегическим партнером. 76 из 89 регионов Российской федерации имеют торгово-экономические связи с Казахстаном, а 7 областей Республики Казахстан непосредственно граничат с 12 регионами России. На них приходится 70% объема казахстано-российской торговли, а в самой приграничной зоне созданы и эффективно действуют 340 совместных предприятий. Первое соглашение о приграничном сотрудничестве было подписано 26 января 1995 г. Затем были разработаны и приняты Программы приграничного сотрудничества на 1999-2007 годы и далее на 2008-2011 годы. Логическим завершением развития и укрепления этих связей было подписание документов о создании Таможенного союза 27 ноября 2009 года.

Второй вектор – сотрудничество с государствами Центральной Азии, особенно в рамках Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), в которое вошли 8 государств, в том числе Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и др. Роль секретаря этой организации выполняет Азиатский банк развития. Здесь интеграция особенно необходима в области энергетики, водных запасов, экологии, совместной разработки природных ресурсов.

Третий вектор – сотрудничество с Китаем и Монголией. Мировой опыт подтвердил, что наиболее эффективно торгово-экономическое сотрудничество осуществляется через созданные специальные экономические зоны. Так, в 2006 году была разработана и принята Концепция о создании Международного центра сотрудничества «ХарГос» на территории Панфиловского района Алматинской области.

Это были практические шаги в реализации договоренностей в сфере экономики в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Еще одним шагом стало создание Координационного Совета «Наш общий дом Алтай». Он позволяет координировать решения проблем на большой территории, объединяющей 4 государства: Алтайский край и Республика Алтай (Россия), Восточно-Казахстанская область (Казахстан), Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китай), Баян-Ульчийский и Ховдский аймаки (Монголия). Торгово-экономические, культурные, этнические, политические, миграционные связи на этой территории имеют глубокие исторические корни. Современный этап приграничного сотрудничества потребовал перехода к системным совместным действиям, которые коор-

динируются созданными специальными органами, на основе совместно определенных целей и задач развития. Причем развитие связей идет и через законодательные и исполнительные органы и широкое взаимодействие общественных объединений, прежде всего научного сообщества. С 1998 года проводятся международные конференции по проблемам региона. В том числе на базе Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева ежегодно проводятся международные научно-практические конференции

«Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». Конференция в декабре 2009 года в г. Усть-Каменогорске неслучайно проводится под названием «Межкультурный диалог в условиях приграничного сотрудничества: опыт Ассамблеи народов Казахстана и перспективы развития». Всего проведено 18 таких конференций, материалы которых находятся в библиотеке Конгресса США и используются в ряде государств Европы. С 2003 года проведено 8 форумов приграничных областей, где решались конкретные практические задачи.

Наиболее глубокое, организационное и юридическое оформление имеет партнерство в рамках Евроазиатского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС). Еще в 1994 году Н.А. Назарбаев высказал идею о создании Евразийского Союза. Но потребовалось почти 6 лет, чтобы эта идея была осознана и получила практическую реализацию. В 2000 году в г. Алматы главы 5 государств подписали необходимые документы (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан). Армения имеет в Евразийском Союзе статус наблюдателя.

Рассмотрим динамику процесса развития сотрудничества на примере данного Союза. Прежде всего, были определены основные направления развития многосторонних связей и цели. Основными направлениями стали:

- образование необходимых совместных органов;
- разработка общей законодательной базы;
- формирование единого экономического пространства;
- активизация участия всех секторов социума в интеграционных процессах;
- роль и вклад Республики Казахстан в реализацию стратегии интеграционного диалога.

Главными целями Евразийского Союза были определены:

- формирование общих внешних таможенных границ стран - участниц;

- выработка единой внешнеэкономической политики;
- унификация тарифов, цен и других составляющих общего рынка.

Совместные органы формировались по мере подготовки необходимых условий. Так были созданы:

- Межгосударственный Совет ЕврАзЭС;
- Межпарламентская ассамблея;
- Евразийский банк развития;
- Центр высоких технологий;
- Антикризисный фонд и др.

И, наконец, в ноябре 2009 года Белоруссия, Казахстан и Россия подписали пакет документов о Таможенном Союзе. В июне 2013 года в качестве наблюдателя к ним присоединились Украина и Кыргызстан.

В рамках второго направления были подготовлены и приняты ряд модельных законов и других нормативных актов:

- Экологический Кодекс;
- Концепция основ таможенного законодательства;
- Концепция Основ бюджетного законодательства;
- Соглашение об основополагающих принципах валютной полити-

ки;

- о государственных социальных стандартах;
- о миграции;
- о прожиточном минимуме и др.

Настоящим прорывом в интеграционном процессе стали документы, подписанные в рамках Таможенного Союза. Что они дают странам участни-цам, и какие открывают перспективы?

Таможенный Союз становится «локомотивом дальнейшей интеграции» по образному выражению Премьер-министра Республики Казахстан, так как часть функций национальных государств передаются наднациональному органу [2]. Согласно подписанным документам создается объединенный рынок, что дает огромные преимущества:

- человеческий потенциал данного объединения составляет более 170 млн. человек;
- промышленный капитал – 600 млрд. американских долларов;
- совокупные запасы нефти 90 млрд. баррелей;
- общий объем сельскохозяйственного производства – 112 млрд. долларов (это 12% мирового производства и 17% мирового экспорта пшеницы);
- совокупный товарооборот – 900 млрд. долларов;
- общий объем ВВП составляет 2 триллиона американских долларов

[3].

Следует отметить, что именно таким путем начиналась экономическая интеграция Европейского Союза.

По мнению экспертов, Таможенный Союз дает трем странам в перспективе ускоренное формирование Единого экономического пространства, что позволяет создавать новые совместные производства, защитить страны Союза от внешней товарной экспансии, сделает более привлекательными для внешних инвестиций. По прогнозу к 2015 году страны получат прирост ВВП свыше 15% [4].

Особая роль Республики Казахстан в развитии этих многосторонних связей определяется рядом факторов: первое, геополитическое положение Республики требует многовекторной внешней политики вообще и в приграничном сотрудничестве в том числе. Второе, огромные природные ресурсы, которыми располагает Республика, делает ее привлекательной для внешних инвестиций. Третье, глубокие исторические традиции, связавшие нашу страну, прежде всего, с приграничными государствами. И, наконец, разработка и четкая реализация Стратегии развития Казахстана как миролюбивого, демократического, стабильного государства, позволившая создать уникальную казахстанскую модель межэтнического и межконфессионального согласия. Характерные черты ее Президент Н.А. Назарбаев определил в своем выступлении на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана в октябре 2008 года [5]. Все это определило не только лидирующую роль Казахстана в регионе, но и большой интерес мирового сообщества к нашему опыту. Именно это стало основой выполнения Республикой Казахстан обязанностей Председателя ОБСЕ в 2010 году.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. – М.: Экономика. – 2008.
2. Казахстанская правда. 12 декабря 2009 г.
3. Казахстанская правда. 1 декабря 2009 г.
4. Там же.
5. Назарбаев Н.А. Сила страны – в единстве народа. Выступление на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана.

**РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНЧЕСТВА
ВОСТОЧНОГО КЗАХСТАНА:
СОЦИАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ**

В современной социологии можно выделить два крайних подхода к пониманию социальной роли молодежи как особой социально-демографической группы общества. С одной стороны, в молодежи видят угрозу общественной стабильности, часть общества, наиболее подверженную негативной девиации и разрушительную по своей сути. Из этого делается вывод о необходимости усиленного социального контроля со стороны общества и государства. С другой стороны, именно на молодежь возлагаются основные надежды на обновление, модернизацию общественного развития, то есть именно молодежь рассматривается как главный источник общественно полезных инноваций [113, С. 145]. Вторая позиция, очевидно, основанная на большем социальном доверии, заставляет вновь обратиться к проблеме становления субъектности молодежи в современных условиях.

Предложенная К. Мангеймом концепция делает акцент на молодежи как поколению в соответствующем историко-социальном пространстве. То есть, молодежь разных поколений различна не только по своим объективным социальным характеристикам (профессионально-образовательная структура, культурные предпочтения, формы проведения досуга и т.д.), но и по демографическим критериям (сельское или городское место проживания, возрастные рамки). Также может меняться и социальная роль молодежи в различных социально-исторических условиях, уровень активности участия в общественных преобразованиях, то есть уровень ее субъектности.

Определяя свой социологический подход к пониманию молодежи, К. Мангейм делает два важных замечания. Во-первых, «социология больше не рассматривает образование и обучение как чисто надвременные и вневременные методы, а придает большое значение конкретному характеру общества, в котором воспитывается молодежь». Во-вторых, «молодежь и общество рассматриваются во взаимодействии... чему и как надо учить молодежь, в большой степени зависит от характера того вклада, который ожидает от молодежи общество. В рамках общества мы не можем формулировать потребности молодежи абстрактно, мы должны делать это с учетом нужд и потребностей данного общества» [15, С. 441-442].

Специфика современного казахстанского студенчества заключается в том, что оно, обладая собственными характерными чертами, ценностями, целями и интересами, в тоже время является неотъемлемой частью всей молодежи страны. Изменение статуса студенчества в современном казахстанском обществе обусловлено не столько его удельным весом в общем числе казахстанской молодежи, сколько возрастанием социальной ответственности, возлагаемой на него в условиях индустриально-инновационного развития.

Как и вся молодежь, студенчество обладает следующими сущностными чертами – высокая социальная мобильность, социальная активность, высокий уровень притязаний, склонность к инновациям, повышенная адаптивность, остро переживаемая потребность в самоидентификации и самореализации, нацеленность на поиск партнеров для участия в социальном воспроизводстве общества.

В современном обществе ни одна возрастная группа не может претендовать на внутреннюю социальную однородность. В условиях развития рыночных отношений такие факторы, как уровень образования, имущественное расслоение, место постоянного проживания, доступность информационных ресурсов и др., приводят к определенной дифференциации в молодежной среде.

Особое место в процессе социализации студенчества, как и всей молодежи в целом, играет религиозный фактор.

По своему содержанию, процесс формирования религиозной идентичности у молодежи имеет ряд значимых отличий от представителей других возрастных групп.

С одной стороны, молодежь более восприимчива, обладает подвижным мышлением, но значительно меньшим жизненным опытом. Поэтому, глубинные ценностные установки и модели повседневного бытового поведения молодежи зачастую носят не рационально осознанный характер, а инерционно воспроизводят установки и модели, характерные для среды первичной социализации. В значительной степени это относится и к религиозному элементу в картине мира студенческой молодежи.

С другой стороны, более активное существование в современном информационном пространстве; сознание, более открытое стандартам глобальным стандартам и образцам поведения – все это вносит свои коррективы в религиозную идентичность молодежи в целом, и студенческой молодежи в частности. В Казахстане, в силу его регионального социокультурного и экономического разнообразия, фактор постоянного места проживания и места первичной социализации также оказывает значи-

тельное влияние на процессы формирования религиозной идентичности.

Для проверки этих предположений в феврале-марте 2018 года было разработано и проведено пилотажное исследование, участниками которого стали студенты, обучающиеся в вузах Восточно-Казахстанской области. Целью этого исследования стало подтверждение или опровержение гипотезы о том, что протекание процессов формирования религиозной идентичности у казахстанской молодежи, помимо прочих факторов, детерминируется и региональной принадлежностью.

Участники опроса представлены тремя группами, основное различие между которыми – место постоянного проживания. Первая группа – студенты, проживающие в Усть-Каменогорске (областной и промышленный центр ВКО) и прилегающих районах. Вторая группа – студенты, проживающие в Семей (второй по величине город области, в недавнем прошлом – центр Семипалатинской области до объединения с ВКО) и прилегающих районах. Важно знать, что, несмотря на географическую близость, Усть-Каменогорск и Семей всегда обладали значительными различиями как в экономическом, так и в социально-культурном аспектах.

Третья группа – студенты, обучающиеся в Усть-Каменогорске по программе Серпын, постоянное место проживания – южные области Казахстана. Образовательная программа Серпын призвана компенсировать большую разницу в плотности населения южного и восточного регионов Казахстана, перераспределить студенческую молодежь между перегруженными вуза юга и вузами востока, испытывающими проблемы с набором в связи со спецификой демографического и географического положения: «старая» возрастная структура и учебная миграция за пределы Казахстана (Восточно-Казахстанская область граничит с РФ).

Первая группа (Усть-Каменогорск) – 58 человек, вторая группа (Семей) – 50 человек, третья группа (Серпын) – 61 человек, всего 169 респондентов.

Таким образом, в исследовании приняли участие три разных по культурным традициям и жизненному опыту группы студенческой молодежи, достаточно равновесные по количеству участников. Этот подход был использован с целью определить степень однородности протекания процессов формирования религиозной идентичности в студенческой среде. Ниже будут представлены лишь некоторые из полученных результатов и отдельные предварительные выводы.

Довольно часто в массовом сознании понятия «вера» и «религия» воспринимаются, как тождественные. Это смешение может породить

как проблемы с собственной религиозной идентичностью, так и конфликты или непонимание в сфере социальных отношений.

Разобраться с различиями между этими понятиями, действительно, бывает сложно. Однако, вдумчивое обращение к специальным источникам позволяет это сделать самостоятельно. Например, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Вера, 1890-1907), дает такое определение – «Вера (филос.) означает признание чего-либо истинным с такою решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств». Из этого определения становится ясно, что вера в божество, то есть собственно, религиозная вера – это один из частных случаев. Более того, фактически неверующих людей, по видимому, не существует. Каждый верит во что-то, причем, на разных этапах жизни объект веры может меняться.

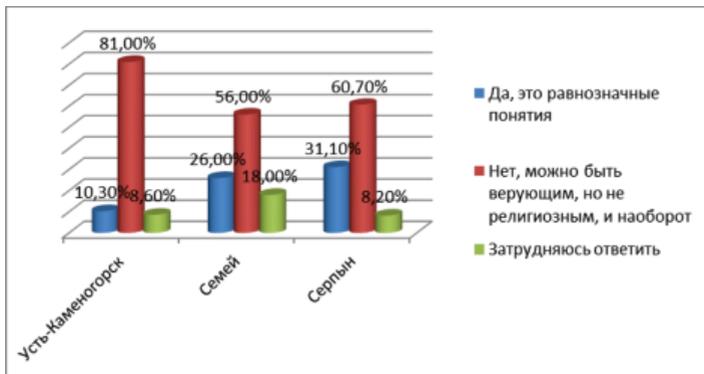
В свою очередь, религиозность «— качество индивида или группы, проявляющееся в вере и поклонении священному и/или сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений как в религиозных, так и нерелигиозной сферах». (Социологический, 2014. С.389-390)

Не сложно заметить, что если вера – это, в первую очередь, достаточно постоянное внутреннее эмоционально окрашенное переживание, то религиозность в большей степени ориентирована на внешние социальные проявления. Таким образом, практически каждый человек может быть верующим (не обязательно в бога или иные сверхъестественные персонифицированные или не персонифицированные силы), но не обязательно эта вера соотносится с какой-то конкретной религиозной системой. В тоже время, человек может достаточно строго соблюдать внешние требования религии, не испытывая при этом глубоких внутренних переживаний. Бывает и так, что следуя «букве» человек не слишком задумывается о «духе». Можно сказать, что вера – это сфера нравственности и носит сугубо индивидуальный характер, а религиозность – это сфера морали с четко выраженными общественными характеристиками. Безусловно, вера и религиозность могут сочетаться в конкретном человеке, но это не является обязательным правилом или условием.

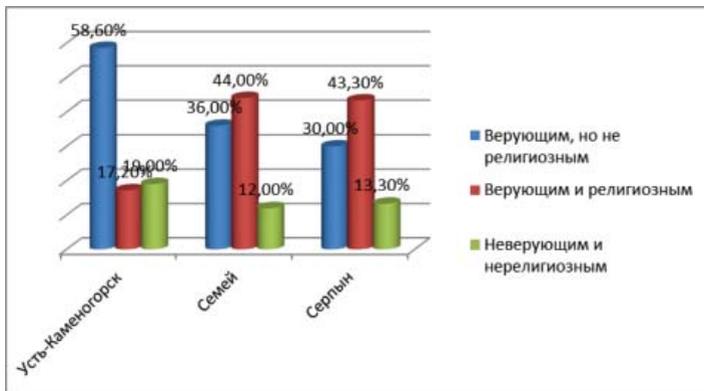
Чем выше уровень открытости сознания с одной стороны, и навыки рефлексии с другой, тем больше личность склонна к различению этих понятий, как в себе, так и в других людях. Сравнение данных, полученных в ходе исследования от студентов различной региональной принадлежности, выявляет значительные расхождения в ответах на вопрос о вере и религиозности.

На представленной диаграмме видно, количество студентов различающих понятия веры и религиозности значительно выше в Усть-Каменогорске, чем в других регионах. Обращает на себя внимание тот факт, что в Семее число затруднившихся с ответом в два раза больше, чем в других группах респондентов.

То, что выявленные отличия носят не случайный характер, подтверждают ответы на следующий вопрос. В нем респондентам было предложено определить свой личный статус в отношении веры и религиозности.

Количество тех, кто определил себя как верующие, но не религиозные на 15% выше в Усть-Каменогорске, чем у студентов Семей и южных областей Казахстана. Не столь значительные, но показательные отличия видны в выборе варианта «неверующий и нерелигиозный»: 19,0% в Усть-Каменогорске и колебания 12,0%-13,3% в двух других группах респондентов.

Насколько молодежь различных регионов страны окажется способной к конструктивному и цивилизованному взаимодействию с представителями иных культур и религий, покажут ближайшие годы. Однако, уже сегодня можно предположить, что именно религиозные воззрения (даже проявляемые лишь внешне, формально) являются для многих из них определяющими в оценках другого человека.

Таблица 1- Рейтинг качеств, важных в другом человеке
(по материалам опроса)

Усть-Каменогорск		Семей		Серпын	
1	Личные качества	1	Личные качества	1	Религия
2	Интересы и увлечения	2	Религия	2	Личные качества
3	Возраст	3	Семья, происхождение	3	Интересы, увлечения
4	Пол	4	Интересы, увлечения	4	Семья, происхождение
5	Национальность	5	Возраст	5	Национальность
6	Профессия	6	Национальность	6	Возраст
7	Место проживания	7	Гражданство	7	Пол
8	Семья, происхождение	8	Пол	8	Гражданство
9	Религия	9	Профессия	9	Место проживания
10	Гражданство	10	Место проживания	10	Профессия
11	Материальная обеспеченность	11	Материальная обеспеченность	11	Материальная обеспеченность

Не сложно заметить, что респонденты второй и третьей группы указали религию на первых позициях качеств, важных для них в других людях. А респонденты первой группы отнесли религию только на девятое

место из одиннадцати – контраст тем более разителен, что весь опрос был сфокусирован на вопросах веры и религиозности. То есть такой результат нельзя считать случайностью.

Несмотря на это, во всех трех группах личные качества другого человека были указаны как основные, а национальная принадлежность, опять же, во всех трех группах, оказалась в середине списка.

То есть, для респондентов второй и третьей группы религиозные воззрения другого человека важнее, чем его национальность, а для респондентов первой группы – наоборот.

Таблица 2 - Рейтинг качеств, которыми респонденты характеризуют себя (по материалам опроса)

Усть-Каменогорск		Семей		Серпын	
1	Личные качества	1	Личные качества	1	Личные качества
2	Интересы и увлечения	2	Национальность	2	Религия
3	Семья, происхождение	3	Религия	3	Интересы, увлечения
4	Профессия	4	Пол	4	Национальность
5	Пол	5	Интересы, увлечения	5	Семья, происхождение
6	Возраст	6	Возраст	6	Гражданство
7	Национальность	7	Профессия	7	Пол
8	Религия	8	Семья, происхождение	8	Профессия
9	Место проживания	9	Место проживания	9	Возраст
10	Материальная обеспеченность	10	Гражданство	10	Место проживания
11	Гражданство	11	Материальная обеспеченность	11	Материальная обеспеченность

Возникает и другой важный вопрос: оценивают ли респонденты себя по тем же критериям, что и других? Насколько атрибуция других людей соотносится с самовосприятием? Не имеем ли мы дело с, так сказать,

«внутренней политикой двойных стандартов»? Если это так, то налицо еще один симптом кризиса идентичности.

Какие моменты видятся необходимо отметить, с точки зрения предмета настоящего разговора. Религия, как элемент самопрезентации личности, остается на сопоставимых позициях с оценкой другого человека (Усть-Каменогорск – 8 и 9 место соответственно, Семей – 3 и 2 место, Серпын – 2 и 1 место). Обращает на себя внимание другой факт, который отмечается только во второй группе (Семей) – если при оценке другого человека эти респонденты ставили национальность только на 6 позицию, то при описании себя эта характеристика внезапно «взлетает» на 2 место, сразу за личными качествами. Хотя выше и отмечалось, что этническая и религиозная идентичность тесно связаны, возможно, что национальность в качестве атрибута личности в некоторых регионах играет большую роль. Однако, подробное исследование этого феномена выходит за рамки основного предмета данного дискурса.

Подводя итоги всего выше сказанного, можно сделать ряд предварительных выводов.

Первое. Одновременное протекание процесса глобализации, с характерными для него противоречиями между стандартизацией и мультикультурализмом, и процессов суверенизации с ростом национал-патриотических настроений в Казахстане создает условия для кризиса идентичности.

Второе. Столкновение традиционных религиозных систем и новых (как для Казахстана, так и для мира) религиозных образований, в условиях религиозного плюрализма обостряют кризис идентичности.

Третье. Попытки решить проблему за счет следования традиционной схеме «этнос-конфессия» порождают внешние, поверхностные, необязательные формы религиозности, лишенные глубокого нравственного, жизнеобразующего содержания.

Четвертое. Особенно остро эти противоречия переживаются молодежью в силу естественной маргинальности их социального статуса. Данный процесс усложняется за счет культурно-исторических и социально-экономических различий между регионами Казахстана, которые выступают средой протекания первичной социализации молодого поколения и формируют особые условия формирования идентичности.

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В период колонизации царской Россией вся Средняя Азия была разделана на несколько крупных территориальных образований. Это Туркестанский край, куда входили пять областей, Хивинское ханство и Бухарский эмират, которые формально были независимыми, однако, находились под протекторатом России. Кроме того, большая часть нынешнего Казахстана, которая еще раньше была присоединена к России, подчинялась Оренбургскому и Омскому губернаторству. Таким образом, все территории, официально подчиненные структурно и формально входили в состав официальных административных образований. Их размежевание подчинялось положениям и принципам, принятым в российской империи. В состав царской империи входили различные народности, все подчинялись единому принципу территориального деления, согласно которому главным принципом была экономическая и политическая целесообразность. Национальный признак, как способ территориального деления нигде не применялся, исключением считались только Польша и Финляндия. Это касалось и Центральной Азии. Весь Туркестанский край или генерал-губернаторство были разделены на пять областей, без учета каких-либо национальных особенностей. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что для национального размежевания в Центральной Азии в конце и начале XX века не было еще предпосылок. Национальная идентичность не была характерна для жителей данного региона. Люди подразделялись по религиозному, региональному, социальному и другим признакам. Условия и основания для национального самоопределения начинают складываться только к началу XX столетия.

Одним из условий и предпосылок для формирования национального самосознания становится движение джидидистов. Они создали новые школы, основанные на новых методах, что стало основанием для выделения себя из прежней общей мусульманской среды, как самостоятельного социальной общности.

Другим фактором, который повлиял на рост самосознания, является восстание 1916 года, когда все жители Туркестана поднялись на вооруженное восстание против царской власти. Существуют разные интерпретации восстания, разные его оценки, однако, можно твердо утверждать, что данное выступление является примером, когда местное сообщество

противопоставило себя власти. Стихийное, неорганизованное восстание было неосознанной попыткой защитить свои права, интересы.

Кроме того, в либеральной и прогрессивной среде русской общности были достаточно популярны и распространены идеи автономии, демократии, которые получали распространение и среди национальной интеллигенции. После революции 1905 года, император Николай II ввел либеральные нововведения в политическую жизнь общества. Была организована Государственная Дума, куда избирались представители всех регионов и сообществ. Поэтому Туркестан тоже был представлен в высшем законодательном органе местными депутатами, которые получили широкие связи и отношения с лидерами разных политических сил. Это и конституционные демократы (кадеты), и социал-революционеры (эсеры), монархисты, анархисты и т. д. Многие прогрессивные идеи и учения, которые были популярны в центральной России, стали доступны и для окраин.

Таким образом, к периоду крушения царской власти в Туркестане сложилось общество, которое было пронизано самыми разными идеями и настроениями, часто враждебных и противоречивых друг другу. Политическая активность и душевный подъем был характерен для всего общества, для всех слоев настроения. Падение самодержавия раскрепостило все общество, надежды на будущее приобрели реальные очертания, что не могло не способствовать росту повсеместной активности всех политических сил и движений.

Захват Петропавловской крепости и Зимнего дворца, арест министров царского правительства 28 февраля 1917 года привел к завершению многовековому правлению династии Романовых. Режим самодержавия пал, в Российской империи побеждает демократическая революция. В результате соглашения между Петропавловским советом рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Государственной Думы было образовано Временное правительство. В опубликованных Декларации (3 марта) и Обращении к гражданам России (6 марта) Временное правительство изложило свою программу. В ней оно заявило о введении политических свобод – свобода слова, печати, союзов, собраний, стачек; отмене всех сословных, религиозных и национальных ограничений; подготовке к созыву Учредительного собрания, полной политической амнистии и т.д. События в Петрограде, новые законодательные акты были с воодушевлением приняты большинством населения страны, ее многочисленными народами, различными классами, социальными группами, политиче-

скими партиями и общественными движениями. Эйфория победы, идеи свободы, равенства и независимости подняли общественное настроение, возродили надежды народов, раскрепостили их самосознание, активизировали их социальное творчество по демократическому переустройству своей жизни, участию в управлении государством.

Волна политической и общественной активности прокатилась по всей стране, охватила все ее окраины. Уже 3 марта в центре Туркестанского края образован Ташкентский совет рабочих депутатов, на следующий день – совет солдатских депутатов. По их призыву начинаются создаваться советы в городах и рабочих поселках Туркестана. К концу марта на территории края насчитывается 75 советов рабочих и солдатских депутатов. Классовый принцип формирования советов сразу сказался на их национальном составе. Избранные депутаты были представителями европейских национальностей.

Одновременно с избранием советом начались выборы исполнительных комитетов общественных организаций и комитетов общественной безопасности. Эти комитеты выступили как объединители всех демократических организаций. Это обеспечило им более широкую социальную и национальную основу. Правомочность этих органов была признана национальной общественностью края, которая активно включилась в кампанию по выборам исполнительных комитетов на местах.

Джадидисты выступили инициаторами объединения интересов коренных народов, которые уже 6, 9 марта проводят первые собрания жителей «старого» Ташкента, где выдвигаются депутаты от представителей местного населения. К 14 марта проводится расширенное собрание, где создается представительский орган от всех частей старого города Ташкента. Этот орган выступил ядром новой организации, которая получил название «Шурои Исламия» («Совет ислама» или «мусульманского совета»). Во временном положении, принятом на одном из первых заседаний правления, основными целями организации провозглашались распространение реформаторских идей и укрепление единства мусульманского населения Туркестана. Были разработаны структура, членство, функции, финансы организации. Положение признавало необходимым создание «Шурои Исламия» во всех городах и селах Туркестана. Эта инициатива получила широкое распространение во всем крае, уже 8 апреля были созданы подотделы в Оше, Андижане, Скобелеве, Туркестане, Мары, чуть позже в Самарканде, Коканде и других городах.

Образование «Шурои Исламия» стало знаменательным событием в политической жизни Туркестана. Оно внесло серьезные коррективы в

расстановку политических сил, в строительство властных структур края. В политической сфере края появилась сила, которая существенно отличалась от существующих организаций по своему составу, целям, задачам. Главная особенность «Шурои Исламия» заключается в том, что благодаря ее созданию коренные народы выступили самостоятельным субъектом политической жизни края, отдельным игроком на общественной арене. Никогда, до этого момента, интересы коренных народов не были представлены в таком виде в общественной жизни. Бесправное и беззащитное существование было характерно для многих слоев населения самодержавной России, но особенно остро это проявлялось по отношению к коренным народам края. «Шурои Исламия» стала первым органом, который провозгласил своей задачей защиту интересов коренных жителей края. В самом названии данного органа можно наблюдать связующую общность местного населения. В существующих экономических, культурных и социальных условиях, местное население рассматривало себя как единую социальную общность, где различия не имели принципиального значения. Региональные, сословные, экономические различия не были антагонистичными. Существующую общность и единство народов, отмечали в своих трудах известные ученые Н. Димо, Ю. Пославский, Г. Черданцев. Они утверждали, что «не смотря на пестроту географического состава культура Средней Азии является по сущности, культурой единой. Хотя, кочевой быт резко отличается от оседлого, но между ними не существует непроходимой грани, вследствие происходящего оседания кочевников и перехода, в отдельных случаях, оседлого населения к скотоводству». К весне 1917 года на дальней окраине России сложилось определенное троевластие. Это – туркестанские советы солдатских и рабочих депутатов, выражающие волю революционной демократии. Исполнительные комитеты общественных организаций, выражающие интересы различных социальных и национальных групп населения, в нее входили различные партии (меньшевики, эсеры). И формирующийся представительный орган мусульманского населения «Шурои Исламия», который выражал интересы и волю местных народов.

Сложившаяся политическая ситуация отражала не только расстановку различных сил в регионе, она также показывает, как демонстрирует разные аспекты и отношения к вопросам, связанным с национальной проблемой. Именно в борьбе и столкновении между этими центрами политической власти формируются принципы национальной политики. В программах существующих политических сил проявляется будущие контуры территориального деления края. Анализ борьбы и противостояния

различных политических сил показывает, что сложившийся политический контур региона не является волевым решением Кремля, а сложной и противоречивой комбинацией, сочетающей интересы и большевиков, и местной элиты.

Разные политические цели и задачи диктовали разные методы и формы их достижения. Это особенно четко проявилось в политической борьбе в Туркестане. Программные и тактические установки этих трех политических сил с наибольшей полнотой проявились в краевых съездах, которые они провели в апреле. В центре внимания всех съездов оказались вопросы, связанные с отношением к войне, к Временному правительству, будущей формы правления, вопросы управления краем, продовольственный и другие.

Первым начал свою работу 1 Туркестанский краевой съезд советов-рабочих и солдатских депутатов. На нем присутствовали 263 депутата, которые кроме 4 человек были европейской национальности. На съезде прозвучало предупреждение, что при назначении высшей краевой власти, необходимо учесть стремление мусульман к созданию единой, выражающей интересы местного и пришлого населения власти. Были высказаны мнения о создании единой власти под контролем русских и мусульман. В то же время, выступив за учреждение в России демократической республики с сильным центральным органом, съезд не стал обсуждать вопросы об автономии края, ликвидации национального неравенства, оставив их на решение Учредительного собрания.

Съезд исполнительных комитетов общественных организаций Туркестанского края был представлен 171 делегатом, из которых 99 человек были представителями европейского населения и 72 – коренного. Наибольшее обсуждение вызвала идея о федеративном устройстве как форме, дающей «всем народам России возможность самоопределения», разделив делегатов на два лагеря. Одна часть сторонников федеративного устройства связывала вопрос о предоставлении автономии с развитием культурного и политического развития народов Туркестана, в связи с чем признавала, что народам Туркестана должна быть представлена возможность воспользоваться автономией в последствии. Другая часть считала, что автономия должна быть территориальной, а не национальной.

1 Всетуркестанский съезд мусульман, созданный по инициативе «Шурои Исламия» прошел с 16 по 21 апреля. На нем присутствовало 150 делегатов, представлявших все коренные народы края. Повестка дня включала многие вопросы: отношение к Временному правительству, о школах медресе и вакфах, об отношении к войне, земельно-водный

вопрос и т.д. В центре внимания оказались вопросы о будущей форме управления в России и организационной консолидации коренного населения Туркестана. Признав Временное правительство и его программу, съезд единодушно поддержал идею утверждения в России федеративной демократической республики с предоставлением широкой автономии всем областям, в том числе и Туркестану.

Различные съезды, проведенные весной 1917 года, их программы и решения, показали, что, не смотря на отличия в политических вопросах, население региона делится на два лагеря по своему умунастроению. Большинство европейского населения связывало свое будущее с сохранением державных позиций Центра, то местное население консолидировалось на платформе идей национальной свободы, желании сами определять свою судьбу. В то же время, среди лидеров коренного населения не было открытых сепаратистских настроений. Основной их целью было получение определенной автономии в решении собственных местных проблем. Однако, даже эти минимальные требования не были одобрены противоположными силами.

В это же время, 7 апреля 1917 года, происходит назначение Временным правительством Туркестанского совета «в целях установления прочного порядка и устроения Туркестанского края на основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., и для разрешения на месте возникающих вопросов управления краем».

К тому времени в Туркестанском крае произошли существенные общественно-политические и социально-психологические сдвиги, которые серьезно повлияли на происходящие консолидирующие процессы в обществе. За короткий срок (май-август 1917 г.) во многих городах и поселках Туркестана – в Ташкенте, Коканде, Андижане и др. – были образованы советы мусульманских рабочих депутатов, Союзы трудящихся мусульман, среди коренного населения начали создавать профсоюзные организации. Инициаторами их создания выступили около 100 тысяч возвратившихся туркестанцев, мобилизованных в 1916 году на тыловые работы. Огромные массы людей в период своей работы на заводах и фабриках России, вплотную столкнувшись с практикой классовой борьбы, восприняли лозунги и идеи леворадикальных сил революции и привнесли их в слабо дифференцированное туркестанское общество. Один из лидеров этого движения признавался: «На плечах Совета мусульманских рабочих депутатов лежит чрезвычайно тяжелая работа организации темной массы туземного пролетариата, находящегося в рабской зависимости от

всемогущих баев. Верным союзником последних является духовенство, имеющее огромное влияние и играющее на самой темной стороне незнательной массы – на фанатизме и невежестве, что усугубляет тяжесть нашей задачи». Повсеместно начинается сближение советов мусульманских рабочих с ранее созданными советами рабочих и солдатских депутатов, классовая солидарность и близость интересов подталкивала их к объединению. Новые советы получают помощь и защиту от своих коллег. На политическую арену начинает выходить новое движение, состоящее из коренного населения, но основанное на новых, классовых принципах организации. Их приоритеты приходят в конфронтацию с целями уже организованных движений, которые пытались создать объединение, консолидирующее все население края, вне зависимости от социальной и региональной принадлежности.

Революционная активность и напряженность выдвигала на политическую арену все новые и новые силы. Все общество приходит в движение, все социальные слои, общественные группы начинают продвигать свои интересы, которые во многих случаях начинают противоречить друг другу. Туркестанское общество, казавшееся единым и монолитным, начинает демонстрировать свою политическую и социальную пестроту и разнообразие. Местный пролетариат, не смотря на свою малочисленность и слабую консолидацию, заявляет о своих приоритетах, которые резко контрастируют от стремящейся к объединению «Шурои Исламия». Последняя тоже начинает раскалываться в результате разногласий. В июне 1917 года из ее рядов выходят духовенство и его сторонники и образуют организацию под названием «Шурои Уламо» (Совет духовенства). На сепаратистские настроения духовенства оказали влияние новые тенденции в движении «Шурои Исламия». Лидеры данной организации в своих устремлениях руководствовались идеями общероссийского движения мусульман. Первый Всероссийский съезд мусульман, состоявшийся в Москве, в мае 1917 года, был представлен всеми политическими течениями – от правых консерваторов до левых радикал-социалистов, в том числе делегатами от Туркестана, Бухары и Хивы. В принятых постановлениях и резолюциях были выдвинуты требования о заключении мира без аннексии и контрибуции, введении 8-часового рабочего дня, прекращении выселения коренного населения с земель в степных областях и Семиречье, расширение сети национальных школ, создание Временного Духовного управления и т.д.

Серьезные разногласия вызвали вопрос о формировании националь-

но-государственного устройства России. При его обсуждении форум разделился на две большие группы: одна из них стояла на принципах централизма и выступила за экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе демократической России, другая – за территориальную автономию в составе Российской Федерации. В результате бурных и продолжительных споров была принята резолюция, которая признавала, что «а) ... формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориальных федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией; б) для регулирования общих духовно-культурных вопросов мусульманских народностей России и солидарных их выступлений учреждается центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области».

В результате, уже в июне проводятся обособленно три съезда: II Всероссийский мусульманский съезд, съезд мусульманского духовенства и мусульманский военный съезд. Революционный настрой, жажда перемен, новизна идей не могли не вызвать настороженности и опасения у консервативно настроенной части мусульман. Любые перемены должны привести к слому старого уклада и изменению прежних ценностей, что конечно не входило в интересы духовенства. Поэтому оно отреагировало созданием новой организации «Шурои Уламо».

Разность интересов диктовала различные подходы в решении политических вопросов, стоящих перед туркестанским обществом. Лидеры национальной демократии, возглавляемые джадидистами, видели своей главной задачей консолидацию коренного населения путем расширения их прав через активное участие в управлении региона. Духовенство было заинтересовано в максимальном сохранении своих привилегий и положения, поэтому поддерживали те силы, которые могли бы им гарантировать неизменность их статуса. Советы мусульманских депутатов подходили к решению всех вопросов с классовых позиций. Такое расхождение во взглядах затрудняло возможность объединения, хотя попытки для этого предпринимались. На июньском съезде мусульманских организаций Ферганской долины участвовало 137 делегатов от разных организаций долины, представлявших интересы всех слоев населения. Представители союза трудящихся мусульман, убедившись в преобладании представителей имущих слоев, в знак протеста покинули съезд. На съезде была пред-

принята попытка объединить на политической платформе всех представителей местных национальностей края. Съезд, избрав Организационное бюро, положил начало образованию первой мусульманской партии – партии мусульманских федералистов. Основным пунктом утвержденной съездом платформы было провозглашение Туркестанского края в составе Ферганской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областей «автономной единицей», федеративно связанной с Российской республикой. Ряд положений – незыблемость права на собственность на землю и права водопользования, упразднения нотариата и утверждение суда казиев – свидетельствовало об утверждении общества на началах шариата и адата. Однако, были включены и демократические требования – о признании мирового суда наряду с судами казиев, бесплатного начального образования, создании высших учебных заведений, установление 8-часового рабочего дня, введение единого подоходного налога.

За короткий срок, с февраля по октябрь, местные общественные организации сумели пройти путь от просветительских организаций до политической партии. Национальное демократическое движение продемонстрировало свою общественно-политическую зрелость, готовность выступить самостоятельной силой, способной к управлению в огромном крае. Оно показало, что способно мобилизоваться на принципах демократии и стать консолидирующей силой региона.

Именно активность местного сообщества способствовала формированию тех политических и территориальных образований, которые положили начало созданию первых национальных советских республик. Советская власть сумела учесть существующие в обществе настроения и максимально использовать для достижения своей цели. Зарождающие национальные умонастроения среди местного населения были использованы большевиками при установлении собственной власти. Это и послужило залогом их успеха. Советская власть предложила деление края по национальному признаку и смогла получить активную поддержку своей политики. Образование республик на территории Туркестанского края является результатом ожесточенной борьбы, компромиссов между различными политическими силами.

На примере данного движения можно увидеть, что даже один год, в условиях динамического развития, это очень большой срок, достаточный для формирования партии, её устава, программы, перспективного видения и разработки путей его решения. Надо учитывать, что организаторы партии не имели опыта политической работы, не имели достаточного

уровня образования. Однако, взвешенный подход, ответственность за страну, искреннее чувство любви к своему народу помогли им за короткий срок поставить и решить проблемы, которые до этого не приходилось решать. Тем более, по своей сложности и масштабности, проблемы, стоявшие перед лидерами национальной демократии, были грандиозные. Это были задачи регионального, государственного масштаба.

Решение национального устройства четко укладывается в систему жесткой вертикали власти, в которой происходит подмена законодательных и исполнительных органов управлением политической партии большевиков. Вопросы национальной автономии, национального обустройства страны рассматриваются и понимаются в контексте политической власти большевиков, государственные и национальные структуры получают определенные полномочия только как исполнители воли и целей руководящего органа. В национальных окраинах местным народам не могла быть предоставлена полная политическая автономия, потому что это могло ограничить политическую власть. В тоже время, при условии, что национальные лидеры признают гегемонию партии, то им предоставляется определенные возможности для развития национальной культуры. Военный террор, диктат власти, идеологическая обработка, популистские лозунги способствовали достижению своих целей большевиками. Национально-территориальное деление выступает результатом соглашения и консенсуса между большевиками и местной элитой, которые на определенных условиях смогли договориться о формах и способах устройства региона.

В Туркестане в начале XX века национальное самосознание только начиналось формироваться. Большинство жителей идентифицировали свою региональную, религиозную и сословную принадлежность, а принадлежность к национальной группе была не особо выражена. В целом они могли еще воспринимать свою региональную принадлежность – туркестанец. Поэтому в регионе не существовало политической или социальной группы, которая бы ставила вопросы о политической автономии или государственном самоопределении. Со стороны национальных лидеров вопрос о политической независимости не поднимался. Для этого просто не было социальной базы. Вопросы об автономии, культурной или политической, стали обсуждаться после Февральской революции. Временное правительство, учитывая рост национального движения в западной части России, не могло игнорировать эту проблему. Политическая свобода и культурная автономия стали обязательным условием существования

нового демократического правительства. Оно было вынуждено декларировать в своей программе автономию для всех национальных районов страны. Под влиянием демократической пропаганды Временного правительства она распространяется по всей стране и доходит до Туркестана. Таким образом, идеи автономии и самоопределения приходят в регион из более развитого центра метрополии, а не являются закономерным результатом внутренней борьбы за свободу. Даже просветители, джидиды, в своей деятельности делали акцент на просвещение и образование, и видели свое будущее в составе России.

Революция в центре метрополии открыла новые политические возможности для местного населения и ее элиты. Демократические свободы, провозглашенные в Москве различными революционными движениями, докатились до Туркестана и овладели умами людей. Для местного населения и его элиты получение национальных свобод напрямую связывается с деятельностью властей, в начале Временного правительства, затем и советской власти. Ведь именно центральная власть привнесла в туркестанское национальное общество идеи автономии, самоопределения, предложила их реализовать в регионе. В отличие от других стран и регионов, где национальные движения вели длительную борьбу за осуществления этих идей, центральная власть добровольно вручила их в руки местного, туркестанского населения. Поэтому и вся политика по формированию национальных образований шла под диктовку центральной власти, которая регулировала этот процесс своими постановлениями и декретами. Участие местной элиты проявлялось в активном сотрудничестве с большевиками, где она могла высказать свои интересы и пожелания. Многие пожелания и предложения местного населения, если не противоречили классовым интересами партии, находили поддержку со стороны советской власти.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. – Т., 1922. – С. 23.
2. ЦГА РУз, ф.17, оп.1, д.399, л. 187; ГА Ташкента, ф.10, оп.1, д. 28, лл. 2-3.
3. Туркестанские ведомости. 1917, 12 апреля.
4. Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края. – Т., 1917.
5. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб.док. Т.1. – Т. 1963, С. 57-58.

6. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т.1. – С. 281.
7. Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920 гг.). – Оксфорд, 1985. – С. 33 (рус. яз.).
8. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т.1. – С. 174

Тарасова Е.В.

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ: ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Внутрирегиональная миграция, доминирующая в структуре миграционного оборота большинства субъектов Российской Федерации, редко становилась предметом научных исследований и управленческого анализа. Долгое время приоритет в научных исследованиях отдавался изучению различных видов международных миграций – вынужденных, трудовых, учебных. Анализ влияния миграционных факторов на экономику России и ее регионов чаще всего сводился к оценке миграционного прироста за счет обмена с зарубежными странами, использованию труда иностранных трудовых мигрантов, реализации программ по переселению соотечественников. Тема межрегиональных миграций оставалась в тени международной проблематики и лишь в последнее время стала занимать заслуженное место. В отечественной науке сложилась ситуация, когда большинство научных исследований и предлагаемых моделей управленческих решений ориентированы на внешние по отношению к субъекту Российской Федерации миграции – международные и межрегиональные. Работы, посвященные миграции населения муниципальных образований регионов России, очень немногочисленны (труды Е.С. Вакуленко, Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна, О.Г. Кретовой, Л.И. Попковой, П.В. Василенко, А.В. Трубиной).

Для большинства субъектов Российской Федерации характерна ситуация, когда общая позитивная динамика социально-экономического развития региона сочетается с усилением поляризации его территорий [1]. Значительную роль в углублении внутрирегиональной асимметрии играет миграционный обмен между муниципальными образованиями. Межмуниципальная миграция существенно влияет на численность и возрастно-половую структуру населения территорий, обостряя их демографическое неравенство. В то же время роль внутрирегиональных ми-

грационных процессов в социально- экономическом развитии изучена недостаточно и не всегда учитывается при разработке долгосрочных целевых программ, инвестиционных проектов, планировании размещения объектов социальной инфраструктуры.

Данные о миграции получают в результате обработки листов статистического учёта, которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Рассмотрим особенности внутрирегиональной миграции населения Алтайского края на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

На внутрирегиональную миграционную активность влияет множество факторов: возрастной и этнический состав населения, географическое положение, развитие инфраструктуры, текущая социально-экономическая ситуация, динамика потребностей населения. В 2014 г. по сравнению с предшествующим годом число внутрикраевых мигрантов сократилось на 12,4%. Доля межмуниципальных миграций в Алтайском крае составила 60% миграционного оборота.

С 2011 по 2013 г. в связи с изменением методологии учета мигрантов количественные показатели увеличивались, однако в 2014 г. миграционная активность населения снизилась. Это коснулось как постоянного населения региона, так и мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на длительный срок. Объем миграции населения снизился на 14,3%, в том числе зарегистрированного по месту пребывания – на 7,1% [2, с. 17]. Несмотря на определенный дисбаланс миграционных потоков, указанная тенденция в равной степени наблюдается как в показателях прибытия, так и выбытия.

Рисунок 1

Структура миграционного оборота в Алтайском крае в 2014 г.

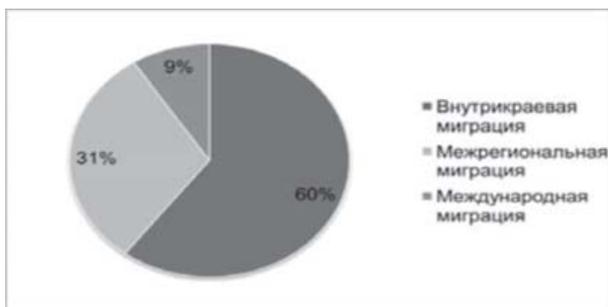

Рисунок 2

Динамика числа прибывших в 2005-2014 гг., человек

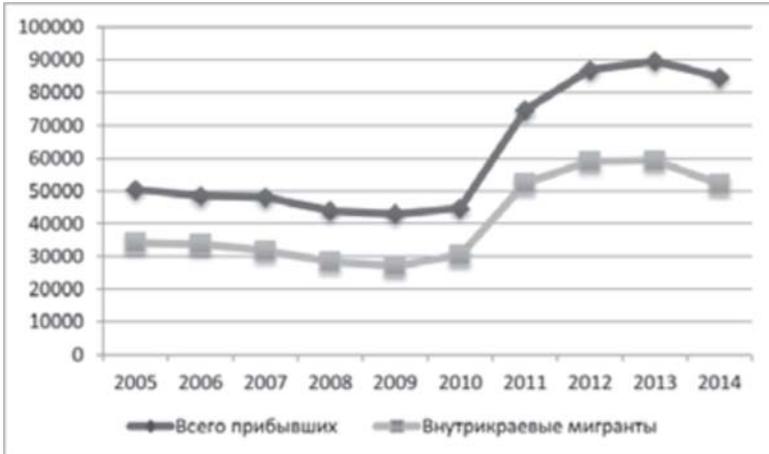
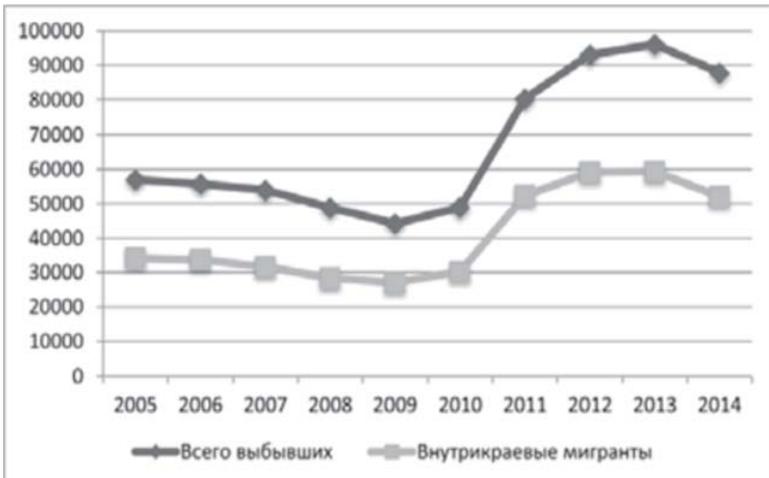

Рисунок 3

Динамика числа выбывших в 2005-2014 гг., человек

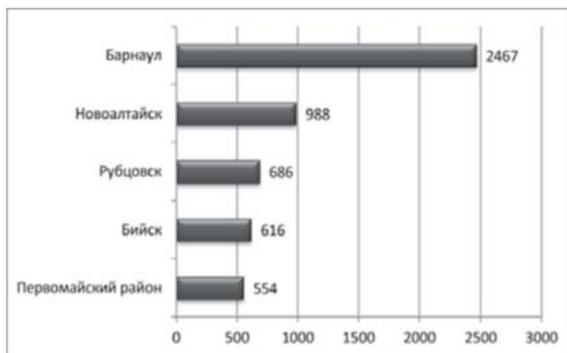
По итогам 2014 г. миграционный прирост был отмечен в 13 территориях Алтайского края. Территорий с миграционной убылью в регионе

насчитывалось 56 [3, с. 47-65]. Прирост населения территории складывается как результат внутрикраевой, межрегиональной и международной миграции. Сходные показатели миграционного прироста могут быть следствием различных сочетаний показателей трех направлений миграции. По итогам внутрикраевой и международной миграции муниципальные образования Алтайского края имеют как положительные, так и отрицательные значения миграционного прироста, в то время как в межрегиональных перемещениях большинство территорий несут значительные миграционные потери.

В 2014 г. миграционный прирост за счет внутрирегиональной миграции зафиксирован в 8 городских округах и 9 районах края. В качестве места вселения наибольшей привлекательностью для жителей края обладают г. Барнаул, г. Новоалтайск, г. Рубцовск, г. Бийск и Первомайский район.

Рисунок 4

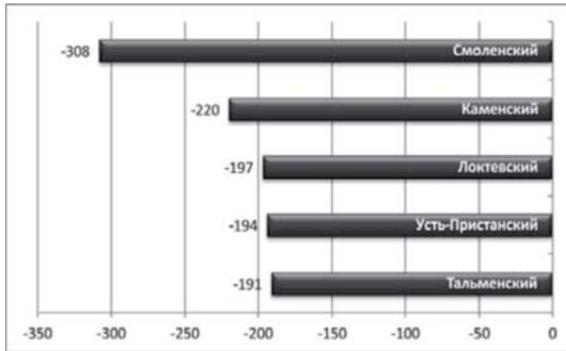
Территории с максимальными показателями прироста во внутрикраевой миграции по итогам 2014 г., человек

Три из пяти территорий с максимальным миграционным приростом во внутрикраевой миграции (г. Барнаул, г. Новоалтайск, г. Бийск) в 2014 г. имели также положительное сальдо международной миграции, но теряли население в обмене с другими регионами Российской Федерации. Город Рубцовск имел отрицательное сальдо межрегиональной миграции и миграции со странами СНГ, а Первомайский район понес потери в межрегиональной миграции и обмене со странами дальнего зарубежья [3, с. 47-65].

Убыль населения в миграционном обмене с другими территориями края отмечена в г. Славгороде, г. Алейске и в 50 муниципальных районах

Территории с максимальными показателями убыли во внутрикраевой миграции по итогам 2014 г., человек

Территории с наибольшими значениями убыли во внутрикраевой миграции также отличаются друг от друга: Каменский, Локтевский и Тальменский районы имели незначительный прирост в международной миграции и несли большие потери за счет миграции межрегиональной. Интересна ситуация в Смоленском районе, где в сегменте международной миграции наблюдался прирост за счет стран дальнего зарубежья при равноценной убыли за счет стран СНГ. Сальдо миграции со странами дальнего зарубежья в Усть-Пристанском районе в 2014 г. было нулевым, убыль населения за счет внутрироссийских перемещений компенсирована мигрантами из стран СНГ [3, с. 47-65].

После включения с 2011 г. в число мигрантов тех, кто зарегистрирован по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, повысилась точность учета учебных мигрантов. Большая часть выпускников средних общеобразовательных школ Алтайского края, планирующих получить высшее образование, предпочитают вузы родного региона. Дальность учебной миграции ограничивается такими факторами, как финансовые затраты на проживание студента в другом городе, наличие (или отсутствие) родственников и знакомых, чья поддержка помогла бы снизить расходы. Для большинства выпускников средних общеобразовательных школ малых населенных пунктов Алтайского края учебная миграция является способом закрепиться в городах, обладающих развитой социальной инфраструктурой и лучшими возможностями для трудоустройства.

Трудовая миграция населения, обусловленная углублением экономи-

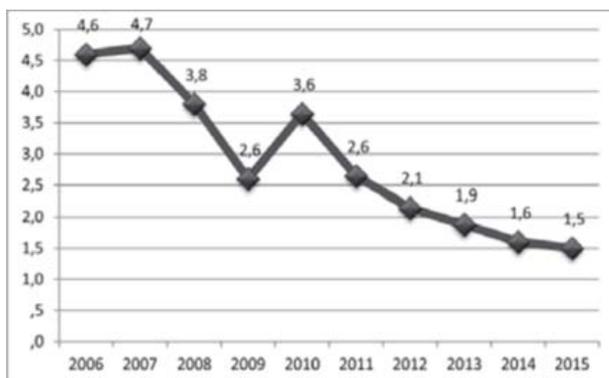
ческой специализации территорий и растущими различиями в возможностях трудоустройства, является одним из наиболее значимых видов пространственной мобильности. На внутреннюю трудовую миграцию в регионах Российской Федерации оказывают воздействие множество факторов, определяющих дифференциацию территорий по степени включенности населения в эти процессы и влиянию их на социально-экономическое развитие.

Алтайский край относится к числу трудоизбыточных регионов. Территориальное несоответствие спроса и предложения рабочей силы, несбалансированность профессионального состава претендентов на рабочие места и вакансий, выход на рынок труда граждан с невостребованными профессиями, увольнение из организаций в связи с уменьшением объемов производства влияют на пополнение рядов безработных граждан. Тем не менее, в последние годы показатели безработицы к трудоспособному населению заметно снизились.

На рынке труда сельских районов ситуация будет оставаться более напряженной, чем в городах края, что обусловлено территориальным дисбалансом спроса и предложения рабочей силы. На сельские районы приходится лишь 20% вакансий, в то время как 75% безработных граждан проживают в сельской местности.

Рисунок 6

Уровень безработицы к трудоспособному населению на 1 января, 2006-2015 гг., %

Сохраняется существенная дифференциация муниципальных образований по уровню безработицы. На 1 января 2015 г. уровень безработицы к трудоспособному населению составлял в муниципальных районах

от 0,6% до 8,3%, в городских округах – от 0,3% до 3,6%. В 30 районах уровень безработицы в 2 и более раз превышал средний показатель по краю. Причинами сложившейся ситуации стали банкротство предприятий, отсутствие товаропроизводителей и низкая интенсивность транспортного сообщения в ряде населенных пунктов, процессы сокращения штата организаций и их ликвидации.

Маятниковые перемещения, связанные с ежедневным или еженедельным пересечением границ населенных пунктов, не фиксируются органами государственной статистики. Экспертами уровень внутрикраевой трудовой мобильности оценивается как невысокий. Это обусловлено значительными затратами, связанными с переменой места жительства, отсутствием в большинстве организаций, испытывающих потребности в работниках, развитой системы доступного инфраструктурного сопровождения рабочих мест (служебного жилья, транспортной сети, иных объектов, повышающих качество жизни). По тем же причинам сдерживается привлечение в регион квалифицированных кадров из других регионов.

В то же время для ряда территорий с высокими показателями транспортной доступности, особенно для Барнаульской агломерации, характерно развитие маятниковой трудовой миграции. В ряде организаций сложилась практика ежедневного подвоза работников из соседних населенных пунктов. В территориях региона практически не используется привлечение на работу вахтовым методом, хотя это направление является весьма перспективным для стимулирования внутрикраевой трудовой мобильности населения. В связи с высокой актуальностью повышения территориальной мобильности рабочей силы, особенно проживающего в сельской местности трудоспособного населения, эта задача включена в региональные программы, направленные на содействие занятости.

Необходимо отметить, что часть переездов внутри региона остаются недокументированными. Точность учета миграции в значительной степени зависит от соблюдения гражданами паспортного режима и является одним из важных условий своевременного удовлетворения потребностей населения в образовательных и медицинских услугах, жилье и рабочих местах. Не встав на регистрационный учет, отдельные внутрикраевые мигранты годами проживают в местах прибытия, ограничивая себя в получении ряда важнейших социальных благ и реализации избирательного права. Острота этой проблемы стала еще более очевидной в ходе ликвидации последствий наводнения 2014 г., когда многим гражданам, не зарегистрированным по месту фактического проживания, пришлось доказывать свое право на получение финансовой помощи в суде.

Таким образом, миграционная убыль является важнейшим компонентом сокращения численности населения как региона в целом, так и большинства входящих в него муниципальных образований. Города и районы Алтайского края, как и многих других регионов России, нуждаются в притоке мигрантов, который поможет снизить темпы сокращения численности и старения населения. Для реализации данной задачи в программные мероприятия должны быть включены меры, способствующие сокращению оттока населения, повышению миграционной привлекательности территорий края. Снижение миграционной убыли населения и формирование «нулевого сальдо» миграции должны стать важнейшими индикаторами эффективности демографической и социально-экономической политики. При разработке приоритетных направлений развития муниципальных образований важно учитывать и использовать для восполнения потерь населения потенциал тех направлений миграции, которые обеспечивают прирост.

Вместе с тем большинство муниципальных образований в вопросах регулирования миграционных потоков ориентированы прежде всего на внешнюю миграцию, на привлечение трудовых ресурсов из других регионов или стран, и вопросы сохранения демографического и трудового потенциала не находят достаточного отражения в программах социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Внутрорегиональная социально-экономическая дифференциация муниципальных районов Алтайского края: Анал. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 76 с.
2. Миграционные процессы в Алтайском крае 2006-2014: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – 76 с.
3. Миграция населения Алтайского края в 2014 году: Стат. бюл. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – 72 с.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В статье говорится о миграционных процессах, имевших место в конце XIX – начале XX веков. Проведен анализ влияния событий произошедших на территории Казахстана в указанный период, таких как переселение крестьян из Европейской части России, Столыпинская реформа, национально-освободительное движение 1916 года, голод 20-х годов, коллективизация и др.

В истории Казахстана колониального периода, несмотря на значительные достижения отечественной историографии, все еще немало дискуссионных, малоизученных или неисследованных проблем, требующих углубленного анализа и всесторонней оценки. Одной из них является проблема миграционных процессов в Казахстане в конце XIX – начале XX веков. На протяжении всего рассматриваемого периода население Казахстана развивалось не только за счет внутренних факторов, но и в результате мощного влияния со стороны внешних воздействий, коренным образом изменивших ход этнодемографических и социально-культурных процессов в регионе. Одним из таких факторов является миграция населения. Современное население Казахстана сложилось в результате большого притока на его территорию переселенцев из других частей страны, начавшегося во второй половине XIX столетия и особенно интенсивно в начале XX в.

Это период характеризуется активными миграционными процессами и интенсивным освоением края, в результате которых произошли существенные изменения в социально-демографической сфере и межнациональных отношениях. Миграционные процессы в Казахстане были тесно связаны с политикой царизма. В рассматриваемые годы большое значение для Российского самодержавия приобрела задача крестьянской колонизации восточных окраин империи. Переселенческое движение в период с 1867 по 1917 гг. прошло четыре этапа. Со второй половины XIX в. царское правительство в целях разрядки социальной напряженности, с одной стороны, и дальнейшей колонизации Казахстана, с другой, активизировало переселенческую политику. Оно переселяет миллионы «беспкойных» крестьян из внутренних губерний в надежде притупить остроту классовых противоречий и создать в их лице социальную опору в национальных окраинах - в северных, западных и юго-восточных районах Ка-

захстана. С целью регулирования народного крестьянского движения был издан специальный закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежние времена», был создан «Переселенческий земельный фонд», организованы специальные экспедиции во главе с Ф.Щербиной, К.Паленом, В.Кузнецовым и другими. В итоге этих экспедиций за период с 1896 по 1915 гг. казахи потеряли до 18 млн. десятин земли, отошедших в переселенческие участки и государственный земельный фонд. На отведенные правительством земельные фонды за те же годы было устроено 1,1 млн. русских переселенцев [1, с.100-102].

Как показало исследование, система нормирования земель кочевого населения, установленная экспедиционными обследованиями, была неэффективной. Эти нормы вносили элемент случайности и открывали простор произволу землеотводных чинов в определении размеров землепользования казахов. Статистики не учитывали, что не все площади пастбищных угодий могут быть использованы, например, в силу отсутствия водоемов, или же не знали, что утилизации растительного покрова мог препятствовать даже состав стад. Об этом же писал знаток казахского хозяйства А. Букейханов: «В результате переселенческой политики царизма обострился в Казахстане и водный вопрос. Царская администрация не понимала всей важности водоемов в степи. Крестьяне, которые имели 1/9 киргизского скота, владели 9/10 водоемов. Результат – невозможность ведения скотоводства» [2, с.333].

Чиновники переселенческих организаций без всякого измерения, на глаз, определяли излишки земель для их изъятия в переселенческий фонд. Так, в отчете Семиреченской переселенческой организации за 1906-1913 гг. отмечено, что «...в Алакульской волости имелось 233 955 десятин удобных земель. Здесь находится 1812 кибиток (для них - достаточно 90.600 десятин земель, т.е, 143.355 десятин были для киргиз излишними) и могли быть взяты без всякого ущерба в переселенческий фонд [3]. Далее в этом же отчете указано на то, что при образовании переселенческого участка – Джелагачский, снесено 115 киргизских хозяйств, которым за перенос построек дано денежное вознаграждение 258 руб. 58 коп, При образовании Участка Учкульмеского подлежало сносу 182 киргизских зимовок [3].

С нарастанием переселенческого движения администрация стала считать не только земли, находящиеся в пределах зимних стойбищ, но и

все обрабатываемые казахами земли, за исключением летовок. Объектом систематических расхищений являлись земли не только северных районов Казахстана, а также и южных регионов - Семиреченской и Сырдарьинской области. Но в связи с тем, что подготовка земельного фонда путем орошения в Туркестане требовала значительных усилий, он был официально закрыт некоторое время для переселения, хотя это не остановило движение сюда самовольцев - переселенцев. Из материалов ревизии К.Полено следует, что в 1902 году в Семиреченской области насчитывалось около 16 тысяч переселенцев, а в 1908 году - 30 тысяч самовольных переселенцев[4].

Переселенческое движение все возрастало: к 1906 г. оно более чем вдвое превысило максимальные размеры его за весь предшествующий период, достигая огромной цифры в 427 000 душ только семейных переселенцев.

Осуществление столыпинской аграрной реформы, усилившего переселенческое движение на территорию Казахстана, поставило вопрос об увеличении колонизационного фонда. Наиболее приемлемым средством достижения этой цели был признан перевод казахов к оседлому быту, который должен был уменьшить земельные наделы казахов. Исследователи экономической истории Казахстана того периода почти однозначно оценивали цели и меры правительства по переводу казахов к оседлости. Так, О. Ваганов считал, что «...правительство собиралось поощрять перевод на оседлость лишь в том случае, если в результате его можно было увеличить колонизационный фонд»[5,с.17]. Переселенческим ведомством был изобретен в отношении казахов новый прием – это так называемые «оседлые нормы», не предусмотренные никаким законом. Суть этих оседлых норм состояла в том, что киргизам предлагалось получить не 15-десятинные наделы, какие отводились переселенцам, а 10 или менее того десятин на душу. Как указывают многочисленные факты, имперская власть взяла курс на насильственное оседание кочевников, которое в рассматриваемый период принимает масштабный характер. Реальная практика седентаризации, сопровождаясь массовым изъятием земель у кочевников и разрушением их привычного уклада жизни, повсеместно приводила к обнищанию коренного населения Степи. Не имея в своем распоряжении ни материальных, ни денежных ресурсов, крестьянство, естественно, не в состоянии было создать жизнеспособное земледельческое хозяйство.

Миграционные процессы наложили значительный отпечаток и

сильно изменили не только численный состав населения и его территориальное размещение, но, прежде всего, коренным образом повлияли на его этнический состав. Можно утверждать, что именно в этот период на территории Казахстана стал складываться новый весьма сложный по своей структуре многонациональный состав населения. В результате в отдельных регионах Казахстана сложилось несколько крупных этнических диаспор.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Казахстане насчитывалось 4.147,7 тыс. чел. населения, из которых казахи составляли более 3.392,7 тыс., т.е. 81,7%, русские- 454,4 тыс. или 10,9%, украинцы -79,5 тыс.— 1,9 %, немцы — 2,6 тыс.(0,06%), поляки — 1,2 тыс. или 0,02%, татар насчитывалось более 55,9 тыс.(1,4 %), уйгур более 55,8 тыс. (1,4 %), узбеков 73,5 тыс.(1,7 %) и т.д.[6, с. 56]. Несмотря на многонациональность состава населения края, которая в последующие годы значительно усилилась, перепись 1897 г. зафиксировала самый высокий удельный вес казахов, который почти в течение всего XX века непрерывно сокращался и они надолго, с 1930-х вплоть до 1990-х гг. превратились в национальное меньшинство на своей исконной территории. Миграционные процессы, значительно возросшие в начале XX века, значительно повлияли на уменьшение удельного веса коренного населения Казахстана. В шести областях региона механический прирост населения в 1897-1916 гг. составил 1 301 400 чел., т.е. почти приравнялся к его естественному приросту (1446,1 тыс. чел.). За эти же годы в Казахстан прибыло 24,9 % всех переселенцев на окраины империи. Анализ данных 360,7 тыс. мигрантов, прибывших в регион в 1906-1912 гг. в результате Столыпинской аграрной реформы, показывает, что 80,6 % их являлись выходцами из Украины, а оставшиеся 19,4 % из юга России. Среди приехавших из Украины преобладали жители Полтавской, Харьковской, Киевской и Черниговской губерний, а из юга России - переселенцы из Воронежской, Саратовской и Самарской губерний. Эти миграционные потоки внесли существенные изменения в численность и состав населения края. К 1916 г. почти пятая часть всего населения Казахстана приходилась на долю русских. К этому времени в регион прибыло в общей сложности 1 428 900 человек. К 1916 г. удельный вес казахов в Российской империи уменьшается с 3,02 до 2,69 %. В течение 1916 г. в Казахстане и Средней Азии также отмечается сокращение численности (с 4753 тыс. до 4061 тыс. чел.) и удельного веса (с 2,69 до 2,3 %) казахов [7, с.253].

Ухудшение демографической ситуации среди казахов объяснялось, в первую очередь, низким естественным приростом, т.е. невысоким

уровнем преобладания рождаемости над смертностью. Низкий уровень естественного прироста казахского населения объяснялся высокой смертностью, в особенности среди детей, из-за тяжелых условий кочевого образа жизни, широкого распространения эпидемических заболеваний и отсутствия медицинского обслуживания. Большое влияние на изменение демографической ситуации в Казахстане оказали последствия национально-освободительного восстания 1916 г. После жестокого подавления этого движения начались массовые репрессии против его участников, часть казахов бежала в Китай и Монголию. Имела место мощная перекочевка казахов в пределы Восточного Туркестана (Синьцзяна). Около 300 тысяч казахов и киргизов из Казахстана и Кыргызстана перешли через русско-китайскую границу в Кульджинский край и Кашгарию, спасаясь от карательных акций русской армии. Пограничные области Восточного Туркестана, такие как Тайчен на севере, Или на западе, Кашгар и Аксу на юге, стали центрами казахских беженцев, в которых их насчитывалось: в Алтайском округе – около 100 тыс., Тарбагатайском – 60-70 тыс. и более 100 тыс. – в Илийском округах. В течение 1914-1917 гг. доля казахов понизилась с 73,07 до 67,39 %. В Тургайской области в 1916 г. она упала на 1,36 %, Уральской – на 3,03%, в Семипалатинской – на 1,14%, в Акмолинской - на 3,62% и в Сырдарьинской – на 13,61 %. Наиболее заметным был отток с территории Семипалатинской и Семиреченской областей, примыкавших к Китаю. В отчете Семиреченской области за 1916 г. убыль казахского населения в связи с его уходом в Китай определялась в 150 тыс. человек [8, с. 350].

Большевистский «красный» террор заставил казахов покинуть рубежи отчизны и найти приют на чужбине. По данным демографа М. Татимова, из 4,2 миллиона человек казахской диаспоры 1,7 миллиона человек проживают в ближнем зарубежье, 1,5 миллиона – в Китае, 100 тысяч – в Монголии, остальные - в Турции и других странах [9, с. 39].

Миграционные процессы в Казахстане привели к ряду негативных последствий. Во второй половине XIX - начале XX вв. в казахском обществе происходили сложные структурные процессы: вызревали и укреплялись новые социальные слои и страты, вызванные к жизни развивающимися производительными силами общества - национальная торгово-промышленная и сельская буржуазия, промышленные рабочие, новая национальная интеллигенция; образовались привнесенные извне колониальной властью новые, совершенно чуждые местному менталитету социальные страты - русские крестьяне-переселенцы, чиновничество, колониальная армия; происходили экономические и социальные

перемены в положении таких традиционных для местного общества социальных слоев как кочевники, купцы, ремесленники; одновременно в обществе сохранялись социальные слои старой сословной структуры - духовенство, частично земельная аристократия, старая национальная интеллигенция. Но надо отметить, что все эти изменения происходили постепенно, во взаимосвязи с изменяющейся общественно-политической и экономической ситуацией. Таким образом, в начале XX в. происходил процесс смены традиционного уклада казахского общества, сильно изменилась его социальная структура, трансформировались производственные отношения.

В результате значительных миграционных потоков к началу XX века на территории Казахстана сложилась сложная полиэтническая и многоконфессиональная структура. Казахи-кочевники пока еще составляли большинство населения, но уже значительный удельный вес к этому времени имели русские и украинские переселенцы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в России в последней трети XIX – начале XX вв. – Алма-Ата, 1963. – С.354
2. Әлихан Бөкейхан. Шығармалар жинағы. – Астана, 2009. 3Т. – С.268
3. ЦГА РК - Ф. 19 - Оп. 1 Д. 27 Л.Л. 92,94
4. Переселенческое дело в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной К. Паленом. – Спб.: Сенат. Тип., 1910.– С. 17
5. Ваганов О. Земельная политика царского правительства в Казахстане. (1907-1914) Исторические записки. 1940. Кн. 8, № 31.
6. Жаркенова А.М. Население Казахстана по Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. (демографический аспект). – Дисс. к.и.н. -Алматы, 2002. – С. 156
7. История Казахстана. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах.Т.3. – Алматы: Атамұра, 2000. – С. 765
8. Нарбекова Г. Национально-освободительное движение 1916 г. Причины. Характер. Движущие силы // История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы: Үш қиян, 2003. – С. 268
9. Тәтимов М. Диаспора мен репатриантар және ирредент пен маргиналдар//Культурные контексты Казахстана: Культурные контексты Казахстана: история и современность. – Алматы, 1998. – С. 245

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ г. РИДДЕР)

Особенностью Казахстана является то, что города всегда были русскоязычными, казахи являлись жителями сельской местности. В настоящее время активно идет урбанизация казахского этноса. К сегодняшнему дню около 58,8% горожан являются этническими казахами. Происходит изменения образа жизни, многих социальных установок. В первую очередь изменения касаются молодого поколения, родившегося в суверенное время. При этом процесс регионально дифференцирован. Так, на северо-востоке республики большинством по-прежнему является русскоязычное население. Молодое поколение казахов, адаптируясь, живя в русскоязычной среде, в основном не зависит от мнения родителей, родственников. Процесс изменения демографических, социокультурных установок здесь будет проходить более быстрыми темпами.

В статье это будет показано на примере г. Риддер. Город Риддер основан в 1786 году как поселок Риддер, и назван так в честь горного инженера Филиппа Риддера – первооткрывателя рудных месторождений. История города Риддера связана с эксплуатацией месторождений полиметаллических руд. Риддер - русский по этническому составу город - удельный вес казахов составляет немногим более 10%. На примере Риддера можно увидеть, как казахи живут в русскоязычной среде, как эта среда влияет на социокультурные установки молодежи.

Автором проведено 7 интервью с русскоязычными казахками в возрасте 18-22 года, живущими в городе Риддер.

Начала я своё интервью с вопросов о семейной памяти, чтобы выяснить количество детей у их матерей и бабушек.

Сколько детей было у мамы, бабушки и какая разница в возрасте между детьми?

Камила, 18 лет: «У мамы - 2, у бабушки с папиной стороны - 7, у бабушки с маминой стороны - 6. У детей мамы разница 10 лет, у детей бабушки с маминой стороны 2,3,4 года, у детей бабушки с папиной стороны 2,3,4 года».

Рано, 19 лет: « У мамы трое детей. Я (19 лет), брат (14 лет) и младшая сестра (4 года).

У бабушки с маминой стороны трое детей - моя мама, её брат стар-

ший и младшая сестра. Разница в возрасте тёти и дяди (самого старшего и младшей) 12 лет, у остальных 3-4 года.

С папиной стороны у бабушки тоже трое детей. Папа старший, и у него младшая сестра и самый младший брат. Разница между ними 3-4 года».

Зарина, 20 лет: «У мамы - 2, у бабушки с папиной стороны - 7, у бабушки с маминой стороны - 9. У детей мамы разница в возрасте 11 лет, у детей бабушки с маминой стороны - 3,4 года, у детей бабушки с папиной стороны - 3,4 года».

Назым, 21 год: «У бабушки со стороны мамы - 8, у бабушки со стороны папы - 2, у моей мамы 1. У детей бабушки со стороны мамы разница 3,4,5 лет, но ещё в те суровые времена дети умирали и болели, у детей бабушки со стороны папы разница 3 года».

Арайлым, 20 лет: «У бабушки со стороны мамы 5, у бабушки со стороны папы 7, у моей мамы 2. У детей бабушки со стороны мамы разница 3,4,6 лет, у детей бабушки со стороны папы я не знаю, у детей мамы - 2 года».

Сабина, 22 года: «У мамы - 2, бабушка со стороны мамы - 2, бабушка со стороны папы 6 детей. У детей мамы разница 8 лет, у детей бабушки со стороны мамы - 2 года, у детей бабушки со стороны папы - 2,3,4 года».

Амина, 18 лет: «У моей бабушки с маминой стороны 2 детей с разницей в возрасте в 6 лет, у моей мамы 2 детей с разницей в 8 лет. У моей бабушки с папиной стороны один ребенок».

Таким образом, все девушки выросли в многодетных семьях. Но, в то же время, их родители в основном состояли в многодетных семьях. Как мы видим, традиции многодетности постепенно уходят.

Откуда родом родители, бабушки, дедушки?

Камила: «Я живу с рождения в Риддере, папа родился и вырос в Риддере, родители папы: мама - Уланский район, село Бозанбай, отец Каркаралинск, мама из Зайсана, родители мамы из Зайсана».

Рано: «Мама родилась в Лениногорске (прежнее название Риддера. А.Т.). Предки бабушки и дедушки родом с Алтая. Папа родом из южного Казахстана. Аже и ата тоже там всю жизнь жили. В нашей семье есть древо, но оно ведётся только по мужской линии. Ещё знаю, что я из рода Алшын».

Зарина: «Я живу с рождения в Риддере, папа и его родители родились и выросли в Глубоковском районе в с. Весёловка, потом они переехали в г. Риддер. Мама и её родители, они местные, риддерские».

Назым: «По папиной линии бабушка и дедушка родом из Алтайско-

го края, с. Тикелли, по маминой линии бабушка с дедушкой с Тарбагатайского района, с. Акжар, мама с Акжара, бабушкина тетя переехала туда, т.к. их родственники с России переехали в с. Березовка, это Глубоковский район, дедушкин брат переехал в г. Лениногорск и потом после свадьбы они начали жить, работать в г. Риддер, а потом появился папа».

Арайлым: «Они все с Бурабая. Мои родители по личным причинам переехали в г. Риддер».

Сабина: «Бабушка со стороны мамы с Алтайского края, дедушка со стороны мамы - Шемонаиха, бабушка со стороны папы - Самарский район, с. Песчанка, дедушка со стороны папы - Тарбагатайский район, с. Акжар, мама с г. Риддера, папа - Тарабагатайский район» с. Акжар. Сама я родилась в г. Риддер. У бабушки папа приехал сюда из-за работы, дедушку после смерти матери забрала сестра в Риддер».

Амина: «С Усть-Каменогорска, бабушка и дедушка с маминой стороны - с. Ленинка Уланский район, бабушка - с. Никитинка Уланский район, а дедушка с г. Уральск. Мой дедушка приехал после армии сюда работать и бабушка тоже, так и появилась моя мама».

Таким образом, почти у всех девушек родители родились в г. Риддер. Девушки являются горожанками во втором поколении, а некоторые и в третьем. Жизненные ценности респонденток во многом складывались в русифицированной городской среде.

Назови свои главные жизненные ценности

Камила: «Семья и образование».

Рано: «Для меня как для будущего врача главной ценностью сейчас является здоровье моих близких. И в целом с детства больше всего я ценила мир и благополучие своей семьи».

Зарина: «Семья, развитие, работа».

Назым: «Семья, карьера, чтобы та работа, которой ты занимаешься была в твое удовольствие».

Арайлым : «Семья».

Сабина: «У меня мои жизненные ценности - это конечно семья, близкие, также любовь. Любовь, это не какое-то романтическое чувство, это любовь к окружающему миру, народу, доброта, духовное развитие, саморазвитие. Еще, наверное, надежда, она дает человеку чувство, что всё будет хорошо».

Амина: «Свобода, родные».

Таким образом, практически все девушки основной ценностью называют семью. Но в данном случае речь идет не о собственной семье, а

о родителях, близких родственниках. Свои перспективы девушки видят следующим образом.

Расставь по важности для себя жизненные приоритеты: семья и дети; карьера, образование; путешествие, саморазвитие.

Камила: «Семья, потому что родители это те люди, которые любят тебя, заботятся о тебе, они работают, чтобы прокормить нас, дать достойное образование и все необходимое, ни смотря ни на что. Ну, а о своих детях мне пока рано думать; хорошо образованный человек на рынке труда всегда конкурентноспособен, востребован. Человек постоянно должен чему-либо учиться, обретая необходимые навыки, чтобы получить престижную работу, нужно иметь не одно высшее образование; путешествие и саморазвитие, они, конечно, нужны, но в процессе жизни они будут присутствовать, поэтому они для меня не в приоритете».

Рано: «На первое место я всегда буду ставить семью, исходя из прошлого ответа».

Затем, скорее всего, саморазвитие и рефлексия, нужно осознать себя в этом мире для душевной гармонии и равновесия. И в конце - карьера и образование ... трудно расставлять, потому что это главные составляющие современного человека».

Зарина: «1 место - семья, потому что это самое основное, что у нас есть, - семья, родные всегда будет с тобой. 2 место - карьера и образование, сейчас мир такой, где без образования никак и карьеру надо строить обязательно. 3 - путешествие и саморазвитие, они, конечно, нужны, но в процессе работы я буду копить на это и в свободное время буду развиваться».

Назым: «Первое, это путешествие и саморазвитие, мне нужно успеть до определенного момента обогатить свой мозг, потом уже карьера и образование, это тоже нужно, чтобы стать квалифицированным специалистом. Но чтобы им стать, нужен опыт, поэтому нужно объединять путешествие, образование и карьеру. Но путешествие и саморазвитие тоже развивают меня, т.к. моя работа связана с языками, в ходе путешествий я их развиваю. Семья и дети, это уже ниже идет, это можно создать позже».

Арайлым: «1. - семья. Истинное счастье для меня - это быть в окружении родных 2.- карьера. Это способ реализовать себя 3. - путешествие и саморазвитие. Путешествия приносят много ярких и запоминающихся моментов, способ увидеть мир другими глазами. Саморазвитие важно, так как для меня это один из способов понять себя и найти свое место в мире».

Сабина: «Мне кажется, смысл всей нашей жизни -это семья, дети,это наше счастье, т.к. семья нас будет поддерживать, с помощью их поддержки сможем построить карьеру, получить образование. Путешествие и самообразование поставила на третье место, когда ты построишь карьеру и семью, ты сможешь путешествовать и развиваться».

Амина: «Семья - это самое важное в нашей жизни. Дальше построить карьеру и образование, чтоб иметь деньги. А саморазвитие и путешествиие, это будет всегда в процессе нашей жизни, если захотим».

Таким образом, ценность семьи почти у всех девушек на первом месте. Но видно, что понятие «семья» для большинства – это отношения с родителями, родными. Размышления о собственной семье, детях у большинства абстрактны. Важное значение имеют образование, профессионализм, карьера. Более того, они приоритетны. В определенной мере это подтверждают ответы на следующий вопрос.

Когда планируешь выйти замуж?

Камила: «24-25, я считаю этот возраст идеально подходит для создания семьи, к этому времени я окончу учебу и буду иметь опыт в работе».

Рано: «Я не планирую эту сторону жизни. Планируя этот аспект, легко столкнуться с разочарованием. Брак для меня - комплекс сложных взаимоотношений между двумя людьми. И чтобы он сложился, им придётся пройти огонь, воду и медные трубы. Так что, для меня самой это будет сюрпризом».

Арайлым: «30+ или никогда, хочется крепко стоять на ногах и быть реализованной для того, чтобы создать семью».

Зарина: «Ты и сама знаешь, что свадьба состоится в августе, и я думаю, что нет определенного возраста, просто главное встретить своего человека».

Назым: «Я думаю, благоприятный возраст - 27-30, ты будешь иметь уже образование, опыт в работе тоже, хоть и для организма это будет тяжело, но все же в современном мире по другому будет тяжело. Но я не хочу свадьбу казахскую, охота тихую среди близких».

Сабина: «В 23 года, мне кажется, я отучусь закончу университет, как раз я нагуляюсь, похожу на свободе, для себя поживу и как раз в 23 буду готова выйти замуж».

Амина: «20-22, но точно не после 25, с этим делом не стоит тянуть».

Таким образом, большинство девушек планируют выйти замуж в возрасте 23 и старше. Четко виден приоритет планирования жизни, причем семья далеко не на первом месте в ближайшие годы. Налицо и процесс планирования семьи.

Сколько хочешь детей и какая должна быть разница в возрасте между ними?

Камила: «2-3 ребенка, с разницей в 3 года, я думаю, это комфортная разница».

Рано: «1 - 2 детей. Если будет двое, разницу хочется либо совсем небольшую - 1-4 года. Либо наоборот, достаточно большую. Ориентиром будет благополучие моей семьи».

Зарина: «2-3 ребенка, с разницей в 3 года между 1 и 2 ребенком и 7 лет между 2 и 3 ребенком».

Назым: «Я хочу 2 детей с разнице в 3 года, а там посмотрим дальше».

Арайлым: «2 детей, разница 5 лет».

Сабина: «Хочу 4 детей, разница где-то по 2 года».

Амина: «3 детей, разницей в 2 года».

Таким образом, желаемым числом детей в семье в среднем является два ребенка. Для части респондентов (30 %) желаемым числом является не два и не один ребенок, а три ребенка в семье. Из ответов следует, что девушки продумывают разницу в возрасте своих будущих детей. Они осознают, что в будущем им нужно их обеспечить и обучить.

Что будет, если ты выйдешь замуж за парня из традиционной семьи? Ты должна будешь быть идеальной келинкой, рожать детей и не работать?

Камила: «Ну, думаю, что я за такого не выйду замуж. Но, если вдруг такое случится, то придется терпеть, если любишь человека. Я думаю, нет смысла противоречить, этим ничего не добьешься».

Рано: «В зависимости от ситуации. Главной чертой в своей «половинке» я хочу видеть ум. Если общение с ним и семьей будет построено на «ты должна» и запретах, то тут 100% - отказ. Ведь я свободный человек, и запрещать что-то мне не имеет права даже мой молодой человек/ муж (родители только). Я сама воспитывалась в традиционной казахской семье. Но я бы назвала её более современной. Я уважаю старших и свою национальную идентичность, но она выражается более не в устаревших традициях (хотя и в них), а в том, что я уважаю их как людей, которые являются для меня примером и в определённой степени кумиром. Они достигли мира в себе, семье, положения в обществе буквально из ничего. Я уважаю их мнение, и они уважают моё. Так, к чему я это все наговорила... Я ожидаю видеть это и в семье моего мужа».

Зарина: «Я считаю, что женщина должна сидеть дома. Да, не спорю, что она должна смотреть за детьми и большую часть времени уделять

дому. Но при этом у неё должна быть своя любимая работа, пусть она не приносит большого дохода, но чтобы она не деградировала, имела право на развитие, общение с людьми».

Назым: «Это очень сложный вопрос, я не вышла бы за такого. Но если бы это случилось, я бы пыталась найти компромисс».

Арайлым: «Если бы мы не жили с его родителями, он не был бы мамбетом, являлся человеком, способным уважать женщин, то я была бы не против».

Сабина: «Думаю, да».

Амина: «Не выйду, свобода должна быть на первом месте».

Таким образом, исходя из ответов, можно сделать вывод о том, что для девушек брак и семейная жизнь во многом еще являются некоей абстракцией. В будущую семейную жизнь переносятся сегодняшние представления о жизни.

Вышла ли бы ты замуж за парня другой национальности? И как бы к этому отнеслись твои родители?

Камила: «Да, вышла бы, мои родители были бы не против. Как они мне однажды сказали: «лишь бы любовь была».

Рано: «Формальный ответ – «да». Я верю в любовь, а ей не прикажешь. Насчёт родителей: папа перед моим отъездом на учёбу в Россию в шутку сказал «вот выскочишь поди там еще за русского». Я знаю, что они не будут противиться моему выбору и, тем более искать мне мужа. Но! Подсознательно меня всегда больше притягивали парни моей национальности. Наверное, с менталитетом связано, думаю, все-таки семью лучше создавать с человеком, близким по менталитету и взглядам на жизнь».

Зарина: «Да, вышла бы, мои родители были бы против, но потом бы приняли мой выбор».

Назым: «Да, вышла бы. Родители бы поворчали, но, если человек хороший, то приняли бы».

Арайлым: «Вышла бы, но мои родители отнеслись бы отрицательно».

Сабина: «Родители отнеслись бы положительно, они уважают мой выбор. Но сама я - нет, так как я привыкла к нашим традициям. Если выходить за другую нацию, надо узнавать традиции».

Амина: «Да, вышла бы, родители, думаю, отнеслись бы нормально».

Таким образом, почти все девушки готовы выйти замуж за представителя другой национальности, и их родители были бы не против, или же сначала против, но потом смирились бы. Важно то, что все они сами

решают этот важный вопрос, мнение родителей хоть и важно, но не определяющее. Для них не важно сохранить чистоту нации, а важно, чтобы их дети жили в благополучие.

Готова ли ты к тому, что возможно, у тебя будет 1 ребенок или же вообще ни одного из-за нехватки времени и выстраивания карьеры?

Камила: «Да, готова, но, думаю, что в современном мире можно использовать медицинские услуги, при которых вынашивать ребенка не нужно».

Рано: «Один ребёнок - это очень даже неплохо, если смогу дать ему достойное воспитание. А насчёт вообще не иметь, думаю – «да», прожить смогу. В жизни много чего интересного, дети - это прекрасно, но центром жизни женщины они становиться не должны».

Зарина: «Я буду пытаться, но если у меня не будет детей, скорее всего я замкнусь, и это для меня будет равносильно смерти».

Назым: «Без детей не смогла бы, я очень хочу ребенка, возможно позже, и буду стараться сделать все для его появления».

Арайлым: «Да, смогу, посвящу жизнь карьере».

Сабина: «Нет, я не смогу, каждая из нас должна ощутить материнство».

Амина: «Нет, для меня это будет очень больно, думаю, я буду искать способы для его появления».

Почти все девушки хотят иметь детей. Разница в том, что для одних отсутствие детей не будет трагедией, другие без детей жизни не представляют. Видимо, многое зависит от семьи, примера родителей, родственников. Главное, дети не воспринимаются как дань традиции, обязательная составляющая жизни женщины

Уехала бы ты в Америку за богатым парнем навсегда из Казахстана?

Камила: «Если бы любила его, то уехала бы».

Рано: «Если это мой любимый, то... я бы подумала и предложила альтернативы – ха-ха-ха. Мне сложно менять место жительства, я такой человек. И отдаляться от родителей. Ну, и я решила выбрать местом пмж в будущем Казахстан. А если он просто невероятно богатый, и из Америки, то это никак не повлияет на моё решение. Жить и создавать семью на новом континенте можно только с опорой на любовь, а не на деньги».

Зарина: «Нет, я слишком привязана к нашей стране».

Назым: «Я не знаю, скорее всего «да». Но я волнуюсь за родителей, если мы будем часто приезжать в Казахстан только».

Арайлым: «Да, но пыталась бы поддерживать связь с родителями».

Сабина: «Думаю, нет, так как я патриотка своей страны. Буду скучать по близким и природе».

Амина: «Нет, ведь здесь мои близкие, без которых я не смогу».

Как мы видно исходя из ответов, почти все девушки привязаны к нашей стране и не хотят уезжать. Для них не так важно материальное положение будущего мужа, куда важнее чувства к нему.

Есть ли у тебя друзья других национальностей и как ты чувствуешь себя с ними?

Камила: «Да, есть несколько подруг и чувствую себя с ними очень уютно».

Рано: «Мои друзья разные по национальности: казахи, русские, корейцы, метисы. Два лучших друга - русские, ещё одна близкая подруга - казашка. Чувствую с ними себя одинаково хорошо, никакого дискомфорта».

Зарина: «Да, есть, и очень много, я чувствую себя с ними прекрасно».

Назым: «Да, есть, и мы очень хорошо общаемся с ними».

Арайлым: «Да, есть, чувствую себя с ними комфортно»

Сабина: «Да, есть много друзей, я думаю, дружба не зависит от нации и религии».

Амина: «Да, и много, чувствую себя с ними отлично».

Как мы видим, все девушки имеют друзей разных национальностей и отлично взаимодействуют с ними. У них не возникает конфликтов.

Таким образом, автором был представлен краткий портрет казахских девушек, живущих в русскоязычном городе. Как видно из ответов, девушки ценят семейные ценности, традиции. С другой стороны, они успешно социализировались в иноязычной среде, у всех есть друзья разных национальностей. Заметны также вполне «европейские» взгляды на жизнь: приоритет образования и карьеры, четкое планирование перспектив семейной жизни. В тоже время: патриотизм, любовь к малой родине, уважение родителей, родственников в целом.

Уалиева С.К.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В КАЗАХСТАНЕ: ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Межэтнические браки в демографическом аспекте представляют особый интерес, поскольку показывают различие в моделях брачного по-

ведения разных этносов. В широком смысле под брачностью понимают все процессы, характеризующие заключение и прекращение браков, то есть вся совокупность изменения брачного состояния. Этнодемографические характеристики динамики межэтнических браков и разводов позволяют выявить основные тенденции различных процессов.

Для советского времени характерно использование термина межнациональные браки. В современный период, ученые наравне используют термин межэтнические браки. На основании статистических материалов имеется возможность для общей характеристики тенденций. В Казахстане межнациональные браки в советский период по данным переписи 1970 года составляли – 20,6%, в 1979 году – 21,5%, [1, с. 140], в 1989 году – 23,9% [2, с. 76]. Практически, в советские годы наблюдалась тенденция увеличения доли таких браков, иными словами, в 1989 году каждая четвертая семья в нашей республике состояла из представителей разных этносов.

Вопрос о необходимости критического рассмотрения статистических показателей межнациональных браков в советский период в Казахстане отмечал Д. Горенбург [3]. Но статистические данные могут неверно отражать реальное состояние дел. Учитывая изложенные пожелания, автор сделал специальные расчеты коэффициентов межэтнических браков, позволяющие рассматривать демографический аспект смешанных браков на рубеже XX-XXI веков в Казахстане, тенденции и характеристики в этническом аспекте.

Именно соотношение основных национальностей оказывает влияние на характеристику и динамику числа регистрируемых межэтнических браков. Основными этносами в Казахстане по данным материалов переписи 2009 годов являются казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы. Численность и удельный вес этносов значительно изменилась за период между переписями. Значительно вырос удельный вес казахского населения, и снизилась доля русского населения, таблица 1.

В отношении других этносов наблюдается следующая картина: произошло снижение удельного веса украинского и немецкого населения, почти в два раза. Численность татар несколько снизилась. Показатели уйгур в процентном соотношении не изменились. Численность узбекского населения выросла.

Таблица 1- Численность населения Казахстана по отдельным этносам по материалам переписей населения

Националь-ности	Численность населения, человек		Удельный вес в % от общей численности населения	
	1999	2009	1999	2009
Всего	14981281	16009597	100	100
Казахи	8011452	10096763	53,5	63,1
Русские	4480675	3793764	29,9	23,7
Узбеки	370765	456997	2,5	2,9
Украинцы	547065	333031	3,6	2,1
Уйгуры	210377	224713	1,4	1,4
Татары	249052	204229	1,7	1,3
Немцы	353462	178409	2,4	1,1

Рассчитано по: 4, с. 10.

За период с 1991 года, удельный вес межэтнических браков изменился. По данным Агентства Республики Казахстан по статистике, за период с 1999 по 2004 годы удельный вес межэтнических браков среди всех браков несколько снизился, с 21,4% до 18,7% соответственно, и межэтнические браки составляли почти каждую пятую семью [5, с. 36].

При этом происходит увеличение абсолютного числа межэтнических браков – с 18 402 в 1999 году и до 27 269 в 2011 году, что дало повод журналистам писать о росте численности межэтнических браков. В реальности, эти цифры связаны, прежде всего, с значительным ростом показателей брачности в целом в стране, с 85 872 в 1999 году до 160 494 в 2011 году, таблица 2.

Таблица 2 - Число и удельный вес межэтнических браков в Казахстане (в процентах)

Годы	Всего браков	Межэтнические браки	Удельный вес межэтнических браков (%)
1999	85872	18402	21,4

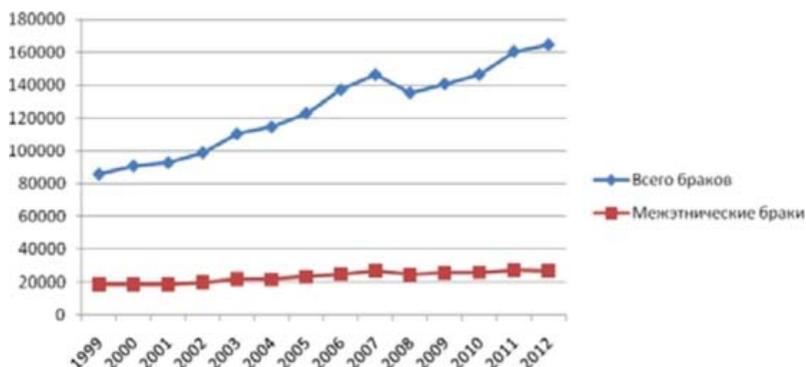
Продолжение таблицы 2			
2000	90873	18477	20,3
2001	92852	18601	20,0
2002	98986	19502	19,7
2003	110414	21646	19,6
2004	114685	21465	18,7
2005	123045	23161	18,8
2006	137204	24650	18,0
2007	146379	26632	18,2
2008	135280	24243	17,9
2009	140785	25522	18,1
2010	146443	25669	17,5
2011	160494	27269	17,0
2012	164681	26647	16,2

Рассчитано по: 6, с. 155, 168; 7, с. 120, 138; 8, с. 178, 197; 9, с. 107,125; 10, с. 162, 176.

По данным таблицы составлен график, рисунок 1, наглядно отражающий соотношение числа всех браков и межэтнических браков. Наблюдается уверенный рост показателей брачности в целом.

Рисунок 1

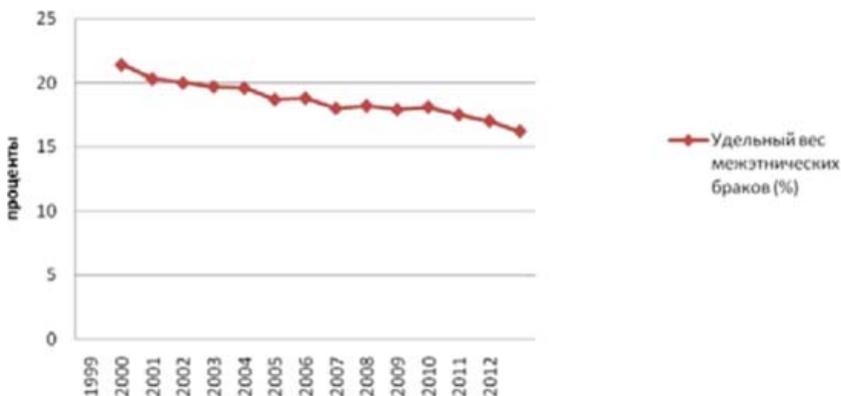
Число всех браков и межэтнических браков в Казахстане

В то же время, рисунок 2 демонстрирует снижение удельного веса межэтнических браков в Казахстане. Причинами являются и миграционный отток, и изменение общественно-политической ситуации в республике.

Рисунок 2

Динамика удельного веса межэтнических браков в Казахстане

Интерес представляет рассмотрение данных вступивших в межэтнические браки по национальной принадлежности. Материалы «Демографического ежегодника Казахстана, 2005» предоставляют данные о доле межэтнических браков среди всех браков определенного этноса. Удельный вес межэтнических браков у казашек составляет 4,17% от всех браков, в то время как у русских женщин этот показатель значительно выше, почти в 8 раз, составляет 30,12%. [5, с. 37]

Для рассмотрения характеристики межэтнических браков применяют коэффициент национальной гомогенности браков (национальной однородности). Рассчитывается данный показатель как отношение числа вступивших в брак со своей национальностью к общему числу вступивших в брак данной национальности. Коэффициенты, равные единице, означают, что представители этих национальностей практически не вступали в смешанные браки. Близкий к единице коэффициент объясняется как абсолютным преобладанием этноса, так и традиционно консервативным отношением к смешанным бракам. Низкий уровень национальной гомогенности браков обусловлен значительной долей межэтнических браков. Нами рассчитаны коэффициенты гомогенности, таблица 3.

Таблица 3 - Вступившие в 2004 году в межнациональные браки по полу (в процентах в отношении браков данной национальности) и коэффициенты национальной гомогенности браков по этносам

Национальности	Мужчины %	Коэффициент нац. гомогенности	Женщины %	Коэффициент нац. гомогенности
Все национальности	18,72	0,813	18,72	0,813
казахи	5,17	0,948	4,17	0,958
русские	25,64	0,744	30,12	0,699
украинцы	85,10	0,149	83,86	0,161
узбеки	12,89	0,871	11,75	0,882
немцы	85,02	0,150	86,33	0,137
татары	85,63	0,144	85,06	0,149
уйгуры	25,55	0,745	22,27	0,777
корейцы	55,54	0,445	50,70	0,493
белорусы	96,48	0,035	96,10	0,039
азербайджанцы	45,62	0,544	36,20	0,638
турки	44,55	0,555	41,30	0,578
другие нац.	65,90	0,341	62,00	0,380

Рассчитано по: 5, с. 37.

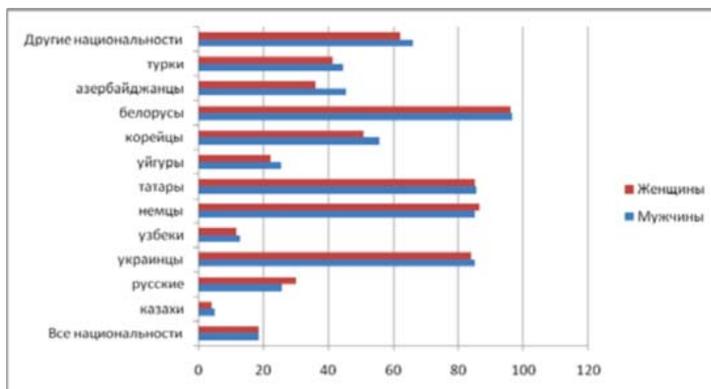
Характеристика по Казахстану в целом следующая – для всех национальностей общий показатель составляет 0,813. У мужчин казахов он составляет – 0,948, у женщин – 0,958. У русских соответственно 0,744 и 0,699. Показатели выявляют отличия в национальном и гендерном аспектах. Для казахов в целом свойственны более гомогенные браки, в то же время этот показатель выше у женщин. Для русских напротив, характерны более низкие показатели национальной однородности браков, при этом статистические данные свидетельствуют, что русские женщины чаще вступают в межэтнические браки по сравнению с мужчинами.

По рисунку 3 наблюдается, что показатели вступивших в брак с представителями других этносов выше у белорусов, украинцев, татар и немцев. Соответственно, и показатели национальной гомогенности у на-

званных этносов более низкие. Высокие показатели национально-однородных браков у казахов и узбеков.

Рисунок 3

Удельный вес мужчин и женщин, вступивших в межэтнические браки в отношении к бракам по этносам в Казахстане в 2004 году

В последующих демографических ежегодниках данные об удельном весе вступивших в межэтнические браки по определенным этносам не представляются. В связи с чем, нами были рассчитаны таблицы с показателями удельного веса вступивших в смешанные браки в отношении всех заключенных межэтнических браков по годам.

Важно тот факт, что в межэтнические браки чаще стали вступать казахи (с 12% до 21%) и казашки (с 8% до 17%) в 1999 и 2012 годах, их доля в общем количестве подобных браков увеличилась, все эти тенденции отражены в показателях таблиц 4 и 5.

Таблица 4 - Удельный вес вступивших в брак мужчин с представителями других этносов среди межэтнических браков (в процентах)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	12,0	11,9	13,0	13,1	15,8	16,9	17,3	18,3	18,7	19,7	19,2	19,8	20,4	20,6

Продолжение таблицы 4														
Русские	32,4	31,8	31,6	31,8	30,5	30,0	30,1	29,8	29,3	28,8	28,5	28,5	28,5	28,7
Украинцы	14,8	14,4	13,9	13,1	12,6	12,1	12,4	11,5	11,5	10,5	10,9	10,5	10,8	10,6
Узбеки	1,3	1,6	1,7	1,8	2,3	2,2	2,3	2,6	2,7	2,7	2,9	2,9	2,6	2,9
Уйгуры	1,5	2,0	1,8	2,2	2,0	2,3	2,4	2,5	2,5	2,7	2,4	2,5	2,6	2,5
Татары	5,2	5,3	5,4	5,8	5,3	5,8	6,1	6,2	6,3	5,9	5,9	6,0	6,3	6,2
Немцы	15,5	15,6	14,5	13,7	11,9	10,8	10,1	9,6	8,9	8,5	8,7	8,2	8,5	8,8
Другие этносы	17,3	16,8	17,3	17,0	17,6	18,3	18,0	18,1	20,1	18,3	18,0	18,0	19,0	19,8

Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 176, 177.

Таблица 5 - Удельный вес вступивших в брак женщин с представителями других этносов среди межэтнических браков (в процентах)

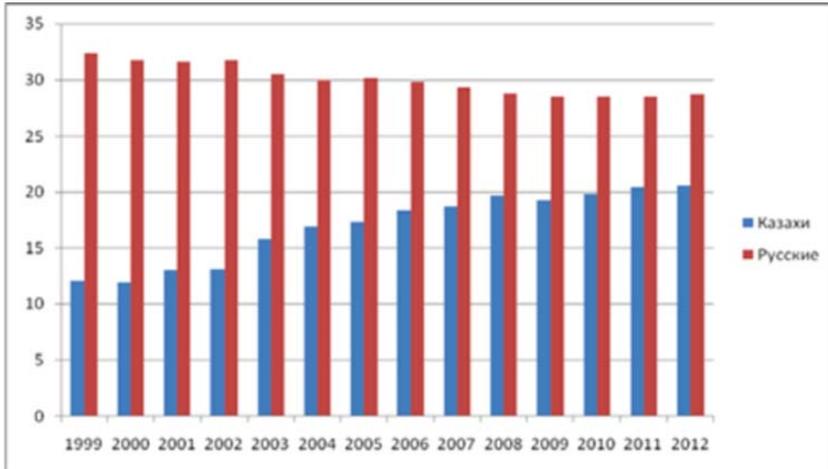
Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	8,4	9,4	10,1	11,0	12,3	13,5	14,2	15,3	15,3	16,0	16,4	16,5	16,8	17,2
Русские	40,4	39,7	39,1	38,4	38,4	37,5	37,4	36,5	36,5	35,2	34,9	34,4	35,6	35,0

Продолжение таблицы 5														
Украинцы	13,8	12,9	13,0	12,5	12,0	11,0	11,5	11,0	10,7	10,2	10,2	10,3	10,4	9,9
Узбеки	1,1	1,1	1,1	1,4	1,8	1,9	2,0	2,0	2,3	2,2	2,4	3,0	2,8	3,1
Уйгуры	1,2	1,4	1,4	1,6	1,7	1,9	1,9	2,0	2,0	2,2	2,1	1,9	2,1	2,3
Татары	5,1	5,3	5,4	5,5	5,6	5,5	5,9	6,2	6,2	5,8	6,3	6,4	6,3	6,4
Немцы	17,0	16,6	15,9	14,7	12,6	12,1	11,0	9,8	9,6	9,4	8,8	8,4	8,5	8,3
Другие этносы	12,6	13,0	13,5	13,8	14,2	15,2	15,0	15,7	17,3	16,5	16,5	16,3	16,3	17,8

Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 176, 177

По данным таблиц нами создан ряд диаграмм. В связи с тем, что основными этносами в стране являются казахи и русские, а также в связи со значительными изменениями показателей двух этносов, по ним были созданы сравнительные диаграммы. Удельный вес межэтнических браков у казахов мужчин по отношению ко всем зарегистрированным межэтническим бракам в Казахстане, имеет тенденцию к увеличению. Важной является гендерная характеристика процесса.

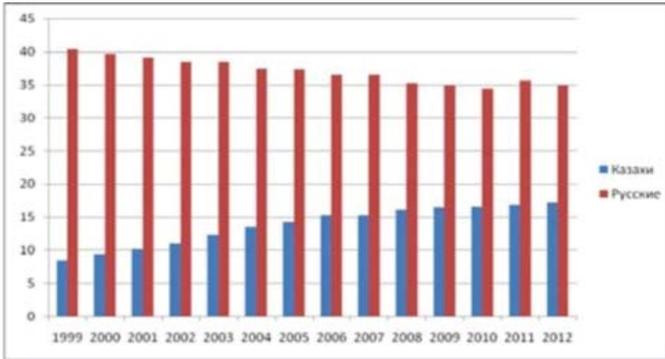
Динамика удельного веса межэтнических браков у мужчин (в %)

Наибольшие проценты межэтнических браков у казахов приходится на мужское население, причем разрыв в показателях с женщинами стабильно сохраняется. В ходе глубинных интервью, проведенных автором, выявлены причины такого поведения. В казахских семьях традиционно считается, что «если сын приводит невестку, какой национальности она бы ни была, она приходит в семью мужа». Соответственно, у казахов большая свобода в выборе этнической принадлежности партнера предоставляется мужчинам.

Удельный вес межэтнических браков русских по отношению ко всем зарегистрированным межэтническим бракам в Казахстане, показывает некоторое снижение показателей как у мужчин, так и у женщин. Причины видятся в первую очередь в значительном миграционном оттоке из РК молодых людей русской национальности в конце XX – начале XXI веков. В результате, в возрастной структуре молодых людей на брачном рынке произошли определенные изменения.

Динамика удельного веса межэтнических браков у женщин (в %)

Следует подчеркнуть увеличение вдвое показателей межэтнических браков у казашек. Практически, это новая тенденция последнего десятилетия. Девушки выходят замуж не только за парней другой национальности в нашей стране, так же увеличилось количество браков с зарубежными женихами.

Таблица 6 - Удельный вес расторгнувших брак мужчин с представителями других этносов среди межэтнических разводов (в процентах)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	9,4	9,2	10,3	10,1	12,7	13,8	14,8	15,1	15,0	15,6	15,1	15,6	15,7	17,4
Русские	32,5	34,8	32,3	31,8	27,8	24,7	23,0	22,4	22,9	23,4	21,6	21,0	23,0	24,3
Украинцы	14,6	15,7	15,4	13,7	11,5	11,1	10,0	9,1	9,5	9,2	7,1	7,0	7,9	7,7
Узбеки	1,2	1,3	1,5	1,0	1,1	1,4	1,8	1,6	1,3	1,5	1,2	1,9	1,7	1,5

Продолжение таблицы 6														
Уйгуры	1,1	1,1	1,3	1,3	1,2	1,3	1,2	1,4	1,4	1,3	1,3	1,5	1,6	1,7
Татары	4,8	5,7	5,8	5,3	4,4	4,2	4,2	3,8	4,3	4,0	3,5	3,7	4,1	4,3
Немцы	9,4	10,2	9,0	8,3	6,6	5,9	5,7	5,5	6,1	5,8	4,8	4,6	5,2	5,6
Другие этносы	14,3	15,9	15,4	14,3	12,7	12,0	10,5	10,3	10,5	11,1	9,9	9,8	10,8	11,4

Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с.178

Таблица 7 - Удельный вес расторгнувших брак женщин с представителями других этносов среди межэтнических разводов (в процентах)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	8,7	7,2	7,9	10,9	14,6	17,5	19,2	21,5	20,2	19,9	22,8	23,2	22,8	22,3
Русские	40,1	40,8	40,6	40,0	37,7	36,1	34,6	33,0	34,9	34,7	33,5	32,8	33,1	33,6
Украинцы	14,4	15,8	15,2	14,1	12,0	11,3	10,1	9,7	9,7	9,6	8,8	8,8	8,9	9,5
Узбеки	0,7	0,7	0,9	0,8	1,2	1,3	1,5	1,6	1,3	1,3	1,2	1,5	1,3	1,2
Уйгуры	0,7	0,7	0,8	0,8	0,9	1,0	0,9	0,8	1,3	1,1	0,9	1,0	1,2	1,1

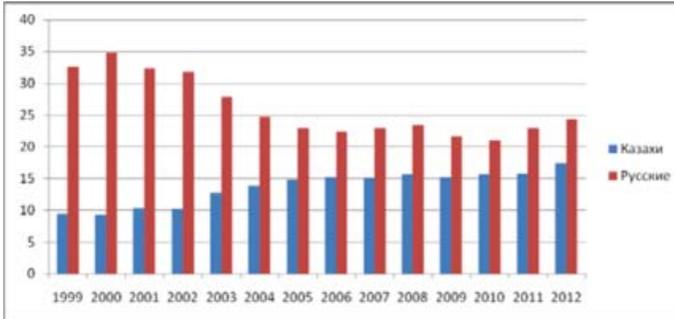
Продолжение таблицы 7														
Татары	5,5	5,7	5,4	5,3	5,1	4,7	4,3	4,9	4,7	4,4	4,5	4,2	4,7	5,2
Немцы	12,5	13,4	12,7	11,4	9,0	7,0	6,8	5,7	6,7	6,3	5,7	5,9	6,4	6,8
Другие этносы	11,3	13,1	12,5	10,5	10,3	9,6	9,0	8,8	9,3	10,5	9,4	8,8	10,4	10,2

Расчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 178.

Удельный вес разводов казахов в межэтнических браках по отношению ко всем зарегистрированным разводам межэтнических браков в Казахстане, характеризует увеличение показателей, практически в два раза, таблица 6. При этом гендерные особенности проявляются особенно интересно, начиная с 2002 года, показатели разводов у женщин стали существенно превышать показатели у мужчин. Данная особенность в сопоставлении с более высокими показателями межэтнической брачности у мужчин казахов, свидетельствует о новых тенденциях разводимости у женщин, изменении их представлений о свободе выбора.

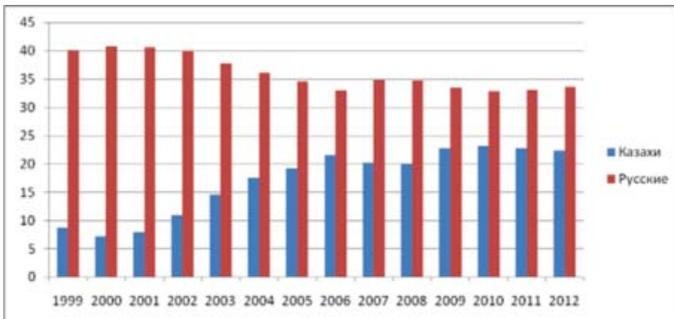
Динамика удельного веса межэтнических разводов у мужчин характеризует сближение показателей у русских и казахов. В 1999 году в показателях разводов у мужчин русских и казахов был значительный разрыв, показатели русских были намного выше. С 2004 года наблюдается сближение показателей, в силу снижения показателей межэтнических разводов у русских мужчин, и увеличения показателей у казахов. Одной из причин увеличения показателей разводов в межэтнических браках у казахов является рост числа самих смешанных браков.

Динамика удельного веса межэтнических разводов у мужчин (в %)

Удельный вес разводов русских мужчин в межэтнических браках в Казахстане, демонстрирует, в отличие от казахов, определенное снижение показателей. В гендерном аспекте – показатели разводов у русских женщин значительно выше, в чем проявляется зависимость от высоких показателей межэтнической брачности. В то же время, за период с 1999 по 2012 годы, разница между показателями разводов у мужчин и женщин увеличилась.

Динамика удельного веса межэтнических разводов у женщин (в %)

Показатели межэтнических разводов у русских женщин значительно выше. К тому же, в динамике наблюдается сближение показателей русских и казахских женщин, хотя в 1999 году разрыв был довольно значи-

тельный. Показатели межэтнических разводов у русских женщин были в пять раз выше. В 2012 году разница составляет лишь 10%, разрыв значительно сократился - 22,3% у казашек и 33,6% у русских женщин. Произошло это в связи с тем, что показатели разводов у русских женщин имеют тенденцию к снижению. Для казашек характерна обратная тенденция: увеличение показателей межэтнических разводов, по аналогии с межэтническими браками.

Интересным является снижение показателей межэтнических разводов у украинцев и немцев, почти в два раза. Причем тенденции аналогичные как у мужчин, так и у женщин. Одной из важных причин является снижение доли межэтнических браков у этих национальностей.

В целом, в характеристике межэтнических браков двух основных этносов страны – казахов и русских, выявлены определенные отличия. Более гомогенные браки свойственны для казахов, в этом сохраняется определенная специфика. В то же время, наблюдается изменение этнических особенностей смешанных браков. Увеличились практически в два раза показатели женщин казашек, вступающих в межэтнические браки. Раньше возможность создания смешанных браков считалась привилегией мужчин. К тому же выросли показатели вступающих в межэтнические браки и у мужчин казахов.

Для русского населения Казахстана характерны более высокие показатели межэтнических браков. Ситуация объясняется различным удельным весом в национальном составе и более традиционными представлениями у казахов в отношении национальной однородности браков. Кроме того, удельный вес межэтнических браков выше у мужчин казахов, по сравнению с женщинами. У русских обратная ситуация – выше показатели межэтнических браков у женщин, в сравнении с мужчинами.

Этнодемографические характеристики брачного поведения населения в межэтнических браках свидетельствуют о сохранении основных этнических характеристик демографического поведения. В то же время происходит унификация определенных тенденций, что связано с процессами урбанизации и трансформации общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. – М., 1987. – 142 с.
2. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния. / Социология национальных отношений / «Социс», 1995, № 7. – С. 76-82.
3. Dmitry Gorenburg «Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union», Post-

Soviet Affairs, 2006, 22,2, pp. 145-165.

4. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Астана, 2010. – 110 с.
5. Демографический ежегодник Казахстана, 2005 / Статистический сборник под редакцией К. Абдиева / Агентство РК по статистике. – Алматы, 2005. – 448 с.
6. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. / Под редакцией Шокаманова Ю.К. – Алматы, 2006. – 440 с.
7. Демографический ежегодник Казахстана. (2007) Статистический сборник. / Под ред. А. Мешимбаевой. – Астана, 2008. – 754 с.
8. Демографический ежегодник Казахстана. (2008) Статистический сборник. / Под ред. А. Мешимбаевой. – Астана, 2009 – 637 с.
9. Демографический ежегодник Казахстана. (2010) Статистический сборник. / Под редакцией А. Смаилова. – Астана, 2011. – 592 с.
10. Демографический ежегодник Казахстана / Статистический сборник / Агентство Республики Казахстан по статистике. Главный редактор Смаилов А.А. – Астана, 2013. – 840с.

Фуки Яғи

МОҢҒОЛИЯДАҒЫ ҚАЗАҚТАРДЫҢ КӨШІ-ҚОНЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ: «ОРАЛМАННАН» «УАҚЫТША ЖҰМЫСШЫҒА»

2015 жылы батыс Моңғолия өлкесі Баян-Өлгий аймағындағы Қазақ халық әндерін зерттегенде, 1990 жылдардан бастаған Қазақстанға көшіқонға байлысты әндерді көп адамдар маған айтып берді. Басында келтірілген өлең «Ақ сапар» деген. Осы өлеңің сөзін, бұрынғы Баян-өлгий аймағындағы Ұлы Құрылтай бастығы болған П. Муратжазған, Баян-Өлгий аймағы Музыка Драма Театрдың режиссоры Ф. Бержан әнін жазған. Бұл әнді Өлгийде тұрған көп адамдар біледі. Әннің мағанысы болашаққа дейін кездесе алмайтын досы мен туыстарды сағынып, құс болып саған кездесуге барсам қандайжақсы деген мағынада жазылған. Яғни, 1990 жылдары Қазақстанға көшкен Қазақтар, артында қалған туыстарымен кездесе алмайды деген сөз.

Алайда, Осы әнді білетінкөп ер адамдардан сұхбат алғанда «Осы жылы сөзсіз Қазақстанға барып жұмыс ітеймін» деп маған айтты. Қазақ халық санын көбейту мақсатында Қазақстан Республикасының Президенті Назарбевтың 1992 жылдан бастап, иммиграция саясатын жүргізді. Қазақтар Қазақстаннан басқа Шыңжаң Ұйғыр автономиялық ауданы, Өзбекстан, Моңғолия т.б. өлкелерде тұрады. Қазақстан шетелдегі

Қазақтарды Атажұртына шақырта бастады.

Әдетте 1990 жылдардағы көш-қонжайлы айтсам, көшіп кеткенде өзі туған жері, үй, байлықты қалдырып тастап Қазақстанға көшті. Мысалы көш- қоны бастаған 1992 жылы Моңғолиядан Қазақстанға байлықты әкелу үшін көп Камаз таситын машиналар Ресейден өтіп Қазақстанға кеткені жазыпты [Baimolda 2013:71-79]. Және Моңғолиядағы Қазақтар сияқты мал жаюы негізгі тіршілігі болған малшылар көшкенде самалётқа мал тиеп немесе бүркітті тасыпты. Бірақ көбі адамдары кенеттен көш-қон бастағандақтан көп нарсені Моңғолияда тұрған туыстарға беріп кетіпті [Baimolda 2013: 81].

Бірақ басында айтқандай, қазіргі шетел Қазақтары Қазақстанға көшуі бәрі байлықтарды тастап жаңа жерде жаңа өмір бастайтын «Мәңгілік көш» емес. Олар «Моңғолияда тұрған да Қазақстанда жұмыс істейді» деген страте- гиясын алып жатқандай көрінеді. Атап айтса бір маусам өткенде Қазақстанда уақытыша жұмыстып уақыты біткен соң Моңғолияның өзі үйне қайтап үйдің жұмыс (мал жаю т.б.) істейді. Шын айтсам, осындай көш-қондағы образды Қазақстанның саяхатта Орал- ман деп айтпайды. Осылай Қазақстанға көшіп жатқан адамдардың ойы өзгеріп жатар деп айтуға болады.

Осы мақаламда үстінде айтқандай Моңғолияда тұрған Қазақтардың Қазақстаға көш-қон жағдайы көрсетіп қазіргі заманда болған жұмысы жайлы құбылысты «Уақытша жұмысшы» деген жағынан айқандаймын.

2. Зерттейтін орын және әдебиеттер

Мақаламда баяндайтын орны Моңғолиядағы Баян-өлгий деген аймағы. Ол аймағы 1940 жылы орналасқан. Қазақ халық саны Моңғолдардан көберек болғандақтан тұрғандары Қазақша сөйлесіп Қазақтың ұлттық ұйымдар да көп бар. 1991 жылдан кейін Назарбаев Қазақстан Республикасының президентінің шақырып Қазақтардың көш-қон бағдарламасы бастылып 1991 жылдың аймағының халық санның жарым, 60 мыңның Қазақтар көшіпті. Негіз ол бағдарламасы тәуелсіздік алған соңғы Қазақстан мемлекеттің Қазақтың құрауы көбейту үшін ұйымдастырған.

Бірақ сол кезде Қазақстанның индустрияның құрылысы Моңғолиядағы құрылыстан айырмашы көп болған. Соны білмеген шетелдегі Қазақтары қиналып, соңында көшкендердың жарым пайыз қазақтар Моңғолияға қайтап келді.

Осы Моңғолиядағы қазақтары, алайда, Социализм кезден қазіргі дейін Қазақстанның мәдениетті қабалдап Моңғолиядағы қазақтардың

өзінің мәдениетті қалыптасқан. Мысалы 1940 жылдан бері Баян-Өлгий аймағының ішінде Қазақстанмен Совет одағының ағартуы әсер етіп келген. Моңғолия Қазақтардың мәдениеті Қазақстанның образды қабылдағаннан соң өзі мәдениетті қалыптасып және 1991 жылдан бері жаңадан туған Қазақстаннан мәдениетті қабылып жүріп жатар [Yagi 2014]. Өлгийде тұрғанда күнде Қазақстан телеарнасы көріп Қазақстанның әндерді тыңдағаны қаралады. Сол себебінің бірте Қазақстанға көшіп кеткен Оралманның әсер де бар.

Осы Оралман деп аталған адамдары Қазақша «Көшіп қайтып келген адам» деген мағанысы. Олар жайлы зерттеуі Европ және Жапонияда да көп. Онда ерекше зерттеуі таныстырып кейінгі статьяның бағыты болдырамын.

Алдын ала Моңғолиядағы Қазақтардың көш-қон және соның иммиграция жайлы Diener-дың «One homeland or Two?» деген кітабы бар. Осы кітабында Қазақстанға көшіп кеткен Моңғолиядағы Оралмандардың «туған жері» жайлы қалай ойлып жатқаны анықтаған. Содан кейін олардың туған жер деген идеясы Моңғол мемлекет те емес, Қазақстан да емес, Баян-өлгий аймағы деген жерден қалыптасқан дейді [Diener 2009]. Осы Diener-нің зерттеуінен кейін Cynthia мен Holly екі зерттеушісі кейбір Моңғолиядағы қазақтардың Қазақстанға «көшіп кетпеген» стратегиясын алып жатқаны баяндайды [Cynthiaand Holly 2009]. Осы статьяда Қазақтары Қазақстан көшпеген себебін 1. Қазақстан жайлы информация оңай ала алатын болды, 2. Туған жермен байланысты, 3. Қоғамдағы қарын-қатыныс деген 3 жағынан анықтап туған жердің идеясымен байланысып қорытынды шығарған. Атап өтсе, Оралман жайлы зерттеуі олардың «туған жердің идеясы» - мен негіз зерттеп жатар.

Алайда Статья шыққаннан бері қазіргі көш-қон жағдайы өзгеріп жатар деуга болады. Мысалы 1990 жылдарда көшіп Қазақстан үкіметті көмегін алмаса өмір сүре алмағандай сол кездке қыйыншылығы жатты. Қазіргі за-манда шынайы Қазақстанға үнемі тұрмаса да мал жаяп орташадан төмен болса да өмір сүре алғандақтан сөзсіз Қазақстанға баруы қажет жоқ болып жатар. Осындай жағдайдан адамдары экономиканың себептен уақытыша Қазақстанға барып жұмыс істеп жатар.

3. Қазақстанла жұмыс істеп Моңғолияға оралған уақытыша жұмыскер

Қазіргі заманда да Моңғолия Қазақтары Қазақстанға барып жатар. Мақсаты уақыттың саяхат, туыстармен кездесуі т.б., әрі мақсатпен Қазақстанға жүргендері көбейтіп жатар. Сол себебі Моңғолия мен Қазақстан арасындағы жол көлегінің сапасы көтерілген. Және Моңғолия

азаматтың Ресей визсіз болған негіз себебі болады. 2014 жылы 11-шы айдан Моңғолия азаматтарына Ресей визсіз өтетін құқығы берілген. Негіз Моңғолиядан

Қазақстанға жүргенде сөзсіз Ресей шекарасына өту керек. Сондақтан бұрын кезден үлкен мәселе болған. Бірақ визсіз болғандықтан еркін Қазақстанға жүретін болды. Содан кейін Баян-Өлгийден Қазақстанға жүретін халықарық автобусы та көбейді. Қазір де күнде Баян-Өлгий – Өскемен – Алматы деген автобустан басқа Баян-Өлгий – Павлодар – Астана – Қарағанда деген 2 жолымен жүреді. Астана дейін 100 мың төгрөг (10 мың теңге). Моңғолиядағы Қазақтардың экономика үшін өте қымбат болса да жүретін адам үшін туы- стардан қарыз алып жүреді. 2014 жылда самалёты Баян-Өлгий – Өскемен – Астана – Алматы деген рейсі те болған да қазар самалёты ұшпайды.

Сөйтеп жолға шығуы оңай болғандықтан қалың Қазақтар Қазақстанға барып жұмыс істеуге қызықтайды. Зерттеп жүргенде кездескен А деген ер адам Алтай сұмдан Өлгийге келген де жұмыссыз. Бірақ ақшасыз болса Өлгийде отыруы қиын болғандықтан туыстардың байланысып отба- сымен жазда ғана Қазақстанның Алматыда отырып диванның өндірісіне уақытша жұмыс істейтін болды. Енді текке үй жалдап түскі тамақ та дайын балғандықтан өте жақсы жұмыс орын дейді. Қазақстанда үйсіз кісілер үшін үй текке жалдау алғаны экономикалық қиыншылықты азайтады. Моңғолияда қалдырған үйі оның шешесі ие болып отырады.

Басқа адамдарды байқап көрсе, Б деген Алтай сұмда тұрған 25 жас асқан малшы жігіттің мысалын айтайын. Оның әкесінің туысында Алматыдағы өндірістің жұмысы бар екен. Сол кісіге айтып 2014 жыл жазда, 2015 жыл жазда Қазақстанға уақытша жұмыс істеген. 2014 жылы қыстаудан жайлауға көшкен соң Қазақстанға кетіпті. Енді жаз біткенде Моңғолияға қайтып келіп Мал жайып жүрді. Ол жаз бойы Қазақстанда жұмыс істеп 100 мың төгрөг (10 мың теңге) ақша тапты екен.

2015 жылы болғанда 4-нші айдың басынан кететін жоспар болған. Бірақ өзі туыстың мәселене байланыстыкейінге қоя тұрды. Атап айтса, 4-нші айда баратын болды деп 3-нші айдың аяғында шешкен. Бірақ қыстаудағы ауа райы тіпті суынып қара жуып малдың жағдайы жақсы емес болған. Және 4-нші айдың ортасында Б-ның сiнiлiнiң құдалардың дастархан ұйымдастыру керек болып қалды. Сондақтан Қазақстанға баруы өте қиын болып ол тұйыққа тіреліп қалды. Осы үйдің экономика сондай жықсы емес болғандықтан Б жігіті жұмыстаған ақша тұра үйдің табыс болады. Сонда 3,4 күн отбасы ақылдасты. Ең соңы қалай десе

туыстардың байланысы маңызды деген ойға жетіп 4-нші айдың басында бармай қоя тұрып малдың жағдайы қарап және Дастархан жасау дайындап той жасағаннан соң кететін болды.

Осы адамдардың жағдайын түсінгеннен бері Қазақстанға бару туралы шешімдері 2 түрлі нәрсемен байланысты: 1-ші Қазақстанға кету үшін Моңғолияда қалған туыстары, малдарының жағдайы қалай болады дегенді ойлап шешеді.

2-ші де уақытша жұмысшы болу үшін Қазақстанда тұрған туыстарымен байланысу арқалы жұмысты табады. Сондақтан кейбір адамдардың туыстарымен байланысы жоқ болғандықтан Қазақстанға бара алмайды. 2015 жылы 5-нші айда С деген Улаанхустағы малшы 24 жасты жігіті Қазақстанға жұмыстау үшін Өлгийге келді. Бірақ ол Жұмыс орны таба алмай, 6-ншы айда әйелмен бірге қырға қайтыпты. Туыстардың байланыстан жұмыс табуы сондай маңызды болыпжатар.

Осындай Қазақстанға барып жұмыстаған адамдардан қараса, Орал- мандар ұзақ уақыт Қазақстанда тұрмай аз уақытта ғана отырып жұмыс істейді. Сол Моңғолияда тұрып туыстары, жермен күшті байланысы сақтап, енді Қазақстанда қалың ақша табуы деген стратегиясын Қазақтары ойлып жүріп жатар деуге болады.

4. Қортынды

Осы мақаламда Моңғолиядағы Қазақтардың қоғамдың жағдайы«Қазақстанда жұмыс істеп келу» деген оқиғасы арқалы анықталынды. Мақаламда баяндалғаны Оралман емес, бір маусамда ғана уақытша Қазақстанда жұмыс істеп Моңғолияға, өзі туған жерге қайтап келетін Қазақтар көп болып жатқаны көрінеді.

Айтарлықтайы Қазақстанда да жай жұмысшыларді оралман деп атамай, ерекше мамандақты адамдарды ғана оралман деп шақырып жатар. Ока айтқандай, Қазақстанда 2000 жылдардың аяғаннан Қазақ оралмандардың сапасы маңызды бола бастады [Ока 2010: 17]. Сондақтан Оралман болуы қиын болып жатар. Сондақтан ұзақ уақыты Қазақстанда жүрмей, Моңғолияда қалып туыстардың байланысы аз уақыты ғана Қазақстанда жұмыс істеп Ақша тауып, дұрыс тәжірибені жинап Моңғолияға қайтады.

Қысқаша айтсам, аз уақыт ғана Қазақстанда жұмыс істесе де Моңғолия Қазақтары үшін қалың ақша келкді. Сонда олар «Моңғолияда қалып Қазақстанға баруы» деген стратегиясы болып жатар деуга болады. Атап өтсе, мал далада жайған малшылардай өзі мақсаты орындау үшін әрі жерге барып көшсе де соңғы өзі жерге қайтап келеді.

Осындай оқиғасын қараса ең басында жазып қойған Қазақ көшкөнмен байланысқан «Ақ сапар» деген өлеңі, Моңғолия Қазақтардың бәрі

адамдары оралман болған заманы айналасқан әні деп қазіргі Қазақтар қабылдау мүмкін.

Алғыс

Осы жайлы зерттеу мен мақала жазу үшін көмектескен Ресейдің Томск университетінің магистрі Хизат Акеркеге, және Осы конференцияға шақырған Александр Николаевич мыразыға алғыс жолдаймын. Басқа зерттеу барасында кездесіп сұхбат берген бәрі кісілерге рахмет деп айтайын.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Cynthia Werner and Holly R, Baucus 2009 Mobility and immobility in a Transnational Context: Changing Views of Migration among the Kazakh diaspora in Mongolia. Migration Letters 6(1), pp. 49-62.
2. Diener Alexander 2009 ONE HOMELAND OR TWO? The nationalization and Transnationalization of Mongolia's kazkachs. Stanford University Press.
3. Dosan Baimolda 2013 Kazakh kushi, Almaty.
4. Oka Natsuko 2010 Douhou no «kikan»: Kazakhstan niokeruzaigai Kazakh jinyobiyoseseisaku (The return of Countryman: The policy of immigration from foreign Kazakhs in Kazakhstan), Asian economy, 51(6), pp. 2-23.
5. Yagi Fuki 2014 'Performing Two Types of National Music: The Creation of Kazakh Music in Mongolia during the Socialist Era. The materials of the International scientific conference «Social and cultural practices in Eurasia on the Imperial space», Uskemen: Kazakhstan, pp. 83-8.

Нурбекова Р.К.

XX ҒАСЫРДЫҢ 30-40 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН Өңірінен қытайға халықтың қоныс аударуы

Қазақ жерінде атқан тәуелсіздік таңы Алтай мен Атыраудың арасын алып жатқан мына дархан даланың төсін қанымен, терімен суарған ата – бабаларымыздың қасиетті күресінің заңды жемісі, нақты нәтижесі. Ғасырлар бойғы арман жүзеге асты, дербес Қазақ елі, Тәуелсіз Қазақстан Республикасы дүниеге келді. Қазақтың ұзына бойғы тарихында дәл бүгінгідей бүкіл дүние таныған, өз шекарасы, өз экономикасы, дербес саясаты бар мемлекеті болған емес. Қазақ халқы әлемдік қоғамдастықтың назарында жоғары деңгейде бұған дейін жеткен емес. Бұл біздің аса ізгі жетістігіміз. Бұл біздің жас мемлекеттілігіміздің айқын жетістігі, бұл-

барысқа тән қуатты секіріс. Бұл секіріс тарихта көптеген ақтаңдақтардың шынайы түрде зерттелуіне жол ашып отыр

Ұжымдастырудан келген қуғындау салдары, әсіресе, кәмпескелеу науқаны мен 1931-1933 жылдардағы ашаршылық кезеңі қазақ халқына айрықша жайсыздық әкелді. Мұның негізінде қазақты әуелден жайлап келген қонысынан айыру және тиесілі аймақтан көшіріп, сапырылыстыру арқылы иелігіндегі жерін пайдалану құқынан айыру, сөйтіп бүкіл даланы мемлекеттік меншікке аудару нәтижесінде қалың бұқараны өкіметке тәуелді ету саясаты жатқан еді. Қазақтар туған атамекенін тастап, алды көршілес Түрікмен, Өзбек, Қырғыз, Монғол, Қытай, Ресей елдеріне барып жан сауғаласа, біразы Иран, Ауғанстан және Туркияны асып кетті /1/.

Ф.И. Голощекиннің қазақ халқының көшпелі және жартылай көшпелі дәстүрлі мал шаруашылығын артта қалған, ортағасырлық, мәдениетсіз социалистік құрылыспен үйлеспейтін сала ретінде сипаттап, оны түбірімен өзгертіп, «социалистік» қайта құру бағытын ұстанды. Бұл қазақтың дәстүрлі мал шаруашылығына кері әсерін тигізіп, халықтың әлеуметтік жағдайына зиянын тигізетіні ескерілмеді.

Қазақстан Орталық Атқару Комитеті мен Халық Комиссарлар Кеңесінің жаңа экономикалық саясат жылдарында қалыптасқан әлеуметтік-экономикалық жағдайларды толық күйреткен 1928 жылдың 27 тамызындағы «Ірі бай шаруашылықтары мен жартылай феодалдарды тәркілеу және жер аудару туралы» декреті қазақ даласына ерекше қасірет әкелді. Бұл қаулы ауыл шаруашылығындағы қуғындау зұлматының басы болды.

Бір-бірімен сабақтаса жүргізілген тәркілеу, ет және астық өнімдерін дайындау, күштеп ұжымдастыру, зорлап отырықшыландыру саясаттары дәстүрлі мал шаруашылығын толығымен күйретті. Қазақ халқының ғасырлар бойы қалыптасқан күн-көрісі болып келген көшпелі және жартылай көшпелі мал шаруашылығына негізделген мал шаруашылығының ерекшеліктерін ескермеу, оған зиян келтіру қазақ халқының аштыққа ұшырап, қырылуына тікелей әсер етті. Орталықтың күштеу саясатының салдарынан жасанды ашаршылық туындап, халқымыз бұрын-соңды болып көрмеген демографиялық зұлматқа-геноцидке ұшырады. Үш жылға созылған ашаршылықта республикада сол кездері қазақ жұртының тең жартысына жуығы қырылып, 15 пайызы Қазақстаннан тысқары аймақтарға біржолата оралмастардан көшіп кетуілеріне әкеп соқты.

1929 жылы қараша айында Орталықтың нұсқауымен Қазақ өлкелік партия комитетінің бюросы қазақ шаруаларын жоспарлы түрде отырықшылыққа көшіру жөнінде арнаулы қаулы қабылдады. Шұғыл түрде

1930 жылдың қаңтарында республика Халық Комиссарлар Кеңесінің жанынан отырықшыландыру комитеті құрылды. Ауа көшушілік бүкіл республика бойынша жаппай сипат ала бастады.

Осыған байланысты Қазақ Халық Комиссарлар Кеңесі 1931 жылы наурызда «Қазақстан жерінен ауа көшумен күрес туралы» қаулы қабылдап, көршілес республикалардың үкімет басшыларына жедел хаттар жолдады. 1931 жылдың 7 ай ішінде Қаржы комиссариатының мәліметінде Түркіменстан, Өзбекстан, Тәжікстан, Орал, Сібір, Қытайға және Еділ бойына 213 мың қазақтардың жер ауа көшкендігі айтылады.

Қазақстандағы зорлап ұжымдастырудың қара дауылы жайлап өткен кейбір ауылдарда тігерге тұяқ қалмай адамдардың өмірі мезгілсіз қиылды. Ақырында өзінің туып өскен жерінде күн көрістің амал-айласы қалмағанына көздері жеткен халықтың алдында бір-ақ жол қалды, ол жаппай басқа жақтарға ауа қоныс аудару еді.

Көптеген мұрағат деректері Қазақстандағы ашаршылық апаты 1927-1928 жылғы жұттан кейін-ақ басталғанын көрсетеді. Қазақстандағы қиыншылық жағдайлардан өз ішіндегі көші-қон жағдайларының күшейе түсуінің қазақ халқына әкелген ауыртпашылығы өз алдына, үкімет тарапынан жүргізілген қуғындау салдарынан және аштықтан қорыққан қазақтар республикадан тысқары жерлерге, Қазақстанмен көршілес республикаларға және одақтас мемлекеттерге, арғысы шетелдерге жаппай көше бастады.

1931-1933 жылдарда болған қызыл қырғыннан барлық шығын-3 миллион адам және қызылтабан босқыншылығынан барша халықтың 1900 мыңы шетке қарай біржолға үдере көшкен. 1930 жылдың басынан 1931 жылдың ортасына дейінгі кезеңде ғана Қазақстан жерінен 281280 шаруа қожалығы көшіп кетті, олардың елеулі бөлігі Қытай, Иран, Ауғанстанның жеріне ауып барды. Олардың ішінде 200 мыңға жуығы Қытайға, Ауғанстанға, Иран мен Түркияға өтіп кетті.

Бүгінгі тарихымыздағы ақтандақ тақырыптың бірі-сан мыңдаған қазақтың 1929-1932 жылдары республикадан сыртқы көші-қонға байланысты Қытай астып кетуі. Демек, 1931-1932 жылдары аштыққа ұшыраған қазақтарға өкімет тарапынан болған қысымға шыдамаған Тарбағатай өңіріндегі бір дүйем ел Қытайға өтіп кетуге әрекет жасапты. Бұл негізінен Көкпекті, Ақсуат, Аякөз, Үржар елді мекендерінің халқы болатын. Шекарада қызылдар оқ боратып, одан аман қалғандарын осы өңірді мекендеп, өмір сүруге күштейді. Яғни, Ақсуаттың құт-береке дарыған Қызылтас, Қызылкесек өңірінен жер ауған біршама жұрт шека-

рада тоқталып, Көкталға әкелінді. Олардың сол кездегі ұзын саны 500 отбасын құраса керек. Бұл дегеніміз 1374 адамдар болғаны көрінеді. Ал енді тарих ғылымдарының докторы, профессор Т.Омарбеков «20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті» атты еңбегінде ол шетелге кеткендер жайлы, соның ішінде, Қытаймен шекаралас аудандарына қысқаша сипаттама береді. 1931 жылы бұлардың жалпы саны 11 болды (бұрын 16 болды). Олар: Алакөл, Лепсі, Жәркент, Кеген, Катон-Қарағай, Зайсан, Тарбағатай, Үржар аудандар, сондай-ақ, Талдықорған және Ақсу аудандарының шекараға жақындау бір бөліктері еді. Шекаралық аудандардағы халықтың жалпы саны 1931 жылы 505,701 адам, яғни Қазақстан халқының 7,33 пайызы болды. Ал олардың әлеуметтік құрамы төмендегідей еді: жұмысшылар-25510 адам, қызметкерлер -25318, ұжымшаршылар-228387, кедейлер мен батырақтар-101924, орташалар-79264 және кулақтар-45298 болған екен. Сонымен бірге, осы құжатта шекаралық аудандардағы халықтарының ұлттық белгілері де берілген. Яғни, 66,1 пайызы-қазақтар, 33,35 пайызы еуропалық ұлттардың өкілдері және 0,55 пайызы Орта Азия халықтары болатын, яғни шекаралық аудандардағы қазақтар саны-334.368 адамдар екендігі байқалады /2/.

Қытайға өткендер арасында әр түрлі ұлт өкілдері болды. Бірақ, негізінен Қытай асқандар-қазақтар болатын. ОГПУ мәліметі бойынша 1931 жылдың күз айларында Батыс Қытайдағы босқындар саны 60 мыңға жуық, ал соңғысының дерегі бойынша көрсетілген мерзімге дейін Қазақстанның шекаралық аудандарындағы халқы 87 мыңдай адамға азайған. Егер тарихи шындық осы деректердің ортасында жатыр деп қарасақ, Батыс Қытайға өткен қазақтар саны шамамен 70 мың адам деуге болады.

Сонымен бірге, Иран, Ауғанстан, Түркия жеріндегі қазақтар – Қытай жері арқылы барғандар еді.

XX ғасырдың 20-30 жылдары шетелдегі қазақ диаспоралары да көші-қоннан көз ашқан жоқ. Бұл, ең алдымен Қытай жеріндегі саяси оқиғаларға байланысты еді. Қытай еліндегі аумалы-төкпелі саяси жағдайлар сол ел аумағында тұратын қазақтардың кейінгі тағдырына тікелей әсер етті. Ұрпағын, ұлтын сақтап қалу мақсатында қазақтардың бір бөлігі Алтай асып Монғолия жеріне барып қоныс тепті. Ал енді бір бөлігі Қытай билігімен шайқаса отырып Тибет, Такламакан арқылы Үндістан, Пәкістан жеріне барып қоныс тебеді. Олардың саны 10 мың маңайында еді. Бұл 1940 жылдары болған. Үндістан, Пәкістан жерінде тұрақты қоныстай алмады. Көбі жол азабын көрді, жол бойы соғысты да,

нәтижесінде сол адамдардың жартысына жуығы қырылды.

1959 жылы шет елдердегі қазақтардың басым бөлігі Қытайда 580000-і, яғни 13,5 пайызы, Монғолияда 39000-і, демек 0,9 пайызы, Ауғанстанда 3000-і, яғни 0,1 пайызы, ал Түркияда 2000-і демек 0,1 пайызы қазақтар болған екен.

Сол кездегі республикадағы жүргізілген құйтырқы солақай саясаттардың кесірінен қазақ халқының әлеуметтік демографиялық жағдайларының өзгерістерге ұшырағанын байқатады.

Көшпелі және жартылай көшпелі қазақ шаруаларын қысқа мерзімде жедел түрде жаппай жоспарлы отырықшыландыру жұмысы сәтсіздікке ұшырады, дәстүрлі шаруашылық заңын ескермей жасаған жоспардың орындалмағанын айтқанда, ол қазақ халқының ата-қоныстарынан ауа көшулерін үдетіп, оларды сергелдеңге салып, босқыншылыққа ұшыратты.

Ұжымдастыру, қоныс аудару, шекаралық аудандарда күшті болғандықтан жергілікті жердегі қиыншылықтардан қазақтардың жаппай босу процесін көруге болады. Еріксіз ұжымдастыру кезінде мал-мүліктері тәркіленіп, өздерін тап жауы ретінде жер аударып, орны толмас ауыр қиыншылықтарға кездесіп, бұл саясатқа наразы болған халық Қытай ауып, сол елден пана іздей бастады.

Шығыс Қазақстан өңірі бойынша ұжымдастыруға қарсылық, халықтың жаппай Батыс Қытайға босуымен білінді. Әсіресе 30-жылдары Зайсан өңірінен Қытай заставасы арқылы 360 отбасы, 8600 бас малымен, Дзимунай кентіндегі застава арқылы Сауыр тауларынан барлығы 2363 отбасы, 22821 малымен, Таргоут ауданында 240 отбасы 6000 мал басымен, Тарбағатай ауданының Дүрбілжің уезінің шекаралық белдеуінде Таңғытқа 865 отбасы 14200 мал басымен өткені мәлім болған /3/.

1930 жылдың ақпанынан желтоқсанына дейін Тарбағатай, Зайсан, Күршім, Катон-Қарағай өңірінен 3988 отбасы 51681 мал-мүлкімен Батыс Қытайға қоныс аударған.

Мемлекеттік комиссияның тексеру мәліметтеріне қарағанда: 1930 жылы Зайсаннан – 1238, Марқакөлден – 61, Тарбағатайдан – 47, барлығы 1716 шаруашылық; ал қайта ұсталғандар Зайсаннан – 518, Марқакөлден – 21, Тарбағатайдан – 221, барлығы – 760 шаруашылық болған /4/.

1931 жылғы 6 сәуірдегі №103 өте құпия ақпараттарда Зайсанға жалпы шекаралық аудандарға берілген нұсқауда 1930 жылы Қытайға кедейлердің, орташалардың қоныс аударуы орын алғаны көрсетілген. Бұл шаралардың іске асуы бай-қулақтар тарапынан өте күшті қарсылыққа кездесті. Синыцзянның Тарбағатай және Алтай округтарына Кеңес өкіметінен қашып келгендердің үлкен толқынын қабылдап, қамтуы өте

қиын болды. Ондағы азық-түліктің жетіспеу жағдайы шиеленіскені сонша, аштық қаупі туды. Синьцзянның Шәуешек сияқты қалаларының көшелерінде аш адамдар көп болған. Олардың түрі күңгірт, аштықтан қалжыраған тірі өлік бейнесінде болған, сөйлемеген, сұрамаған, тек әрбір келе жатқан адамдарға қолдарын созған. Әр күн сайын осы көмексіз аш адамдардың өліктерін, таң ата арбамен тері шалқыштары бар ұйғырлар келіп, жинап, мұсылман зиратына қарай әкеткен. Бұлардың көбі, Шығыс Қазақстанның шекаралық аудандарынан кеткендер еді /5/.

1931 жылы Тарбағатай ауданынан көшкен жиыны 637 отбасы, 2541 адам, 1446 малымен шекарадан өткен /6/.

1930-31 жылдары бұқаралық көшудің себебі репрессиялар да болды. Осы жылдары Большенарым ауданынан 220 шаруашылық Қытайға қоныс аударған /7/.

1931 жылы Күршім аудандық партия комитетінің мәжіліс хатында 433 отбасының Қытай асып кеткендігі жөнінде айтылған /8/.

Қарастырылып отырған кезеңде барлығы: 5439 отбасы; Тарбағатай, Зайсан, Күршім, Марқакөл, Катон-Қарағай аудандарынан Батыс Қытайға 27195 адам қоныс аударғандығын көруге болады.

Үкіметтің қоныс аударуға тиым салу шараларына орай, Қазақ АКСР-інің кулак-бай шаруашылықтарымен күрес және ескерту шаралары жөніндегі қаулысында Қытайға көшуге жасырын жиналып жүрген кезінде ұсталған байлар мен кулактарды, көшуді ұйымдастыруға ниеті, нақты мағлұматтары барларды, отбасыларымен мүліктері шекарадан жіберіліп қойғандарды, отбасы иесі көшіп кеткен байлар мен кулактарды отбасыларының мүшелерін шекаралық белдеуден 100 шақырымға қоныс аударту көзделді. Шығыс Қазақстандағы шекарадан 100 шақырым жатқан Самар ауданының жеріне қоныстандырды /9/.

1930 жылы өкімет малды ұжымдарға алып, байлардың малдары тәркіленді, кейбіреулерін 10-15 жылға түрмеге жапты, жер аударды. Осы кезеңде кей байлар Қытайға қашты. Үкімет оларды «банды» деп шықты. 1931 жылы тауларда «банды» мен НКВД-ның арасында шайқастар болып тұрды. «Бандыны» да құрағандар негізінен кедейлер еді. Олар малды Қытайға айдап әкетіп отырды. «Бандылар» шындығында өлімнен қашқан азаматтар еді. Олар түнде кей үйлерге мал әкеліп беріп жүрген. Аштық 1930 жылы басталды. Астық шықпады, малды алып жеп қойды. Жиналған астықты белсенділердің туыстары күзетті. Сондықтан аштық кезінде олар аман қалды. Аштық 1932 жылы да созылды. Аштық басталғанда халық тамақ іздеп Зырян, Большенарым, Катон-Қарағай жаққа жаяу жалпылай шұбырып кетеді. Мысық, ит, тараққұйрықты жеген. Аш адамдардың бет-

аузы ісіп, күп болып кеткен. Ит асып жегендер 10-15 күнге жетпей өлген. Адам жегендер де болған деген деректер де бар /10/.

Тарбағатай ауданы кеңес қызметкерлері контрреволюциялық «Оңшыл Ұлтшыл Ұйым» мүшелерін ұстайды. Бұл іс бойынша ауданның барлық басшы қызметкерлері жауапқа тартылады. Оларға тағылған кінә: шаруашылық-саяси маңызды науқандарды өткізуге қарсылық, барлық мал-мүлкімен Батыс Қытайға көшіруді ұйымдастыру болды.

Әкімшіл жүйенің, үкіметтің нұсқауымен халыққа жүргізген солақай саясаттың әсерінен бандыға балағандармен тартысын аңғару қиын емес. Әміршілдіктің асыра сілтеуімен Қазақстан халқының 15 пайызы тысқары аймақтарға біржолата қайтып оралмастан көшіп кетті /11/.

Қытайға қоныс аударғандардың жергілікті кеңестер құжаттары негізінде, басым көпшілігінің жер аударылған кулак-бай деп тәркіленген отбасылары екенін аңғару қиын емес. Бұл жағдайдың жалпы көрінісін Шығыс Қазақстан өңірі жағдайында, бай-кулакқа 8946 отбасының жатқызылғанын көруге болады.

Халықтың едеуір бөлігі басы ауған жаққа шұбырды. Апат жылдарының аласапыранында шекаралас аумақтарға зор ауқымда шұбырғанын 1926-1939 жылдардағы санақ мәліметтері айқындайды. Егер 1926 жылы көршілес республикаларда 314 мың қазақ тұрып жатса, 1939 жылғы санақта 194 мың екендігі көрсетілген /12/.

Өңірдегі ұжымдастыруға қарсылық Қытайға қоныс аудару арқылы білдірілді.

Жүздеген жылдар бойы желісі үзілмеген сабақтастық қара шаңырақты ұстап қалған қазақтарға ақыл мен қайратты, ыстық жүрек пен сабырды молынан дарытып, жүз жыл жоңғарлармен соғысқанда, 260 жыл отарлау мен тоталитаризмнің қыспағында қалғанда дұшпанына жер бетінен жойып жіберуге мүмкіндік бергізбеді. XX ғасырдың 30-жылдарындағы көршілес Қытайға халықтың қоныс аударуының салдары, бүгінге күнге дейін отандастарымыздың тарихи тағдырына өзінің белгісін қалдырып кетті. Қазақ мың өліп, мың тірілді, XXI ғасыр қарсаңында азаттыққа қол жеткізді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Назарбаев Н.Ә. Қазақстан көш бастап келе жатыр. //Айқын. №6. 235 (14/16); 2009, 16 желтоқсан.
2. Abai.kz
3. Омарбеков Т. Қазақтардың Қытай асуы: дақпырт және шындық . //Қазақ

әдебиеті. -1991. -24 сәуір.

4. Мұқанов С. Елу жылда ел жаңа. // Өркен, 1978. -12 қаңтар. -3 б.

5. ШҚОММ, 788 қор, 1 тізбек, 131 іс, 149 парақ.

6. ШҚОММ, 788 қор, 1 тізбек, 39 іс, 48 парақ.

7. ШҚОММ, 3 қор, 1 тізбек, 9 іс, 27 парақ.

8. ШҚОММ, 1 қор, 2 тізбек, 481 іс, 79 парақ.

9. ШҚОММ, 3 қор, 1 тізбек, 441 іс, 18 парақ.

10. ШҚОММ, 279 қор, 1 тізбек, 44 іс, 12 парақ.

11. Орынтайұлы Н. Көз алдымда жас жағым. // Өркен, 1997.-20 шілде.

12. ШҚОММ, 778 қор, 1 тізбек, 155 іс, 45 парақ.

Шмидт Вальдемар

**АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КАЗАХСТАНЕ**

Вопросы связанные с историей немцев и их переселения на территорию дореволюционного Казахстана не стали предметом специальных исследований ученых, несмотря на то, что имеется огромный комплекс архивных материалов и документов, хранящихся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан, освещающих этапы, условия и взаимоотношения царской и колониальной администрации по вопросам развития религиозной и духовной, а также социально – экономической жизни немцев этого региона Центральной Азии. Казахстан, как бывшая национальная окраина царской России, впрочем и как вся Средняя Азия, в результате переселенческого движения стал территорией взаимосвязи различных этнических групп и хозяйственных укладов, центром становления и интеграции большого комплекса духовной культуры и культовых воззрений, взаимодействующих между собой. В результате вхождения этого региона в состав Российской империи, а так же все более усиливающееся переселенческое движение оказали влияние на развитие совершенно новых государственно – религиозных, конфессиональных и социально - экономических отношений, повлекших за собой изменение позиций и форм проведения царской и колониальной администрацией политики в этом регионе. Основной целью статьи является освещение тех архивных фондов и материалов Центрального Государственного ар-

хива Республики Казахстан (далее ЦГА РК), в которых отложились материалы об отношении царской администрации к немцам-переселенцам на территории дореволюционного Казахстана. Ко всему, на основе хранящихся архивных документов и материалов, можно проследить этапы в развитии этих отношений. Именно в этих архивных документах и материалах содержатся разносторонние сведения о жизни и деятельности немецких переселенцев.

В архивных материалах сосредоточились в большей степени источники, содержащие в себе факты юридического, политического, социального и статистического характера по проблеме развития немецких переселенческих поселений в дореволюционном Казахстане. Материалы о немцах, их религиозной жизни, экономическом развитии немецких колоний в Степном крае, развитии школьного образования, которое было тесным образом связано с развитием религиозной деятельности в немецких переселенческих поселениях в дореволюционном Казахстане, имеются в фонде № 64 «Канцелярии Степного генерал - губернатора», а также в фондах областных правлений: Тургайского, Акмолинского и Семипалатинского. Основная часть архивных материалов состоит из документов делопроизводства. Это прежде всего переписка с различными учреждениями, многочисленные прошения немецких крестьян – переселенцев по вопросам строительства молитвенных домов в переселенческих поселениях; переписка Степного генерал – губернатора с уездными начальниками по вопросам развития сектанства в немецких переселенческих поселениях. Материалы фонда интересны также в плане того, что в них имеются многочисленные отчеты генерал – губернатора Степного края, а также губернаторов Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областей, в которых дана общая характеристика состояния Степного края, сведения о составе и численности его населения по национальному признаку, его религиозно – культурному состоянию. В фонде отложилось огромное количество материалов по переселенческому вопросу: отчеты переселенческих управлений, статистические данные о росте переселенческого движения в пределы Степного края, сведения и материалы по оказанию помощи переселенцам из числа немцев, прошения крестьян немцев – переселенцев по религиозным вопросам. В фонде также сосредоточены материалы и сведения по вопросам религиозной жизни в среде немцев – переселенцев в дореволюционном Казахстане.

К числу этих материалов относится переписка военного губернатора Акмолинской области с Департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий, затрагивающая различные вопросы религиозной

жизни немецких переселенцев. Кроме этой переписки имеются также документы переписки Степного генерал – губернатора с акмолинским губернатором по вопросам распространения различных сектанских учений в пределах Акмолинской области и других районах Степного края. Основная часть этих архивных материалов, отражающих данное историческое явление, находится в фонде 64, деле № 1135. Интересны также сведения о назначении пасторов в молитвенные дома в переселенческих поселениях. Содержательные сведения по этому вопросу имеются в деле № 1255 вышеназванного фонда. В архивном деле сосредоточены материалы ведомственной переписки между различными служащими по этому вопросу. Во многих архивных фондах ЦГА РК имеются также сведения о мероприятиях царской и колониальной администрации в отношении немецкого населения Степного края в годы перед Первой мировой войной. К числу таких архивных дел относится «Дело о прекращении переселения на переселенческие участки Степного края немцев – переселенцев, состоящих в русском подданстве». В деле отложились сведения об оценке немецкого населения края, материалы, касающиеся усиления политики русификации в их среде. Значительный комплекс документов архива затрагивает вопросы религиозной жизни среди меннонитов. В этих архивных материалах сосредоточены сведения о районах существования поселений меннонитов в Степном крае. Имеется также переписка уездных начальников с Канцелярией Степного генерал-губернатора о состоянии поселений меннонитов.

Значительный комплекс архивных материалов фонда затрагивает вопросы о развитии школьного образования в переселенческих поселениях меннонитов дореволюционного Казахстана. Также имеются сведения в этом архивном фонде, касающиеся вопросов воинской повинности среди меннонитов Степного края. К числу этих материалов принадлежит переписка между Главным управлением землеустройства и земледелия и губернатором Акмолинской области с уездными начальниками по вопросам воинской обязанности среди меннонитов. По вопросам развития католической конфессии в дореволюционном Казахстане особую значимость приобретают материалы архивного дела № 943.

Более существенные материалы о развитии религиозной жизни и сектанстве среди немцев Степного края находятся в фонде «Акмолинского областного правления». Документы «Акмолинского областного правления» представляют несомненный интерес при исследовании темы истории немцев – переселенцев в Казахстане в дореволюционный период. В этом фонде отложились документальные материалы, охваты-

вающие период с 1900 по 1917 год, в котором также содержится много информативных источников не только о социально – экономической, но и конфессиональной жизни среди немцев – переселенцев, а также о развитии сектанских течений в их среде. В материалах архивных дел этого фонда можно найти конкретную информацию о лютеранах, католиках, меннонитах, а также о развитии сектанского движения: баптистах, адвентистах, штундистах. В архивном фонде имеется много документальных материалов, которые непосредственно касаются развития сектанских течений среди немцев дореволюционного Казахстана. К числу таких архивных дел следовало бы отнести материалы дела № 2982 и № 2983.

В этих архивных делах сосредоточены источники материалы, касающиеся просьб представителей сектанских течений о разрешении строительства молитвенных домов, переписка различных учреждений края по этому вопросу. В плане рассмотрения вопросов о развитии сектанства в Акмолинской области важное значение приобретают материалы архивного дела № 3097. В частности, в этом деле сосредоточены сведения о наличии баптизма и его негативном влиянии на православное население области. Одним из наиболее значимых дел в изучении развития баптизма в пределах Степного края являются материалы, помещенные в архивном деле № 3419. В нем находятся материалы переписки генерал - губернатора Степного края с акмолинским губернатором по вопросам распространения различных сектанских движений в пределах Акмолинской области, а также в других регионах края. В фондах ЦГА РК по интересующей теме имеется достаточное количество архивных материалов о баптистах и их заявлениях по вопросам строительства молитвенных домов и назначение в их поселения духовников. Большое количество архивных документов раскрывает отношение царской и колониальной администрации к секте баптистов, существующей в дореволюционное время на территории Казахстана, а также отношение Православной церкви и православного населения Степного края к баптизму.

В этом фонде имеются сообщения об организации церковного прихода на Алексеевском земельном участке Омского уезда Акмолинской области и обширная корреспонденция по этому вопросу. Интересные сведения об экономическом, культурном и религиозном состоянии переселенческих немецких поселений по уездам Акмолинской области имеются в архивном деле № 8820. В этом архивном деле имеются статистические материалы о наличии молитвенных домов в переселенческих немецких поселениях Акмолинской области. Кроме этого эти архивные

материалы интересны также и потому, что дают информацию о национальном составе переселенческих поселений. Надо отметить, что в до-революционном Казахстане в большей мере существовали смешанные поселения немцев с другими национальностями. В этом архивном деле имеются также сообщения о лютеранских и католических приходах по уездам Акмолинской губернии.

Документы, хранящиеся в этом деле, во многом характеризуют состояние взаимоотношений этих приходов с колониальной и царской администрацией. В архивном деле 9487 отложились статистические сведения об экономическом состоянии немецких переселенческих поселений в Акмолинской губернии, телеграммы уездных начальников, корреспонденция различных ведомств и правительственных учреждений по вопросам борьбы с «немецким засильем» в пределах Степного края, различные разъяснения касательно «ликвидационных законов» от 2.02.1915 и 13.12.1915 года, а также различные циркуляры Министерства внутренних дел к губернатору о проведении этих законов. В фонде 369 также имеется переписка губернатора Акмолинской области с уездными и крестьянскими начальниками по вопросам наличности различных типов школ. Во многих архивных делах этого фонда имеются сведения, раскрывающие негативное отношение колониального управления к вопросам развития школ среди немецких переселенцев Степного генерал – губернаторства. Эти документальные материалы сосредоточены в архивном деле № 8820. Управление школами на местах осуществлялось местными административными органами. Документы органов административного управления позволяют проследить проведение политики русификации по отношению к немецкому населению Степного генерал – губернаторства. В этом фонде имеются материалы переписки Министерства внутренних дел и Департамента духовных дел с губернатором Акмолинской области по вопросам учета меннонитов в крае; материалы переписки губернатора Акмолинской области с генерал – губернатором Степного края, а также с различными административными органами. Материалы этого фонда интересны также и тем, что в них сосредоточен перечень деревень на территории Степного края. Имеются в этом фонде не безинтересные сведения о наличии молитвенных домов различных вероисповеданий среди немцев в Омском уезде Акмолинской области перед революцией 1917 года. Помимо этого в нем отложились определенные статистические сведения о количестве немецкого населения в этих переселенческих поселениях.

По вопросам переселения, социально – экономической и религиозной жизни немецких переселенцев на территории Тургайской области в

дореволюционный период важное значение приобретает фонд № 25 ЦГА РК «Тургайское областное правление». В архивном фонде имеются сведения о столкновении немцев – переселенцев с русскими переселенцами на участке Надеждинском Кустанайского уезда Тургайской области. Материалы этого архивного дела состоят из переписки уездного начальника переселенческого участка Надеждинский с губернатором Тургайской области по этому вопросу. Помимо этого в данном архивном фонде имеются сообщения и материалы об отношении служащих местных административных органов к различным сектанским движениям в среде немцев – переселенцев на территории Тургайской области. Солидный источниковый материал имеется также о развитии школьного дела для немцев-переселенцев в Тургайской области дореволюционного Казахстана.

По вопросам организации переселенческого дела, развитию образовательных учреждений для немцев переселенцев, их религиозной жизни в Семипалатинской губернии особое значение приобретают материалы фонда № 469 – «Семипалатинское областное правление». В этом фонде сосредоточены материалы переписки Ведомства православного вероисповедания с губернатором Семипалатинской области; переписка губернатора с уездными начальниками области по вопросам организации в немецких переселенческих поселениях школ, о языке преподавания и предметах. Значительный комплекс документов этого фонда затрагивает вопросы развития школьного образования в переселенческих поселениях меннонитов. Архивное дело № 103 этого фонда содержит материалы о переселенческом движении в пределы Семипалатинской области. В этом архивном деле собраны документальные и источниковые материалы следующего характера: циркуляры и распоряжения Главного управления землейстройства и земледелия. Важнейшие материалы о конфессиональной принадлежности населения Семипалатинской губернии содержатся в материалах фонда № 460 «Семипалатинского статистического комитета»

Подводя итог характеристике архивных фондов и дел Центрального Государственного архива Республики Казахстан по вопросам исторического прошлого немецкого населения в пределах дореволюционного Казахстана, можно выделить следующие типы документов: законодательные акты, определяющие задачи, формы и методы проведения политики царской и колониальной администрации в отношении немцев – переселенцев. Кроме этого к документальным материалам архива следовало бы отнести источники, которые характеризуют конкретные мероприятия и деятельность административных и управленческих органов в реализации

основных моментов общей политики в отношении немецкого населения дореволюционного Казахстана.

Также в описанных фондах ЦГА РК имеются документы, освещающие роль репрессивных мероприятий со стороны царской и колониальной администрации в дореволюционном Казахстане в отношении немцев – переселенцев, их форма, масштабы и последствия этих репрессивных мероприятий для дальнейшего развития этой этнической группы. Завершая эту статью, хотелось бы отметить, что архивные фонды и дела ЦГА РК имеют разнообразную источниковую информацию и могут служить подспорьем в изучении и разработке важнейших аспектов исторического прошлого немецкого населения региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См. Шмидт Вальдемар: Из прошлого немцев дореволюционного Казахстана. Особенности политики царской и колониальной администрации в последнее десятилетие XIX – начале XX века. Исторический очерк. Усть – Каменогорск 2015
2. Степной край был организован в 1882 году. В его состав вошли Акмолинская, Семиреченская и Семипалатинская области. С 1889 года находился под управлением генерал -губернатора Туркестанского края с центром управления в Омске. К 1917 году был ликвидирован.
3. ЦГА РК Ф-И 64, Оп. 1, Д.1135
4. ЦГА РК Ф – И 64, Оп. 1, Д. 1255
5. ЦГА РК Ф – И 64, Оп. 1, Д. 2695 а
6. ЦГА РК Ф-И 64, Оп.1, Д. 3920
7. ЦГА РК Ф – И 64, Оп.1, Д. 4785
8. ЦГА РК Ф-И 64, Оп. 1, Д. 943
9. Шмидт Вальдемар: Архивный фонд Акмолинского областного правления как источник по изучению вопросов религиозной жизни немцев дореволюционного Казахстана. По документам Центрального Государственного архива Республики Казахстан, в: «Вестник архивиста»№ 4(2012), с. 288
- 10 . ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д. 2982 «Дело о прощении баптистов, штундистов», а также ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д. 2983 «Дело по прощению баптистов Омского уезда»
11. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д. 3097 « Сведения о росте сектаества в Акмолинской области и его ярких проявлениях»
12. Баптизм (от греч. «погружаю в воду») возник в начале XVII века в Англии. Баптисты придерживались принципа спасения души через покаяние и личную веру, практиковали активную мессианскую деятельность. Появление баптизма в Российской империи было обусловлено эмиграцией немцев из Германии, позднее их внутренними миграциями в пределах Российской империи в националь-

ные окраины. В Россию баптизм из Германии проник в 1860 – х годах и имел первоначально успех среди немецких колонистов. Регионами распространения в России в 1860 – е году являлись регионы Украины и Закавказья.

13. ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д.3419 «Переписка Акмолинского губернатора»

14. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д. 3929

15. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д.3054

16. ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 3225

17. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д. 8820

18. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д.9487

19. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д.9137

20. ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 8820

21. См. Черказьянова И.В.: Школьное образование российских немцев. Санкт – Петербург 2004, с. 48

22. ЦГА РК Ф-И 369, Оп.1, Д. 6039

23. ЦГА РК Ф-И 25, Оп.1, Д. 1518

24. ЦГА РК Ф-И 25, Оп.1, Д.804

25. ЦГА РК Ф-И 25, Оп.1, Д.49

26. ЦГА РК Ф-И 469, Оп.1, Д.41

27. ЦГА РК Ф-И 460, Оп.1, Д.53

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеевко Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Акрамова Шахноза Ганишеровна – научный сотрудник научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете, Узбекистан, Ташкент.

Аннакулиева Гульнара Атаевна – кандидат экономических наук, доцент UIB, председатель Туркменского ЭКО, член Совета АНК, Алматы, Казахстан.

Аскарова Мухаббат Иброхимовна – старший научный исследователь Научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете, Ташкент, Узбекистан.

Бабиров Руслан – научный сотрудник городской библиотеки имени О.Бокея, Усть-Каменогорск, Казахстан

Батыкова Әлия – студентка Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан

Биханова Алмагуль Советкановна, Филиал Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск

Буканова Жанар Каликановна – руководитель Центра «Рухани жаңғыру» Казахстанского института общественного развития «Рухани жаңғыру», г.Нур-Султан, Казахстан.

Бургарт Людмила Александровна – магистр истории, референт-переводчик Римско-католического прихода Пресвятой Девы Марии Святого Розария, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Валитова Зульфия Хафизовна – кандидат социологических наук, доцент Карагандинского университета им. Е. Букетова, Караганда, Казахстан.

Винокурова Елена Ивановна - магистр истории, старший преподаватель Казахской академии спорта и туризма, Алматы, Казахстан.

Габдрахманов Нияз Камилевич – кандидат географических наук,

старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Галиев Ануар Абитаевич – доктор исторических наук, профессор КазУМОиМЯ им. Абылайхана, Алматы, Казахстан.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по науке и международным отношениям Иркутского государственного университета. г. Иркутск, Россия.

Джаббарова Шаира Гаффаровна – кандидат экономических наук, зав. сектором НИЦ «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при ТГЭУ, Ташкент, Узбекистан.

Егоренкова Елена Николаевна – старший преподаватель Казахстанско-Американского Свободного Университета, Усть-Каменогорск, Казахстан, аспирант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Есимова Айгуль Бегеновна – кандидат исторических наук, доцент Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Шымкент, Казахстан.

Есимханова Дидара Муратовна – магистр психологии, докторант 1-года обучения специальности «История» Восточно-Казахстанского университета имени Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Игнатьева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

Калиева Каниша Советкановна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, зав. отделом организационно-контрольной работы ВК областного филиала партии «NurOtan», Усть-Каменогорск, Казахстан.

Кыдырбекулы Дулатбек – доктор политических наук, профессор IT Университета, Алматы, Казахстан.

Лысенко Юлия Александровна – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Лысенко Марина Федоровна – Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Мусаева Эльвира Абышкызы – старший преподаватель Карагандин-

ского экономического университета Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан.

Нурбекова Раушан Калымбековна - кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Нурмухамбетова Ардак Сериковна – магистрант 2-года обучения специальности «История» Восточно-Казахстанского университета имени Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Омірзақ Тамерлан Ержанұлы – младший научный сотрудник Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Поплыко Владимир Иванович – кандидат экономических наук, доцент Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.

Рахматулина Евгения Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Столярова Лилия Викторовна – кандидат философских наук, профессор Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, доцент Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Сулайманов Жоомарт Мурзаевич – кандидат философских наук, доцент Ошского государственного университета, Ош, Кыргызстан.

Тарасова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, науч. сотрудник Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Тойбаев Асхат Жунисович - докторант Восточно-Казахстанского университета имени С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан

Тукпаева Айгерим Муратовна – студент Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского технического университета им.Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Фуки Яги – магистр Японского университета области Шига, Япония.

Шмидт Вальдемар – магистр истории Университета Регенсбург, Германия.

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Алексеевко А.Н., Аубакирова Ж.С.</i> <i>ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX в. ...</i>	3
<i>Алексеевко А.Н., Омирзак Т.Е.</i> <i>ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СУВЕРЕННОГО КАЗАХСТАНА .....</i>	9
<i>Акрамова Ш.Г.</i> <i>ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ .....</i>	16
<i>Аннакулиева Г.А., Кыдырбекулы Д.</i> <i>ТУРКМЕНЫ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ .....</i>	21
<i>Аскарлова М.И.</i> <i>ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА</i>	36
<i>Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О., Нурмухамбетова А.С.</i> <i>КАЗАХСКАЯ СЕМЬЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ .....</i>	42
<i>Бабиров Р.А.</i> <i>ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА В СУВЕРЕННЫЙ ПЕРИОД .....</i>	46
<i>Батыкова А. Е., Мусаева Э.А.</i> <i>ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ГЕОСАЯСИ ЖАҒДАЙЫ: ТАРИХИ ТАЛДАУ МЕН ДАМУ БОЛАШАҒЫ .....</i>	56
<i>Биханова А.С.</i> <i>К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ) .....</i>	64
<i>Буканова Ж.К., Калиева К.С.</i> <i>ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОЛОДЕЖИ .....</i>	71
<i>Бургарт Л.А.</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС САМООРГАНИЗАЦИИ НЕМЦЕВ-КАТОЛИКОВ КАЗАХСТАНА В СЕРЕДИНЕ 60-х – НАЧАЛЕ 90-х ГГ. XX В. ....</i>	85

<i>Винокурова Е.И.</i> <i>ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ</i>	96
<i>Гончаров Ю.М.</i> <i>ТИПОЛОГИЯ СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ СЕМЕЙ</i>	102
<i>Галиев А.А.</i> <i>ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА</i>	110
<i>Григоричев К.В.</i> <i>ЭВОЛЮЦИИ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ</i>	116
<i>Джаббарова Ш.Г.</i> <i>ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i>	123
<i>Егоренкова Е.Н.</i> <i>К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКИ КАК ОСОБОЙ ГРУППЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ЭТНОСОЦИАЛЬНЫМ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ ПРОЦЕССАМ (НА ПРИМЕРЕ «ОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)</i>	132
<i>Есимова А.Б., Валитова З.Х.</i> <i>ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ</i>	141
<i>Игнатьева Л.Н.</i> <i>РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КАЗАХСКОЙ ССРС В 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА</i>	146
<i>Краснобаева Н.Л.</i> <i>МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА</i>	153
<i>Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф.</i> <i>ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.</i>	167

<i>Мусаева Э.А.</i> <i>ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ АЙМАҚТАРЫНЫҢ</i> <i>ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫМЕН ӘКІМШІЛІК-ТЕРРИТОРИЯЛЫҚ</i> <i>БӨЛІНУІ</i>	176
<i>Өмірзақ Т.Е., Алексеенко А.Н., Тойбаев А.Ж.</i> <i>ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА КАЗАХСТАНА: ПОТЕНЦИАЛ И</i> <i>РИСКИ</i>	191
<i>Поплыко В.И.</i> <i>АНАЛИЗ ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СТАР-</i> <i>ШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛА-</i> <i>РУСЬ</i>	203
<i>Рахматулина Е.Ю.</i> <i>ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ УЙГУРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КА-</i> <i>ЗАХСТАНЕ</i>	209
<i>Сарафанов Д.Е.</i> <i>ИЗУЧЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА В XIX В.</i> <i>(АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ</i> <i>КНИГ)</i>	219
<i>Сарсембаева Г.А.</i> <i>УСТЬ-КАМЕНОГОРСК: СТАНОВЛЕНИЕ АВТОХТОННОГО ГО-</i> <i>РОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА</i>	227
<i>Столярова Л.В.</i> <i>ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СО-</i> <i>ТРУДНИЧЕСТВА</i>	240
<i>Столярова Э.О.</i> <i>РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНЧЕСТВА ВОСТОЧ-</i> <i>НОГО КАЗАХСТАНА: СОЦИАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИ-</i> <i>ЧИЯ</i>	245
<i>Сулайманов Ж.М.</i> <i>НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ СРЕД-</i> <i>НЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА</i>	253
<i>Тарасова Е.В.</i> <i>АЛТАЙСКИЙ КРАЙ: ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ</i> <i>НАСЕЛЕНИЯ</i>	264

<i>Тойбаев А.Ж.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	272
<i>Тукпаева А.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ГОРОДЕ	278
<i>Уалиева С.К.</i> МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В КАЗАХСТАНЕ: ЭТНОДЕМОГРА- ФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	286
<i>Фуки Яги</i> МОҢҒОЛИЯДАҒЫ ҚАЗАҚТАРДЫҢ КӨШІ - ҚОНЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ: «ОРАЛМАННАН» «УАҚЫТША ЖҰМЫСШЫҒА»	301
<i>Нурбекова Р.К.</i> XX ҒАСЫРДЫҢ 30-40 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ӨҢІРІНЕН ҚЫТАЙҒА ХАЛЫҚТЫҢ ҚОНЫС АУДАРУЫ	306
<i>Шмидт Вальдемар</i> АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГО- СУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ДОРЕВОЛЮЦИОН- НОМ КАЗАХСТАНЕ	313

Ассамблея народа Казахстана Восточно – Казахстанской области
КГУ «Дом дружбы – центр общественного согласия» аппарата акима ВКО
НЭГ АНК ВКО
НИЦ «Алтайтану» ВКУ им.С.Аманжолова
Кафедра истории Казахстана ВКУ им. С.Аманжолова
Почетная кафедра «Казахстанский путь и Н.Назарбаев» АлтГУ
(Барнаул, Россия)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

XIX Международная научно-практическая конференция,
посвященная 25-летию образования
Ассамблеи народа Казахстана
(г. Усть-Каменогорск, 4 декабря 2020 г.)

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 20.12.2020 г.

Формат 60*84/16

Усл.–печ. 41,1

Уч.–изд. л. 41,8

Тираж 150

Заказ 118

Цена договорная

Издательство «Медиа–Альянс»
070005, г. Усть–Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО «Медиа–Альянс»